

2025 № 2

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Психология и право

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия

Дворянчиков Н.В. (Россия) – главный редактор
Бовина И.Б. (Россия) – заместитель главного редактора
Коноплева И.Н. (Россия) – заместитель главного редактора
Борисенко (Нутскова) Е.В. (Россия) – заместитель главного редактора

Богданович Н.В. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибальт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафьянов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь

Захарова А.В.

Редактор и корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: psyandlaw@mgppu.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Scopus, Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издаётся с 2011 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет», 2025

Psychology and Law

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board

Dvoryanchikov N.V. (Russia) – editor-in-chief
Bovina I.B. (Russia) – deputy editor-in-chief
Konopleva I.N. (Russia) – deputy editor-in-chief
Borisenko (Nutsikova) E.V. (Russia) – deputy editor-in-chief

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary

Zaharova A.V.

Editor and proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495608-16-27

E-mail: psyandlaw@mgppu.ru

Web: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Scopus, DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:

EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSU PE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2025

СОДЕРЖАНИЕ:

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК:

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ С УЧАСТИЕМ ПСИХОЛОГА

(тематический редактор Ф.С. Сафуанов)

Сафуанов Ф.С.

Вступительное слово 1–2

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Сафуанов Ф.С., Широкова В.В.

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза
жертв телефонного мошенничества: экспертные оценки 3–18

Савина О.Ф.

Судебно-психологическая экспертиза при спорах родителей
о воспитании ребенка: понятия «привязанность» и «отношение» 19–33

Солдатова К.М.

Анализ судебных решений по преступлениям,
включающих вопрос о квалификации аффекта 34–46

Шаболтас А.В.

Этические проблемы психологической экспертизы
и междисциплинарного взаимодействия психологов и юристов 47–59

Полкунова Е.В.

Сопоставление возможностей опросника «Анализ семейных взаимоотношений»
и «Родительского сочинения» как методик для оценки родительского отношения
матерей в судебной психологической экспертизе по спорам о воспитании 60–75

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н.

Категории «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная
внушаемость» в контексте правовой оценки показаний несовершеннолетних
потерпевших по делам о сексуальном насилии 75–87

Русаковская О.А.

К вопросу о компетенции психиатра при комплексных судебных психолого-
психиатрических экспертизах родителей в спорах о воспитании детей 90–106

Переправина Ю.О.

Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения»
в рамках судебно-психологической экспертной оценки 107–123

Зейгер М.В.

Современные подходы к анализу факторов
криминальной внутрисемейной агрессии 124–139

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Колодкина Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н.

Индивидуально-психологические факторы виктимного поведения
жертв телефонного мошенничества 140–153

Мосечкин И.Н.

Личные неприязненные отношения как мотив совершения убийства..... 154–164

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н., Мильчарек Т.П.

Психопатия и обыденный садизм как предикторы антисоциального поведения:
исследование на выборке лиц, совершивших уголовные преступления 165–184

Шпорт С.В., Дубинский А.А., Проничева М.М., Розанов И.А.

Ценностно-смысловые и индивидуально-психологические
особенности личности как факторы риска девиантного поведения..... 185–206

За тематикой выпуска

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Mironova O.I., Ruonala L.A. / Миронова О.И., Рунала Л.А.

Types of social and psychological adaptations of women married with foreigners /
Типы социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак
с иностранцами 207–235

Беззубова Т.Н., Купцова Д.М.

Влияние уровня тревожности и стрессоустойчивости
на результаты тестирования на полиграфе 236–249

Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В.

Обсуждаем закон о психологической помощи:
направления и виды деятельности психолога (Часть 1). 250–264

CONTENTS:

**THEMATIC ISSUE:
ACTUAL PROBLEMS OF FORENSIC EXAMINATIONS
WITH THE PARTICIPATION OF A PSYCHOLOGIST
(thematic editor: F.S. Safuanov)**

Safuanov F.S.

Foreword..... 1–2

FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Safuanov F.S., Shirokova V.V.

Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination
of victims of telephone fraud: expert assessments 3–18

Savina O.F.

Forensic psychological examination in disputes between parents
about the upbringing of a child: the concepts of “attachment” and “attitude” 19–33

Soldatova K.M.

Analysis of court decisions on crimes,
including the question of the qualification of affect..... 34–46

Shaboltas A.V.

Ethical issues of psychological expertise and
interdisciplinary interaction between psychologists and lawyers.....47–59

Polkunova E.V.

Comparison of the capabilities of the questionnaire “Analysis of Family Relationships”
and “Parental Essay” as methods for assessing the parental attitude of mothers
in forensic psychological examination of disputes about education 60–75

Vaske E.V., Sekerazh T.N.

Categories “increased tendency to fantasy” and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony of minor victims in cases of sexual violence 76–89

Rusakovskaya O.A.

On the issue of the psychiatrist’s competence in complex
forensic psychological and psychiatric custody evaluation.....90–106

Perepravina Yu.O.

Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups
of the population” in the forensic psychological assessment 107–123

Zeiger M.V.

Modern approaches to the analysis of factors of criminal intra-family aggression..... 124–139

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Kolodkina D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova K.N.

Individual psychological factors of victim behavior of victims of telephone fraud..... 140–153

Mosechkin I.N.

Personal hostility as a motive for committing homicide 154–164

Atadzhikova Yu.A., Enikolopov S.N., Milcharek T.P.

Psychopathy and everyday sadism as predictors
of antisocial behavior in a sample of criminal offenders..... 165–184

Shport S.V., Dubinsky A.A., Pronicheva M.M., Rozanov I.A.

Value-semantic and individual-psychological
characteristics as risk factors of deviant behavior 185–206

Outside of the theme rooms

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Mironova O.I., Ruonala L.A.

Types of social and psychological adaptations of women married with foreigners..... 207–235

Bezzubova T.N., Kuptsova D.M.

The influence of the level of anxiety and stress resistance
on the results of polygraph testing..... 236–249

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V.

Discussing the law on psychological assistance:
directions and types of activities of a psychologist (Part 1). 250–264

Уважаемые читатели!

Представляем вашему вниманию новый тематический выпуск нашего журнала, посвященный актуальным проблемам судебных экспертиз с участием психолога.

Судебно-психологическая и комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертизы постоянно развиваются по мере совершенствования законодательства и социальных, экономических и политических изменений.

Актуальной проблемой в последние годы стало телефонное мошенничество, которое приобрело характер угрозы национальной безопасности. В статье Ф.С. Сафуанова и В.В. Широковой выделены возможные судебно-психологические и судебно-психиатрические экспертные оценки психического и психологического состояния жертв телефонного мошенничества, которые выступают в роли потерпевших, истцов и обвиняемых. Работа Н.В. Дворянчикова и Д.А. Колодкиной посвящена психологическим особенностям и виктимному поведению жертв обмана со стороны мошенников.

Необходимым условием развития судебных экспертиз с участием психологов является уточнение основных экспертных понятий при различных предметных видах экспертиз. В номере представлен анализ понятий «привязанность» и «отношение», имеющих значение для экспертизы семейных взаимоотношений (О.Ф. Савина), категорий «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость» в контексте оценки показаний несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальном насилии (Е.В. Васько, Т.Н. Секераж), понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» при экспертизе способности к совершению сделки (Ю.О. Переправина).

Проблемы судебно-психологических и комплексных психолого-психиатрических экспертиз по судебным спорам между родителями о воспитании детей раскрываются в статьях, посвященных компетенции экспертов разных специальностей (О.А. Русаковская) и методам выявления родительского отношения (Е.В. Полкунова).

Производство судебных экспертиз с участием психолога невозможно представить без эффективного взаимодействия с органами, назначающими их и оценивающими заключения экспертов. В работе А.В. Шаболтас раскрываются этические проблемы междисциплинарного взаимодействия психологов и юристов. В статье К.М. Солдатовой, посвященной анализу судебных решений по «аффективным» преступлениям, показано, что рассогласование приговоров суда и заключений экспертов-психологов обусловлено как экспертными ошибками, так и трактовками экспертных выводов со стороны правоприменителя.

Целый ряд исследований посвящен проблемам девиантного и делинквентного поведения. Изучались ценностно-смысловые и индивидуально-психологические особенности личности как факторы риска девиантного поведения (С.В. Шпорт, А.А. Дубинский, М.М. Проницева, И.А. Розанов), мотивы мужчин и женщин, совершивших убийства (И.Н. Мосечкин), психопатия и обыденный садизм как предикторы антисоциального поведения (Ю.А. Атаджыкова, С.Н. Ениколопов, Т.П. Мильчарек). Анализ современных отечественных и зарубежных исследований психологических механизмов противоправного агрессивного поведения представлен в обзоре М.В. Зейгер.

В номере также представлены исследования, посвященные изучению социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами (О.И. Миронова, Л.А. Руонала), и влиянию уровня тревожности и стрессоустойчивости на результаты тестирования на полиграфе (Т.Н. Беззубова, Д.М. Купцова). Статья Н.В. Богданович, В.В. Делибалт и А.В. Дегтярева вносит свой вклад в дискуссию о широко обсуждаемых психологической общественностью проектах закона о психологической помощи.

В целом, исследования, представленные в тематическом выпуске, отражают тенденцию к расширению предметного поля судебно-психологической экспертизы, с одной стороны, и к унификации методологии проведения экспертных исследований — с другой.

*Доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой клинической и судебной психологии
факультета юридической психологии МГППУ,
руководитель лаборатории судебной психологии
НМИЦ ПН им. В.П. Сербского
Фарит Суфиянович Сафуанов*

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Научная статья | Original paper

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза жертв телефонного мошенничества: экспертные оценки

Ф.С. Сафуанов^{1, 2}✉, В.В. Широкова¹

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ safuanovf@rambler.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Телефонное мошенничество приобрело характер угрозы национальной безопасности. Количество исследований, посвященных данной проблеме, резко возросло в последние 5 лет, однако вопросам судебной экспертизы жертв дистанционного мошенничества посвящены единичные исследования. **Цель.** Выделение возможных экспертных оценок психического и психологического состояния жертв телефонного мошенничества при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. **Теоретические подходы.** Используются принципы судебной клинко-психологической экспертологии, определяющие последовательный правовой, экспертологический и психологический анализ при выделении предмета экспертизы. **Результаты.** Жертвы телефонного мошенничества имеют разный процессуальный статус: потерпевшего, истца и обвиняемого. Во многих ситуациях они выступают в роли потерпевшего и истца или потерпевшего и обвиняемого одновременно. Описаны варианты психических состояний подэкспертных в юридически значимый период взаимодействия с дистанционными мошенниками. Установлено юридическое значение экспертизы жертв мошенничества в качестве потерпевшего, истца и обвиняемого. В каждом из этих видов экспертиз выделены частные предметы исследования и возможные психиатрические и психологические судебно-экспертные оценки психического состояния подэкспертных в юридически значимой ситуации. **Заключение.** По мере накопления материала судебных экспертиз и судебных решений и приговоров возможно уточнение характеристик психического состояния таких жертв, которые становятся беззащитными во время действий телефонных мошенников.

Сафуанов Ф.С., Широкова В.В. (2025)
Комплексная судебная психолого-психиатрическая
экспертиза жертв телефонного мошенничества:
экспертные оценки
Психология и право, 15(2), 3—18.

Safuanov F.S., Shirokova V.V. (2025)
Comprehensive forensic psychological
and psychiatric examination of victims
of telephone fraud: expert assessments
Psychology and Law, 15(2), 3—18.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психологическая экспертиза, телефонное мошенничество, жертвы телефонного мошенничества, беспомощное состояние, неспособностью, невинное причинение вреда

Финансирование. Исследование проведено в рамках Государственного задания № 124020800063-2 «Интегративные модели судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической экспертиз в гражданском процессе, проводимых в интересах наиболее уязвимых групп населения» (2024—2026).

Для цитирования: Сафуанов, Ф.С., Широкова, В.В. (2025). Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза жертв телефонного мошенничества: экспертные оценки. *Психология и право*, 15(2), 3—18. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150201>

Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of victims of telephone fraud: expert assessments

F.S. Safuanov^{1, 2}✉, V.V. Shirokova¹

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ safuanovf@rambler.ru

Abstract

Context and relevance. Telephone fraud has assumed the character of a threat to national security. The number of studies devoted to this problem has increased dramatically in the last 5 years, but only a few studies have been devoted to the issues of forensic examination of victims of remote fraud. **Goal.** Identification of possible expert assessments of the mental and psychological state of victims of telephone fraud in the course of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination. **Theoretical approaches.** The principles of forensic clinical and psychological expertise are used, which determine a consistent legal, expert and psychological analysis in identifying the subject of expertise. **Results.** Victims of telephone fraud have different procedural status: victim, plaintiff and accused. In many situations, they act as the victim and the plaintiff, or the victim and the accused at the same time. The variants of the mental states of the subjects during the legally significant period of interaction with remote fraudsters are described. The legal significance of the examination of fraud victims as victims, plaintiffs and defendants has been established. In each of these types of examinations, private research subjects and possible psychiatric and psychological forensic expert assessments of the mental state of the subjects in a legally significant situation are highlighted. **Conclusion.** As the material of forensic examinations and court decisions and sentences accumulates, it is possible to clarify the characteristics of the mental state of such victims who become defenseless during the actions of telephone fraudsters.

Сафуанов Ф.С., Широкова В.В. (2025)
Комплексная судебная психолого-психиатрическая
экспертиза жертв телефонного мошенничества:
экспертные оценки
Психология и право, 15(2), 3—18.

Safuanov F.S., Shirokova V.V. (2025)
Comprehensive forensic psychological
and psychiatric examination of victims
of telephone fraud: expert assessments
Psychology and Law, 15(2), 3—18.

Keywords: comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychological examination, telephone fraud, victims of telephone fraud, helpless condition, incapacity, innocent harm

Funding. The study was conducted within the framework of the State Task № 124020800063-2 "Integrative models of forensic psychiatric and complex psychological and psychiatric examinations in civil proceedings conducted in the interests of the most vulnerable groups of the population" (2024—2026).

For citation: Safuanov, F.S., Shirokova, V.V. (2025). Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of victims of telephone fraud: expert assessments. *Psychology and Law*, 15(2), 3—18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150201>

Введение

Актуальность темы телефонного мошенничества не вызывает сомнений. Президент на Итогах года (19 декабря 2024 г.) отметил: «То, что происходит сейчас, конечно, очень большую тревогу вызывает, потому что объемы этого жульничества зашкаливают. Совсем недавно на мероприятии «Сбера» мне Герман Оскарович Греф докладывал. Рассказал о том, что по всей банковской системе у нас со счетов граждан только с территории Украины, где возведена деятельность мошенническая в ранг государственной политики, там под контролем спецслужб работают специалисты, центры целые по выманиванию денег у граждан России, только с этого направления выманили более 250 миллиардов рублей. Это, конечно, приобретает очень серьезный размах. Это примерно то, что делала гитлеровская Германия, печатая деньги наших союзников во время Второй мировой войны, в том числе Великобритании: фунт стерлингов печатали и распространяли, для того чтобы подорвать экономику Великобритании. Примерно то же самое сейчас происходит на Украине по линии этого жульничества. Конечно, нужно дисциплинировать эту ситуацию, нужно обратить серьезное внимание на это». Таким образом, на самом высоком уровне проблема телефонного мошенничества рассматривается как угроза национальной безопасности.

Количество исследований, посвященных данной проблеме, резко возросло в последние 5 лет. Только на сайте ResearchGate нами найдено 2543 статьи по ключевым словам «phone fraud» и «victims of phone fraud». Однако подавляющее большинство публикаций посвящено применению машинного обучения и искусственного интеллекта при распознавании телефонного мошенничества, а также проблемам совершенствования законодательства при борьбе с этим видом преступлений. Также освещаются вопросы использования социальной инженерии при совершении мошеннических действий (способы телефонного мошенничества; манипулятивные приемы, применяемые мошенниками; сценарии разговора с потенциальными жертвами и приемы работы с сопротивлением клиентов). Выделяется проблема профилактики виктимного поведения жертв телефонного мошенничества. Отдельное направление составляет изучение особенностей лиц пожилого возраста как потенциальных жертв мошеннических действий (Reisig, Pratt, Holtfreter, 2006; Lichtenberg, Stickney, Paulson, 2013; Cross, 2016; Shao et al., 2019; Fan, Yu, 2021; Wen et al., 2022; Eguchi et al., 2024; Liu, Zhao, 2024; Button et al., 2024). Совсем небольшую часть статей составляет исследование психологического портрета жертв обычного и телефонного мошенничества (Mayer, Roberts, Barsade, 2008; Warren, Schertler, Bull, 2009; Peace, Porter, Almon, 2012; Baker, ten Brinke, Porter,

Сафуанов Ф.С., Широкова В.В. (2025)
Комплексная судебная психолого-психиатрическая
экспертиза жертв телефонного мошенничества:
экспертные оценки
Психология и право, 15(2), 3—18.

Safuanov F.S., Shirokova V.V. (2025)
Comprehensive forensic psychological
and psychiatric examination of victims
of telephone fraud: expert assessments
Psychology and Law, 15(2), 3—18.

2013; Мешкова, Кудрявцев, Ениколопов, 2022; Мубаракова, 2023). Публикации же, посвященные комплексной судебной психолого-психиатрической (КСППЭ) и судебно-психологической экспертизе (СПЭ) жертв телефонного мошенничества, единичны (Сафуанов и др., 2024, Фастовцов, 2024).

Целью исследования является выделение возможных экспертных оценок психического и психологического состояния жертв телефонного мошенничества при производстве КСППЭ.

В поисках предмета экспертизы

В работе Ф.С. Сафуанова было показано, что при разработке частных предметов судебных экспертиз с участием психолога необходимо исходить из определения общего предмета судебно-психологической экспертизы: закономерности и особенности структуры и протекания психических процессов (психической деятельности) подэкспертного лица, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия¹ (Сафуанов, 1998). Из данной дефиниции следует, что в каждом конкретном виде судебной экспертизы в первую очередь необходимо определять возможные правовые последствия — каким образом суд будет использовать заключение экспертов. Выделение же самого предмета экспертизы требует разработки частного экспертного понятия, т. е. экспертологического анализа. Теория экспертных понятий (Сафуанов, 2014, 2017) подразумевает, что экспертные понятия занимают промежуточное положение между правовыми и общепсихологическими. По отношению к правовым нормам они раскрывают психологическое содержание юридических понятий, которые описывают поведение людей и его внутренние механизмы, фиксируют временные психические состояния, изменения сознания под влиянием различных факторов (Коченов, 1991). По отношению же к общепсихологическим явлениям экспертные понятия не являются прямым аналогом знаний базовой науки, а требуют определенной трансформации (Винберг, Малаховская, 1979): экспертному установлению подлежат только те общепсихологические явления, которые имеют определенное юридическое значение и понятные правовые последствия. И только после выделения экспертных понятий, составляющих частный предмет отдельного вида экспертизы, наступает этап собственно психологического анализа.

Психическое состояние жертв телефонного мошенничества

Определение психического или психологического состояния подэкспертного лица в юридически значимой ситуации имеет решающее значение для выработки судебной психиатрической или психологической оценки. Особенно наглядно это видно при оценке юридических критериев (юридически значимых способностей), например, вменяемости, сделкоспособности, беспомощного состояния, способности давать показания и т.п., которые сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности отражения окружающего мира и регуляции поведения (Сафуанов, 2020). При необходимости судебного определения правовых норм, сформулированных как обобщенный концепт (аффект, нравственные страдания, заблуждение и т. п.), судебный

---

¹ ГОСТ Р 57344-2016. Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения. [б. г.]. Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71902842/> (дата обращения: 30.01.2025).

клинико-психологический экспертологический анализ также демонстрирует, что в их основе лежат определенные изменения психической деятельности.

Анализ практики КСППЭ показывает, что жертвы телефонного мошенничества могут иметь разный процессуальный статус: потерпевшего, истца и обвиняемого. Во многих ситуациях они выступают в роли потерпевшего и истца или потерпевшего и обвиняемого одновременно.

Независимо от процессуального статуса подэкспертных, в юридически значимый период взаимодействия с дистанционными мошенниками у них могут наблюдаться следующие психические и психологические состояния.

1. Хроническое психическое расстройство, слабоумие или иное болезненное состояние психики. Жертвами мошенничества часто становятся лица с выраженными психическими расстройствами, которые в силу своего психического состояния не могут осуществлять осознанную волевою регуляцию своих действий, прогнозировать их возможные последствия (Харитоновна и др., 2024; Потемкин, 2024).

2. Временное психическое расстройство. У отдельных потерпевших под влиянием мошенников могут возникать психические расстройства в период взаимодействия с преступниками. Для них характерны изменения сознания с нарушениями полного осознания окружающего, ориентировки во времени, снижением критичности — например расстройство адаптации (приспособительных реакций).

3. «Состояние заблуждения» с нарушениями саморегуляции вследствие повышенного эмоционального напряжения с аффективно-личностной охваченностью, в основе которого лежат ошибочное смысловое восприятие и оценка ситуации под влиянием психологического воздействия со стороны мошенников. Такое психологическое состояние, возникшее вследствие манипуляции, обуславливало у подэкспертных формирование зависимого поведения. У них наблюдалась более или менее пролонгированная деятельность, не противоречащая ведущим мотивационным образованиям, которая сводилась к набору конкретных действий при отсутствии собственного целеполагания и выбора; самостоятельности в принятии решения; критической оценки адекватности и эффективности задаваемых извне способов действия; целостного осмысления промежуточных и конечных результатов совершаемых действий (Сафуанов и др., 2024).

4. «Состояние заблуждения» без нарушений саморегуляции. Психическое состояние подэкспертных в процессе взаимодействия с мошенниками не изменялось, зависимое поведение не формировалось. Потенциальная и актуальная способность к осознанной регуляции своих действий не нарушалась, однако под влиянием обмана такие подэкспертные просто выполняли указания преступников. Иными словами, они действовали без обычной или должной осмотрительности, хотя и могли ее проявить².

---

² Термин «осмотрительность» содержится в п. 5 ст. 178 и ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, в письме ФНС России от 10.03.2021 № БВ4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». По смыслу указанных норм, если истец не проявлял осмотрительности при совершении оспариваемой им сделки, часть вины возлагается на него самого.

КСППЭ потерпевшего

В уголовном праве установление беспомощного состояния потерпевшего имеет разное юридическое значение в зависимости от конкретного вида совершенного в отношении такого потерпевшего преступления.

По ст. 131 (Изнасилование) и ст. 132 (Насильственные действия сексуального характера) УК РФ беспомощное состояние жертв общественно опасных деяний сексуальной направленности является *альтернативно-конструктивным признаком состава преступления*. Так, изнасилование определяется как «половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей», т. е. если обвиняемый при половом сношении не применял насилия или угрозы насилия, но воспользовался беспомощным состоянием потерпевшей, его преступление будет квалифицировано как изнасилование.

По ряду преступлений (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «а» ч. 3 ст. 110.1, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 120) беспомощное состояние выступает как *квалифицирующий признак состава преступления*. Квалифицирующие признаки определяются как обстоятельства, являющиеся конструктивным элементом состава преступления, которые свидетельствуют о повышенной по отношению к выраженному основным составом преступления общественной опасности деяния (Авдеев, Штранц, 2019) и утяжеляют наказание.

При остальных преступлениях беспомощность потерпевшего выступает как *одно из обстоятельств, отягчающих наказание*: согласно п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ, таким обстоятельством является «совершение преступления в отношении... беззащитного или беспомощного лица». Именно такое юридическое значение имеет определение беспомощного состояния жертв мошенничества (ст. 159 УК РФ).

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16³, беспомощное состояние жертв половых преступлений определяется как неспособность понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному вследствие физического или психического состояния, возраста или иных обстоятельств. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015)⁴ под беспомощным состоянием жертв убийства понимается неспособность в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному. С психологической точки зрения правовое понятие «состояние беспомощности» означает неспособность к эффективной защите от посягательства путем целенаправленного осознанно-волевого поведения. В основе этой неспособности лежит *нарушение способности понимать характер и значение действий обвиняемого (обвиняемых) либо оказывать ему (им) сопротивление*, что и составляет предмет этого вида экспертизы (Сафуанов и др., 2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». [б. г.]. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 30.01.2025).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». [б. г.]. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения: 30.01.2025).

В зависимости от диагностики психического состояния жертв телефонного мошенничества в юридически значимой ситуации возможны следующие **экспертные решения**.

- Мог понимать характер и значение действий обвиняемого (обвиняемых) и оказывать ему (им) сопротивление (выполнял указания мошенников без изменения психического состояния и нарушений саморегуляции).
- Не мог понимать характер и значение действий обвиняемого (обвиняемых) либо оказывать ему (им) сопротивление вследствие хронического психического расстройства (слабоумия либо иного болезненного состояния психики).
- Не мог понимать характер и значение действий обвиняемого (обвиняемых) либо оказывать ему (им) сопротивление вследствие временного психического расстройства.
- Не мог понимать характер и значение действий обвиняемого (обвиняемых) либо оказывать ему (им) сопротивление вследствие ошибочного смыслового восприятия и оценки ситуации с нарушением понимания направленности и социального значения совершаемых с ним действий с формированием зависимого поведения вследствие повышенного эмоционального напряжения с аффективно-личностной охваченностью.

В рамках КСППЭ последний ответ на вопрос следствия или суда может быть сформулирован как интегративный вывод при наличии у потерпевшего пограничного психического расстройства.

При экспертизе потерпевшего имеет значение также вопрос судебно-следственных органов о способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания (ст. 196 УПК РФ). При определении неспособности потерпевшего понимать характер и значение действий обвиняемого (обвиняемых) либо оказывать ему (им) сопротивление возможны оценки как неспособности правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать показания, так и способности правильно воспринимать только внешнюю (фактическую) сторону событий и давать о них показания.

КСППЭ истца

Жертвы телефонного мошенничества, как правило, заявляют иски о признании недействительными сделок, совершенных под влиянием преступников: взятие кредитов и займов, продажа квартир и других объектов недвижимости. Признание судом сделки недействительной может опираться на разные виды «порока воли». Основаниями судебного решения могут быть неспособность гражданина понимать значение своих действий или руководить ими в момент совершения сделки (ст. 177 ГК РФ); совершение сделки под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ); совершение сделки под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ).

Может ли суд признать сделку, совершенную потерпевшим вследствие ошибочного смыслового восприятия и оценки ситуации и нарушений саморегуляции под влиянием психологического воздействия со стороны мошенников, недействительной на основании того, что истец ссылается на обман со стороны преступников? Ведь гражданин никогда бы не совершил подобные сделки, если бы знал о действительном положении дел. Однако конструкция ст. 179 ГК РФ такова, что учитывает обман только со стороны контрагента по сделке: «Сделка, совершенная под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом, может быть признана недействительной по иску потерпевшего при условии, что другая сторона либо

лицо, к которому обращена односторонняя сделка, знали или должны были знать об обмане». Так, при продаже потерпевшим квартиры в результате взаимодействия с телефонными мошенниками суд исследует добросовестность покупателя. Если покупатель не знал или не должен был знать об обмане потерпевшего, в признании сделки недействительной по ст. 179 ГК РФ будет отказано. Применение ст. 179 ГК может быть оправдано только в ситуации прямой сделки с мошенником.

Аналогично невозможно для признания таких сделок недействительными использовать и ст. 178 ГК РФ. Хотя у потерпевших под влиянием мошенников и возникает состояние заблуждения с нарушениями осознанной волевой регуляции своих действий, правовое понимание заблуждения несколько отличается от обманного. Обман носит умышленный характер⁵, в то же время п. 6 ст. 178 ГК («...заблуждение возникло вследствие обстоятельств, за которые отвечает другая сторона») применяется тогда, когда имеет место неосторожность. Ссылки истцов на то, что они совершали сделки, «чтобы спасти свои финансовые средства», также противоречат применению ст. 178 ГК РФ — в ч. 3 данной статьи указано: «Заблуждение относительно мотивов сделки не является достаточно существенным для признания сделки недействительной».

Таким образом, предметом данного вида экспертизы выступает *нарушение способности субъекта к осознанному принятию решения и его целенаправленному исполнению вследствие «такого состояния»* (ст. 177 ГК РФ) — непонимания существа сделок, обусловленного ошибочным смысловым восприятием и оценкой ситуации, неадекватными представлениями о существе своих финансовых действий. Регуляторные способности также оказываются нарушенными, поскольку исполнение принятого решения основано на неправильно и несвободно сформированной цели. Исполнение не активно, а реализуется в структуре зависимого поведения.

Варианты диагностированного психического состояния жертв телефонного мошенничества при совершении сделок определяют следующие *экспертные решения*.

- Мог понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки (сделок) (выполнял указания мошенников без изменения психического состояния и нарушений саморегуляции, в терминологии права — «не проявил должной или обычной осмотрительности»).
- Не мог понимать значение своих действий или руководить ими вследствие хронического психического расстройства (слабоумия либо иного болезненного состояния психики).
- Не мог понимать значение своих действий или руководить ими вследствие временного психического расстройства.
- Не мог понимать значение своих действий или руководить ими вследствие ошибочного смыслового восприятия и оценки ситуации, обусловивших нарушения способности свободно и осознанно принимать решения и руководить своими действиями по его реализации, вследствие повышенного эмоционального напряжения с аффективно-личностной охваченностью.

---

⁵ О необходимости установления умысла для применения ст. 179 ГК говорится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

Состояние заблуждения с формированием зависимого поведения может быть обусловлено и пограничным психическим расстройством, в этом случае уместно формулировать интегративный вывод психологов и психиатров в рамках КСППЭ.

КСППЭ обвиняемого

В последнее время в практике КСППЭ наблюдается рост экспертиз обвиняемых, которые совершали общественно опасные деяния под влиянием телефонных мошенников.

В ряде случаев их подстрекали совершить правонарушение, обещая вернуть им похищенные денежные средства. Несмотря на «беспомощное состояние» при совершении финансовых операций, выбор совершения противоправных действий для возврата денег чаще всего был осознанным.

В другом варианте мошенники убеждали жертву, что она участвует в специальной антитеррористической операции, направленной на обезвреживание террористов из недружественного государства. Для этого необходимо спасти свои денежные средства от террористов (переводя их на «безопасный счет», беря кредиты) и в конечном итоге совершить поджог того или иного объекта («военкомата, где засели неонацисты», «банкомата с фальшивыми купюрами» и т. п.) или иные противоправные действия. В этих случаях экспертами преимущественно определялось состояние заблуждения с формированием зависимого поведения и нарушениями саморегуляции.

Чаще всего такие подэкспертные обвинялись в следующих преступлениях:

- террористический акт (совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинение значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий);
- государственная измена (перевод денег на счета, что квалифицируется судом как оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации);
- умышленное уничтожение или повреждение имущества;
- воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий.

В представлении обвиняемых их действия были направлены на устранение опасности, непосредственно угрожающей охраняемым законом интересам общества и государства, и эта опасность не могла быть устранена иными средствами. Во время совершения правонарушения жертвы мошенничества формально понимали противоправность своего поведения, однако у них не возникало сомнений в том, что их действия могли причинить вред менее значительный, чем предотвращенный. Иными словами, общественно опасные деяния жертв телефонного мошенничества укладывались в субъективную сторону ст. 39 УК РФ «Крайняя необходимость». Правовой анализ (Сафуанов и др., 2024) показал, что в основе мнимой крайней необходимости лежит непреднамеренное заблуждение лица, причинившего вред, относительно наличия опасности (Жовнир, Спиндовская, 2021), и неправильное его представление относительно общественной опасности совершаемого им деяния (Кириченко, 1952). Если лицо не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий, то имеет место невиновное причинение вреда (ч. 1 ст. 28 «Деяние

признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть»).

Таким образом, предметом экспертизы в подобных случаях будет являться *способность осознавать общественную опасность своих действий* во время совершения деяния (причинения вреда).

В зависимости от диагностики психического состояния обвиняемых возможны разнообразные *экспертные решения*.

В отношении лиц с психическими расстройствами используются стандартные заключения.

- Не выявляется такого психического расстройства, которое бы нарушало способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими⁶.
- Не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие психического расстройства.
- Не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие психического расстройства.

При КСППЭ психически здоровых обвиняемых необходимо определять психологическое состояние в момент совершения общественно опасного деяния и учитывать мотивацию содеянного.

- Совершил правонарушение из идейных соображений или за финансовое вознаграждение: мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.
- Совершил правонарушение по указанию мошенников, жертвой которых стал ранее, за обещание возврата денежных средств. Был выбор, осознанное целеполагание: мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.
- Совершил правонарушение, полагая под влиянием мошенников, что участвует в операции ФСБ или другой силовой структуры, т. е. неадекватно воспринимал и оценивал сложившуюся ситуацию вследствие повышенного эмоционального напряжения с аффективно-личностной охваченностью. Искренне считал, что его действия были направлены на устранение опасности, непосредственно угрожающей охраняемым законом интересам общества и государства, и эта опасность не могла быть устранена иными средствами. Не осознавал общественную опасность своих действий во время совершения деяния.

Ответ на последний вопрос в рамках КСППЭ может быть сформулирован как интегративный при наличии у обвиняемого пограничного психического расстройства.

---

⁶ Такая формулировка (вместо «мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими») оставляет возможность психологу формулировать вывод о том, что обвиняемый «не мог осознавать общественную опасность своих действий вследствие ошибочного смыслового восприятия и оценки ситуации с формированием зависимого поведения и нарушениями саморегуляции».

Заключение

Обычно новые предметные виды экспертизы формируются вслед за введением в действие новых законодательных норм в уголовном, гражданском или семейном праве. В случае же КСППЭ по делам, связанным с телефонным мошенничеством, формирование новых видов экспертизы обусловлено широким распространением нового вида преступлений. Кроме того, в качестве объектов экспертизы выступают сразу три процессуальные фигуры: потерпевшие, истцы и обвиняемые. При этом один и тот же человек может выступать одновременно в двух или даже в трех процессуальных ролях. Это ставит проблему не только поиска предмета каждого вида судебной экспертизы, но и соотнесения диагностических и экспертных оценок в отношении одного подэкспертного лица при разных предметных видах экспертизы.

Экспертные оценки в первую очередь требуют клинико-психологической диагностики психического состояния подэкспертного лица в юридически значимой ситуации. Психическое состояние жертв телефонного мошенничества на данном этапе мы обозначили как состояние заблуждения вследствие повышенного эмоционального напряжения с аффективно-личностной охваченностью, в основе которого — ошибочное смысловое восприятие и оценка ситуации под влиянием психологического воздействия со стороны мошенников и которое обуславливает зависимое поведение с нарушениями осознанной регуляции своих действий. В литературе это состояние обозначается по-разному: измененное сознание, трансовое состояние, снижение критичности и др. Ситуация осложняется и тем обстоятельством, что возникает соблазн идентифицировать психологическое состояние заблуждения, возникшего под воздействием со стороны телефонных мошенников, с гражданско-правовой квалификацией заблуждения в соответствии со ст. 178 ГК РФ, несмотря на то, что юридическое понимание заблуждения, как было показано выше, не совпадает с психологическим. По мере накопления материала судебных экспертиз возможно уточнение характеристик психического состояния таких жертв, которые становятся беззащитными во время действий виновных, с чем связана перспектива дальнейших исследований.

Основную трудность вызывает разработка предмета экспертизы обвиняемых — жертв телефонного мошенничества. Если при выделении экспертных понятий при экспертизе потерпевших и истцов мы могли опираться на предшествующий опыт (Харитонов, Сафуанов, Малкин, 2005; Гусева и др., 2008; Секераж, Шипшин, 2014; Сафуанов, Макушкин, 2017), юридическое значение КСППЭ или СПЭ жертв телефонного мошенничества, ставших обвиняемыми, нигде не было описано. Мы полагаем, что предметом экспертизы обвиняемых является способность осознавать общественную опасность своих действий во время совершения деяния, что имеет значение для квалификации ч.1 ст. 28 УК РФ («Невиновное причинение вреда»), однако в нашем распоряжении пока нет обратной связи — решений суда по тем экспертизам, в которых определено нарушение данной способности.

Главными итогами методологического экспертологического анализа и обобщения практики КСППЭ являются выделение юридического значения разных видов судебной экспертизы жертв телефонного мошенничества, разработка юридических критериев и частных предметов экспертизы, описание вариантов экспертных оценок психически здоровых и лиц с психическим расстройством в зависимости от их процессуального статуса (потерпевшего, истца и обвиняемого).

Сафуанов Ф.С., Широкова В.В. (2025)
Комплексная судебная психолого-психиатрическая
экспертиза жертв телефонного мошенничества:
экспертные оценки
Психология и право, 15(2), 3—18.

Safuanov F.S., Shirokova V.V. (2025)
Comprehensive forensic psychological
and psychiatric examination of victims
of telephone fraud: expert assessments
Psychology and Law, 15(2), 3—18.

Список источников / References

1. Авдеев, М.А., Штранц, А.С. (2019). Общая характеристика квалифицирующих признаков и их значение при конструировании составов преступлений. *Актуальные проблемы государства и права*, 3(9), 66—75. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-9-66-75>
Avdeev, M.A., Strants, A.S. (2019). Qualifying signs general characteristic and their importance in corpus delicti structure planning. *Current Issues of the State and Law*, 3(9), 66—75. (In Russ.). <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-9-66-75>
2. Винберг, А.И., Малаховская, Н.Т. (1979). *Судебная экспертология*. Волгоград: ВСШ МВД СССР.
Vinberg, A.I., Malakhovskaya, N.T. (1979). *Forensic expertise*. Volgograd: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. (In Russ.).
3. Гусева, О.Н., Сафуанов, Ф.С., Смирнова, Т.А., Ткаченко, А.А., Филатов, Т.Ю. (2008). Беспомощное (беззащитное) состояние потерпевших по делам о мошенничестве: клинико-психологические механизмы. *Теория и практика судебной экспертизы*, 4(12), 82—91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11661622> (дата обращения: 30.01.2025).
Guseva, O.N., Safuanov, F.S., Smirnova, T.A., Tkachenko, A.A., Filatov, T.Yu. (2008). The helpless (defenseless) state of victims in fraud cases: clinical and psychological mechanisms. *Theory and Practice of Forensic Science*, 4(12), 82—91. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11661622> (viewed: 30.01.2025).
4. Жовнир, С.А., Спиндовская, Л.С. (2021). Условия правомерности крайней необходимости, относящиеся к источнику опасности. *Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии*, 4(50), 120—126. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47694617> (дата обращения: 30.01.2025).
Zhovnir, S.A., Spindovskaya, L.S. (2021). Conditions of legality of extreme necessity related to the source of danger. *Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy*, 4(50), 120—126. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47694617> (viewed: 30.01.2025).
5. Кириченко, В.Ф. (1952). *Значение ошибки по советскому уголовному праву*. М.: Изд-во АН СССР.
Kirichenko, V.F. (1952). *The meaning of error in Soviet criminal law*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
6. Коченов, М. М. (1991). *Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.06*. Академия управления МВД СССР. М. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000123320> (дата обращения: 30.01.2025).
Kochenov, M. M. (1991). *Theoretical foundations of forensic psychological examination: Diss. Dr. Sci. (Psychol.): 19.00.06*. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs. Moscow. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000123320> (viewed: 30.01.2025).
7. Мешкова, Н.В., Кудрявцев, В.Т., Ениколопов, С.Н. (2022). К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 138—157. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06>
Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Enikolopov, S.N. (2022). To the Psychological Portrait of the Victims of Telephone Fraud. *Moscow University Psychology Bulletin*, 1, 138—157. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06>

Сафуанов Ф.С., Широкова В.В. (2025)
Комплексная судебная психолого-психиатрическая
экспертиза жертв телефонного мошенничества:
экспертные оценки
Психология и право, 15(2), 3—18.

Safuanov F.S., Shirokova V.V. (2025)
Comprehensive forensic psychological
and psychiatric examination of victims
of telephone fraud: expert assessments
Psychology and Law, 15(2), 3—18.

8. Мубаракова, Е.Н. (2023). Психологические особенности жертв мошенничества. *Молодой ученый*, 43(490), 306—308. URL: <https://moluch.ru/archive/490/107118/> (дата обращения: 30.01.2025).
Mubarakova, E.N. (2023). Psychological characteristics of fraud victims. *Young Scientist*, 43(490), 306—308. (In Russ.). URL: <https://moluch.ru/archive/490/107118/> / (viewed: 30.01.2025).
9. Потемкин, Б.Е. (2024). Актуальные вопросы оценки психического состояния лиц, совершивших имущественные сделки под влиянием третьих лиц (осмысление регионального опыта). В: Г.А. Фастовцов (ред.), *Практика судебно-психиатрической экспертизы. Сборник № 62* (с. 87—100). М.: ФБГУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России.
Potemkin, B.E. (2024). Current issues of assessing the mental state of persons who have committed property transactions under the influence of third parties (understanding regional experience). In: G.A. Fastovtsov (Ed.), *Practice of forensic psychiatry evaluation. Symposium No. 62* (pp. 87—100). Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ.).
10. Сафуанов, Ф.С. (1998). Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М.: Гардарики; Смысл.
Safuanov, F.S. (1998). *Forensic psychological examination in criminal proceedings*. Moscow: Gardarika; Smysl. (In Russ.).
11. Сафуанов, Ф.С. (2014). *Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата*. М.: Юрайт.
Safuanov, F.S. (2014). *Forensic psychological examination: a textbook for academic baccalaureate*. Moscow: Yurayt Publishing House. (In Russ.).
12. Сафуанов, Ф.С. (2017). Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы. *Психология и право*, 7(1), 220—239. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118>
Safuanov, F.S. (2017). How to build substantive judicial-psychological examination. *Psychology and Law*, 7(1), 220—239. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118>
13. Сафуанов, Ф.С. (2020). Принципы клинко-психологической судебной экспертологии. *Российский психиатрический журнал*, 2, 39—45. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
Safuanov, F.S. (2020). Principles of clinical-psychological forensic expert science. *Russian Journal of Psychiatry*, 2, 39—45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
14. Сафуанов, Ф.С., Макушкин, Е.В. (2017). Экспертная психолого-психиатрическая диагностика способности к саморегуляции обвиняемых и потерпевших по делам о психическом воздействии. *Прикладная юридическая психология*, 3, 6—16. URL: <https://www.lawpsy.ru/archive/134-3-for-the-year-2017.html> (дата обращения: 30.01.2025).
Safuanov, F.S., Makushkin, E.V. (2017). Expert's psychological and psychiatric diagnostics of self-regulation ability of the accused and victims of mental influence cases. *Applied Legal Psychology*, 3, 6—16. (In Russ.). URL: <https://www.lawpsy.ru/archive/134-3-for-the-year-2017.html> (viewed: 30.01.2025).
15. Сафуанов, Ф.С., Савина, О.Ф., Морозова, М.В., Переpravина, Ю.О. (2024). Предметные виды судебно-психологической экспертизы, назначаемой в связи с телефонным

Сафуанов Ф.С., Широкова В.В. (2025)
Комплексная судебная психолого-психиатрическая
экспертиза жертв телефонного мошенничества:
экспертные оценки
Психология и право, 15(2), 3—18.

Safuanov F.S., Shirokova V.V. (2025)
Comprehensive forensic psychological
and psychiatric examination of victims
of telephone fraud: expert assessments
Psychology and Law, 15(2), 3—18.

мошенничеством. *Теория и практика судебной экспертизы*, 19(1), 6—19.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-1-6-19>

Safuanov, F.S., Savina, O.F., Morozova, M.V., Perepravina, Yu.O. (2024). Subject Types of Forensic Psychological Examination Assigned in Connection with Phone Fraud. *Theory and Practice of Forensic Science*, 19(1), 6—19. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-1-6-19>

16. Секераж, Т.Н., Шипшин, С.С. (2014). *Методические рекомендации по производству судебной психологической экспертизы по делам о признании сделок с «пороками воли»*. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России.
Sekerazh, T.N., Shipshin, S.S. (2014). *Methodological recommendations on the conduct of forensic psychological examination in cases of recognition of transactions with "vices of the will."* Moscow: FBU RFTSE under the Ministry of Justice of Russia Publ. (In Russ.).
17. Фастовцов, Г.А. (Ред.). (2024). *Практика судебно-психиатрической экспертизы. Сборник. № 62*. М.: ФБГУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67866520> (дата обращения: 30.01.2025).
Fastovtsov, G.A. (Ed.) (2024). *Practice of forensic psychiatry evaluation. Symposium No. 62*. Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67866520> (viewed: 30.01.2025).
18. Харитонов, Н.К., Сафуанов, Ф.С., Малкин, Д.А. (2005). *Экспертная оценка сделокоспособности по гражданским делам в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы: пособие для врачей*. М.: РИО ГНЦ ССП им. В.П. Сербского.
Kharitonova, N.K., Safuanov, F.S., Malkin, D.A. (2005). *Expert assessment of transactionability in civil cases within the framework of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination: a manual for doctors*. Moscow: RIO SSC SSP named after V.P. Serbsky Publ. (In Russ.).
19. Харитонов, Н.К., Васянина, В.И., Качаева, М.А., Переpravina, Ю.О., Бирюкова, Е.А., Широкова, В.В. (2024). Комплексная экспертная оценка сделокоспособности лиц, заключивших имущественные сделки в условиях совершенных в отношении них мошеннических действий. В: Г.А. Фастовцов (ред.), *Практика судебно-психиатрической экспертизы. Сборник № 62* (с. 38—52). М.: ФБГУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67928467> (дата обращения: 30.01.2025).
Kharitonova, N.K., Vasyanina, V.I., Kachaeva, M.A., Perepravina, Yu.O., Biryukova, E.A., Shirokova, V.V. (2024). Comprehensive expert assessment of the transactionability of persons who have concluded property transactions in the context of fraudulent actions committed against them. In: G.A. Fastovtsov (Ed.), *Practice of forensic psychiatry evaluation. Symposium No. 62*. Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67928467> (viewed: 30.01.2025).
20. Baker, A., ten Brinke, L., Porter, S. (2013). Will get fooled again: emotionally intelligent people are easily duped by high-stakes deceivers. *Legal and Criminological Psychology*, 18(2), 300—313. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8333.2012.02054.x>

Сафуанов Ф.С., Широкова В.В. (2025)
Комплексная судебная психолого-психиатрическая
экспертиза жертв телефонного мошенничества:
экспертные оценки
Психология и право, 15(2), 3—18.

Safuanov F.S., Shirokova V.V. (2025)
Comprehensive forensic psychological
and psychiatric examination of victims
of telephone fraud: expert assessments
Psychology and Law, 15(2), 3—18.

21. Button, M., Shepherd, D., Hawkins, C., Tapley, J. (2024). Fear and phoning: Telephones, fraud, and older adults in the UK. *International Review of Victimology*, 30(3), Article 02697580241254399. <https://doi.org/10.1177/02697580241254399>
22. Cross, C. (2016). 'They're very lonely': Understanding the fraud victimisation of seniors. *Justice and Social Democracy*, 5(4), 60—75. <https://doi.org/10.5204/ijcjsd.v5i4.268>
23. Eguchi, Y., Bun, S., Niimura, H., et al. (2024). P50: Fraud Victimization and Scam Vulnerability in the Arakawa Cohort Study Conducted in an Urban Area of Japan. *International Psychogeriatrics*. 36(S1), 150—151. <https://doi.org/10.1017/S1041610224002813>
24. Fan, J.X., Yu, Z. (2021). Prevalence and risk factors of consumer financial fraud in China. *Journal of Family and Economic Issues*, 43(2), 384—396. <https://doi.org/10.1007/s10834-021-09793-1>
25. Lichtenberg, P. A., Stickney, L., Paulson, D. (2013). Is psychological vulnerability related to the experience of fraud in older adults? *Clinical Gerontologist*, 36(2), 132—146. <https://doi.org/10.1080/07317115.2012.749323>
26. Liu, Y., Zhao, J. (2024). Does Retirement Increase Fraud Exposure and Fraud Victimization?—Evidence From China. *Journal of Applied Gerontology*, Online version before publication, December 1: 7334648241305319. <https://doi.org/10.1177/07334648241305319>
27. Mayer, J.D., Roberts, R.D., Barsade, S.G. (2008). Human abilities: Emotional intelligence. *Annual Review of Psychology*, 59, 507—536. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.59.103006.093646>
28. Peace, K.A., Porter, S., Almon, D.F. (2012). Sidetracked by emotion: Observers' ability to discriminate genuine and fabricated sexual assault allegations. *Legal and Criminological Psychology*, 17(2), 322—335. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8333.2011.02013.x>
29. Reisig, M.D., Pratt, T.C., Holtfreter, K. (2006). Perceived risk of internet theft victimization: Examining the effects of social vulnerability and impulsivity. *Criminal Justice and Behavior*, 36, 369—384. <https://doi.org/10.1177/0093854808329405>
30. Shao, J., Zhang, Q., Ren, Y., Li, X., Lin, T. (2019). Why are older adults victims of fraud? Current knowledge and prospects regarding older adults' vulnerability to fraud. *Journal of Elder Abuse & Neglect*, 31(3), 225—243. <https://doi.org/10.1080/08946566.2019.1625842>
31. Warren, G., Schertler, E., Bull P. (2009). Detecting deception from emotional and unemotional cues. *Journal of Nonverbal Behaviour*, 33, 59—69. <https://doi.org/10.1007/s10919-008-005>
32. Wen, J., Yang, H., Zhang, Q., Shao, J. (2022). Understanding the mechanisms underlying the effects of loneliness on vulnerability to fraud among older adults. *Journal of Elder Abuse and Neglect*, 34(1), 1—19. <https://doi.org/10.1080/08946566.2021.2024105>

Информация об авторах

Фарит Суфиянович Сафуанов, доктор психологических наук, профессор, руководитель лаборатории психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация; заведующий кафедрой клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Сафуанов Ф.С., Широкова В.В. (2025)
Комплексная судебная психолого-психиатрическая
экспертиза жертв телефонного мошенничества:
экспертные оценки
Психология и право, 15(2), 3—18.

Safuanov F.S., Shirokova V.V. (2025)
Comprehensive forensic psychological
and psychiatric examination of victims
of telephone fraud: expert assessments
Psychology and Law, 15(2), 3—18.

Вероника Владимировна Широкова, младший научный сотрудник лаборатории психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9614-2293>, e-mail: veshirokova@yandex.ru

Information about the authors

Farit S. Safuanov, Doctor of Science (Psychology), Professor, Head of the Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Head of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Veronika V. Shirokova, Junior Researcher of Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9614-2293>, e-mail: veshirokova@yandex.ru

Вклад авторов

Сафуанов Ф.С. — идея исследования, концептуализация и теоретический анализ, написание, оформление и окончательное редактирование рукописи.

Широкова В.В. — сбор, обработка и анализ материала.

Contribution of the authors

Farit S. Safuanov — the idea of research, conceptualization and theoretical analysis, writing, design and final editing of the manuscript.

Veronika V. Shirokova — collection, processing and analysis of the material.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 31.01.2025
Поступила после рецензирования 03.03.2025
Принята к публикации 03.03.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025.01.31
Revised 2025.03.03
Accepted 2025.03.03
Published 2025.06.30

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Научная статья | Original paper

Судебно-психологическая экспертиза при спорах родителей о воспитании ребенка: понятия «привязанность» и «отношение»

О.Ф. Савина¹✉

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России, Москва, Российская Федерация

✉ psyhol1@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В настоящее время растет число назначаемых комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по судебным спорам родителей о воспитании ребенка, расширяется спектр задач, которые ставятся перед психологом. Несмотря на наличие единого методологического подхода, при производстве данного предметного вида судебно-психологической экспертизы содержательное наполнение заключения, используемая терминология определяются экспертами индивидуально, что определяет актуальность ревизии и уточнения категориального аппарата, специфичного для таких экспертиз. **Цель.** Коррекция содержания и экспертного значения психологических понятий судебно-психологической экспертизы по спорам родителей о воспитании ребенка. **Результаты.** Применительно к запросам судебно-психологической экспертизы обобщены научные представления о понятиях «привязанность» и «отношение»; проанализировано их психологическое содержание с учетом истории и актуального состояния вопроса; выделены отвечающие методологии и задачам экспертного исследования принципы систематизации, классификации и оси анализа указанных категорий. С проекцией на экспертные задачи обозначено смысловое поле понятий, их пересечение; исследованы терминологические особенности и объяснительный потенциал данных категорий, возможности их использования в экспертной методологии при спорах родителей о воспитании ребенка. Предложены основания экспертной оценки детско-родительских отношений при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. **Выводы.** На основании проведенного анализа обоснованы приоритеты экспертного использования категорий «привязанность» и «отношение» при оценке детско-родительских отношений.

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам родителей о воспитании ребенка, привязанность, психологическое отношение, психологические понятия, критерии экспертной оценки

Финансирование. Исследование проведено в рамках Государственного задания № 124020800063-2 «Интегративные модели судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической экспертиз в гражданском процессе, проводимых в интересах наиболее уязвимых групп населения» (2024—2026).

Для цитирования: Савина, О.Ф. (2025). Судебно-психологическая экспертиза при спорах родителей о воспитании ребенка: понятия «привязанность» и «отношение». *Психология и право*, 15(2), 19—33. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150202>

Forensic psychological examination in disputes between parents about the upbringing of a child: the concepts of “attachment” and “attitude”

O.F. Savina¹✉

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ psychol1@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Currently, the number of comprehensive forensic psychological and psychiatric examinations is increasing in judicial disputes between parents about the upbringing of a child, and the range of tasks assigned to a psychologist is expanding. Despite the existence of a single methodological approach, in the production of this subject type of forensic psychological examination, the content of the conclusion and the terminology used are determined by experts individually, which determines the relevance of the revision and clarification of the categorical apparatus specific to such examinations. **Goal.** Correction of the content and expert significance of psychological concepts of forensic psychological examination of disputes between parents about the upbringing of a child. **Results.** In relation to the requests of forensic psychological examination, scientific ideas about the concepts of “attachment” and “attitude” are summarized; their psychological content is analyzed, taking into account the history and current state of the issue; principles of systematization, classification and axis of analysis of these categories that meet the methodology and objectives of expert research are highlighted. With a projection on expert tasks, the semantic field of concepts and their intersection are outlined; the terminological features and explanatory potential of these categories are investigated, as well as the possibilities of their use in expert methodology in disputes between parents about the upbringing of a child. The reasons for the expert assessment of child-parent relations in the course of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination are proposed. **Conclusions.** Based on the analysis, the

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

priorities of the expert use of the categories “attachment” and “attitude” in assessing child-parent relations are substantiated.

Keywords: comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of judicial disputes between parents about the upbringing of a child, attachment, psychological attitude, psychological concepts, criteria of expert assessment

Funding. The study was conducted within the framework of the State Task No. 124020800063-2 “Integrative models of forensic psychiatric and complex psychological and psychiatric examinations in civil proceedings conducted in the interests of the most vulnerable groups of the population” (2024—2026).

For citation: Savina, O.F. (2025). Forensic psychological examination in disputes between parents about the upbringing of a child: the concepts of “attachment” and “attitude”. *Psychology and Law*, 15(2), 19—33. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150202>

Введение

В настоящее время наблюдается стремительный рост числа комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ) по судебным спорам родителей о воспитании ребенка. Несмотря на ограниченную вариативность правовых квалификаций с соответствующей им системой экспертных понятий (Сафуанов, 2014), отмечается потребность судебных органов получить больше информации по результатам экспертизы для принятия и обоснования своих решений, что приводит к расширению, конкретизации и детализации экспертных заданий, вынесению в них частных феноменов из исследовательской части заключений. Особое место в постановлениях о назначении экспертизы отводится уяснению привязанности ребенка. Часто опуская вопрос о способности детей к самостоятельному приятию решения о месте проживания, суд неизменно и в разных формах требует от психолога расставить приоритеты при анализе привязанностей ребенка: к кому из родителей ребенок «привязан больше», а еще лучше — представить в количественном выражении (например, процентном соотношении). Это определяется законодательными ориентирами в структуре специальных познаний юристов, для которых одним из важнейших критериев при определении порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем, наряду с соблюдением интересов, является его мнение, которое раскрывается законодателем преимущественно через привязанность к близким родственникам. Однако в понятие «привязанность» носители языка, юристы и психологи вкладывают различное содержание. В качестве методологически обоснованной альтернативы психологи используют экспертное понятие «отношение», но оно нередко остается для правоприменителя вторичным, а для психолога не исчерпывается триадой «позитивное—нейтральное—негативное», имея более широкое и дифференцированное, но несколько размытое смысловое поле. Трудности взаимопонимания специалистов, а также отсутствие единообразных критериев отношения обуславливают необходимость обсуждения и анализа данной проблемы, уточнения содержания психологических категорий, которые в данном предметном виде КСППЭ часто не могут быть продуктивно освоены только в рамках клинической психологии. В то же время утилитарность задачи подразумевает не разработку принципиально новых уникальных классификаций, а поиск и адаптацию методологически близких и адекватных для целей КСППЭ научных представлений. Цель настоящей работы — коррекция содержания и

экспертного значения психологических понятий КСППЭ по спорам родителей о воспитании ребенка.

Материалы и методы

Было проанализировано 105 заключений КСППЭ по спорам родителей о воспитании ребенка, проведенных в ФГБУ «Национальный медицинский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, выделены проблемы описания феноменов привязанности и психологического отношения и их использования при решении экспертных вопросов. Проанализированы и обобщены научные работы по теме психологии привязанности и психологии отношений в контексте использования их категориального аппарата при оценке детско-родительских отношений в рамках КСППЭ.

Результаты

Категория привязанности. Слово привязанность является общеупотребительным, оно существовало в языке задолго до появления психологических теорий и формулирования современных законодательных актов; любому интуитивно понятен и феномен привязанности, общий для разных культур. В древнегреческом языке привязанностью (*στορυή*) называли один из четырех видов любви — семейную, родственную любовь, которую испытывают друг к другу дети и родители. В латыни «*affection*» — намерение; любовь, расположение, пристрастие; родство; состояние, отношение. В англоязычной традиции «*affection*» стало употребляться с XIV века, имело первоначально только прямое значение «присоединить что-то к чему-то». В русском языке — чувство близости, основанное на преданности, симпатии кому-чему-либо (Ожегов, 2025)¹. Привязанность восходит к корню «связ/вяз», не имеет прямого пересечения с обозначениями эмоций (наиболее близко к немецкому языку — принадлежность, связь). Привязанность можно иметь как к живому человеку, так и к вещи или собирательному образу (стране, традиции и др.). Обычно привязанность противопоставляется влечению, как отношение и поведение без сексуальной составляющей. С позиции носителя языка и обыденного сознания привязанность является глубинным, устойчивым и слабо рефлекслируемым образованием, преодолевающим нестабильность эмоций, чувств и даже отношений. В такой парадигме смыслов, например, у ребенка может быть позитивное отношение к родителю, с которым интересно, или дающему материальные блага, а привязанность — к тому, с кем комфортно и стабильно, с кем есть эмоциональная общность, хотя это обычно не осознается, поскольку привычно и не составляет предмета анализа. Чем старше возраст, тем более опосредованы отношения человека — его ценностями, эгоцентрическими интересами, опытом, требованиями, ожиданиями; следование же привязанности дает уверенность в безусловной поддержке и принятии (феномен всепрощения родителей). Отношения могут меняться в зависимости от чувств от любви до ненависти и обратно, нарушить же привязанность сложно, а восстановить, скорее всего, невозможно. Исследования показывают, что юристы понимают привязанность близко к общеупотребительному контексту (Русаковская и др., 2008), и, формально принимая отказ психолога-эксперта определять степень привязанности, они не видят для него причин.

¹ *Привязанность*. [б. г.]. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23671> (дата обращения: 30.01.2025).

В XX веке в психологии за понятием «привязанность» закрепилось вполне определенное значение и раскрывается оно в системе специальных научных терминов. Поведение привязанности изучалось в бихевиоризме как инстинктивное применительно к животным и маленьким детям (Harlow, 1958). В психоаналитической традиции акцент делался на компенсации тревоги вследствие родовой травмы и потребности в любви (Бурлакова, 2005). Отказавшись от ограничений своей школы, Дж. Боулби сделал привязанность центральным понятием своей теории, которая затем была развита М. Эйнсворт, П. Криттенден и в силу высокого объяснительного потенциала частично интегрирована разными психологическими направлениями (Боулби, 2003; Плешкова, (2010)). По сути, с первой половины прошлого века интерес к этому феномену неизменно реализуется с учетом положений данной концепции, в том числе и в смежных сферах познания; так, философ И. Бре (Бре, 2013) посвятил большую работу исследованию сущности привязанности (в том числе к богу). В отечественной психологии теория привязанности лишь отчасти соотносима с представлениями Л.С. Выготского (Трушкина, 2023) — в части приоритета социальных факторов в формировании психики ребенка, но входит в противоречие с базовыми принципами культурно-исторической школы и теории деятельности, отводя ведущую роль взаимной направленности и эмоциональной связи матери и ребенка. С отказом от господства единой методологии исследованию привязанности стало уделяться особое внимание, в том числе из-за активного роста психотерапевтических практик, для которых теория привязанности стала удобным конструктом при разработке методов коррекции поведения детей (Носкова, 2013; Смирнов и др., 1999). Такие работы сосредоточены на поведении привязанности, но механизмы ее формирования у младенцев наиболее убедительно раскрываются с привлечением физиологических и нейропсихологических познаний (Николаева, 2012). Последние годы появляются публикации о зрелой привязанности, установлена связь между типом привязанности и качеством социальной адаптации, ощущением безопасности у взрослых (Цветкова и др., 2022). Наряду с этим привязанность рассматривается и в биологических науках; так, были найдены ее гормональные корреляты у матерей новорожденных (Кельмансон, 2023). В настоящий момент теория привязанности рассматривается как системная — интегрирующая в себе этологический, психоаналитический подходы, теорию объектных отношений и когнитивной психологии (Плешкова, 2010). Это ее достоинство обуславливает и некоторую эклектичность, выступающую препятствием на пути ее «бесшовного» использования в областях науки, требующих жесткой методологической основы, к которым относится судебная психология. Отказаться же от научной традиции и сформировать собственное экспертное понятие привязанности в соответствии с запросами юристов представляется неоправданным.

Анализ базовых представлений теории привязанности позволит рассмотреть возможности ее пересечения с методологией и практикой КСППЭ. Для последователей Дж. Боулби привязанность является своеобразной отправной точкой, определяющей впоследствии восприятие мира и себя в этом мире, интеллектуальные способности и индивидуально-психологические особенности, устойчивые поведенческие стратегии. Она представляет собой систему эмоциональных и поведенческих реакций ребенка во взаимодействии с матерью, выступает как «стратегия самозащиты»; в зависимости от доступности и отзывчивости фигуры первичной привязанности формируются паттерны привязанности, качество которых задает внутреннюю рабочую модель привязанности. Основанное сначала на ощущениях и

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

эмоциях, установление связей между причинами и характеристиками взаимодействий, закрепляясь на уровне рефлексов, постепенно преобразуется в формирующиеся представления и мысли.

В динамической модели привязанности П. Криттенден акцент был смещен с приоритетной потребности ребенка в достижении безопасности и комфорта на избегание обратного, а привязанность приобрела динамические характеристики и проецируется на весь жизненный цикл. Влияние факторов оценивается комплексно с учетом реакций не только ребенка, но и матери в связи с ее особенностями (тревожность, чувствительность) и внешними факторами (темперамент младенца, разлучение с ребенком, материнский стресс), в том числе и социальными (низкая социальная поддержка, конфликты супругов, занятость родителей на работе с передачей ребенка в детское учреждение). Изначально три выделенные варианта привязанности превратились в сложную систему; небезопасные типы привязанности А (когнитивная, тревожно-избегающая) и С (эмоциональная, сопротивляющаяся) стали считаться условно безопасными (наряду с В) в сравнении с Д (дезорганизованной) (Плешкова, 2010).

При проекции теории привязанности на экспертную практику можно выделить как позитивные аспекты, так и дискуссионные, спорные. Сильной стороной методологии теории привязанности является широкий спектр критериев оценки поведенческих проявлений детей и родителей, обобщенные вариативные модели привязанности с проекцией их характеристик на последующее психическое развитие. Подход, основанный, прежде всего, на интерпретации наблюдений и соотнесении феноменологии с обобщенными моделями, постулирует качественные свойства привязанности и принципиальную невозможность ее количественного измерения. С этим солидарна и судебная психология, которая в рамках метода включенного наблюдения может взять на вооружение тонкие нюансировки и оценки внешних проявлений детей как показателей их психической жизни.

В некоторых случаях психолог может квалифицировать лишь паттерны привязанности. У подэкспертных, не достигших 3 лет, еще не сформировались сложные психические образования; у несовершеннолетних, имеющих психические расстройства, отставание или искажение психического развития, специфические условия воспитания (варианты гиперопеки и госпитализма) отмечаются факторы, препятствующие своевременному становлению их личностных структур. В экспертном процессе у таких лиц достаточно очевидны именно паттерны привязанности, в то время как у других они часто маскированы в силу экспертных установок, настраивания, опосредованности поведения. Целесообразно фиксировать и отражать в тексте заключения те важные для решения экспертных задач характеристики привязанности, которые можно установить, наблюдая за эмоциями, реакциями на необходимость разлуки с родителем для отдельной беседы с ребенком при индивидуальном обследовании взрослого и ребенка, дистанцией, телесным контактом, поисками поддержки и одобрения, невербальными проявлениями. В пробе на совместную деятельность малолетних детей с родителями на первый план обычно выступает привязанность к тому, с кем ребенок проживает, что существенно при соотнесении отношения к отцу и матери, и чаще всего проявляется в большей формальности взаимодействия с далеким близким (иногда в тревоге и страхе). Родители также могут реализовывать поведение привязанности с устойчивыми, не требующими текущего контроля проявлениями заботы (накормить, откликнуться на негативные эмоции, предупредить тревожащее развитие событий, подстраховать).

При этом важно понимать, что все реакции родителя, в том числе и не обращенные на ребенка, влияют на его привязанность — ребенок является невольным свидетелем конфликта и сдвигов в привычной семейной системе даже при разумной и сдержанной позиции взрослых, вследствие чего трансформируются его картина мира, представления о надежности и стабильности опорных фигур. При этом, с позиций психологии привязанности, надежная привязанность, если и была сформирована ранее, к моменту производства экспертизы может быть разрушена, поскольку это достаточно хрупкое образование и даже в благополучных семьях ее преобладание является условным (у половины детей выявляются ненадежные варианты).

Наряду с интересующими суд особенностями привязанности ребенка, при обследовании иногда в ходе уяснения особенностей воспитания в детстве, а также пробе на совместную деятельность могут неожиданно ярко проявляться паттерны привязанности родителей. Хотя обычно в отношении детей преобладает более сложная, но более осознаваемая система взаимосвязей; такие глубинные реакции информативны и подлежат анализу. Чаще всего в их основе лежат механизмы проекции собственных детских травм, проблем и переживаний, сохраняющих влияние на взрослую жизнь и взаимоотношения с собственными детьми. Они неконструктивны для воспитания, приводят к размыванию личных границ, формированию симбиотических отношений, изменению системы требований, ограничений и ожиданий по причине мнимой заботы (приписываемая болезнь, несостоятельность, исключительность ребенка). Иногда холодность и формальность при общении с ребенком обусловлены неразвитостью эмоций или внутренними барьерами в их выражении, идущими с малолетства, доминированием социальных долженствований над непосредственным откликом (игнорирование эмоций, чувства страха или голода; сосредоточенность на эксперте).

На паттерны привязанности помимо традиций семьи влияют детоцентрические установки, свойственные современным семьям, способствующие нивелированию собственных интересов и границ у части родителей. Имея социальную природу (малодетность, откладывание родительства), они часто приводят к неконструктивным вариантам родительской позиции. В структуре отношения к ребенку отмечается давление привязанности, опасное тем, что оно облекается в рациональную форму, оправдывает гиперопеку, авторитарность, директивность с высоким уровнем ожиданий от ребенка и игнорированием его индивидуальных потребностей и склонностей.

В некоторых случаях при пограничных формах инфантилизма у родителей обнаруживается слабая дифференциация семейных подсистем, дефицит сексуальной составляющей супружества и/или размывание ролевых функций; недостаточно рефлекслируемые привязанности доминируют в системе не в полной мере сформированных отношений с родными. Это ослабляет родительскую ответственность и прогноз, проявляется в повышенной значимости удовлетворения психофизиологических потребностей и недоучете социальных аспектов, редукции когнитивной составляющей с преобладанием слабо осознанных или иррациональных побуждений, созависимого поведения.

Представления психологии привязанности, таким образом, расширяют возможности фиксации и интерпретации феноменов детско-родительских отношений — по сути, первичных результатов, значимых для исследовательской части заключения. Однако для выводов эксперта методологическое и методическое обеспечение этой теории недостаточно. Так, сам механизм первичного формирования привязанности у младенца не находится в

фокусе внимания и принимается как данность. Апелляция к наличию представлений на основе интеграции собственного опыта у детей до 1,5 лет вызывает сомнения, поскольку у них нет еще интеллектуального потенциала для этого. Кроме того, несмотря на динамический подход, контингент обследуемых представлен почти только малолетними. Количество моделей привязанности и способность ребенка к их изменению оцениваются исследователями неоднозначно и связываются с особенностями условий и принципов его воспитания, ближайшим окружением, что затрудняет и так непростой для эксперта (опосредованно) и суда выбор варианта проживания.

Диагностика привязанности громоздка, трудозатратна и ненадежна. Так, до сих пор актуальна сложная, имеющая значительные возрастные ограничения, процедура эксперимента «Незнакомая ситуация» М. Эйнсворт. Она требует специальной подготовки и сертификации, но слабо защищена от субъективизма интерпретатора и социальной желательности со стороны взрослых. Имеющиеся опросники, направленные на оценку привязанности, невозможно выполнить достоверно без развитой рефлексии и искренности испытуемого, при этом их результаты являются поверхностными.

Другая проблема интеграции теории привязанности в судебную психологию обусловлена ориентацией последней на юридические запросы. С точки зрения закона, оба родителя имеют равные права и обязанности в отношении детей, и при решении судебных споров о воспитании ребенка именно с этих позиций поднимается вопрос о большей или меньшей его привязанности к матери или отцу. Однако традиционно и в силу природы, за исключением особых социальных условий, у малолетнего ребенка в качестве фигуры первичной привязанности выступает мать, это подтверждается практикой семейных экспертиз. Если малолетний ребенок проживает с одним из родителей, для второго (чаще отца) в ходе экспертизы априори существуют неравные условия при взаимодействии, иногда же дети, которых воспитывают преимущественно бабушки, испытывают дискомфорт с обоими родителями в ее отсутствие. Помимо прочего, встает сложная морально-нравственная дилемма — уступать ли ребенку в его привязанности, поскольку она может не совпадать с объективно благоприятными возможностями и личными ресурсами родителя для его воспитания. Или разрывать такую привязанность, нанося психическую травму ради перспективы создания более конструктивных отношений. Такая проблема экспертным путем решена быть не может. Представляется, что психолог чаще всего не имеет оснований для экспертной оценки отношений привязанности и отнюдь не всегда привязанность к кому-либо из родителей должна быть приоритетным критерием для определения места жительства ребенка, если она не подкрепляется другими факторами.

Вследствие всех этих обстоятельств при КСППЭ по судебным спорам родителей о воспитании ребенка отношения привязанности остаются на периферии. Первостепенные для психотерапевтических практик и коррекции детско-родительских отношений, они зачастую недоступны объективации в процессе экспертизы. Однако эксперту важно хорошо ориентироваться в базовых представлениях рассматриваемой теории, обладать умениями распознавать и оценивать проявления привязанности, подвергать их анализу на феноменологическом уровне и квалифицировать, когда они значимы для выводов.

С точки зрения методологии судебной психологии, у ребенка в процессе его развития связи с родителями не исчерпываются и не могут быть полностью раскрыты через понятие привязанности, хотя она и значима для системы отношений. Привязанность может

рассматриваться как базовый элемент любви ребенка к родителю, она также основывается на аффилиативной потребности, но ее качественные характеристики динамичны в онтогенезе, в процессе которого переживания привязанности транслируются через отношение — сложный эмоционально-поведенческий комплекс (Маркушонок, 2008).

Категория отношения. Понятие «отношение» в отличие от понятия «привязанность» является крайне обобщенной категорией и сопоставимо по своей универсальности с понятием деятельности. Оно используется как общеупотребительное слово в широком контексте, а также применительно к разным объектам в различных сферах познания — математике, философии, биологии, психологии. Его роднит с привязанностью указание на наличие взаимосвязи между величинами, явлениями, людьми, а также кажущаяся очевидность содержания. В русском языке это слово стало встречаться лишь со второй половины XVIII века и, что интересно, сначала как часть отглагольного предлога («в отношении...»), в XIX — преимущественно в научных трудах как самостоятельное существительное. Из его лексического состава вычленяется смысл «нести от себя», что опосредованно указывает на активную позицию субъекта отношения; у понятия много значений, которые раскрываются через слова «связь», «мнение», «характер поведения», «взаимозависимость» и др. (Словарь «Глаголь», 2025)². В психологии понимание отношения как психического взаимодействия организма со средой получило развитие в трудах В.Н. Бехтерева (Бехтерев, 1999), в XX веке оно стало ключевым в психологических представлениях об эмоционально-потребностных связях человека с окружающим миром (Басов, 1930; Лазурский, Франк, 1912). «Отношение» — центральное понятие в работах В.Н. Мясищева (Мясищев, 1960), отношение формируется личностью в процессе активности на основании многофакторного взаимовлияния внешнего объективного и внутреннего субъективного мира, что определяет его избирательность и разные уровни осознанности. Выделив когнитивный (включающий знания об объекте и их смысл), аффективный и конативный (волевой) компоненты отношения, В.Н. Мясищев настаивал на его целостности при интегрирующей роли личности, которая раскрывается через систему отношений, имеющую уровни и структуру, свойства пластичности, динамичности и устойчивости, а также функцию регуляции. Статус объяснительного принципа взаимодействия психики и среды с его крайней обобщенностью, многоаспектность и неоднозначность (эклектичность) понимания самой категории стали препятствием на пути типизации и классификации отношений на базе концепции В.Н. Мясищева. Однако в ее контексте данный термин широко использовался в работах отечественных психологов, преимущественно применительно к системе межличностных связей, как субъективная, пристрастная позиция индивида (Бодалев, 1995; Ломов, 1994). Последние десятилетия утилитарно-прикладные аспекты отношения были в центре внимания социальной психологии с акцентом на трудовые и экономические процессы, а также в семье (супружеские, детско-родительские, межпоколенные).

Вслед за Е.В. Левченко, выделившей три линии развития идеи отношения в психологии — логико-философскую, биологическую и интроспективно-психологическую (Левченко, 2003), В.П. Позняков провел ревизию данного понятия с современной позиции и с учетом вклада социальных наук (Позняков, 2017). По сути, можно констатировать размывание его содержания в процессе многочисленных исследований; при отсутствии четкой системы

² *Отношение*. [б. г.]. Словарь «Глаголь». URL: https://pervobraz.ru/slova/article_post/otnoshenie (дата обращения: 06.02.2025).

научных представлений о его свойствах и видах к нему апеллируют как к чему-то само собой разумеющемуся. Автор разделяет точку зрения на отношение как осознаваемое психическое явление, состояние сознания. Отношениям присущи свойства стабильности, устойчивости и в то же время динамичности, изменчивости. Регуляторная функция реализуется вследствие наличия потенциала установки благодаря избирательности отношения, выбору из альтернатив в процессе предпочтения/отвержения на фоне пассивности/активности позиции субъекта.

Особая роль наряду с когнитивным (наличие знаний об объекте) и поведенческим (готовность к определенным действиям) отводится эмоциональному (аффективному) компоненту отношения — центральному, стержневому. Первые два проявляются в суждениях и поступках, выражающих субъективную оценку объекта. Эмоциональный аспект психологического отношения (совокупность субъективных переживаний, эмоционально окрашенных мнений и оценок) труднее достоверно верифицировать, но именно он задает его валентность (нейтральное, позитивное, негативное, амбивалентное) и модальность. Кроме указанных, В.П. Позняков особо выделил роль ценностного компонента, обусловленного индивидуальной субъективной иерархией ценностей и раскрывающего личный смысл взаимодействия.

В рамках ресурсно-ценностного подхода В.П. Позняков (Позняков и др., 2009) предложил трехмерную модель отношения, виды которого определяются критерием оценок и составляют его модальности (по сути, смысл взаимодействия). Эмоционально-потребностные отношения базируются на осознаваемых и неосознаваемых потребностях личности (шкала «нравится—не нравится»). Рационально-целевые (деловые) отношения основываются на соотношении осознаваемых утилитарных потребностей субъекта и способности объекта их удовлетворить («выгодно — не выгодно»). При преобладании данного варианта модальности другой человек выступает в качестве объекта воздействия и ресурса достижения цели. Ценностно-смысловые (ценностные) отношения наиболее эмоционально заряжены, представляют собой оценку объекта отношения на основании своей собственной иерархии ценностей (шкала «значимо — не значимо для меня»; «приемлемо для меня — не приемлемо для меня»). Возможна различная выраженность каждой из модальностей психологического отношения. Доминирование деловой модальности задает им ресурсно-объектную направленность. При преобладании субъектно-ценностной ориентации партнер имеет право на свои интересы, потребности и мотивы, столь же существенные, как и собственные. Само взаимодействие в такой ситуации приобретает характер ценности. Человек может быть полезным, но не нравится, и наоборот. Данная модель позволяет раскрыть большую часть механизмов амбивалентного отношения, определяющегося противоречием оценок объекта по разным модальностям.

Обобщая многоаспектное содержание и варианты использования категории отношения как инструмента установления психологических взаимозависимостей, можно утверждать, что рассмотренная классификация отношений и единицы его анализа более других применимы в методологии КСППЭ. Безусловно, одной из осей отношения ребенка к родителям является градация «нравится — не нравится», изначально оно совпадает с привязанностью, представлено эмоционально-оценочной неосознаваемой составляющей, которая впоследствии переносится на более осмысленную взаимосвязь. Наряду с этим мать и отец являются для ребенка ресурсом удовлетворения базовых потребностей в безопасности, заботе, принятии, а затем индивидуальных личностно обусловленных желаний. Между этими составляющими может наблюдаться перевес: например, у некоторых детей вследствие потребительского

отношения выбор делается в пользу того взрослого, который может предоставить больше материальных благ или степеней свободы. Постепенно у ребенка формируется ценностное отношение к родителям — чем старше он становится, тем сложнее личностный смысл взаимодействия с ними. В то же время в условиях постоянного конфликта матери и отца ценностный компонент может быть редуцирован или искажен. У родителей обычно преобладает эмоциональная и ценностная составляющие в структуре их отношения к ребенку, однако у некоторых даже малолетние дети могут выступать также и ресурсом (например, получение дополнительных средств, способ самореализации). Однако данная трехмерная модель не исчерпывает все значимые для верификации детско-родительских отношений оси и единицы анализа.

При экспертном освидетельствовании и написании заключения детско-родительские отношения всесторонне могут быть представлены по качественным и количественным характеристикам, которые задаются смысловым полем данной категории. **Осознанность** отношения: полностью, частично; при полном отсутствии осознания, можно говорить только о привязанности. **Валентность**: позитивное, негативное, нейтральное, противоречивое, амбивалентное (несогласованное отношение в рамках одной модальности). **Модальность**: представленность и соотношение эмоциональной, утилитарной и ценностной составляющих. **Ролевая адекватность**: соответствие/несоответствие ролевым и функциональным критериям в семейной системе и ее подсистемах. **Самостоятельность**: независимое (сформировано на основании собственных представлений и опыта), частично зависимое (сформировано вследствие влияния других лиц и собственного опыта), несамостоятельное (при отсутствии или игнорировании собственного опыта под влиянием других лиц), индуцированное отношение. **Устойчивость**: устойчивое, динамичное (меняется в зависимости от объективных факторов); неустойчивое (колеблется по внутренним побуждениям и/или ситуативно). **Удовлетворенность субъекта**: удовлетворен, не хочет менять систему отношений; не удовлетворен, но не хочет иного; не удовлетворен, потребность в изменении. Дополнительные оси, которые приобретают смысл при крайне высоких или низких показателях. Выраженность: слабая, средняя, высокая, чрезмерная. Активность (проявления): высокая (влияет на все оценки и поведение), адекватная (проявляется избирательно и дифференцировано), низкая (пассивное отношение). Для малолетних детей и несовершеннолетних подэкспертных также осознанность и самостоятельность могут быть раскрыты с использованием критерия сформированности и механизма формирования.

В процессе экспертного исследования отношение, выступающее основой экспертного суждения, может быть выявлено лишь на основании качественного анализа всей совокупности полученных данных, квалифицируется системно, но на уровне экспертного понятия функционирует обобщенно. Вывод делается психологом с указанием на позитивное, негативное, нейтральное, противоречивое, амбивалентное отношение, которое в тексте заключения раскрывается по значимым осям классификации, что даст суду наиболее полные и дифференцированные представления о приоритетах ребенка для принятия и обоснования решения о месте его проживания.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить значимые для экспертного анализа аспекты категории привязанности и задать единицы экспертного анализа системы

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

детско-родительских отношений. Исходя из самых общих представлений психологии, содержание привязанности и отношения пересекается, но в то же время объяснительный потенциал их базируется на различных методологических подходах, что затрудняет их равноправную интеграцию в систему психологических понятий КСППЭ по судебным спорам родителей о воспитании ребенка. Привязанность не всегда доступна выявлению, сложна для операционализации, но феноменологически значима, когда ее проявления носят яркий характер; экспертный вес она приобретает, когда влияет на систему детско-родительских отношений. Наблюдения эксперта могут быть отражены в заключении, но в выводы выносятся, только если они не могут быть исчерпаны системной оценкой отношений (у малолетних и при специфических особенностях развития детей или родительской позиции взрослых). Категория психологического отношения на данном этапе развития науки адекватно встроена в теорию деятельности, системна, имеет взаимодополняющие оси оценки, которые могут продуктивно использоваться в качестве единиц экспертного анализа. Об отношении, как и о привязанности, возможно выносить лишь качественные суждения; выделение же типов привязанности в рамках КСППЭ нецелесообразно и малопродуктивно.

Список источников / References

1. Басов, М.Я. (1930). *Общие основы педологии*. М.; Л.: Гос. изд-во.
Basov, M.Ya. (1930). *General principles of pedology*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. (In Russ.).
2. Бехтерев, В.М. (1999). *Избранные труды по психологии личности. Том 2*. СПб: Алетея.
Bekhterev, V.M. (1999). *Selected works on personality psychology. Vol. 2*. Saint Petersburg: Aleteya. (In Russ.).
3. Бодалев, А.А. (1995). *Личность и общение*. М.: Международная педагогическая академия.
Bodalev, A.A. (1995). *Personality and communication*. Moscow: International Pedagogical Academy Publ. (In Russ.).
4. Боулби, Дж. (2003). *Привязанность*. М.: Гардарики.
Bowlby, J. (2003). *Attachment*. Moscow: Gardariki. (In Russ.).
5. Бурлакова, Н.С. (2005). *Детский психоанализ: Школа Анны Фрейд*. М.: Издательский центр «Академия».
Burlakova, N.S. (2005). *Child psychoanalysis: The School of Anna Freud*. Moscow: Akademiya Publishing Center. (In Russ.).
6. Бре, И. (2013). Привязанность (эрос и агапэ). *Философский журнал*, 2(11), 19—37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21010918> (дата обращения: 30.01.2025).
Brès, Y. (2013). Attachment (Eros and Agape). *Philosophy Journal*, 2(11), 19—37. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21010918> (viewed: 30.01.2025).
7. Лазурский, А.Ф., Франк, С.Л. (1912). *Программа исследования личности в ее отношениях к среде. Книга I*. М.: Русская школа.
Lazursky, A.F., Frank, S.L. (1912). *A program for the study of personality in its relations to the environment. Book I*. Moscow: Russian School. (In Russ.).
8. Ломов, Б.Ф. (1984). *Методологические и теоретические проблемы психологии*. М.: Наука.
Lomov, B.F. (1984). *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

9. Кельмансон, И.А. (2023). Материнско-фетальная привязанность как естественный феномен беременности и формирования материнства. *Педиатрия, Consilium Medicum*, 1, 12—18. <https://doi.org/10.26442/26586630.2023.1.202127>
Kelmanson, I.A. (2023). Maternal-fetal attachment as a natural phenomenon of pregnancy and maternity development: A review. *Pediatrics. Consilium Medicum*, 1, 12—18. <https://doi.org/10.26442/26586630.2023.1.202127>
10. Маркушонок, О.В. (2008). Привязанность как базовый элемент любви ребенка к родителю. *Вестник Курганского государственного университета. Серия: Физиология, психология и медицина*, 12, 98—102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16228406> (дата обращения: 30.01.2025).
Markushonok, O.V. (2008). Attachment as a basic element of a child's love for a parent. *Bulletin of Kurgan State University. Series: Physiology, Psychology and Medicine*, 12, 98—102. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16228406> (viewed: 30.01.2025).
11. Мясищев, В.Н. (1960). *Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека. Том 2*. М.: Изд-во АПН РСФСР.
Myasishchev, V.N. (1960). *The main problems and the current state of human relationship psychology. Volume 2*. (pp. 110—125). Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the Russian Soviet Socialist Republic. (In Russ.).
12. Николаева, Е.И. (2012). Привязанность как психологическая категория. *Народное образование*, 6, 221—228. URL: <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2012-6/privyazannost-kak-psiologicheskaya-kategoriya-povedenie-roditeley-i-razvitie-rebyonka> (дата обращения: 30.01.2025).
Nikolaeva, E.I. (2012). Attachment as a psychological category. *Public Education*, 6, 221—228. (In Russ.). URL: <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2012-6/privyazannost-kak-psiologicheskaya-kategoriya-povedenie-roditeley-i-razvitie-rebyonka> (viewed: 30.01.2025).
13. Носкова, Н.В. (2013). История и современное состояние исследований привязанности в отечественной психологии. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: «Педагогика. Психология»*, 2(29), 109—120. URL: <https://periodical.pstgu.ru/ru/series/issue/4/29/article/2166> (дата обращения: 30.01.2025).
Noskova, N.V. (2013). History and current state of attachment research in Russian psychology. *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 2(29), 109—120 (In Russ.). URL: <https://periodical.pstgu.ru/en/series/issue/4/29/article/2166> (viewed: 30.01.2025).
14. Плешкова, Н.Л. (2010). *Особенности привязанности у детей раннего возраста. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13*. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004709179> (дата обращения: 30.01.2025).
Pleshkova, N.L. (2010). *Peculiarities of attachment in young children: Diss. Cand. of Psychol. Sci.: 19.00.13*. Saint Petersburg State University. Saint Petersburg (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004709179> (viewed: 30.01.2025).
15. Позняков, В.П. (2017). Психологические отношения человека: современное состояние исследований и перспективы развития концепции. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 2(2), 6—30. URL: <http://socioeconom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/g17/t2-2/s17-2-01.html> (дата обращения: 30.01.2025).

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

- Poznyakov, V.P. (2017). psychological relations of a person: the present status of the research and prospects of the concept's development. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2(2), 6—30. (In Russ.). URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/g17/t2-2/s17-2-01.html> (viewed: 30.01.2025).
16. Позняков, В.П., Вавакина, Т.С. (2009). Ценностные ориентации как фактор отношения российских предпринимателей к деловому партнерству. *Психология в экономике и управлении*, 1, 51—64. URL: <http://journalpsy.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19727> (дата обращения: 30.01.2025).
Poznyakov, V.P., Vavakina, T.S. (2009). Valuable orientations as the factor of the relation of the Russian businessmen to business partnership. *Psychology in Economics and Management*, 1, 51—64. (In Russ.). URL: <http://journalpsy.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19727> (viewed: 30.01.2025).
  17. Русаковская, О.А., Леонов, Н.Р., Ильина, О.Ю. (2008). Психолингвистическая структура слова «привязанность» в контексте судебно-медицинской экспертизы. В: *23-й Всемирный конгресс Международной ассоциации детской и подростковой психиатрии и смежных профессий. Прага, Чешская Республика* (с. 80). <https://doi.org/10.13140/rg.2.2.33942.01608>
Rusakovskaya, O.A., Leonov, N.R., Ilyina, O.Ju. (2008). Psycholinguistic structure of the word “affection” in reference to forensic custody evaluation. In: *23 World Congress of the International Association for Child and Adolescent Psychiatry and Allied Professions. 23-27 July 2018 Prague Czech Republic* (p. 80). (In Russ.). <https://doi.org/10.13140/rg.2.2.33942.01608>
  18. Сабельникова, Н.В. (2008). Методы исследования привязанности в процессе возрастного развития в современной зарубежной психологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 3, 36—47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12864580> (дата обращения: 30.01.2025).
Sabelnikova, N.V. (2008). The Measurement of Attachment across Lifespan Development in Modern European and American Psychology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*, 3, 36—47. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12864580> (viewed: 30.01.2025).
  19. Сафуанов, Ф.С. (2014). *Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата*. М.: Юрайт.
Safuanov, F.S. (2014). *Forensic psychological examination: a textbook for academic baccalaureate*. Moscow: Yurayt Publishing House. (In Russ.).
  20. Смирнова, Е.О., Радева, Р. (1999). Развитие теории привязанности (по материалам работ П. Криттенден). *Вопросы психологии*, 1, 52—68. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1999/991/991105.htm> (дата обращения: 06.02.2025).
Smirnova, E.O., Radeva, R. (1999). The development of attachment theory (after P. Crittenden) (resume). *Voprosy Psichologii*, 1, 52—68. (In Russ.). URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1999/991/991105.htm> (viewed: 06.02.2025).
  21. Трушкина, С.В. (2023). Сравнительный анализ подходов Л.С. Выготского и Дж. Боулби к развитию ребенка на первом году жизни. *Культурно-историческая психология*, 19(3), 39—46. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190305>
Trushkina, S.V. (2023). The Approaches of L.S. Vygotsky and J. Bowlby to Infant Development: the Comparative Analysis. *Cultural-Historical Psychology*, 19(3), 39—46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2023190305>

Савина О.Ф. (2025)
Судебно-психологическая экспертиза
при спорах родителей о воспитании ребенка:
понятия «привязанность» и «отношение»
Психология и право, 15(2), 19—33.

Savina O.F. (2025)
Forensic psychological examination in disputes
between parents about the upbringing of a child:
the concepts of “attachment” and “attitude”
Psychology and Law, 15(2), 19—33.

22. Цветкова, Н.А., Кисляков, П.А., Володарская, Е.А. (2022). Надежная привязанность как фактор нервно-психической адаптации и субъективной психологической безопасности студентов в условиях пандемии COVID-2019. *Сибирский журнал естественных наук и сельского хозяйства*, 14(1), 351—379. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-1-351-379>
Tsvetkova, N.A., Kislyakov, P.A., Volodarskaya, E.A. (2022). Neuropsychic adaptation and subjective psychological safety of students in the context of the COVID-19 pandemic. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 14(1), 351—379. (In Russ.). <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-1-351-379>
23. Harlow, H.F. (1958). The nature of love. *American Psychologist*. 13(12), 673—685. <https://doi.org/10.1037/h0047884>

Информация об авторах

Ольга Феликсовна Савина, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psychol1@yandex.ru

Information about the authors

Olga F. Savina, Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher of Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psychol1@yandex.ru

Вклад авторов

Савина О.Ф. — идея исследования, теоретический анализ, написание, оформление и окончательное редактирование рукописи.

Contribution of the authors

Olga F. Savina — the idea of research, theoretical analysis, writing, design and final editing of the manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 06.02.2025
Поступила после рецензирования 13.02.2025
Принята к публикации 26.02.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025 02.06
Revised 2025 02.13
Accepted 2025 02.26
Published 2025 06.30

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Научная статья | Original paper

Анализ судебных решений по преступлениям, включающих вопрос о квалификации аффекта

К.М. Солдатова¹✉

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России, Москва, Российская Федерация

✉ soldatova.k@serbsky.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Практический опыт демонстрирует нередкие случаи рассогласованности экспертных выводов и вынесенного судебного решения. Особенно значима данная проблема в рамках экспертизы аффекта и квалификации статей с привилегированным составом преступления. Изучение приговоров судов общей юрисдикции позволит выявить факторы, определяющие неэффективность взаимодействия правоприменителя и эксперта. **Актуальность** настоящей работы обусловливается необходимостью выявления основных дезинтегрирующих факторов, препятствующих эффективному использованию судами заключений комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы аффекта. **Цель.** Исследование проблемных зон экспертных обоснований по вопросам квалификации состояния аффекта посредством анализа их применения судами общей юрисдикции при вынесении приговора. **Методы и материалы.** Было собрано 1572 релевантных судебных решений, вынесенных за период с 2013 по 2023 гг. В исследовании рассматривались решения судов первой инстанции, апелляционных и кассационных судов. **Результаты.** Обнаружена превалирующая согласованность между экспертными и судебными квалификациями в отношении аффективных правонарушений при снижении количества случаев привлечения эксперта-психолога. Наиболее остро стоящей проблемой является интерпретация правоприменителем упоминания индивидуально-психологических особенностей в контексте развития аффекта. **Выводы.** Показано, что рассогласование приговоров суда и заключений судебной экспертизы, связанных с аффективными правонарушениями, обусловлено как экспертными ошибками, так и трактовками экспертных заключений со стороны правоприменителя. Для решения проблем взаимодействия между экспертами-психологами и судебными органами необходимо внедрение комплексных мер.

Солдатова К.М. (2025)
Анализ судебных решений по преступлениям,
включающих вопрос о квалификации аффекта
Психология и право, 15(2), 34—46.

Soldatova K.M. (2025)
Analysis of court decisions on crimes,
including the question of the qualification of affect
Psychology and Law, 15(2), 34—46.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, аффект, индивидуально-психологические особенности

Благодарности. Автор выражает благодарность Ф.С. Сафуанову за идею проведенного исследования и оказанную помощь при написании настоящей статьи.

Для цитирования: Солдатова, К.М. (2025). Анализ судебных решений по преступлениям, включающих вопрос о квалификации аффекта. *Психология и право*, 15(2), 34—46. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150203>

Analysis of court decisions on crimes, including the question of the qualification of affect

K.M. Soldatova¹✉

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ soldatova.k@serbsky.ru

Abstract

Context and relevance. Practical experience demonstrates frequent cases of inconsistency between expert conclusions and a court decision. This problem is particularly significant in the context of the examination of affect and the qualification of articles with a privileged corpus delictis. Studying the verdicts of courts of general jurisdiction will reveal the factors determining the ineffectiveness of the interaction between the law enforcement officer and the expert. The relevance of this work is determined by the need to identify the main disintegrating factors that hinder the effective use by courts of the conclusions of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of affect. **Objective.** The study of problem areas of expert justifications on the qualification of the state of affect by analyzing their application by courts of general jurisdiction in sentencing. **Methods and materials.** 1,572 relevant court decisions were collected from 2013 to 2023. The study examined the decisions of the courts of first instance, the courts of appeal and the courts of cassation. **Results.** The prevailing consistency between expert and judicial qualifications in relation to affective offenses was found with a decrease in the number of cases involving an expert psychologist. The most acute problem is the interpretation by the law enforcement officer of the mention of individual psychological characteristics in the context of affect development. **Conclusions.** It is shown that the discrepancy between court verdicts and conclusions of the forensic examination related to affective offenses is due to both expert errors and interpretations of expert opinions by the law enforcement officer. Comprehensive measures must be implemented to solve the problems of interaction between psychological experts and judicial authorities.

Keywords: comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, affect, individual psychological characteristics

Acknowledgements. The author is grateful to Safuanov F.S. for the idea of the research and the help provided in writing this article.

For citation: Soldatova, K.M. (2025). Analysis of court decisions on crimes, including the question of the qualification of affect. *Psychology and Law*, 15(2), 34—46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150203>

Введение

При зарождении психологической экспертизы определение наличия состояния аффекта было выделено в отдельный предметный вид (Коченов, 1980; Коченов, 2010). На сегодняшний день судебная психологическая экспертиза имеет важное значение в рамках юридического разрешения правонарушений, относящихся к привилегированным составам (Критерии судебно-психологической..., 2016). При этом следует заметить, что привлечение психологов в уголовное судопроизводство в качестве экспертов со стороны судебно-следственных органов не всегда влечет за собой эффективное взаимодействие ввиду того, что судебная экспертиза назначается лицу, обладающему специальными знаниями, а оценивать заключение эксперта приходится лицу (следователю, прокурору, судье), не обладающему этими знаниями. Практический опыт демонстрирует нередкие случаи расхождения экспертных выводов и вынесенного судебного решения. В условиях расхождения принципов квалификации уголовно-правового и экспертного аффекта названная проблематика стоит особенно остро (Солдатова, 2022).

Несмотря на отчетливо формирующуюся потребность в прояснении уязвимых областей взаимодействия судебных органов и экспертов, научных источников, удовлетворяющих такому запросу, фактически нет. Исследование, проведенное Ф.С. Сафуановым и И.В. Исаевой (Сафуанов, Исаева, 2015), впервые продемонстрировало актуальность изучения судебно-экспертного взаимодействия: авторами были исследованы определения Верховных Судов РФ, включающих кассационные жалобы и протесты по делам, связанным с квалификацией ст. 107 или 113 УК РФ. Проведенный анализ обнаружил значительный процент случаев переквалификации решений, касающихся аффективных правонарушений, принятых судами первой инстанции. Среди ключевых детерминант дезинтеграции приводятся:

- затруднения судов первой инстанции в соотнесении экспертной квалификации эмоционального состояния, оказавшего существенное влияние на сознание и поведение с внезапно возникшим сильным душевным волнением;
- восприятие экспертом-психологом категорий «аффект» и «выраженное эмоциональное напряжение» как разнозначных с точки зрения соотнесения с правовой категорией «внезапно возникшее сильное душевное волнение (аффект)» и, как следствие, их противопоставление в экспертных выводах.

В заключение авторами выносятся положения о необходимости включения в объем судебно-экспертного психологического понятия аффекта всех эмоциональных реакций и состояний, которые возникают внезапно, спровоцированы поведением потерпевшего или связанной с их поведением длительной психотравмирующей ситуацией и в момент совершения правонарушения сопровождаются выраженными нарушениями осознанной регуляции своих действий.

Закономерным продолжением выступает анализ решений судов первой инстанции, апелляционных и кассационных судов. Изучение приговоров судов общей юрисдикции позволит расширить спектр поиска причин, провоцирующих неэффективность взаимодействия правоприменителя и эксперта, а также выявить специфические критические

области каждой из сторон. Таким образом, актуальность настоящей работы обусловливается необходимостью выявления основных дезинтегрирующих факторов, препятствующих эффективному использованию судами комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) аффекта.

Целью является выявление проблемных зон экспертных обоснований по вопросам квалификации состояния аффекта посредством анализа их применения судами общей юрисдикции при вынесении приговора.

Материал исследования

При отборе судебных актов по ключевым словам и с указанием «ст. УК РФ 107», «ст. УК РФ 113» на сайте «garant.ru» было собрано 1572 релевантных судебных решения, вынесенных за период с 2013 по 2023 гг. В исследовании рассматривались решения судов первой инстанции, апелляционных и кассационных судов.

Квалификация аффективных преступлений без назначения судебных экспертиз с участием психолога

Приведенное исследование решений ВС РФ (2015) содержало данные о значительном превалировании приговоров по аффективным правонарушениям, включающих экспертное заключение психолога (с 2007 по 2015 гг.). Однако актуальный анализ показал, что назначение судебной психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы при рассмотрении аффективных преступлений реализуется только в половине актов (45%) (с 2013 по 2023 гг.). В 28% (441 случай) суд не назначал экспертизы на предмет психического и/или психологического состояния подсудимого на момент совершения им правонарушения. При этом в 10% (155 случаев) суд самостоятельно устанавливал сильное душевное волнение, либо используя в качестве обоснований акцент на феноменологии состояния подсудимого посредством использования стандартных психологических формулировок («произошло травмирование психики», «наступил тяжелый эмоциональный удар»), либо основываясь на юридическом критерии аморальности, противоправности действий потерпевшего или наличии психотравмирующей ситуации, созданной последним. Остальные 18% решений (286 случаев) с отказом в удовлетворении ходатайства о квалификации правонарушения по «аффективным» статьям также в большинстве своем ссылаются на отсутствие вышеуказанного юридического критерия и также используют феноменологическую оценку эмоционального состояния подсудимого в момент совершения инкриминируемого деяния («отсутствовала эмоциональная вспышка высокой степени, которая тормозила бы его сознательную интеллектуальную деятельность» и др.). Кроме того, среди значимых критериев «исключения» аффекта обнаруживаются:

- взаимно-конфликтная коммуникация между потерпевшим и подсудимым перед правонарушением (*«конфликты были обоюдными и оскорбления потерпевшего X по своему характеру являлись для подсудимого N не тяжким оскорблением, а взаимными высказываниями»*);
- жизненно важные органы в качестве областей насильственного воздействия подсудимого (квалифицируется как целенаправленные действия);
- использование орудия, имеющего высокую поражающую способность и способного нанести значительный ущерб человеку;

- многократность насильственных воздействий (квалифицируется как умышленное причинение смерти);
- подробное описание происшедших событий подсудимым (квалифицируется как осознанность совершенных действий);
- состояние алкогольного опьянения;
- наличие судимостей в прошлом.

В 286 исследованных случаях (17%) подсудимым были проведены только судебно-психиатрические экспертизы (СПЭ). В некоторых приговорах результаты СПЭ были проинтерпретированы в качестве доказательства отсутствия аффекта:

- по результатам СПЭ были сделаны выводы об отсутствии предшествующей деянию психотравмирующей ситуации («По выводам судебно-психиатрической экспертизы, N не находилась в длительной психотравмирующей ситуации, которая предусмотрена ст. 107 УК РФ в качестве повода для возникновения сильного душевного волнения»);
- в заключении СПЭ содержался ответ на вопрос об отсутствии у подсудимого состояния аффекта («Согласно заключению амбулаторной психиатрической экспертизы, N в момент инкриминируемого ему деяния мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, по отношению к содеянному N является вменяемым, в состоянии аффекта не находился»);
- отказ в квалификации сильного душевного волнения обуславливался вменяемостью подсудимого на основании выводов СПЭ («По заключению судебно-психиатрической экспертизы наличие у N психического расстройства не лишило его в момент совершения инкриминируемого ему деяния способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, в связи с чем оснований для переквалификации действий осужденного на ч.1 ст.107 УК РФ, как на убийство, совершенное в состоянии аффекта, не имеется»);
- отказ в квалификации сильного душевного волнения обуславливался выводами СПЭ об отсутствии патологического аффекта («Оснований для квалификации действий N по ст.107 УК РФ как убийства, совершенного в состоянии аффекта, не имеется, поскольку заключением амбулаторной судебной психиатрической экспертизы установлено, что в момент инкриминируемого ему деяния у N признаков какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности, в том числе патологического аффекта, не было»).

Квалификация аффективных преступлений с назначением судебных экспертиз с участием психолога

Степень соответствия установленного экспертами аффекта квалифицированным судами статьям 107, 113 УК РФ достигает 89%, а исключенного экспертами аффекта квалифицированным статьям 105, 111 УК РФ — 97%. Чаще всего в приговорах содержатся указания на «отсутствие причин не доверять экспертам», ввиду «надлежащего экспертного учреждения, комплексности проведенного обследования, высокого стажа работы участвовавших экспертов, непротиворечивости выводов» и других формальных характеристик. Выявлены 37 приговоров с расхождением экспертных и юридических выводов, а также 25 приговоров, включающих назначения повторных экспертиз.

При оспаривании судом вывода экспертов о нахождении подсудимого в юридически значимый момент в состоянии аффекта обнаруживается преобладание ссылок на отсутствие аморального, противоправного поведения со стороны потерпевшего или длительной психотравмирующей ситуации.

Можно выделить категорию решений за счет интерпретации причин правонарушения как детерминированных исключительно субъективным восприятием осужденного. Такие приговоры включали в себя, с одной стороны, описание индивидуально-психологических особенностей осужденного, обуславливающих его повышенную уязвимость к психотравмирующим воздействиям или способствующих кумуляции напряжения, а с другой — отсутствие в материалах дела доказательств проявлений открытой агрессии или эпизодов применения физического насилия со стороны потерпевших в адрес осужденных. Экспертно-психологические формулировки про присущие осужденному эмоционально-личностные черты и их вклад в переживание событий как острофрустрирующих противопоставлялись судом «объективно» возникающему аффекту. Такое прочтение экспертных выводов не только работает вопреки идее дифференцированного подхода к феноменам «издевательства» или «психотравмирующего воздействия», обладающих высокой степенью индивидуализированности в зависимости от личности индивида, но и преувеличивает ответственность осужденного за содеянное вследствие его «дисфункциональных» характерологических особенностей (Морозова, Савина, 2013). («То обстоятельство, что указанные слова были восприняты осужденным в качестве «последней капли» противоправного и аморального поведения потерпевшей, свидетельствует лишь об индивидуально-психологических особенностях его личности и субъективном отношении к ситуации, однако не может служить основанием для квалификации его деяния по ст. 107 УК РФ»).

Некоторые случаи разночтений объясняются некорректной интерпретацией экспертных выводов, ввиду недостаточной осведомленности правоприменителя в критериях, динамике и вариативности пускового механизма юридически значимых эмоциональных состояний. («Состояние аффекта у подсудимой, на фоне противоправного и аморального поведения потерпевшего, возникло задолго до совершения преступления, что противоречит диспозиции ст. 107 УК РФ, в соответствии с которой умысел при убийстве в состоянии аффекта может быть только внезапно возникшим, а аффект может возникнуть непосредственно перед совершением преступления»).

Также несогласие суда с выводами экспертов психологов мотивировалось:

- действиями осужденного по оставлению места происшествия;
- подробным и последовательным изложением осужденным обстоятельств преступления в явке с повинной, «отсутствием каких-либо пробелов в памяти»;
- выводами судебно-психиатрической экспертизы о том, что обвиняемый был способен осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, а значит, действовал умышленно;
- несоответствием выводов экспертизы фактическим обстоятельствам и установленным доказательствам, формированием заключения на основании только показаний и оценок осужденного.

При квалификации судом аффективных преступлений вопреки выводам экспертов об отсутствии состояния аффекта у обвиняемого в приговорах акцент чаще всего делается

на наличии аморального поведения у потерпевшего или связанной с его поведением длительной психотравмирующей ситуации. Вместе с тем анализ фрагментов экспертных заключений, приведенных в приговорах, выявляет случаи, когда эксперт-психолог формирует вывод об отсутствии аффекта из-за недостаточной осведомленности об атипичных вариантах аффективных состояний под влиянием личностных, гендерных и других факторов. Например, экспертом не была учтена вариативность третьей фазы кумулятивного аффекта, включающая также дезорганизацию, нецеленаправленность действий, отсроченную астению (Морозова, Савина, 2012; Солдатова, 2024). Другим источником, обуславливающим сомнения суда в обоснованности экспертного заключения, являются недостаточно мотивированные выводы экспертов. Полноценный анализ с развернутой аргументацией собственной экспертной позиции необходим не только в случае заключения о наличии юридически значимого состояния, но и в случае установления его отсутствия (Судебно-психологические экспертные критерии..., 2004).

Особым источником разногласий между экспертными и судебными выводами является **состояние алкогольного опьянения у подсудимого в момент совершения инкриминируемого ему деяния**: при этом эпизодическая категоричность в отношении данного феномена проявляется с обеих сторон. Обзор рассматриваемой категории решений иллюстрирует прецеденты, когда эксперты исключают квалификацию аффекта, а также иного эмоционального состояния, оказывающего существенное влияние на поведение подсудимого в момент правонарушения на основании сведений о его нахождении в состоянии алкогольного опьянения большей степени тяжести, чем легкая. Это, по всей видимости, связано с работой О.Д. Ситковской (1983), которой была сформулирована и проверена в экспертной практике возможность экспертной диагностики аффекта у лиц, находящихся именно в легкой степени простого алкогольного опьянения в момент совершения преступления (Ситковская, 2001).

Суд выражает несогласие с заключением эксперта-психолога: «В суде установлено, что потерпевший на протяжении длительного времени, осуществляя систематические противоправные и аморальные действия в отношении подсудимой, обусловил возникновение у нее кумуляции (накопления) нервно-психического напряжения, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией. Эксперт-психолог исключил состояние аффекта только лишь на основании показаний специалиста о средней степени алкогольного опьянения у подсудимой на момент совершения преступления. Между тем данный специалист в суде показал, что четких методик и критериев определения категории состояния опьянения нет, и он сделал свои выводы на основании протокола освидетельствования подсудимой, а не непосредственного освидетельствования самой подсудимой, отметив, что состояние опьянения у подсудимой ближе к средней степени опьянения — это его мнение как врача. Оценивая в совокупности исследованные в судебном заседании доказательства, суд квалифицирует действия N по ч.1 ст. 107 УК РФ как убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

В качестве последнего класса решений, содержащего расхождение в экспертных и судебных квалификациях аффекта нами выделен ряд случаев, при которых суд не оспаривает экспертное заключение об отсутствии юридически значимого состояния, не высказывает сомнений в его обоснованности и соответствии объективным данным, однако устанавливает состояние сильного душевного волнения. В обосновании таких приговоров суд особо подчеркивает, что принимает решение «не вопреки», а по собственным правовым критериям, отличным от экспертных.

«Согласно КСППЭ в юридически значимой ситуации в состоянии физиологического аффекта не находилась, в ее поведении отсутствовали обязательные для диагностики аффекта признаки. Соглашаясь с указанными выводами суд полагает признать преступные действия подсудимой N по лишению жизни потерпевшего А как совершенные ею в состоянии сильного душевного волнения, вызванными систематическим противоправным поведением потерпевшего А вплоть до момента его убийства. Как считает суд, исходя из уголовно-правового смысла понятий сильного душевного волнения, закрепленного в ст. 107 УК РФ законодателем, и физиологического аффекта как проявления высшей его степени они не тождественны, а, следовательно, исключение экспертами физиологического аффекта в действиях подсудимой N не опровергает установленные судом объективные фактические обстоятельства содеянного подсудимой преступления, связанного с ее исключительно сильным, быстро произошедшим и бурно выразившимся кратковременным эмоциональным состоянием и поведением в ответ на противоправные действия потерпевшего А, носившими длительный и постоянный характер, что затруднило адекватно оценить действительность для подсудимой и выбрать лучший вариант своего поведения в сложившейся длительно развивающейся психотравмирующей ситуации и привело ее к совершению умышленного убийства А на месте конфликта».

Анализ приговоров с повторными экспертизами

В случаях возникновения сомнений в обоснованности и объективности заключения экспертов или при наличии противоречий в выводах судом может быть назначена повторная экспертиза. Нами было обнаружено 26 актов, включающих назначения одной или нескольких повторных экспертиз. Выделение приговоров, включающих повторные экспертизы в отдельную группу, обусловлено содержащимся здесь особым ценным источником информации: во-первых, о факторах, вызывающих недоверие к экспертным решениям со стороны правоприменителей, а во-вторых, о критериях, по которым суд отдает предпочтение (берет за основу) тому или иному экспертному заключению.

Среди формальных критериев для назначения повторной КСППЭ были выделены:

- отказ от своих показаний подсудимым или их изменение;
- дополнение уголовного дела новыми материалами;
- наличие противоречий в выводах КСППЭ и заключении специалиста;
- противоречивость выводов первичной и дополнительной КСППЭ.

Наиболее распространенным обстоятельством, побуждающим суд назначать повторные экспертизы представляется несоответствие экспертных выводов материалам уголовного дела, а степень опоры эксперта на «объективные данные» (а не на субъективный самоотчет подэкспертного) в заключении, в свою очередь, коррелирует с частотой признания судами такого заключения как достоверного.

Другим значимым поводом для назначения повторных экспертиз является противоречивость и нечеткость экспертного ответа на вопрос о нахождении подэкспертного в состоянии аффекта. В таких случаях зачастую эксперты развернуто аргументируют какую-либо позицию, однако, резюмируя, либо констатируют противоположную квалификацию, либо формулируют неоднозначные выводы. Назначение повторной экспертизы в указанных случаях является удачной альтернативой самостоятельным попыткам правоприменителя интерпретировать такие выводы в юридическом эквиваленте.

В качестве еще одного примера представляются случаи, при которых эксперт-психолог описывает значительно более тяжелое протекание аффективной реакции с более глубокими и обширными нарушениями сознания и регуляции, чем при аффекте, однако, в силу выхода оценки подразумеваемого им состояния за пределы его компетенции, никак не квалифицирует его и вместе с тем исключает аффект. Подобного рода психологические заключения также воспринимаются правоприменителем как неясные, противоречивые и требующие повторного анализа.

Среди формальных критериев, обуславливающих выбор экспертного заключения судом в качестве основы приговора, определяются:

- стационарный вид экспертизы;
- объем экспертного заключения, количество проведенных методик, развернутость аргументации;
- стаж экспертной работы задействованных экспертов, наличие научных званий;
- «статусность» экспертного учреждения.

Распространенные экспертные ошибки

Отраженные здесь примеры экспертных ошибок были выделены в самостоятельный раздел, так как они не были специфичными для какой-либо правовой квалификации принятых на их основе судебных приговоров, а отмечались практически в каждой из вышеописанных групп. Их анализ имеет важное значение, ввиду их системного характера и потенциального дезорганизующего влияния на правоисполнительную практику.

Приписывание «существенного влияния» внешним обстоятельствам («психотравмирующей ситуации») является распространенным методологическим нарушением в экспертно-психологических заключениях. Очевидно, что такие формулировки избираются для иллюстрации психотравмирующего характера условий, с которыми сталкивался подэкспертный, однако «юридическое значение» как бы приписывается изолированным ситуативным факторам, вне преломления через личностные особенности, что является достаточно грубой ошибкой (Сафуанов, 2013).

Другая часто встречающаяся ошибка иллюстрирует сочетание нескольких экспертных квалифицирующих категорий, в частности сочетание существенного влияния индивидуально-психологических особенностей и состояния аффекта. Такая квалификация носит противоречивый характер, нарушая фундаментальные теоретические положения, согласно которым состояние аффекта обуславливает такую глубину нарушения осознано-волевой регуляции, при котором личностный уровень регуляции нивелируется и не может одновременно с аффективными механизмами влиять на поведение индивидуума (Сафуанов, 2004).

«В момент совершения инкриминируемого деяния N находилась в состоянии кумулятивного аффекта, возникшего как разрядка эмоционального напряжения. Индивидуально-психологические особенности в виде...оказывали существенное влияние на ее сознание и деятельность в юридически значимый период, тем самым, ограничив ее в способности к осознано-волевой регуляции своего поведения в момент совершения инкриминируемого деяния».

Заключение

Произведенный анализ судебных решений судов общей юрисдикции позволяет сделать однозначное заключение о преобладающей согласованности между экспертными и судебными квалификациями в отношении аффективных правонарушений. Практически в половине актов (45%) судебное решение о наличии или отсутствии состояния аффекта принималось без участия психолога-эксперта; снижение количества назначаемых психологических экспертиз за последние 10 лет по сравнению с прошлыми годами может объясняться как процессуальными, так и субъективными факторами. Согласно полученным данным, трудности, возникающие в процессе рассмотрения уголовных дел, связанных с аффективными правонарушениями, обусловлены комплексом факторов, включая как экспертные ошибки, так и ограниченность и своеобразие интерпретаций полученных заключений со стороны судей.

Наиболее остро стоящей проблемой нами определяется интерпретация правоприменителем упоминания индивидуально-психологических особенностей, как в контексте развития кумулятивного аффекта, так в сочетании с юридически значимым эмоциональным состоянием. Сложившаяся практика демонстрирует тенденцию к упрощенной трактовке участия личностных факторов в генезе аффективных состояний с недопониманием комплексного характера взаимодействия личности и внешних обстоятельств. Такая тенденция не только противоречит принципам индивидуализации ответственности, но и ставит под сомнение саму возможность учета психологических факторов в правоприменительной практике.

Для решения проблем взаимодействия между экспертами-психологами и судебными органами необходимо внедрение комплексных мер. В первую очередь требуется углубление понимания психологами юридических критериев и норм, что позволит повысить качество экспертных заключений и их соответствие требованиям правоприменительной практики (Макушкин и др., 2020). Кроме того, целесообразно организовать регулярные совместные совещания и взаимное участие в профессиональных мероприятиях: привлечение судей к конференциям психологов и, наоборот, участие экспертов в судебных форумах. Это будет способствовать обмену опытом, улучшению взаимопонимания и выработке единых подходов к решению сложных вопросов, связанных с аффективными правонарушениями.

Список источников / References

1. Дмитриева, Т.Б., Макушкина, Е.В. (2004). *Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого: Пособие для врачей*. М.: ГНЦ ССП.
Dmitrieva, T.B., Makushkina, E.V. (2004). *Forensic psychological expert criteria for the diagnosis of affect in the accused: A manual for doctors*. Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ).
2. Коченов, М.М. (1980). *Введение в судебно-психологическую экспертизу*. М.: Издательство Московского университета.
Kochenov, M.M. (1980). *Introduction to forensic psychological examination*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ).
3. Коченов, М.М. (2010). *Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды*. М.: Генезис.

Солдатова К.М. (2025)
Анализ судебных решений по преступлениям,
включающих вопрос о квалификации аффекта
Психология и право, 15(2), 34—46.

Soldatova K.M. (2025)
Analysis of court decisions on crimes,
including the question of the qualification of affect
Psychology and Law, 15(2), 34—46.

- Kochenov, M.M. (2010). *Forensic psychological examination: theory and practice. Selected works*. Moscow: Genesis Publ. (In Russ).
4. *Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых: Методические рекомендации* (2016). М.: ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России.
Criteria for the forensic psychological expert assessment of legally relevant emotional states in the accused: Methodological recommendations (2016). Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ).
  5. Макушкин, Е.В., Ткаченко, А.А., Шишков, С.Н., Сафуанов, Ф.С., Макушкина, О.А., Бадмаева, В.Д., Введенский, Г.Е., Фастовцов, Г.А., Дозорцева, Е.Г., Корзун, Д.Н. (2020). *Назначение судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам (выбор вида назначаемой экспертизы и формулирование экспертного задания: Практическое пособие* М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. Сербского» Минздрава России.
Makushkin, E.V., Tkachenko, A.A., Shishkov, S.N., Safuanov, F.S., Makushkina, O.A., Badmaeva, V.D., Vvedensky, G.E., Fastovtsov, G.A., Dozortseva, E.G., Korzun, D.N. (2020). *Appointment of a forensic psychiatric examination in criminal cases (the choice of the type of expertise to be appointed and the formulation of an expert assignment: Practical guide*. Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ).
  6. Морозова, М.В., Савина, О.Ф. (2012). Актуальные проблемы диагностики аффекта у лиц с психическими расстройствами. В: В.В. Вандыш (ред.). *Судебная психиатрия. Актуальные проблемы. Выпуск 9* (с. 166—178). М.: Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24076743> (дата обращения: 19.01.2025).
Morozova, M.V., Savina, O.F. (2012). Current problems of affect diagnosis in people with mental disorders. In: V.V. Vandysh (Ed.). *Forensic psychiatry. Actual Problems. Vol. 9* (pp. 166—178). Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24076743> (viewed: 19.01.2025).
  7. Морозова, М.В., Савина, О.Ф. (2013). К вопросу о трансформации юридически значимых аффективных состояний в современных социально-психологических условиях. *Российский психиатрический журнал*, 6, 47—52. <http://doi.org/10.24411/1560-957X-2013-11375>
Morozova, M.V., Savina, O.F. (2013). On transformation of legally relevant affective states in present-day social and psychological environment. *Russian Journal of Psychiatry*, 6, 47—52. (In Russ). <http://doi.org/10.24411/1560-957X-2013-11375>
  8. Сафуанов, Ф.С. (1998). *Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе*. М.: Гардарика; Смысл.
Safuanov, F.S. (1998). *Forensic psychological examination in criminal proceedings*. Moscow: Gardarika Publ.; Smysl Publ. (In Russ).
  9. Сафуанов, Ф.С. (2016). *Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы. Хрестоматия*. М.: Генезис.
Safuanov, F.S. (2016). *Affect: the practice of forensic psychological and psychiatric examination. Textbook*. Moscow: Genesis. (In Russ).

Солдатова К.М. (2025)
Анализ судебных решений по преступлениям,
включающих вопрос о квалификации аффекта
Психология и право, 15(2), 34—46.

Soldatova K.M. (2025)
Analysis of court decisions on crimes,
including the question of the qualification of affect
Psychology and Law, 15(2), 34—46.

10. Сафуанов, Ф.С. (2020). Принципы клинико-психологической судебной экспертологии. *Российский психиатрический журнал*, 2, 39—45. <http://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
Safuanov, F.S. (2020). Principles of clinical-psychological forensic expert science. *Russian Journal of Psychiatry*, 2, 39—45. (In Russ). <http://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
11. Сафуанов, Ф.С. (Ред.). (2004). *Медицинская и судебная психология: Курс лекций*. М.: Генезис.
Safuanov, F.S. (Ed.) (2004). *Medical and forensic psychology: A course of lectures*. Moscow: Genesis Publ. (In Russ).
12. Сафуанов, Ф.С., Исаева, И.В. (2015). Анализ решений верховных судов по аффективным преступлениям и проблемы судебной экспертизы. *Российский судья*, 12, 37—40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25028678> (дата обращения: 19.01.2025).
Safuanov, F.S., Isaeva, I.V. (2015). Analysis of judgements of supreme courts on passion crimes and issues of forensic examination. *Russian Judge*, 12, 37—40. (In Russ). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25028678> (viewed: 19.01.2025).
13. Сафуанов, Ф.С., Солдатова, К.М. (2024). Уголовно-релевантный аффект и реакция самовзвинчивания. *Психология и право*, 14(1), 140—151. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140109>
Safuanov, F.S., Soldatova, K.M. (2024). Criminally relevant affect and self-referencing reaction. *Psychology and Law*, 14(1), 140—151. (In Russ). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140109>
14. Ситковская, О.Д. (2001). *Аффект: криминально-психологическое исследование*. М.: Юрлитинформ.
Sitkovskaya, O.D. (2001). *Affect: a criminal and psychological study*. Moscow: Yurlitinform Publ. (In Russ).
15. Солдатова, К.М. (2022). Правовые и судебно-психологические приоритеты при квалификации аффекта. В: *Коченовские чтения. Психология и право в современной России: Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием* (с. 54—55). М.: МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2022/ (дата обращения: 19.01.2025).
Soldatova, K.M. (2022). Legal and forensic psychological priorities in the qualification of affect. In: *Kochenov readings. Psychology and Law in modern Russia: Collection of abstracts of participants of the All-Russian Conference on Legal Psychology with international participation* (pp. 54—55). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2022/ (viewed: 19.01.2025).

Информация об авторах

Ксения Михайловна Солдатова, младший научный сотрудник лаборатории психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: soldatova.k@serbsky.ru

Солдатова К.М. (2025)
Анализ судебных решений по преступлениям,
включающих вопрос о квалификации аффекта
Психология и право, 15(2), 34—46.

Soldatova K.M. (2025)
Analysis of court decisions on crimes,
including the question of the qualification of affect
Psychology and Law, 15(2), 34—46.

Information about the authors

Ksenia M. Soldatova, Researcher Assistant of Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: soldatova.k@serbsky.ru

Вклад авторов

Солдатова К.М. — написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных.

Contribution of the authors

Ksenia M. Soldatova — writing and design of the manuscript; data collection and analysis.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 19.02.2025
Поступила после рецензирования 04.03.2025
Принята к публикации 04.03.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025.02.19
Revised 2025.03.04
Accepted 2025.03.04
Published 2025.06.30

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Научная статья | Original paper

Этические проблемы психологической экспертизы и междисциплинарного взаимодействия психологов и юристов

А.В. Шаболтас^{1, 2}✉

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ alla.shaboltas@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Эффективная правоприменительная практика, включая следственные и судебные действия, предполагает интенсивное взаимодействие и сотрудничество специалистов разного профиля, которое требует, в частности, взаимного понимания специфики работы и реализации профессиональных этических норм юристами и психологами. Одними из самых сложных и трудных проблем являются этические дилеммы и сложности в области судебного процесса и, в частности, в проведении и трактовке результатов судебно-психологической экспертизы. **Цель.** Анализ этических основ и наиболее актуальных этических проблем в области практики судебно-психологической экспертизы и взаимодействия психологов и юристов. **Методы и материалы.** Анализ отечественных и зарубежных литературных источников, этического регулирования в правоприменительной практике психологов и юристов, а также материалов гражданских и уголовных дел (100 кейсов, касающихся несовершеннолетних лиц). **Результаты.** Наиболее серьезными этическими проблемами для юристов и психологов, работающих на пересечении двух прикладных дисциплин в экспертной деятельности, являются трудности терминологического и содержательного характера, а также понимания и реализации базовых этических принципов и норм. **Выводы.** Эффективное профессиональное взаимодействие и разрешение возникающих в области судебно-психологической экспертизы этических проблем требуют активных совместных усилий специалистов двух областей — юристов и психологов, как в части выработки этически обоснованных стратегий взаимодействия, так и в области практической деятельности.

Шаболтас А.В. (2025)
Этические проблемы психологической экспертизы
и междисциплинарного взаимодействия психологов
и юристов
Психология и право, 15(2), 47—59.

Shaboltas A.V. (2025)
Ethical issues of psychological expertise
and interdisciplinary interaction between
psychologists and lawyers
Psychology and Law, 15(2), 47—59.

Ключевые слова: междисциплинарное взаимодействие, профессиональная этика, этические принципы, судебно-психологическая экспертиза

Благодарность. Автор благодарит Санкт-Петербургский государственный университет и Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева, на базе которых выполнялась данная работа.

Для цитирования: Шаболтас, А.В. (2025). Этические проблемы психологической экспертизы и междисциплинарного взаимодействия психологов и юристов. *Психология и право*, 15(2), 47—59. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150204>

Ethical issues of psychological expertise and interdisciplinary interaction between psychologists and lawyers

A.V. Shaboltas^{1,2}✉

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ alla.shaboltas@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Effective law enforcement practice, including investigative and judicial actions, involves intensive interactions and collaboration of specialists of various profiles, which requires, in particular, a mutual understanding of the specifics of the work and the implementation of professional ethical standards by lawyers and psychologists. The most difficult problems are the ethical dilemmas and complexities in the field of judicial process and, in particular, the conduct and interpretation of the results of forensic psychological examination. **Objective.** Analysis of the ethical foundations and the most relevant ethical dilemmas in the field of forensic psychological examination practice and interaction between psychologists and lawyers. **Methods and materials.** Analysis of national and foreign literary sources, ethical regulation in the law enforcement practice of psychologists and lawyers, as well as materials of civil and criminal cases (100 cases concerning minors). **Results.** The most serious ethical problems for lawyers and psychologists working at the intersection of two applied disciplines in expert work are difficulties of a terminological and substantive nature, as well as understanding and implementing basic ethical principles and norms. **Conclusions.** Effective professional interaction and the resolution of ethical problems arising in the field of forensic psychological examination require active joint efforts of specialists in two fields - lawyers and psychologists both in terms of developing ethically sound interaction strategies and practical activities.

Keywords: interdisciplinary interaction, professional ethics, ethical principles, forensic psychological examination

Шаболтас А.В. (2025)
Этические проблемы психологической экспертизы
и междисциплинарного взаимодействия психологов
и юристов
Психология и право, 15(2), 47—59.

Shaboltas A.V. (2025)
Ethical issues of psychological expertise
and interdisciplinary interaction between
psychologists and lawyers
Psychology and Law, 15(2), 47—59.

Acknowledgements. The author is grateful to St. Petersburg State University and the V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology, on the basis of which this work was conducted.

For citation: Shaboltas, A.V. (2025). Ethical issues of psychological expertise and interdisciplinary interaction between psychologists and lawyers. *Psychology and Law*, 15(2), 47—59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150204>

Необходимость тесного междисциплинарного взаимодействия между специалистами различного профиля — представителями правоохранительной системы, юристами и психологами в рамках юридически значимых действий, в частности в организации и осуществлении судебно-психологических экспертиз, в настоящее время не вызывает сомнения в профессиональной среде (Коченов, 2010; Мамайчук, 2011; Нагаев, 2017; Сафуанов, 2020; Мамайчук, Арбузова, 2024). В судебном процессе могут возникать запросы, ответы на которые требуют привлечения специалистов как с юридическими компетенциями и опытом работы, так и психологическими знаниями, в том числе знанием методов экспертизы. Запросы, касающиеся психологической проблематики могут возникать в тех ситуациях, когда суду для принятия решения необходимо углубленное понимание психологической специфики развития и детерминации поведения участников юридически значимой ситуации или для получения комплексных и научно обоснованных экспертных оснований в поддержку того или иного судебного решения, например, когда речь идет о принятии решения о месте проживании ребенка в случае судебных споров при разводе родителей. Данные экспертиз и профессиональные экспертные мнения являются залогом более быстрого и корректного юридического решения сложных судебных вопросов.

Профессиональные сообщества психологов и юристов в настоящее время выработали перечни базовых этических принципов и норм профессиональной деятельности. При этом реальная практика свидетельствует о том, что некоторые нормы соблюдаются практически всегда, а некоторые используются частично или даже иногда игнорируются. Профессии «юрист» и «психолог» относятся к категориям видов деятельности, которые отличаются высокой степенью независимости и персональной ответственности, как за благополучие человека, так и за поддержание репутации всего профессионального сообщества — неэтичные или некорректные действия одного специалиста могут существенным образом вредить профессии в целом. Вышеперечисленные характеристики деятельности определяют высокие требования к соблюдению этических принципов и значительного количества этических норм. Профессиональная этика психологов и юристов, как своды правил о том, что является этичным, а что нет в различных сферах профессиональной деятельности, во многом схожа. При этом деятельность специалистов, в частности экспертов — юристов и психологов имеет специфические особенности в подходах, методиках, интерпретации, что порой и создает почву для возникновения этических сложностей и противоречий (Shaboltas et al., 2020).

Профессиональная деятельность психологов в области экспертной работы в настоящее время с этической точки зрения регулируется в РФ как минимум двумя кодексами, если не считать наличие этических кодексов профессиональных сообществ по отдельным сферам деятельности, а именно Кодексом этических принципов и правил проведения судебно-психиатрической экспертизы (принят Российским обществом психиатров в 2002 г.) и

Этическим кодексом Российского психологического общества (принят на 5 съезде РПО в 2012 г.)¹. В 2020 г. Российской психотерапевтической ассоциацией также был принят Этический кодекс, который может также быть основой деятельности практического психолога или врача-психотерапевта, занимающегося экспертной деятельностью². Базовыми этическими принципами, обозначенными в Этическом кодексе РПО, обязательными к учету в любых ситуациях практической деятельности психологов, являются следующие.

Принцип уважения — в иерархии принципов является главным и предписывает психологам в любых ситуациях профессионального взаимодействия исходить из уважения личного достоинства, прав и свобод человека, которые провозглашаются и гарантируются Конституцией Российской Федерации, а также международными документами о правах человека. Принцип уважения предполагает следующие этические нормы: уважение достоинства, прав и свобод личности, включая весь спектр индивидуальных особенностей поведения и характеристик человека; обязательство сохранять беспристрастность и не допускать предвзятости в отношении к клиенту; соблюдение конфиденциальности и защиты любой персональной информации, полученной в процессе работы, от намеренного или случайного разглашения; содействие осведомленности и реализации добровольного информированного согласия клиента в течение всего периода работы; уважение к свободе самоопределения и сохранению автономии клиента, включая общее право человека самостоятельно принимать решения об обращении за помощью и профессиональных отношениях с психологом, включая решение о прекращении взаимодействия с психологом.

Принцип компетентности — предполагает приверженность поддержанию профессионализма в своей работе, а также признание границ своей компетентности. Компетентность предполагает: знание и следование профессиональной этике; понимание ограничений профессиональной компетентности, обусловленных личным опытом, образованием, технологиями и методами, а также конкретной ситуацией и возможностями клиента. Приверженность профессионализму также предполагает обязательство непрерывного профессионального развития и повышения квалификации.

Принцип ответственности — означает осознание и принятие психологом своих профессиональных и научных обязательств перед своими клиентами, перед профессиональным сообществом и обществом в целом, включая избегание причинения вреда и злоупотреблений, а также обязательства решать возможные этические дилеммы в своей деятельности.

Принцип честности — отражает приверженность к поддержанию открытости научных знаний, обучения и практической деятельности в психологии. В частности, приверженность профессиональной честности включает: осознание границ личных и профессиональных возможностей; честность и открытость в коммуникации с клиентами, коллегами и студентами,

---

¹ *Свод этических принципов и правил проведения судебно-психиатрической экспертизы*. [б. г.]. Российское общество психиатров. URL: <https://psychiatr.ru/forum/files/index?file=cdaa48a0083053e64e460a504ceab95c.pdf&view=1&name=Свод+этически+х+принципов+СПЭ.pdf> (дата обращения: 18.10.2024);

Этический кодекс психолога. [б. г.]. Российское психологическое общество. URL: <https://psyrgus.ru/rpo/documentation/ethics.php> (дата обращения 13.11.2024).

² *Этический кодекс РПА*. [б. г.]. Российская психотерапевтическая ассоциация. URL: <https://rpa-russia.ru/ethical-codex> (дата обращения 13.11.2024).

а также другими людьми, например работодателями, которые должны быть проинформированы как о профессиональных, так и об этических основах работы психолога. В рамках принципа честности в Этическом кодексе РПО также обозначено осознание проблем, связанных с множественными отношениями и обязательствами избегать конфликты интересов, а также открытость перед профессиональным сообществом, как в части результатов психологических исследований, так и в области практической деятельности. Важным компонентом профессиональной честности является открытое обсуждение с коллегами возникающих проблем и обратной связи по поводу возможных нарушений коллегами профессиональной этики (Шаболтас, 2012)².

Судебно-психологическая экспертиза является одним из самых сложных и ответственных видов профессиональной деятельности психолога, в рамках которой необходимо придерживаться базовых этических принципов. По мнению Ф.С. Сафуанова, одного из ведущих специалистов в области методологических и практических основ судебной экспертизы, судебным экспертам-психологам в своей работе необходимо неукоснительно соблюдать принципы уважения, профессиональной компетентности, включая выбор психодиагностических методик, и ответственности в принятии экспертных решений, конфиденциальности, которая предполагает соблюдение строжайшего порядка хранения и распространения информации и материалов экспертиз, исключительный доступ к которым может иметь только суд. Особое внимание при обсуждении этических основ судебно-психологической экспертизы уделяется принципу независимости, который предполагает необходимость при проведении психологического исследования и формулировании экспертного заключения сохранять независимость и непредвзятость от других лиц (коллег, участников гражданского или уголовного процесса, сотрудников полиции, прокуратуры, судей), способность эксперта-психолога принимать самостоятельные решения (Нагаев, 2017; Сафуанов, 2020).

Следование профессиональной этике является системообразующим фактором деятельности как психологов, так и юристов (Иванова, Холопова, 2010; Сафуанов, 2020, 2024). При этом важно понимать, что первоочередной целью для эксперта-юриста является защита права и справедливости в свете защиты интересов общества и закона, а для психолога явно выраженный личностно-субъектный уровень функционирования определяет в качестве приоритета защиту прав личности. Одним из обыденных заблуждений является понимание этики и права как полностью пересекающихся областей. На самом деле полное совпадение этически обоснованных и правовых действий является идеальным и желательным, но во многих ситуациях наблюдается частичное несовпадение этических и правовых основ, что создает для специалиста этико-правовые дилеммы, решение которых как раз и требует тесного междисциплинарного взаимодействия для достижения максимально благоприятного исхода для всех заинтересованных лиц и общества.

Основные этические проблемы, с которыми сталкиваются эксперты-психологи при взаимодействии с юристами и представителями правоохранительной и судебной системы в широком смысле слова, возникают в рамках или касаются трех областей. Первая область касается реализации принципа уважения к правам личности в части конфиденциальности и

---

² *Этический кодекс психолога*. [б. г.]. Российское психологическое общество. URL: <https://psyrus.ru/rpo/documentation/ethics.php> (дата обращения 13.11.2024).

доступа к информации и материалам экспертизы, полный доступ к которым имеют только уполномоченные судебным процессом лица. Вторая область касается соблюдения принципа профессионализма, требующего высоких стандартов профессиональной подготовки, качественных методик и ответственности при принятии экспертных решений, а также умений и готовности разрешать этические проблемы. И третья категория этических проблем в большей степени определяется внутренними и внешними факторами, включая ролевые конфликты, так как предполагает соблюдение профессиональной независимости при проведении и интерпретации данных психологической экспертизы. На экспертное решение психолога осознанно или неосознанно может оказывать влияние большое количество факторов, включая позиции и мнения других участников судебного процесса, имеющих свои интересы в том или ином судебном решении, а также его собственные политические, идеологические или религиозные убеждения, актуализирующиеся в ситуации экспертного психологического исследования, выполняемого по запросу следователя или суда.

Судебно-психологическая экспертиза в настоящее время является одной из самых востребованных профессиональных задач, в рамках которой по определению предполагается междисциплинарное взаимодействие психологов, юристов, а зачастую врачей и других специалистов. С нашей точки зрения, самыми сложными и ответственными с точки зрения этического регулирования являются психологические экспертизы, в рамках которых участвуют несовершеннолетние лица (Семакова и др., 2020; Шарипова и др., 2023; Мамайчук, Арбузова, 2024).

В данной статье мы не будем касаться привлечения психологов для экспертиз в рамках уголовного процесса с участием детей в качестве обвиняемых или пострадавших. Эта область требует отдельного внимания и глубокого анализа с учетом особенностей и специфики этических проблем. Применительно к гражданскому праву среди наиболее распространенных судебных экспертиз, касающихся детей или объектами которых являются дети, в гражданских делах выделяют 3 группы: 1) экспертизы индивидуальных особенностей ребенка или характера детско-родительских отношений, например в рамках решения вопросов о месте проживания ребенка; 2) экспертизы материалов следствия (видеодопросов) для установления возможного влияния на ребенка или некорректного взаимодействия; 3) экспертиза видео- или печатных материалов на предмет наличия недопустимого для детей содержания (порнография, насилие и др.).

Различные экспертные задачи определяют и специфику применения этических норм со стороны как психологов, так и юристов. Наш опыт и, в частности, проведенный в 2020—2024 гг. в Санкт-Петербурге анализ более 100 гражданских и уголовных дел, касающихся несовершеннолетних, позволил обозначить следующие этические проблемы и сложности междисциплинарного взаимодействия. В рамках проведения экспертиз детско-родительских отношений и индивидуально-психологических особенностей детей и родителей наиболее серьезными этическими проблемами являлись: профессиональная некомпетентность специалистов-экспертов (несоответствующий уровень образования, отсутствие специальной подготовки по клинической, возрастной и судебной психологии, использование непроверенных или неадекватных психодиагностических методик), конфликты интересов или отсутствие независимости экспертов; формулирование судами некорректных или неподходящих под область психологических компетенций вопросов экспертам-психологам, например о месте проживания ребенка и т. п. (Shaboltas et al., 2023; Шаболтас, Арбузова, 2024).

Также особое внимание привлекают случаи некорректной организации экспертных процедур, например включение в психологическое исследование только одного из родителей или отсутствие в материалах экспертизы важных психологических задач и процедур оценки индивидуально-психологических особенностей родителей, стиля воспитания, характера отношений родителей и детей, а также ролевого взаимодействия между родителями (Семакова и др., 2020).

Широко распространены случаи использования психодиагностических методик, неадекватных цели и задачам экспертизы, в частности методик и процедур, которые не позволяют в полной мере с использованием строгих научно-обоснованных критериев изучить индивидуально-психологические особенности ребенка. Зачастую эксперты опираются исключительно на проективные методики или исключительно метод наблюдения. Подобный инструментарий является самым сложным для интерпретации данных, требует специализированной подготовки и большого опыта работы.

В рамках экспертиз видеоматериалов следственных процедур, включая допрос, перед психологами часто ставятся вопросы о возможном оказании влияния на ребенка или оценку достоверности (ложности) показаний (Холопова, Васильева, 2019; Мамайчук, Арбузова, 2024; Сафуанов, 2024). Если первая категория вопросов для постановки перед психологами является правомерной, то вторая категория, касающаяся правдивости показания, несмотря на крайнюю значимость с юридической точки зрения, для психолога неправомерна. Для разъяснения последней позиции Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава РФ опубликовал и распространил в 2016 г. специальные рекомендации³.

Экспертные исследования порнографических материалов также сопряжены с серьезными этическими проблемами, связанными и с жесткими юридическими требованиями закрытого рассмотрения и с недостатком методологической и методической базы проведения подобных экспертиз.

Отдельного внимания в области этического регулирования заслуживает проблема двойственных ролей и множественных отношений. Для психолога бывает сложно разделять две взаимосвязанные позиции — помощника и исследователя. В процессе проведения экспертного исследования эксперту надлежит концентрироваться на диагностической задаче, избегая вступления в тесные субъект-субъектные отношения с подэкспертным, который в силу жизненных обстоятельств может находиться в тяжелом состоянии и нуждается в оказании помощи. Не учитывать эти обстоятельства и потребности эксперт не может. Если подэкспертный нуждается в психологической или иной помощи, желательной стратегией для эксперта будет перенаправление человека в специализированные центры и службы для того, чтобы избежать развития множественных отношений, которые неминуемо могут повлиять на качественное экспертное исследование и непредвзятое мнение.

Большое значение с точки зрения разрешения возможных этических дилемм для эксперта-психолога имеет сохранение независимости при проведении экспертизы. Действующая

---

³ О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы: Информационное письмо. Утверждено научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол № 6 от 15 июня 2016 г.). Утверждено Ученым советом ФГБУ «ФМИЦППН имени В.П. Сербского» Минздрава России (протокол № 7 от 20 июня 2016 г.).

практики изобилует примерами различных форм давления на эксперта, явного или неявного. Особенно остро эта проблема существует в частной экспертной практике — в организациях, имеющих коммерческие интересы, и организациях ведомственного административного подчинения. Также определенной формой давления является постановка некорректных вопросов перед экспертом-психологом, имеющих явно выраженную одностороннюю направленность, выгодную лишь одной из сторон юридического спора. Давлением также является отсутствие вопросов к эксперту по обстоятельствам, которые могли играть важную роль в развитии юридически значимой ситуации.

Анализ гражданских судебных дел, касающихся несовершеннолетних, как на стадии досудебного исследования, так и в ходе судебного процесса, наряду с этическими выявил и ряд организационных проблем в междисциплинарном взаимодействии юристов и психологов. Значительное количество дел рассматривается без привлечения экспертов-психологов и судебно-психологической экспертизы, несмотря на то, что привлечение психолога является не только необходимым, но и доказанным с точки зрения обоснованности принятия судебных решений. Чаще всего экспертное исследование проводится по инициативе истцов, а не следствия или суда, а также в случаях объективного наличия серьезных факторов, которые могут влиять на ребенка (домашнее насилие, отклонения в физическом или психическом здоровье, деструктивное поведение ребенка и т. д.).

Серьезной этической проблемой в сфере междисциплинарного взаимодействия является формулирование некорректных вопросов психологам со стороны судей, т. е. таких вопросов, которые не могут быть задачей психологического исследования или относятся к сфере необоснованных прогнозов, например вопрос о месте проживания ребенка или об опекуновстве, о том, что для ребенка будет лучше.

Важно понимать, что решения о проживании детей или опекуне являются резюмирующими и сугубо юридическими, принимаемыми в рамках судебного процесса судом. Эксперты-психологи должны как можно более качественно собрать и представить суду материалы и экспертное заключение о психологических особенностях родителей и ребенка, характере их взаимоотношений, об актуальной психологической обстановке и т. п. Заключение эксперта в рамках судебно-психологической экспертизы учитывает также данные возрастной психологии и других направлений психологической науки. Заключение имеет особый процессуальный статус, в рамках которого психологу необходимо ответить на отдельные частные вопросы суда, а не делать общие выводы. В судебной практике также встречаются так называемые заключения специалистов (психологов или иных профессионалов), которые рассматриваются судом и могут учитываться или нет. К сожалению, наличие заключений специалистов в некоторых случаях рассматривается судом как исчерпывающие основания для принятия судебного решения и являются причиной отказа суда от назначения полноценной судебно-психологической экспертизы.

Приведем один из характерных примеров досудебного исследования в формате заключения специалиста, в котором, на наш взгляд, наиболее наглядно присутствуют серьезные этические нарушения.

Описание случая. Обращение к психологу было со стороны отца по поводу обследования ребенка — сына в возрасте 9 лет в рамках подготовки к судебному процессу по вопросу определения места проживания ребенка. Мать в исследовании не принимала участие. Эксперт использует единственный метод в формате рисуночных заданий. Для анализа и интерпретации

рисунков используется только традиционный психоаналитический подход без какого-либо научного обоснования получаемых результатов. Каких-либо других методик и психодиагностических процедур, включая наблюдение, экспертом не применялось. Заключение эксперта содержало однозначное мнение о том, что мать проявляет по отношению к ребенку сильную агрессию и оказывает на него негативное влияние. В поддержку мнения эксперта об агрессивности матери использовался комментарий о том, что на рисунке мальчик нарисовал ноги матери черным карандашом.

Приведенный пример содержит не только серьезные этические нарушения, касающиеся ущемления прав обоих родителей и ребенка (невключение матери в исследование, нарушение пространства взаимодействия ребенка с обоими родителями), но и грубейшие профессиональные ошибки в части методологических основ проведения процедуры экспертизы и комплексной оценки. Нарушение принципа профессионализма выразилось как в полном отсутствии адекватной методологической основы проведения экспертизы и выборе неадекватного методического инструментария, так в необоснованных заключениях. Все необходимые для экспертного заключения в случае анализа детско-родительских отношений вопросы не исследовались. В совокупности данное заключение и действия эксперта нельзя признать удовлетворительными.

Проанализированные нами конкретные случаи нарушения этических принципов отражают наличие серьезных междисциплинарных и этических проблем в области экспертной практики, а также свидетельствуют о высоких репутационных рисках, как для конкретных экспертов — психологов и юристов, так и профессий в целом.

С нашей точки зрения, можно выделить две основные области проблематики, или два перспективных направления, в формировании междисциплинарного пространства, отвечающего базовым этическим нормам как в психологии, так и в юриспруденции. Первое направление касается проведения систематических исследований и разработки профессиональных норм работы психологов и юристов в отдельных юридически значимых видах деятельности. Этические проблемы в работе психологов в судебной сфере в нашей стране можно объяснить сочетанным влиянием нескольких обстоятельств: недостатком научных данных для формирования четких профессиональных норм, возникновением сложных ролевых конфликтов в работе экспертов, отсутствием четких общепризнанных практических рекомендаций по разрешению конкретных этических проблем, нехваткой общего профессионального и информационного поля для регулярного обсуждения и мониторинга профессиональной практики. В силу отсутствия принятых профессиональных стандартов разрешения этических проблем отечественные эксперты в случае возникновения этических сложностей зачастую вынуждены опираться исключительно на свой личный опыт и убеждения, что может приводить к этическим нарушениям. Во-вторых, для успешного разрешения этических сложностей, конфликтных ситуаций и междисциплинарных проблем, которые могут возникать в юридической и, в частности, судебной практике, необходимы совместные усилия юристов и психологов для лучшего понимания специфики профессиональной деятельности и этических норм в обеих профессиях с целью выработки общего понимания и стратегии решения этических проблем, а также конкретных форм поведения в различных профессиональных ситуациях. Проведение совместных научных и практических мероприятий, объединяющих психологов и юристов, работающих в отдельных областях правоприменительной практики в формате конференций, семинаров, рабочих

Шаболтас А.В. (2025)
Этические проблемы психологической экспертизы
и междисциплинарного взаимодействия психологов
и юристов
Психология и право, 15(2), 47—59.

Shaboltas A.V. (2025)
Ethical issues of psychological expertise
and interdisciplinary interaction between
psychologists and lawyers
Psychology and Law, 15(2), 47—59.

совещаний и т. д. может способствовать как разрешению специализированных психологических и юридических задач, так и внедрению эффективных практик междисциплинарного взаимодействия.

Список источников / References

1. Иванова, Т.В., Холопова, Е.Н. (2010). Современные проблемы профессиональной этики эксперта-психолога. В: *Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. (с. 151—157). Калуга. Калужский государственный университет. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36850907> (дата обращения: 10.01.2025).
Ivanova, T.V., Kholopova, E.N. (2010). Modern problems of professional ethics of an expert psychologist. In: *The current state and prospects of the development of forensic psychology in the Russian Federation. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. (pp. 151—157). Kaluga. Kaluga State University. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36850907> (viewed: 10.01.2025).
2. Коченов, М.М. (2010). *Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды*. М.: Генезис.
Kochenov, M.M. (2010). *Forensic psychological examination: theory and practice. Selected works*. Moscow: Genesis. (In Russ.).
3. Мамайчук, И.И. (2002). *Экспертиза личности в судебно-следственной практике. Учебное пособие*. СПб: Речь.
Mamaichuk, I.I. (2002). *Personality examination in judicial and investigative practice. Textbook*. Saint Petersburg: Rech' Publ. (In Russ.).
4. Мамайчук, И.И. (2011). Методологические и методико-методические проблемы судебно-психологической экспертизы. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 3, 196—206. URL: <https://elibrary.ru/ogxvzp> (дата обращения: 10.01.2025).
Mamaichuk, I.I. (2011). Methodological and systematic approaches to forensic psychological examination. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 3, 196—206. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/ogxvzp> (viewed: 10.01.2025).
5. Мамайчук, И.И., Арбузова, Е.Н. (2024). *Психологическая экспертиза в практике клинического психолога. Часть 2: Психологическая экспертиза в судебно-следственной практике. Учебное пособие*. СПб: Изд-во СПбГУ.
Mamaichuk, I.I., Arbuzova, E.N. (2024). *Psychological expertise in the practice of a clinical psychologist. Part 2: Psychological examination in forensic investigation practice. Textbook*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing House. (In Russ.).
6. Нагаев, В.В. (2017). *Основы судебно-психологической экспертизы. Учебное пособие для вузов*. М.: Юнити-Дана.
Nagaev, V.V. (2017). *Fundamentals of forensic psychological examination. Textbook for universities*. Moscow: Unity-Dana Publ. (In Russ.).
7. Сафуанов, Ф.С. (2014). Этические проблемы использования психологических знаний в судопроизводстве в непроцессуальных формах. *Психология и право*, 4(4), 79—87. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n4/73024 (дата обращения: 10.01.2025).

Шаболтас А.В. (2025)
Этические проблемы психологической экспертизы
и междисциплинарного взаимодействия психологов
и юристов
Психология и право, 15(2), 47—59.

Shaboltas A.V. (2025)
Ethical issues of psychological expertise
and interdisciplinary interaction between
psychologists and lawyers
Psychology and Law, 15(2), 47—59.

- Safuanov, F.S. (2014). Ethical issues of using psychological knowledge in the proceedings of the non-procedural forms. *Psychology and Law*, 4(4), 79—87. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n4/73024 (viewed: 10.01.2025).
8. Сафуанов, Ф.С. (2020). Лекция 4. Этические основы деятельности эксперта. В: Секераж Т.Н. (ред.), *Курс лекций по программе дополнительной профессиональной переподготовки по экспертной специальности 20.1 «Исследование психологии человека»*. М.: РФЦСЭ. <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-217-4-2020-11>
- Safuanov, F.S. (2020). Lecture 4. Ethical foundations of an expert's activity. In: Sekerazh, T.N. (Ed.), *Course of lectures on the additional professional retraining program according to an expert specialty 20.1 "Research of human psychology"*. Moscow: The Russian Federal Centre of Forensic Science Publ. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-217-4-2020-11>
9. Сафуанов, Ф.С. (2024). *Судебно-психологическая экспертиза. Учебник для вузов* (4-е изд., пер. и доп.). М.: Юрайт.
- Safuanov, F.S. (2024). *Forensic psychological examination. Textbook for universities* (4th ed., trans. and add.). Moscow: Yurait Publ. (In Russ.).
10. Семакова, А.И., Арбузова, Е.Н., Ильянова, Е.И. (2020). Психологические особенности и проблемы сопровождения гражданских и уголовных дел, связанных с защитой прав и интересов детей. *Прикладная психология и педагогика*, 5(3), 167—180. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-157-167>
- Simakova, A.I., Arbuzova, E.N., Il'yankova, E.I. (2020). Psychological features and problems of support of civil cases connected with protection of the rights and interests of children. *Applied Psychology and Pedagogy*, 5(3), 167—180. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-157-167>
11. Холопова, Е.Н., Васильева, О.А. (2019). Судебно-психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации как средство проверки оценки криминалистически значимой информации. *Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы*, 1(45), 131—137. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=40832926> (дата обращения: 10.01.2025).
- Kholopova, E.N., Vasilyeva, O.A. (2019). Forensic psychological examination to identify signs of reliability/unreliability of information as a means of forensically relevant information test and evaluation. *Issues of Criminology, Forensics and Forensic Examination*, 1(45), 131—137. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=40832926> (viewed: 10.01.2025).
12. Шаболтас, А.В. (2012). К обсуждению проекта Этического кодекса Российского психологического общества. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*, 2, 75—84. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17767892> (дата обращения: 10.01.2025).
- Shaboltas, A.V. (2012). To discuss the draft Code of Ethics of the Russian Psychological Society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, 2, 75—84. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17767892> (viewed: 10.01.2025).
13. Шаболтас, А.В., Арбузова, Е.Н. (2024). Этические проблемы в судебно-психологической экспертизе. В: Вахнина В.В. (ред.), *Актуальные проблемы психологического обеспечения деятельности прокуратуры и правоохранительных органов: Сборник материалов Круглого стола (Москва, 28 марта 2024 г.)* (с. 33—38). М.: Университет прокуратуры. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=69217292> (дата обращения: 10.01.2025).

Шаболтас А.В. (2025)
Этические проблемы психологической экспертизы
и междисциплинарного взаимодействия психологов
и юристов
Психология и право, 15(2), 47—59.

Shaboltas A.V. (2025)
Ethical issues of psychological expertise
and interdisciplinary interaction between
psychologists and lawyers
Psychology and Law, 15(2), 47—59.

Shaboltas, A.V., Arbuzova, E.N. (2024). Ethical problems in forensic psychological examination. In: Vakhninia V.V. (Ed.), *Collection of materials of the Round table: Actual problems of psychological support for the activities of the prosecutor's office and law enforcement agencies (Moscow, March 28, 2024)* (pp. 33—38). Moscow: University of Public Prosecutor's Office Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=69217292> (viewed: 10.01.2025).

14. Шаболтас, А.В., Арбузова, Е.Н. (2024). Этические проблемы в психологическом обеспечении правоохранительной деятельности и судебной экспертизе. *Судья*, 7(163), 49—54. https://doi.org/10.52433/18178170_2024_07_49
Shaboltas, A.V., Arbuzova, E.N. (2024). Ethical problems in psychological support of law enforcement activity and forensic examination. *The Judge*, 7(163), 49—54. (In Russ.). https://doi.org/10.52433/18178170_2024_07_49
15. Шарипова, Э.Р., Мударисова, А.Р., Григорьева, М.С. (2023). Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних. *Вестник науки*, 2(6), 518—527. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=fbbmjw> (дата обращения: 10.01.2025).
Sharipova, E.R., Mudarisova, A.R., Grigorieva, M.S. (2023). Forensic psychological examination of minors. *Science Bulletin*, 2(6), 518—527. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=fbbmjw> (viewed: 10.01.2025).
16. Shaboltas, A.V., Gorbato, S.V., Arbuzova, E.N., Khaleeva, M.V. (2020). The Ethical Problems in Forensic Psychological Expert Evaluation: A View from Modern Russia. *Psychology In Russia: State of the Art*, 13(1), 11—21. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0102>
17. Shaboltas A.V., Gorbato S.V., Arbuzova E.N., Khaleeva M.V. (2023). The ethical problems in forensic psychological expertise: the results of qualitative study in Russia. *International Journal of Psychology*, 58(1), 485. <https://doi.org/10.1002/ijop.13016>

Информация об авторах

Алла Вадимовна Шаболтас, доктор психологических наук, профессор, профессор факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация; главный специалист Федерального консультативно-методического центра по психотерапии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева» Минздрава России), Санкт-Петербург, Российская Федерация; президент и председатель Этического комитета, Санкт-Петербургское психологическое общество, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1966-6924>, e-mail: alla.shaboltas@gmail.com

Information about the authors

Alla V. Shaboltas, Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor of the Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; Chief Specialist of the Federal Advisory and Methodological Center for Psychotherapy, V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology, Saint Petersburg, Russian Federation; President and Chairman of the Ethical Committee, Saint Petersburg Psychological Society, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1966-6924>, e-mail: alla.shaboltas@gmail.com

Шаболтас А.В. (2025)
Этические проблемы психологической экспертизы
и междисциплинарного взаимодействия психологов
и юристов
Психология и право, 15(2), 47—59.

Shaboltas A.V. (2025)
Ethical issues of psychological expertise
and interdisciplinary interaction between
psychologists and lawyers
Psychology and Law, 15(2), 47—59.

Вклад авторов

Шаболтас А.В. — идея и план работы, проведение анализа, написание и оформление рукописи.

Contribution of the authors

Alla V. Shaboltas — idea and planning; conducting the analysis, writing and design of the manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 23.01.2025
Поступила после рецензирования 31.01.2025
Принята к публикации 10.02.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025.01.23
Revised 2025.01.31
Accepted 2025.02.10
Published 2025.06.30

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Научная статья | Original paper

Сопоставление возможностей опросника «Анализ семейных взаимоотношений» и «Родительского сочинения» как методик для оценки родительского отношения матерей в судебной психологической экспертизе по спорам о воспитании

Е.В. Полкунова¹✉

¹ Тамбовская лаборатория судебной экспертизы Минюста России, Тамбов, Российская Федерация

✉ lenaaks@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В экспертной практике для оценки родительского отношения наиболее часто используются полупроективные методы и опросники. **Цель.** Сравнить возможности методик «Анализ семейных взаимоотношений» и «Родительское сочинение» для исследования особенностей родительского отношения матерей, проживающих совместно и раздельно с детьми, при судебной психологической экспертизе по спорам о воспитании. **Гипотеза.** Категории, значительно различающиеся у матерей, проживающих совместно и раздельно с ребенком, могут быть выявлены и тем, и другим методом; результаты применения методик будут значительно коррелировать в тождественных категориях. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 30 женщин, проходивших судебную психологическую экспертизу в рамках судебного спора об определении места жительства ребенка или порядка его общения с отдельно проживающим родителем. Родительское отношение устанавливалось с помощью методики «Родительское сочинение», стиль воспитания — с помощью опросника «Анализ семейных взаимоотношений». **Результаты.** Результаты показали значимые различия в исследуемых группах по параметрам «уважение», «неустойчивость стиля воспитания», «неразвитость родительских чувств», «вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания». **Выводы.** Показано, что сочинение выявляет неосознаваемые установки через анализ текста (качественные данные), а стандартизированный опросник дает количественную оценку по шкалам; обе методики дополняют друг друга, дают возможность использовать их интегративно.

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, родительское отношение, стиль воспитания, родительское сочинение, опросник «Анализ семейных взаимоотношений»

Для цитирования: Полкунова, Е.В. (2025). Сопоставление возможностей опросника «Анализ семейных взаимоотношений» и «Родительского сочинения» как методик для оценки родительского отношения матерей в судебной психологической экспертизе по спорам о воспитании. *Психология и право*, 15(2), 60—75. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150205>

Comparison of the capabilities of the questionnaire “Analysis of Family Relationships” and “Parental Essay” as methods for assessing the parental attitude of mothers in forensic psychological examination of disputes about education

E.V. Polkunova^{1,2}✉

¹ Tambov Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Tambov,
Russian Federation

✉ lenaaks@mail.ru

Abstract

Context and relevance. In expert practice, semi-projective methods and questionnaires are most often used to assess parental attitudes. **Objective.** To compare the capabilities of the methods “Analysis of Family Relationships” and “Parental Essay” for studying the characteristics of parental attitudes of mothers living together and separately with their children, during forensic psychological examinations in disputes about upbringing. **Hypothesis.** Categories that differ significantly between mothers living together and separately from their child can be identified by both methods; the results of applying the methods will significantly correlate in identical categories. **Methods and materials.** The study involved 30 women undergoing forensic psychological examination as part of a legal dispute on determining the child's place of residence or the procedure for communicating with a parent living separately. Parental attitude was established using the “Parental Essay” method, and parenting style was determined using the “Analysis of Family Relationships” questionnaire. **Results.** The results showed significant differences in the studied groups in the parameters “respect”, “unstable parenting style”, “underdevelopment of parental feelings”, “introduction of conflict between spouses into the sphere of education”. **Conclusions.** It is shown that the essay reveals unconscious attitudes through text analysis (qualitative data), and the standardized questionnaire gives a quantitative assessment on scales; both methods complement each other and make it possible to use them integratively.

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

Keywords: forensic psychological examination, comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, parental attitude, parenting style, parental essay, questionnaire “Analysis of family relationships”

For citation: Polkunova, E.V. (2025). Comparison of the capabilities of the questionnaire “Analysis of Family Relationships” and “Parental Essay” as methods for assessing the parental attitude of mothers in forensic psychological examination of disputes about education. *Psychology and Law*, 15(2), 60—75. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150205>

Введение

В ходе экспертизы — судебной психологической (СПЭ), комплексной судебной психолого-психиатрической (КСППЭ) — по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка ключевая задача эксперта состоит в установлении, могут ли родительское отношение и установки оказать негативное влияние на состояние и развитие ребенка. При этом эксперт должен указать, какие именно паттерны поведения родителей и каким образом будут оказывать негативное влияние на ребенка (Конищева, 2022; Русаковская, Новикова-Грунд, Андрианова, 2019; Харитонов и др., 2014).

В судебной экспертизе, в условиях амбулаторного обследования родителей, важно использовать методы, которые достоверно и объективно позволят установить особенности родительского отношения. При этом в экспертной практике для установления особенностей родительского отношения наиболее часто используются методики «Родительское сочинение» В.В. Столина (Бодалев, Столин, 2000) и «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера, В. Юстицкиса (далее — АСВ) (Эйдемиллер, Городнова, Тарабанов, 2022; Полкунова, 2015; Русаковская, 2021; Сафуанов, 2023; Терехина, Ошевский, 2018).

Методика АСВ представляет собой опросник, разработанный и стандартизированный в ходе клинических исследований, направленный на выявление неосознаваемых родительских установок, которые обуславливают различные типы патологизирующего воспитания (Эйдемиллер, Городнова, Тарабанов, 2022). Опросник направлен на изучение влияния родителей на воспитание ребенка, содержит 11 шкал, отражающих основные особенности воспитания (уровень протекции, степень удовлетворения потребностей ребенка, уровень требований-обязанностей и требований-запретов, уровень санкций, неустойчивость стиля воспитания): 4 шкалы, характеризующие структурно-ролевой аспект жизнедеятельности семьи (расширение сферы родительских чувств, предпочтение детских качеств, воспитательная неуверенность); 2 шкалы, отражающие особенности функционирования системы взаимных влияний (неразвитость родительских чувств, проекция собственных нежелательных качеств); 3 шкалы, оценивающие работу механизмов семейной интеграции (вынесение супружеских конфликтов в сферу воспитания, предпочтение женских либо мужских качеств). Метод не защищен от социально желательных ответов родителей, что определяет ограничения применения его в экспертной практике (Русаковская, Новикова-Грунд, Андрианова, 2019).

Проективные методики, в том числе методика «Родительское сочинение», позволяют во многих случаях преодолеть социальную желательность ответов и оцениваются в связи с этим как более надежные (Полкунова, 2022). В то же время ограничением метода является

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

необходимость проведения глубокого качественного анализа для получения информации об установках и стереотипах поведения родителей, что делает методику, в различных ее модификациях, эффективным инструментом диагностики (Бодалев, Столин, 2000; Овчарова, 2006; Русаковская, 2018; Русаковская, Новикова-Грунд, Андрианова, 2019; Шведовская, 2005).

Для получения более полной и разносторонней картины родительского отношения актуально использование средств, которые дополняют друг друга и сочетают проективный и опросный методы (Конищева, 2022). При этом, с одной стороны, «Родительское сочинение», как качественная методика, позволяет выявить особенности эмоционально-ценностного отношения к ребенку и родительских установок через анализ лексику, метафоры, акценты; помогает раскрыть внутренние переживания, даже неосознаваемые родителем. С другой стороны, применение опросников позволяет стандартизировать исследование и сделать его поддающимся квантификации. Идеи сочетания качественных и количественных методов в психологическом исследовании заложены, например, в системной парадигме Б.Ф. Ломова и находятся в общем тренде современных исследований, связанных с разработкой подходов, использующих так называемые «смешанные» методы (Истратова, 2017; Носуленко, 2021); в то же время сравнительное изучение данных методик ранее не проводилось, что определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования — сравнить диагностические возможности методики «Родительское сочинение» и опросника АСВ для исследования особенностей родительского отношения у матерей, проживающих совместно и раздельно с детьми, проходящих судебную психологическую экспертизу по семейным спорам о воспитании.

Гипотеза — категории, значимо различающиеся у матерей, проживающих совместно и раздельно с ребенком, могут быть выявлены и тем, и другим методом; результаты применения методик будут значимо коррелировать в тождественных категориях.

Материалы и методы

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 30 матерей, проходящих судебную психологическую экспертизу: группу 1 составили матери, проживающие совместно с детьми (N = 18, средний возраст — 34,1), группу 2 — матери, проживающие раздельно (N = 12, средний возраст — 30,1). В группе 1 в отношении двух матерей было дано заключение о наличии негативного влияния индивидуально-психологических особенностей, родительского отношения и стиля воспитания на психическое развитие ребенка.

Методы. Участникам исследования было предложено написать сочинение в свободной форме на тему «Мой ребенок», для результатов которого использовался качественный анализ варианта методики в адаптации А.И. Ташёвой (Истратова, 2017), а также ответить на вопросы опросника АСВ.

Статистический анализ данных проводился с помощью STATISTICA 10, сравнительный анализ групп — с помощью U-критерия Манна—Уитни, корреляционный анализ — методом ранговой корреляции Спирмена.

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

Результаты

Показатели категорий и шкал в целом по каждой группе (абсолютные и относительные) приведены в табл. 1, 2.

Таблица 1 / Table 1

Результаты методики Родительское сочинение (N = 30) Results of the method Parental essay (N = 30)

Параметры отношения / Attitude Parameters	Группа 1 (матери, проживающие совместно с детьми), N = 18 / Group 1 (mothers living with children), N = 18, M (SD)	Группа 2 (матери, проживающие раздельно с детьми), N = 12 / Group 2 (mothers living separately from their children), N = 12, M (SD)	Уровень значимости различий (p) / Significance Level of Differences (p)
Шкала «Симпатия» / «Sympathy» Scale	79,63 (20,26)	66,67 (24,62)	0,148
1. Любование, умиление ребенком, одобрение его поступков / Admiration, tenderness toward the child, approval of their actions	1,00 (0,00)	0,67 (0,49)	0,010*
2. Употребление имени ребенка, эмоционально окрашенных слов / Use of the child's name, emotionally charged words	0,83 (0,38)	0,67 (0,49)	0,312
3. Оправдание негативных черт / Justification of negative traits	0,56 (0,51)	0,67 (0,49)	0,566
Шкала «Антипатия» / «Antipathy» Scale	19,44 (16,17)	16,67 (16,28)	0,652
1. Негативное отношение к внешности ребенка, негативная оценка черт характера / Negative attitude toward the child's appearance, criticism of character traits	0,00 (0,00)	0,00 (0,00)	
2. Недоброжелательное отношение к личности, мыслям, чувствам, увлечениям ребенка / Unfriendly attitude towards the child's personality, thoughts, feelings, hobbies, feelings, or interests	0,56 (0,51)	0,50 (0,52)	0,787

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

3. Раздраженность по поводу динамических черт поведения ребенка / Irritation toward the child's behavioral dynamics	0,22 (0,43)	0,00 (0,00)	0,091
4. Негодование, укор, злая ирония по поводу деятельности и др. ребенка / Resentment, reproach, or sarcasm regarding the child's activities or other aspects	0,00 (0,00)	0,17 (0,39)	0,086
Шкала «Уважение» / «Respect» Scale	77,78 (19,80)	52,78 (17,16)	0,002**
1. Высокая оценка, признание достоинств ребенка / High appraisal, recognition of merits, respect for the child's activities and interests	1,00 (0,00)	0,67 (0,49)	0,010*
2. Указание в личности ребенка социально одобряемых черт / Attribution of socially approved traits to the child's personality	0,89 (0,32)	0,92 (0,29)	0,838
3. Отношение как к равному / Treating the child as an equal	0,44 (0,51)	0,00 (0,00)	0,008**
Шкала «Неуважение» / «Disrespect» Scale	18,52 (17,04)	22,22 (16,41)	0,566
1. Отрицание способностей и перспектив / Denial of the child's abilities and potential	0,00 (0,00)	0,00 (0,00)	
2. Отрицание прав ребенка, занижение его возраста, доминирование, властвование / Denial of the child's rights, underestimation of their age, dominance, authoritarianism	0,56 (0,51)	0,00 (0,00)	0,002**
3. Указание на неадаптивные качества / Emphasis on maladaptive personality traits	0,00 (0,00)	0,67 (0,49)	0,000***
Шкала «Близость» / «Closeness» Scale	48,15 (26,13)	38,89 (19,25)	0,273
1. Ощущение родственности, единства / Sense of kinship, unity	0,83 (0,38)	0,17 (0,39)	0,000***
2. Хорошее знание ребенка / Deep knowledge of the child	0,56 (0,51)	0,25 (0,45)	0,109

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

3. Оправдание ребенка / Justification of the child's behavior	0,06 (0,24)	0,75 (0,45)	0,000***
Шкала «Отдаленность» / «Distance» Scale	27,78 (26,20)	16,67 (17,41)	0,276
1. Формальное описание ребенка / Formal description of the child	0,33 (0,49)	0,08 (0,29)	0,125
2. Постоянное неупотребление имени ребенка / Consistent avoidance of using the child's name	0,50 (0,51)	0,00 (0,00)	0,004**
3. Отстраненность, незнание друзей ребенка, его увлечений, забот, проблем / Detachment, lack of knowledge about the child's friends, interests, concerns, or problems	0,00 (0,00)	0,42 (0,51)	0,003**

Примечание: М — среднее значение; SD — стандартное отклонение; «*» — различия на уровне значимости $p < 0,05$; «**» — различия на уровне значимости $p < 0,01$; «***» — различия на уровне значимости $p < 0,001$.

Note: M — mean value; SD — standard deviation; «*» — differences at the level of significance $p < 0,05$; «**» — differences at the level of significance $p < 0,01$; «***» — differences at the level of significance $p < 0,001$.

Таблица 2/ Table 2

Результаты опросника ACB (N = 30)
Results of the ASV questionnaire (N = 30)

Параметры отношения / Attitude Parameters	Группа 1 (матери, проживающие совместно с детьми), N = 18 / Group 1 (mothers living with children), N = 18, M (SD)	Группа 2 (матери, проживающие раздельно с детьми), N = 12 / Group 2 (mothers living separately from their children), N = 12, M (SD)	Уровень значимости различий (p) / Significance Level of Differences (p)
1. Гиперпротекция (Г+) / Hyperprotection (G+)	4,78 (2,24)	4,33 (2,46)	0,965
2. Гипопротекция (Г-) / Hypoprotection (G-)	2,22 (1,22)	2,75 (1,91)	0,619
3. Потворствование (У+) / Indulgence (U+)	4,17 (1,82)	3,33 (1,92)	0,225

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

4. Игнорирование потребностей ребенка (У–) / Ignoring the child's needs (U–)	0,72 (1,13)	0,75 (0,97)	0,665
5. Чрезмерность требований-обязанностей (Т+) / Excessive demands-responsibilities (T+)	1,44 (0,70)	2,00 (1,13)	0,148
6. Недостаточность требований-обязанностей ребенка (Т–) / Insufficient demands-responsibilities (T–)	1,11 (0,90)	1,33 (0,89)	0,424
7. Чрезмерность требований-запретов (З+) / Excessive prohibitions (Z+)	1,39 (1,09)	1,92 (0,67)	0,027*
8. Недостаточность требований-запретов к ребенку (З–) / Insufficient prohibitions (Z–)	2,22 (0,94)	1,58 (0,90)	0,047*
9. Чрезмерность санкций (С+) / Excessive sanctions (S+)	0,78 (1,26)	1,17 (1,03)	0,202
10. Минимальность санкций (С–) / Minimal sanctions (S–)	3,17 (1,20)	3,42 (1,88)	0,382
11. Неустойчивость стиля воспитания (Н) / Instability of parenting style (N)	0,44 (0,92)	1,83 (1,53)	0,004**
12. Расширение сферы родительских чувств (РРЧ) / Expansion of parental feelings (RFE)	2,33 (1,50)	2,83 (1,64)	0,366
13. Предпочтение в подростке детских качеств (ПДК) / Preference for childlike qualities in the adolescent (PCQ)	1,61 (1,33)	1,00 (0,95)	0,193
14. Воспитательная неуверенность родителя (ВН) / Parental educational uncertainty (PEU)	1,44 (1,79)	2,25 (1,36)	0,116
15. Фобия утраты ребенка (ФУ) / Fear of losing the child (FLC)	0,78 (1,48)	0,83 (1,03)	0,470
16. Неразвитость родительских чувств (НРЧ) / Underdeveloped parental feelings (UPF)	0,39 (1,04)	1,17 (0,83)	0,004**
17. Проекция на ребенка (подростка) собственных нежелательных качеств (ПНК) / Projection of parent's undesirable traits onto the child (PUC)	0,22 (0,43)	0,83 (1,27)	0,287

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

18. Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания (ВК) / Transfer of marital conflict into parenting (MCC)	1,28 (1,67)	2,83 (1,40)	0,012*
19. Шкала предпочтения мужских качеств (ПМК) / Preference for masculine qualities (PMQ)	2,94 (1,70)	2,92 (1,56)	0,778
20. Шкала предпочтения женских качеств (ПЖК) / Preference for feminine qualities (PFQ)	0,61 (1,09)	1,00 (1,41)	0,433

Примечание: М — среднее значение; SD — стандартное отклонение; «*» — различия на уровне значимости $p < 0,05$; «**» — различия на уровне значимости $p < 0,01$; «***» — различия на уровне значимости $p < 0,001$.

Note: M — mean value; SD — standard deviation; «*» — differences at the level of significance $p < 0,05$; «**» — differences at the level of significance $p < 0,01$; «***» — differences at the level of significance $p < 0,001$.

Результаты показывают, что матери группы 1 проявляют больше любования поступками ребенка и их одобрение, высоко оценивают, признают его достоинства, выражают более эмоционально-позитивное отношение, близость и единство. Значительно чаще демонстрируют уважение к ребенку, признают его личность и интересы, больше знают его, отмечают партнерский характер взаимоотношений, а также чаще проявляют раздраженность. В этой же группе демонстрируется более выраженное доминирование матери и занижение возраста ребенка.

В группе 2 матери указывают на неадаптивные личностные качества ребенка, значимо чаще оправдывают его, демонстрируют отстраненность.

Данные демонстрируют, что в группе 1 матери чаще проявляют недостаточность требований и запретов, а матери в группе 2, наоборот, — их чрезмерность. Им чаще свойственны неустойчивый стиль воспитания, неразвитость родительских чувств и вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания.

С целью сравнения результатов, полученных с помощью методик АСВ и «Родительское сочинение» проведен корреляционный анализ. Результаты корреляционного анализа иллюстрируют рис. 1 и 2.

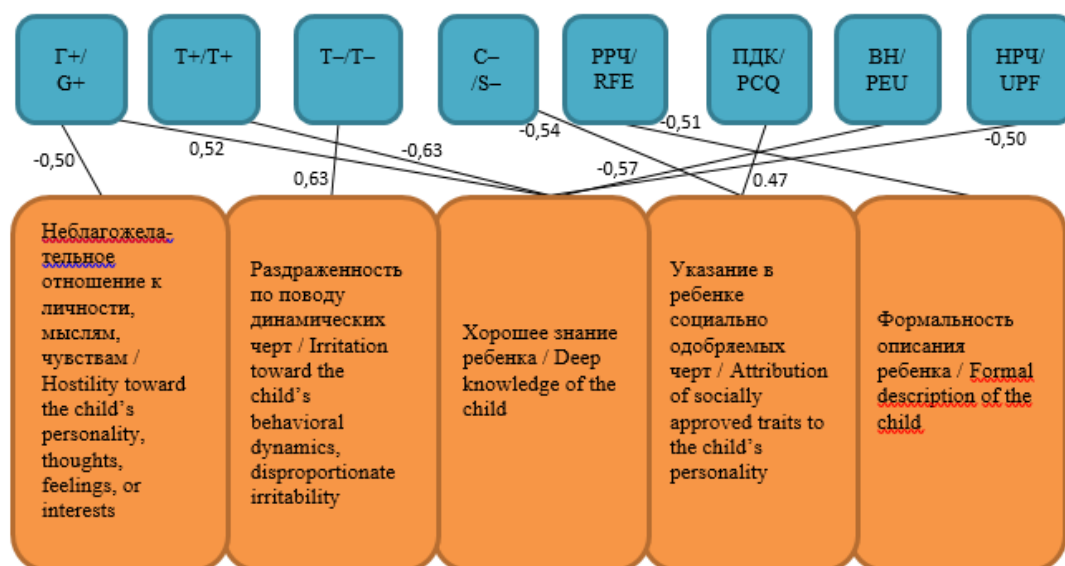
Высокий уровень гиперпротекции (Г+), характеризующийся чрезмерной опекой и контролем, положительно коррелировал с эмоциональной близостью родителя с ребенком ($r = 0,52$).

Недостаточность требований к ребенку (Т–) оказалась связана с проявлениями антипатии, выражающейся в раздражении из-за динамических особенностей его поведения ($r = 0,63$).

Склонность видеть в подростке детские черты (ПДК) положительно коррелировала с уважением к социально одобряемым качествам ребенка ($r = 0,47$).

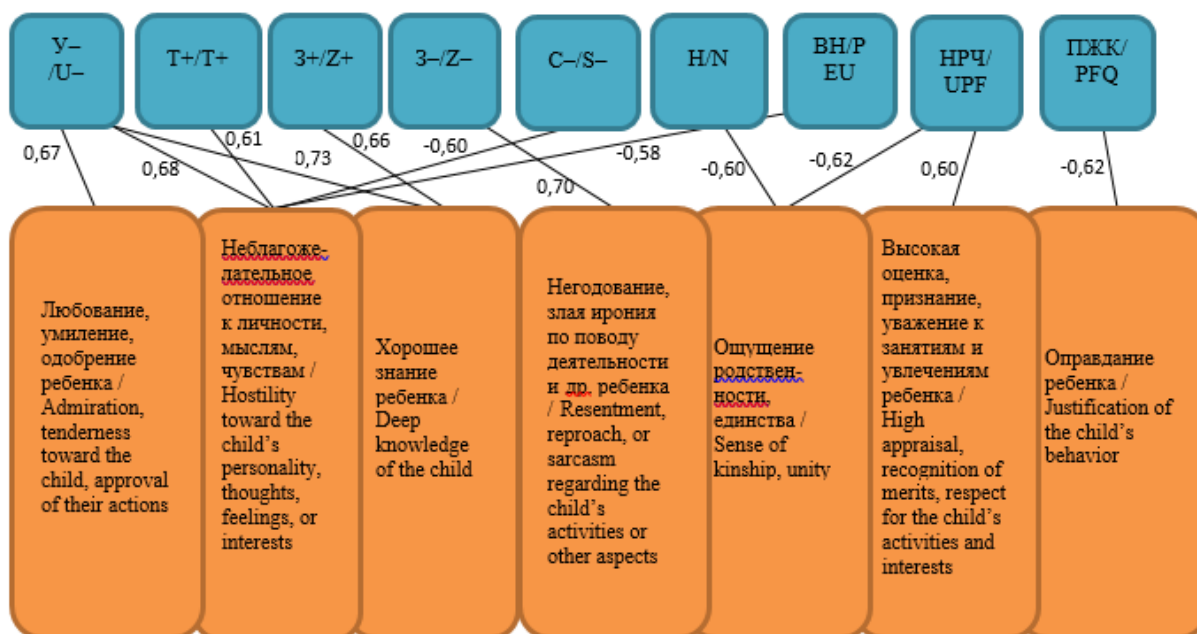
Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

Рис. 1. Результаты корреляционного анализа у матерей, проживающих совместно с ребенком

Fig. 1. Results of correlation analysis in mothers living with the child

Рис. 2. Результаты корреляционного анализа у матерей, проживающих раздельно с ребенком

Fig. 2. Results of correlation analysis in mothers living separately from their child

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

Гиперпротекция (Г+) показала обратную связь с антипатией ($r = -0,50$): чрезмерно опекающие матери реже демонстрировали неприятие личности ребенка, его мыслей или увлечений. Минимальность санкций (С-), отражающая нежелание применять дисциплинарные меры, обратно коррелировала с уважением ($r = -0,54$), снижение требовательности сопровождалось меньшим признанием социально значимых качеств ребенка.

Шкала расширения родительских чувств (РРЧ), связанная с эмоциональной зависимостью от ребенка, обнаружила обратную связь с формальностью в описании его жизни ($r = -0,51$).

Значимая отрицательная связь выявлена между близостью матери с ребенком, включающей его хорошее знание, и тремя параметрами:

- 1) чрезмерные требования-обязанности (Т+) ($r = -0,63$);
- 2) воспитательная неуверенность (ВН) ($r = -0,57$);
- 3) неразвитость родительских чувств (НРЧ) ($r = -0,50$).

Наиболее выраженная положительная корреляция ($r = 0,73$) зафиксирована между хорошим знанием матерью ребенка его предпочтений, эмоциональных особенностей и учетом его потребностей (У-).

Была выявлена также устойчивая связь между чрезмерными требованиями к выполнению обязанностей (Т+) и проявлениями антипатии, выражающейся в критической оценке мыслей и увлечений ребенка ($r = 0,61$). Аналогичная закономерность обнаружена в сочетании строгих запретов (З+) ($r = 0,66$) с уверенностью в собственном понимании детских потребностей.

Парадоксальная, на первый взгляд, взаимосвязь выявлена между недостаточностью запретов (З-) и усилением критики: отсутствием четких требований и границ ($r = 0,70$).

Показатель шкалы НРЧ обнаружил положительную связь с декларируемым уважением к интеллектуальным способностям и увлечениям ребенка ($r = 0,60$).

Обратные корреляции также продемонстрировали некоторые закономерности. Снижение дисциплинарных санкций (С-) значимо сочеталось с уменьшением антипатичных реакций ($r = -0,60$). Непоследовательность воспитательного стиля (Н) отрицательно коррелировала с чувством семейной общности ($r = -0,60$).

Воспитательная неуверенность матерей (ВН) имеет обратную связь с критичностью оценок ($r = -0,58$), сомнения в собственной компетентности снижают склонность к негативным суждениям. Неразвитость эмоциональной привязанности ($r = -0,62$) и акцентирование «женских» качеств в воспитании ($r = -0,62$) препятствовали формированию семейной идентичности и тенденции к оправданию недостатков ребенка.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование показывает, что проявляемое матерями группы 1 более выраженное любование и одобрение поступков ребенка, эмоционально-позитивное отношение, близость и единство, глубокая эмоциональная связь и более «правильные» родительские компетенции, в их понимании, по сравнению с другим родителем, могут быть обусловлены именно совместным проживанием с ребенком на период проведения судебной экспертизы.

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

Матери значительно чаще демонстрируют уважение к ребенку, признают его личность и интересы, больше его знают, отмечают партнерский характер взаимоотношений, у них отмечается недостаточность требований, мягкий стиль воспитания, что может быть связано с более тесным эмоциональным контактом и меньшей необходимостью в строгом контроле. В сочинениях матери отмечали, что дети часто нарушают порядок, проявляют неаккуратность или избыточную активность, что порой вызывало их раздражение.

В этой же группе демонстрируется более выраженное доминирование матери и занижение возраста ребенка, что не исключает желания удержать ребенка под своим влиянием в условиях судебного противостояния с другим родителем.

Гиперопекающие матери чаще демонстрировали глубокое понимание внутреннего мира ребенка — подробно описывали его интересы, привычки, особенности мышления и поведения, подчеркивая сходство с собой. В сочинении матери делали акцент на внимании к дисциплинированности, умении соблюдать нормы поведения в школе и общественных местах, что снижало риск конфликтов с окружением. Возможно, это связано с их желанием, чтобы подростки снова были послушными, как дети.

Матери, склонные к эмоциональному слиянию с ребенком, делали акцент на чувствах и близости, воздерживаясь от формального перечисления фактов. Более выражено это проявлялось у матерей детей младшего школьного возраста.

Можно предположить, что жесткие установки родителя препятствовали установлению доверительных отношений с ребенком; матери, сомневающиеся в своих воспитательных способностях, реже демонстрировали глубокое понимание ребенка; эмоциональная отстраненность коррелировала с поверхностным восприятием личности ребенка.

Выявленные закономерности подтверждают, что баланс между контролем, эмоциональной включенностью и гибкостью требований играет ключевую роль в формировании гармоничных детско-родительских отношений (Авдеева, 2017; Ainsworth, 1991).

В группе 2 матери чаще указывают на неадаптивные личностные качества ребенка, что скорее отражает воспринимаемые последствия негативного влияния на него со стороны отца, опосредованное отношение через критичное восприятие ребенка к воспитательным мерам бывшего супруга. Например, матери, настаивающие на обязательном продолжении ребенком посещения выбранных секций или кружков, склонны расценивать изменение интересов ребенка как безответственность со стороны отца.

Матери данной группы значимо чаще оправдывают своего ребенка, испытывая чувство вины или компенсации за недостаточное, а порой и полное отсутствие взаимодействия с ним, влияния на него со стороны отца. Возможно, матери пытаются восполнить недостаток эмоциональной близости и взаимодействия с ребенком, делая акцент на его достижениях и успехах.

Отмечается более высокий уровень контроля, вероятно, как проявление тревоги вследствие отстраненности, вытеснения матери из жизни ребенка. Матерям, проживающим отдельно с ребенком, чаще свойственен неустойчивый стиль воспитания в связи с трудностями в поддержании последовательности из-за несистематического, редкого общения с ребенком. Этим же могут быть обусловлены недостаточная развитость родительских чувств с более

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

выраженной эмоциональной дистанцией, недостатком теплоты и близости в диаде «мать—ребенок».

Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания отмечалось одновременно с недовольством действиями и поведением ребенка в условиях его проживания с отцом, было вызвано конфликтным характером отношений между родителями и его переносом на отношения с ребенком. Матери, часто меняющие подходы, реже использовали формулировки типа «мы преодолеем трудности вместе», отражающие единство с ребенком, что вполне закономерно, в условиях взаимодействия на период судебного спора в описываемой группе.

Таким образом, проживающие совместно с детьми матери демонстрируют более эмоционально насыщенные, близкие и уважительные отношения с ребенком, склонны к мягкому и разрешающему стилю воспитания, с меньшим количеством запретов и большей эмоциональной близостью, связанными, возможно, с недостатком строгости и последовательности в установлении границ, но при этом чаще могут проявлять доминантность и представлять ребенка более уязвимым, незрелым, подверженным влиянию отца. Проживающие отдельно с детьми матери критичнее оценивают ребенка и при этом оправдывают его, демонстрируют отстраненность в связи с недостатком близкого с ним общения, проявляют больше контроля и неустойчивости в воспитании с эмоциональной дистанцией и склонностью к переносу супружеских конфликтов на ребенка.

Заключение

В настоящем исследовании выделены ключевые параметры родительского отношения, значимо различающиеся у матерей, проживающих совместно и отдельно с ребенком. Установлена чувствительность к данным параметрам как опросника АСВ, так и проективной методики «Родительское сочинение», что позволяет рассматривать оба метода как дополняющие друг друга. В то же время для оценки надежности методов применительно к экспертной практике необходимо проведение дальнейших исследований, в том числе сравнения двух групп родителей: тех, в отношении которых дано заключение о наличии негативного влияния индивидуально-психологических особенностей, родительского отношения и стиля воспитания на психическое развитие ребенка, и тех, в отношении которых дано заключение об отсутствии такого влияния.

Перспективы дальнейших исследований состоят в распределении групп детей по возрасту, особенностям раздельного проживания матери с ребенком, качеству и интенсивности их общения и др.

Список источников / References

1. Авдеева, Н.Н. (2017). Теория привязанности: современные исследования и перспективы. *Современная зарубежная психология*, 6(2), 7—14. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060201>
Avdeeva, N.N. (2017). Child-Parent Relationship Therapy: Child-Parent Interaction Therapy of Sheila Eyberg (on foreign sources). *Journal of Modern Foreign Psychology*, 6(2), 7—14. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060201>

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

2. Бодалев, А.А., Столин, В.В. (2000). *Общая психодиагностика*. СПб: Речь.
Bodalev, A.A., Stolin, V.V. (2000). *General psychodiagnostics*. Saint Petersburg: Rech' Publ. (In Russ.).
3. Истратова, О.Н. (Ред.). (2017). *Диагностика и коррекция детско-родительских отношений: Практикум*. Ростов н/Д: Феникс.
Istratova, O.N. (Ed.) (2017). *Diagnostics and correction of parent-child relationships: Workshop*. Rostov-on-Don: Feniks Publ. (In Russ.).
4. Конищева, А.В. (2022). Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии. *Психология и право*, 12(3), 88—96. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120308>
Konishcheva, A.V. (2022). Approaches to the Study of Parental Attitude in Russian Psychology. *Psychology and Law*, 12(3), 88—96. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120308>
5. Носуленко, В.Н. (2021). Вопросы интеграции качественных и количественных методов в психологическом исследовании. *Экспериментальная психология*, 14(3), 4—16. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140301>
Nosulenko, V.N. (2021) Integration Issues of Qualitative and Quantitative Methods in Psychological Research. *Experimental Psychology (Russia)*, 14(3), 4—16. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140301>
6. Овчарова, Р.В. (2006). *Родительство как психологический феномен*. М.: Московский психолого-социальный институт.
Ovcharova, R.V. (2006). *Parenthood as a psychological phenomenon*. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute Publ. (In Russ.).
7. Полкунова, Е.В. (2015). Исследование влияния родительского отношения на состояние ребенка при производстве судебной психологической экспертизы по семейным спорам. *Теория и практика судебной экспертизы*, 4(40), 98—103. URL: <https://www.tipse.ru/jour/article/view/100> (дата обращения: 20.12.2024).
Polkunova, E.V. (2015). Assessing the impact of parental attitudes on the child's psychological wellbeing when conducting expert psychological evaluations in family disputes. *Theory and Practice of Forensic Science*, 4(40), 98—103. (In Russ.). URL: <https://www.tipse.ru/jour/article/view/100> (viewed: 20.12.2024).
8. Полкунова, Е.В. (2022). Применение методики «Родительское сочинение» в целях установления родительского отношения при проведении судебной психологической экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей. *Психология и право*, 12(3), 39—51. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120304>
Polkunova, E.V. (2022). Application of the “Parent Essay” to Study Parental Attitudes in Forensic Psychological Examination. *Psychology and Law*, 12(3), 39—51. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120304>
9. Русаковская, О.А. (2018). Проблемы судебно-психиатрической экспертизы по искам об ограничении родительских прав лиц с психическими расстройствами. *Российский психиатрический журнал*, 6, 27—34. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36648391> (дата обращения: 10.12.2024).
Rusakovskaya, O.A. (2018). Problems of forensic-psychiatric assessment in litigation over limiting parental rights of individuals suffering from mental disorders. *Russian Journal of*

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

Psychiatry, 6, 27—34. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36648391> (viewed: 10.12.2024).

10. Русаковская, О.А., Калашникова, А.С., Харитонов, Н.К., Сафуанов, Ф.С. (2021). Актуальное состояние и проблемы комплексной психолого-психиатрической экспертизы по спорам о воспитании. *Российский психиатрический журнал*, 1, 24—36. <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10103>
Rusakovskaya, O.A., Kalashnikova, A.S., Kharitonova, N.K., Safuanov, F.S. (2021). The current state and problems of complex psychological and psychiatric evaluation in child custody disputes. *Russian Journal of Psychiatry*, 1, 24—36. (In Russ.). <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10103>
11. Русаковская, О.А., Новикова-Грунд, М.В., Андрианова, С.Б. (2019). Психосемантический подход к оценке родительского отношения. *Российский психиатрический журнал*, 4, 27—35. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2019-11933>
Rusakovskaya, O.A., Novikova-Grund, M.V., Andrianova, S.B. The psychosemiotic approach towards assessment of parental attitude. *Russian Journal of Psychiatry*, 4, 27—35. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2019-11933>
12. Сафуанов, Ф.С., Савина, О.Ф., Морозова, М.В., Калашникова, А.С., Переpravина, Ю.О., Кулаков, С.С., Бодрова, О.К., Солдатова, К.М. (2023). *Алгоритм проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по семейным спорам между родителями о воспитании ребенка*. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения.
Safuanov, F.S., Savina, O.F., Morozova, M.V., Kalashnikova, A.S., Perepravina, Yu.O., Kulakov, S.S., Bodrova, O.K., Soldatova, K.M. (2023). *Algorithm for conducting a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of family disputes between parents about raising a child*. Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ.).
13. Терехина, С.А., Ошевский, Д.С. (2018). Проблема использования психологических познаний при решении семейных споров о детях в гражданском судопроизводстве. *Психология и право*, 8(2), 152—163. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080212>
Terekhina, S.A., Oshevsky, D.S. (2018). The problem of using psychological knowledge in family disputes over children in civil legal proceedings. *Psychology and Law*, 8(2), 152—163. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080212>
14. Харитонов, Н.К., Сафуанов, Ф.С., Вострокнутов, Н.В., Русаковская, О.А. (2014). Методологические основы проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей. *Теория и практика судебной экспертизы*, 3(35), 93—106. URL: <https://www.tipse.ru/jour/article/view/237> (дата обращения 20.01.2025).
Kharitonova, N.K., Safuanov, F.S., Vostroknutov, N.V., Rusakovskaya, O.A. (2014). Methodological Framework of Conduct for Integrated Psychological and Psychiatric Examinations in Disputes about the Right to Raise Children. *Theory and Practice of Forensic Science*, 3(35), 93—106. (In Russ.). URL: <https://www.tipse.ru/jour/article/view/237> (viewed: 20.01.2025).

Полкунова Е.В. (2025)
Сопоставление возможностей опросника
«Анализ семейных взаимоотношений» и
«Родительского сочинения» как методик для оценки
родительского отношения матерей в судебной
психологической экспертизе по спорам о воспитании
Психология и право, 15(2), 20—35.

Polkunova E.V. (2025)
Comparison of the capabilities of the questionnaire
“Analysis of Family Relationships” and “Parental
Essay” as methods for assessing the parental
attitude of mothers in forensic psychological
examination of disputes about education
Psychology and Law, 15(2), 20—35.

15. Шведовская, А.А. (2005). Использование методики «Родительское сочинение» в диагностике детско-родительских отношений в дошкольном возрасте. *Психологическая диагностика*, 4, 96—128. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23200420> (дата обращения 20.01.2025).
Shvedovskaya, A.A. (2005). Using the «Parental Essay» Method in Diagnosing Parent-Child Relationships in Preschool Age. *Psychological Diagnostics*, 4, 96—128. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23200420> (viewed: 20.01.2025).
16. Эйдемиллер, Э.Г., Городнова, М.Ю., Тарабанов, А.Э. (Ред.). (2022). *Детская психиатрия, психотерапия и медицинская психология*. СПб: Питер.
Eidemiller, E.G., Gorodnova, M.Yu., Tarabanov, A.E. (Eds.) (2022). *Child psychiatry, psychotherapy and medical psychology*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
17. Ainsworth M.D.S., Bowlby J. (1991). An ethological approach to personality development. *American Psychologist*, 46, 331—341. <https://doi:10.1037/0003-066X.46.4.333>

Информация об авторах

Елена Владленовна Полкунова, ведущий государственный судебный эксперт, Тамбовская лаборатория судебной экспертизы Минюста России (ФБУ Тамбовская ЛСЭ Минюста России), Тамбов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4346-4118>, e-mail: lenaaks@mail.ru

Information about the authors

Elena V. Polkunova, Leading State Forensic Expert, Tambov Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Tambov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4346-4118>, e-mail: lenaaks@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 10.02.2025
Поступила после рецензирования 03.03.2025
Принята к публикации 14.05.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025.02.10
Revised 2025.03.03
Accepted 2025.05.14
Published 2025.06.30

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Научная статья | Original paper

Категории «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость» в контексте правовой оценки показаний несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальном насилии

Е.В. Васько^{1, 2} ✉, Т.Н. Секераж^{1, 3}

¹ Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

² Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ 1269724@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. На основе результатов оригинального исследования, авторами рассмотрены актуальные вопросы, связанные с неправильной оценкой и трактовкой следствием выводов эксперта-психолога об отсутствии «повышенной склонности к фантазированию» и «повышенной внушаемости» у несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальном насилии. **Цель.** Установить содержание категорий «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость», определить особенности их восприятия работниками правоохранительных органов на разных этапах расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних и пути предотвращения неверной трактовки результатов судебной психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 800 следователей (64% со стажем работы более 5 лет, 36% — менее 5 лет) и 240 психологов социально-психологических центров различных регионов России. Также использовались материалы экспертной и судебной практики (48 приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции субъектов Российской Федерации в 2021—2024 гг.). **Результаты.** Показан механизм создания искусственных доказательств при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Раскрыты содержание категорий «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

внушаемость» и особенности их восприятия работниками предварительного следствия в контексте правовой оценки показаний несовершеннолетних. **Выводы.** Предложено исключить вопросы о «повышенной склонности к фантазированию» и «повышенной внушаемости» при назначении судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы, а при постановке таких вопросов рекомендовать экспертам не отвечать на них как не являющиеся экспертными и не имеющие доказательственного значения. Установлена актуальность подготовки информационного письма в целях просвещения сотрудников правоохранительных органов, психологов, а также студентов психологических и юридических вузов и факультетов.

Ключевые слова: склонность к фантазированию, внушаемость, несовершеннолетние потерпевшие, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебная психологическая экспертиза, достоверность показаний, компетенция эксперта

Для цитирования: Васкэ, Е.В., Секераж, Т.Н. (2025). Категории «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость» в контексте правовой оценки показаний несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальном насилии. *Психология и право*, 15(2), 76—89. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150206>

Categories “increased tendency to fantasy” and “increased suggestibility” in the context of the legal assessment of the testimony of minor victims in cases of sexual violence

E.V. Vaske^{1, 2} ✉, T.N. Sekerazh^{1, 3}

¹ Russian Federal Center of Forensic Science named after professor A.R. Shlyakhov of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

³ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
✉ 1269724@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Actual issues related to improper assessment and interpretation by the consequence of the conclusions of an expert-psychologist about the absence of an “increased tendency to fantasy” and “increased suggestibility” among minor victims in cases of sexual violence are considered by authors based on the results of an original study. **Objective.** To determine the categories “increased tendency to fantasy” and “increased suggestibility”, the peculiarities of their perception by law enforcement officials at different stages of the investigation of crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors, and ways to prevent misinterpretation of the results of forensic psychological and complex psychological and psychiatric examination. **Methods and materials.** The study involved 800 investigators (36%

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

have experience up to 3 years, 64% — more than 5 years) and 240 psychologists of socio- psychological centers of regions of Russia. The materials of expert and judicial practice (48 court verdicts) were also used. **Results.** The results showed a mechanism for creating artificial evidence in the investigation of crimes against sexual integrity and sexual freedom of personality. The content of the categories “increased tendency to fantasy” and “increased suggestibility” and their comprehension by employees of the preliminary investigation in the context of the legal assessment of minors' testimony are disclosed.

Keywords: fantasy proneness (the tendency to immersion in imagination), suggestibility, minor victims, forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychological examination, reliability of evidence, expert competence

For citation: Vaske, E.V., Sekerazh, T.N. (2025). Categories “increased tendency to fantasy” and “increased suggestibility” in the context of the legal assessment of the testimony of minor victims in cases of sexual violence. *Psychology and Law*, 15(2), 76—89. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150206>

Введение

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних сложны в расследовании, особенно в тех случаях, когда прямые доказательства содеянного отсутствуют, преступление является многоэпизодным, имеет значительную давность. Трудности вызывает квалификация действий обвиняемого, особенно при использовании беспомощного состояния потерпевшего.

Сложность в доказывании также связана с оценкой следователем заявлений и показаний несовершеннолетних лиц в ситуации «слово против слова». В таких случаях сообщение несовершеннолетнего о преступлении и его дальнейшие показания служат отправной точкой для формирования внутреннего убеждения о событии преступления у следователя, который в соответствии со ст. 88 УПК РФ должен дать оценку доказательствам — их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения дела.

В поисках опоры для обоснования доказательственного значения показаний несовершеннолетних потерпевших используются различные средства оптимизации процесса расследования. Так, например, для установления достоверности показаний, которое является исключительной прерогативой правоприменителя, следователи нередко передают свое исключительное право некоему носителю профессиональных (неправовых) знаний — психологу (в облике консультанта, специалиста, участника следственных действий). Затем, основываясь всецело на мнении такого психолога при отсутствии объективных доказательств и не используя все возможности для их получения, следователь делает выводы о достоверности даваемых несовершеннолетним потерпевшим сведений (что часто в его понимании равно «правдивости», «искренности», «надежности»), а также о наличии самого криминального события (его «реальности»), на основании чего принимается решение о возбуждении уголовного дела. Спросу на такие «услуги» психологов способствует неверное представление следователя о возможностях психологической науки и самих психологов как носителей знаний. Так, к психологу следователь обращается с вопросом о «правдивости»

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

сообщений/показаний несовершеннолетнего, будучи убежден в том, что в арсенале психолога есть некая «волшебная таблетка» — «особые психологические методы и приемы диагностики правды», «новая психологическая методика диагностики лжи», «психологические методы изобличения во лжи по невербальным признакам при беседе», «метод диагностики лжи при допросе» и др. (заключенные в кавычки мотивировки приведены следователями — участниками опроса).

При назначении экспертизы — судебно-психологической (СПЭ), комплексной судебной психолого-психиатрической (КСППЭ), — особенно при ее поручении лицам, не являющимся государственными судебными экспертами, для выяснения ключевого факта «врет/не врет, было/не было» в некоторых регионах России продолжают ставиться вопросы, выходящие за пределы специальных знаний экспертов. И поскольку «спрос рождает предложение», такие вопросы экспертами нередко решаются¹. Ничем иным, как созданием искусственных доказательств, данную порочную практику назвать нельзя. Ранее уже предпринимались попытки завуалировать или размыть пределы профессиональной компетенции эксперта-психолога подменой неэкспертных категорий («недостоверные показания», «неправдивые показания», «неискренние показания», «ложь», «неправда») псевдоэкспертными, такими, как «психологические признаки достоверности», «признаки конструирования ложных сообщений», «психологические признаки скрываемых обстоятельств» и др. Какие бы синонимы не использовались, установление достоверности сообщаемых сведений (их соответствия действительности, реальности, искажения, скрываемых обстоятельств и др.) при производстве судебной экспертизы на современном этапе развития науки и техники невозможно — какой-либо надежной, верифицированной научно-обоснованной методики решения таких задач не существует (Сафуанов, Шишков, 1992; Смирнова и др., 2016; Васкэ и др., 2023). Пленум Верховного Суда Российской Федерации однозначно указал на правовую природу достоверности доказательств: «Полученное в суде, а также в ходе досудебного производства по уголовному делу заключение эксперта, содержащее выводы о юридической оценке деяния или о достоверности показаний допрошенных лиц, не может быть в этой части признано допустимым доказательством и положено в основу судебного решения по делу»².

В настоящее время уменьшение количества экспертиз с постановкой указанных неэкспертных задач обусловлено снижением практики поручения производства судебных экспертиз негосударственным экспертам, в том числе вследствие Распоряжения Правительства Российской Федерации от 16.11.2021 № 3214-р «О перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями», где четко сказано: судебно-психологические экспертизы по уголовным

¹ Например, такие некорректные вопросы, более десяти лет назад придуманные «частными» экспертами и ими же рекомендуемые следователям, до настоящего времени курсируют среди них: «Каким психологическим фактором могут объясняться различия в показаниях потерпевшей Н. на различных этапах следствия?», «Соответствуют ли показания потерпевшей Н. о ее собственном поведении в ситуации, исследуемой в настоящем деле, выявленным у нее психологическим особенностям?», «Имеются ли у потерпевшей Н. индивидуально-психологические особенности, способствующие эротическим, сексуальным фантазиям?», «Имеются ли в показаниях Н. признаки психологической достоверности, искажения истинной информации и скрываемых обстоятельств?».

² П. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам».

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

делам и при проверке сообщений о преступлениях проводятся исключительно в государственных экспертных учреждениях. Так, число СПЭ в отношении несовершеннолетних потерпевших, поручаемых негосударственным учреждениям (различным НКО, ООО) и частным экспертам, снизилось с 75% в 2019—2021 гг. до 29% в 2022—2024 гг. Однако поиски коррелятов достоверности показаний не прекращаются, при назначении СПЭ и КСППЭ в отношении несовершеннолетних потерпевших более активно стали ставиться вопросы о повышенной внушаемости и повышенной склонности к фантазированию, которые не имеют никакого самостоятельно юридического значения. Но их постановка не является случайной — большинство (94%) из 800 принявших участие в опросе следователей отметили, что они готовы ставить такие вопросы с целью «делегировать оценку достоверности показаний эксперту-психологу». Такая трактовка следователями выводов эксперта идет вразрез не только с экспертным пониманием, но и со здравым смыслом, объективной реальностью и психологическими закономерностями формирования показаний.

В сложившейся ситуации, согласно одному из методологических принципов судебно-психологической экспертологии — принципу «ратификации» (Сафуанов, 2020), — необходим последовательный и всесторонний анализ использования заключений экспертов в следственной и судебной практике, а также ревизия экспертных категорий, их уточнение с учетом правоприменительной практики.

Таким образом, цель исследования — уточнить значение категорий «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость», особенности восприятия и трактовки результатов судебной психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы работниками правоохранительных органов на разных этапах расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, определить пути предотвращения следственных ошибок.

Констатация экспертом — трактовка следователем

Предметом назначаемых в отношении несовершеннолетних потерпевших по делам о половых преступлениях КСППЭ и СПЭ являются юридически значимые способности подэкспертного: 1) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания; 2) понимать характер и значение совершаемого противоправного деяния и оказывать ему сопротивление (Ткаченко, Морозова, Савина, 2012; Сафуанов, 2014; Назначение судебно-психиатрической экспертизы..., 2019; Васкэ и др., 2020; Васкэ и др., 2023). Указанные юридически значимые способности потерпевшего устанавливаются с учетом наличия какого-либо психического расстройства, уровня психического развития, индивидуально-психологических особенностей и эмоционального состояния (Сафуанов, 2014, с. 259, 270).

При отсутствии у несовершеннолетнего потерпевшего психического расстройства основными являются вопросы к эксперту-психологу, в том числе с целью получить данные о личности и детерминантах виктимного поведения потерпевшего. Эксперт-психолог, основываясь на анализе связей и отношений внутри системы «жертва—преступник—криминальная ситуация», устанавливает психологический механизм нарушения способности потерпевшего, достигшего 12-летнего возраста (при наличии такого нарушения), понимать характер и значение действий обвиняемого или оказывать сопротивление. Данная информация

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

носит уголовно-релевантный характер, поскольку служит основанием для установления правоприменителем беспомощного состояния как элемента состава преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ.

Указанные задачи необходимы и достаточны, их решение имеет доказательственное значение, а постановка дополнительных вопросов, касающихся отдельных черт личности, нецелесообразна и ошибочна (Сафуанов, 1998, с. 159—160; Сафуанов, 2014, с. 265—266; Морозова, 2016, с. 564). Вместе с тем нередко на разрешение экспертов выносятся вопросы о наличии у потерпевшего повышенной внушаемости и повышенной склонности к фантазированию, причем без упоминания о возможной болезненной природе таких особенностей (патологического фантазирования и патологической внушаемости).

Очевидно, что следствие заинтересовано в признании показаний потерпевшего доказательством по делу. Поэтому внимание уделяется констатации именно отсутствия искомых особенностей. Так, анкетирование следователей показало, что вывод эксперта об отсутствии у потерпевшего повышенной склонности к фантазированию большинство трактует как «правдивость», «истинность» показаний: из 800 опрошенных следователей (64% со стажем работы более пяти лет («опытные»), 36% — менее 5 лет («молодые»)), 95% «опытных» и 99% «молодых», сочли вывод эксперта-психолога об отсутствии у потерпевшего «повышенной склонности к фантазированию» и «повышенной внушаемости» свидетельством правдивости показаний, а наличие «повышенной внушаемости» — дачи показаний под влиянием взрослых.

На вопрос о целесообразности допроса эксперта-психолога о правдивости показаний несовершеннолетнего при наличии/отсутствии у него склонности к фантазированию утвердительно ответили 82% «опытных» и 98% «молодых» следователей. Более того, 79% «опытных» и 95% «молодых» следователей сочли необходимым задать эксперту вопрос о наличии самого факта криминального события в данном контексте.

Результаты опроса следователей, наряду с анализом собственной экспертной практики, выявили опасную тенденцию — трактовать вывод эксперта об отсутствии у несовершеннолетнего «повышенной склонности к фантазированию» и «повышенной внушаемости» как достоверность показаний и отсутствие влияния на них со стороны. Такие умозаключения безосновательны, категорически неверны, могут привести к следственной и судебной ошибке.

Анализ 48 приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции субъектов Российской Федерации в 2021—2024 гг., показал, что в 13 из них вывод экспертов об отсутствии у несовершеннолетнего потерпевшего «повышенной склонности к фантазированию» воспринимался судом как достоверность показаний. Примером может служить выдержка из одного такого приговора: «Поскольку у несовершеннолетней Н. экспертным путем не выявлено признаков повышенного фантазирования, ее показания являются достоверными» (Васкэ, 2024б).

Постановка неэкспертных задач: к вопросу о понятиях

Первоначально вопросы «Имеются ли у Л. признаки повышенной внушаемости?», «Имеется ли у Л. повышенная склонность к фантазированию?» в качестве иллюстрации примера из практики были приведены М.М. Коченовым. Это было в эпоху зарождения СПЭ,

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

тогда «...эксперт не ограничился только беседой с девочкой, как это иногда бывает при проведении судебно-психологической экспертизы, но провел также экспериментальное исследование, испытуемой было предложено несколько заданий (классификация предметов, метод пиктограмм и др.)» (Коченов, 1977, с. 72). Судебная экспертология эволюционирует и экспериментально-психологическое исследование уже несколько десятилетий является неотъемлемым этапом любой СПЭ и КСППЭ (Сафуанов, 1998). Предмет экспертизы в отношении потерпевшего по половым преступлениям понимается однозначно как установление способности понимать характер и значение совершаемых с ним действий и оказывать сопротивление, а в отношении свидетеля или потерпевшего в роли лица, дающего показания, — как установление способности давать показания. Вопрос же о фантазировании представлен в конкретной формулировке «Имеются ли у свидетеля (потерпевшего) психологические особенности (например, повышенная внушаемость, склонность к фантазированию и др.), нарушающие способность правильно воспринимать события или предметы (указать какие) и давать о них показания?» (Сафуанов, 1998, 2014; Морозова, 2016; Васкэ и др., 2020). Подчеркивалось, что «...если же подэкспертный обнаруживает склонность к внушаемости и (или) фантазированию, но, однако, в исследуемой ситуации данные качества никак не проявляются, то экспертный вывод об их наличии у обследуемого не дает важной информации о возможности или невозможности давать правильные показания по конкретному уголовному делу и может даже приводить к неверным судебным решениям» (Морозова, 2016, с. 565). «Повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость» не являются экспертными понятиями, они представляют собой используемые в экспертизе категории, не отличающиеся по содержанию от общепсихологических. Так, повышенная склонность к фантазированию характеризуется как «...превышающее возрастную норму продуцирование субъектом фантазий с недостаточно критичным к ним отношением (следует отличать от склонности к вымыслам с конкретной мотивацией)» (ГОСТ Р 57344-2016)³.

Сущность фантазирования (воображения) состоит в преобразовании представлений памяти, в создании новых образов на основе имеющихся, в отражении реальной действительности в новых сочетаниях и связях (в том числе с перестановкой элементов реальности). Фантазирование — это познавательный процесс, необходимый для гармоничного развития взрослеющей личности, чему посвящено множество научно-практических пособий по возрастной и педагогической психологии, тренингов, обучающих семинаров по развитию воображения для детей и их родителей.

Для того, чтобы современный ребенок рассказал о сексуальных действиях, ему не надо обладать повышенным фантазированием, поскольку информированность детей в данной области повышается день ото дня в связи с доступностью социальных сетей и различных интернет-сервисов, содержащих сексуальный контент.

---

³ ГОСТ Р 57344-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2016 № 2010-ст). [б. г.]. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200142867> (дата обращения: 01.02.2025).

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

Таким образом, налицо абсолютное несоответствие между констатацией экспертами отсутствия у несовершеннолетнего потерпевшего повышенной склонности к фантазированию и трактовкой данного экспертного вывода следствием в аспекте достоверности показаний.

По-видимому, ошибка кроется в неверном понимании явления — происходит путаница между склонностью к фантазированию как индивидуальной особенностью, развитым воображением, склонностью погружаться в вымыслы/фантазии и фантазированием в процессе формирования показаний, сообщения какой-либо значимой информации.

Установление склонности к фантазированию (а также внушаемости) как свойства личности потерпевшего не является конечной экспертной задачей, имеет промежуточный характер, равно как и диагностика других индивидуальных особенностей. Важно установление патологического либо непатологического характера повышенной внушаемости и склонности к фантазированию. Естественная возрастная внушаемость ребенка или повышенная внушаемость потерпевшего как «...превышающая возрастную норму подверженность субъекта влиянию других людей, сочетающаяся с пониженной критичностью к их и своим собственным суждениям и действиям» (ГОСТ Р 57344-2016) может не оказать влияния на показания. Потерпевший может не поддаться внушающему воздействию, либо само воздействие может отсутствовать. Экспертная диагностика не заканчивается на констатации какого-либо личностного свойства, а должна проводиться во взаимосвязи всех факторов системы «ситуация правонарушения — потерпевший — ситуация дачи показаний — показания», а «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость», являясь психологическими понятиями, не являются экспертными (ГОСТ Р 57344-2016 включает не только экспертные понятия, но и иные термины, используемые в языке эксперта).

Проблемы получения показаний

Как показывает практика, получение показаний у несовершеннолетнего сопряжено с многими сложностями. По нашим данным, подавляющее большинство следователей с разным опытом работы склонны избегать вступления в контакт с ребенком или подростком первыми, полагая, что психолог или педагог-психолог сделает это эффективнее. В результате первоначальные сведения от несовершеннолетнего получает не следователь, а лицо, не имеющее на это процессуального права (в УПК РФ отсутствует статья, которая бы регламентировала права и обязанности психолога или педагога). Следователь оказывается в роли получателя вторичных сведений, а психолог — в роли их ретранслятора от ребенка. Причем информация передается так, как она понята самим психологом (педагогом), исходя из его субъективных представлений и установок. Следователь же принимает эту информацию за объективную.

Стремление необоснованно полагаться на мнение психолога проявили 94% «молодых» и 58% «опытных» следователей, которые на вопросы о функциях психолога — участника допроса несовершеннолетнего потерпевшего в соответствии со ст. 191 УПК РФ утверждали, что именно психолог должен «определить, есть ли у потерпевшего склонность к фантазированию и, соответственно, правду или неправду он говорит»; «сказать, было или нет событие преступления, исходя из знаний детской психологии»; «фактически вести допрос, поскольку знает детскую психологию» и «владеет особыми методами работы с детьми» (Васкэ, 2024а).

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

Опрос 240 психологов и педагогов-психологов, работающих в социально-психологических центрах различных регионов России, профессиональная деятельность которых не связана с судопроизводством, показал, что сведения, исходящие от детей, в 85% случаев интерпретируются ими двумя противоположными вариантами, зависящими от их собственных установок: 1) ребенок априори говорит правду, потому что он — ребенок; 2) ребенок говорит неправду, потому что того, что он рассказывает, быть не может («Как это возможно, чтобы отец насиловал собственную дочь?!» и т. п.) (Васкэ, 2024a). Очевидно, что суждения психологов о достоверности показаний несовершеннолетнего («врет/не врет») и утверждения о самом событии преступления («было/не было») есть не что иное, как выход за пределы их профессиональной компетенции.

Нередки ситуации, когда следователь не оценивает критически показания малолетних потерпевших, в то время как те моделируют ситуацию деликта в соответствии со своим детским разумением, включая «правдоподобный» вымысел, неосознанно «расцветчивая» реальные события либо умышленно придавая им яркость для привлечения внимания взрослых. Наш опыт показывает, что весьма распространена «тактика» проведения опроса или допроса несовершеннолетнего психологом, когда наводящая информация намеренно или невольно внедряется в сознание допрашиваемого различными приемами. С каждым новым допросом под влиянием внушающих тактик либо неграмотной работы психолога, «ведущего допрос», ребенок дает все новые сведения, которые следователь ошибочно принимает за результат продуктивных детских воспоминаний, полученных «благодаря психологу». На самом деле дети дошкольного возраста могут включать в свои воспоминания полностью вымышленные события, но рассказывать о них как о реальных. В таких случаях возникают искажения сообщаемой ребенком информации, создаются вымышленные ситуации под видом как правдоподобных, так и противоречащих здравому смыслу, законам природы и тела человека, «ложные воспоминания» (Васкэ и др., 2023).

Не редки и оговоры со стороны потерпевших, в том числе малолетних. Вызывает озабоченность тот факт, что возраст «оговаривающих» существенно снизился — до 5—12 лет. Все чаще встречается оговор группой, что существенно осложняет критическое восприятие следователем и иными взрослыми (родителями, психологами, социальными работниками) информации («Если все дети говорят, значит, было, значит — это правда»). Существенным для распознавания оговора является анализ жизненного опыта ребенка как источника его фантазий, который, однако, редко становится известен следствию и экспертам. Сегодня дети и особенно подростки имеют значительно большую информированность в вопросах половых отношений, чем даже 5 лет назад, которая повышается вследствие доступности сексуального контента в социальных сетях и на различных интернет-сервисах. Механизмы порождения ложных доносов различны — наряду с характерными для несовершеннолетних мотивациями оговора («удовлетворения материальных потребностей», «избегания наказания», «реализации отщепенства») (Васкэ, 2014), появились новые: «эротичной самопрезентации», «привлечения внимания (геройская)», «влияния взрослых» (Васкэ, 2024a).

Заключение

При расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних сложность для следователя представляют допрос потерпевшего и оценка

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

его показаний. Это приводит к востребованности психологов как лиц, якобы имеющих особые возможности в получении информации от ребенка или подростка и в ее интерпретации как ложной или истинной. Помимо этого следствие задействует возможности назначения судебной экспертизы с постановкой вопросов о склонности к фантазированию и о повышенной внушаемости потерпевшего, стремясь установить ту же самую мнимую достоверность показаний, неверно трактуя вывод об отсутствии указанных особенностей как свидетельство правдивости.

Таким образом, формируется порочная схема: психолог, привлеченный к расследованию, по запросу следователя констатирует правдивость/достоверность сведений (показаний), предъявляемых несовершеннолетним, с установлением их «взаимосвязи» с «признаками жертвы сексуального насилия». Затем следователь «закрепляет» полученные результаты неверной оценкой выводов эксперта-психолога об отсутствии у несовершеннолетнего потерпевшего «повышенной склонности к фантазированию», трактуя их как достоверность показаний, признав экспертизу доказательством по делу. Тем самым эксперты, отвечая на вопросы о фантазировании и внушаемости, невольно способствуют созданию искусственных доказательств. С учетом стремительного разрастания данной порочной практики неверной трактовки следствием экспертных выводов с вложением их в алгоритм действий следователя, целесообразно исключить вопросы о «повышенной склонности к фантазированию» и «повышенной внушаемости» при назначении судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы. При постановке таких вопросов следует рекомендовать экспертам не отвечать на них, поскольку они не являются экспертными и не имеют доказательственного значения. Кроме того, представляется актуальной подготовка информационного письма в целях просвещения сотрудников правоохранительных органов, психологов, а также студентов психологических и юридических вузов и факультетов.

Список источников / References

1. Васкэ, Е.В. (2014). *Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия*. М.: Генезис.
Vaske, E.V. (2014). *Psychology of interrogation of minor offenders and victims of sexual violence*. Moscow: Genezis Publ. (In Russ.).
2. Васкэ, Е.В. (2024а). Механизмы формирования мотивации оговора у несовершеннолетних потерпевших по уголовным делам о половых преступлениях. *КриминалистЪ*, 3(48), 3—10. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75144430> (дата обращения: 15.01.2025).
Vaske, E.V. (2024a). Mechanisms for the formation of motivation for the reservation of minor victims in criminal cases of sexual crimes. *Criminalist*, 3(48), 3—10. (In Russ). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75144430> (viewed: 15.01.2025).
3. Васкэ, Е.В. (2024б). «Склонность к фантазированию»: констатация экспертом, трактовка следователем, понимание судом — актуальность и значимость проблемы, пути решения. В: *«Психология и право в современной России. Коченовские чтения»*. Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием (с. 26—28). М.: МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2024/ (дата обращения: 15.01.2025).

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

Vaske, E.V. (2024b). “The tendency to fantasize”: a statement by an expert, interpretation by an investigator, understanding by the court — the relevance and significance of the problem, solutions. In: *“Psychology and law in modern Russia. Kochenov readings”. Collection of abstracts of participants of the All-Russian Conference on Legal Psychology with international participation* (pp. 26—28). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2024/ (viewed: 15.01.2025).

4. Васкэ, Е.В., Гагина, О.В., Полкунова, Е.В., Русаковская, О.А., Сафуанов, Ф.С., Секераж, Т.Н., Шипшин, С.С. (2020). *Курс лекций по программе дополнительной профессиональной переподготовки по экспертной специальности 20.1 «Исследование психологии человека»: Учебное пособие* (Т.Н. Секераж, ред.). М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-217-4-2020-11>
Vaske, E.V., Gagina, O.V., Polkunova, E.V., Rusakovskaya, O.A., Safuanov, F.S., Sekerazh, T.N., Shipshin, S.S. (2020). *Course of lectures on the additional professional retraining program according to an expert specialty 20.1 “Research of human psychology”* (T.N. Sekerazh, ed.). Moscow: The Russian Federal Centre of Forensic Science Publ. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-217-4-2020-11>
5. Васкэ, Е.В., Леоненко, Е.Е., Минаева, Е.В., Плахина, А.А., Секераж, Т.Н. (2023). *Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних: допрос несовершеннолетнего, назначение судебно-психологической экспертизы: практическое пособие*. СПб: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53434143> (дата обращения: 15.01.2025).
Vaske, E.V., Leonenko, E.E., Minaeva, E.V., Plakhina, A.A., Sekerazh, T.N. (2023). *Features of the investigation of crimes with the participation of minors: interrogation of a minor, the appointment of a forensic psychological examination: practical manual*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53434143> (viewed: 15.01.2025).
6. Коченов, М.М. (1977). *Судебно-психологическая экспертиза*. М.
Kochenov, M.M. (1977). *Forensic psychological examination*. Moscow. (In Russ.).
7. Морозова, М.В. (2016). Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности давать показания. В: Т.Б. Дмитриева, Ф.С. Сафуанов (ред.), *Медицинская и судебная психология: курс лекций: Учебное пособие* (с. 556—578). М.: Генезис.
Morozova, M.V. (2016). Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of the ability to testify. In: T.B. Dmitrieva, F.S. Safuanov (Eds.), *Medical and forensic psychology: a course of lectures: A textbook* (pp. 556—578). Moscow: Genezis Publ. (In Russ.).
8. Сафуанов, Ф.С. (1998). *Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: научно-практическое пособие*. М.: Гардарика: Смысл. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/saf/Saf-001-.htm> (дата обращения: 15.01.2025).
Safuanov, F.S. (1998). *Forensic psychological examination in the criminal process: scientific and practical manual*. Moscow: Gardarika Publ.; Smysl Publ. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/saf/Saf-001-.htm> (viewed: 15.01.2025).
9. Сафуанов, Ф.С. (2014). *Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов*. М.: Юрайт.

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

Safuanov, F.S. (2014). *Forensic psychological examination: Textbook for universities*. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)

10. Сафуанов, Ф.С. (2020) Принципы клинико-психологической судебной экспертологии. *Российский психиатрический журнал*, 2, 39—45. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>

Safuanov, F.S. (2020). Principles of clinical-psychological forensic expert science. *Russian Journal of Psychiatry*, 2, 39—45 (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>

11. Сафуанов, Ф.С., Шишков, С.Н. (1992). Экспертиза «правдивости» показаний (Возможности психологической экспертизы). *Законность*, 2, 13—14. URL: <https://elibrary.ru/ultxwj> (дата обращения: 15.01.2025).

Safuanov, F.S., Shishkov, S.N. (1992). Examination of the “truthfulness” of testimony (Possibilities of psychological examination). *Zakonnost Journal*, 2, 13—14. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/ultxwj> (viewed: 15.01.2025).

12. Смирнова, С.А., Макушкин, Е.В., Аснис, А.Я., Васкэ, Е.В., Дозорцева, Е.Г., Сафуанов, Ф.С., Шишков, С.Н., Шипшин, С.С., Ошевский, Д.С., Бердников, Д.В., Секераж, Т.Н., Калинина, А.Н. (2016). Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы». *Теория и практика судебной экспертизы*, 3(43), 64—73. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-64-73>

Smirnova, S.A., Makushkin, E.V., Asnis, A.Ya., Vaske, E.V., Dozortseva, E.G., Safuanov, F.S., Shishkov, S.N., Shipshin, S.S., Oshevskii, D.S., Berdnikov, D.V., Sekerazh, T.N., Kalinina, A.N. (2016). Information Letter “On the Issue of Legal Wrongfulness in Establishing Witness Credibility through Forensic Evaluation”. *Theory and Practice of Forensic Science*, 3(43), 64—73. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-64-73>

13. Ткаченко, А.А., Морозова, М.В., Савина, О.Ф. (2012). Об уточнении экспертных категорий и критериев оценки юридически релевантных феноменов психической деятельности малолетних и несовершеннолетних потерпевших по правонарушениям сексуального характера: Информационное письмо. М.: ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского».

Tkachenko, A.A., Morozova, M.V., Savina, O.F. (2012). *On the clarification of expert categories and criteria for evaluating legally relevant phenomena of mental activity of minor and minor victims for sexual offenses: Information letter*. Moscow: V.P. Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry Publ. (In Russ.).

Информация об авторах

Екатерина Викторовна Васкэ, доктор психологических наук, кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России), Москва, Российская Федерация; профессор кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы), Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7018-068X>, e-mail: 1269724@gmail.com

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

Татьяна Николаевна Секераж, кандидат юридических наук, доцент, главный научный сотрудник, начальник отдела психологической экспертизы, Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России); доцент кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ) Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7619-6992>, e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Information about the authors

Ekaterina V. Vaske, Doctor of Science (Psychology), Candidate of Science (Philosophy), Docent, Chief Research Associate, Russian Federal Center of Forensic Science named after professor A.R. Shlyakhov of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, professor, Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7018-068X>, e-mail: 1269724@gmail.com

Tatiana N. Sekerazh, Candidate of Science (Law), Docent, Chief Research Associate, Head of the Department of Psychological Expertise, Russian Federal Center of Forensic Science named after professor A.R. Shlyakhov of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7619-6992>, e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Вклад авторов

Васкэ Е.В. — идеи исследования; планирование исследования, сбор и анализ данных, написание и оформление рукописи.

Секераж Т.Н. — идеи исследования, анализ данных, написание и оформление рукописи, аннотирование.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Ekaterina V. Vaske — ideas; data collection and analysis, writing and design of the manuscript; planning of the research;

Tatiana N. Sekerazh — ideas; data analysis, writing and design of the manuscript, annotation application.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. (2025)
Категории «повышенная склонность к фантазированию»
и «повышенная внушаемость» в контексте правовой
оценки показаний несовершеннолетних потерпевших
по делам о сексуальном насилии
Психология и право, 15(2), 76—89.

Vaske E.V., Sekerazh T.N. (2025)
Categories “increased tendency to fantasy”
and “increased suggestibility” in the context
of the legal assessment of the testimony
of minor victims in cases of sexual violence
Psychology and Law, 15(2), 76—89.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 10.02.2025
Поступила после рецензирования 17.04.2025
Принята к публикации 20.04.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025.02.10
Revised 2025.04.17
Accepted 2025.04.20
Published 2025.06.30

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Научная статья | Original paper

К вопросу о компетенции психиатра при комплексных судебных психолого-психиатрических экспертизах родителей в спорах о воспитании детей

О.А. Русаковская^{1, 2} ✉

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ rusakovskaya.o@serbsky.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В методологии комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по спорам о воспитании детей компетенция врача судебно-психиатрического эксперта часто соотносится с установлением наличия или отсутствия каких-либо психических расстройств у членов семьи или дизонтогенеза у ребенка. В то же время объем решаемых психиатром задач выходит за пределы индивидуальной психопатологической диагностики, что определяет необходимость уточнения его компетенции. **Цель.** Уточнить компетенцию врача судебно-психиатрического эксперта при проведении комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по спорам о воспитании детей. **Методы.** Анализ нормативно-правового регулирования производства судебно-психиатрических экспертиз, методологический и экспертологический анализ. **Результаты.** Задачами врача судебно-психиатрического эксперта при производстве комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по спорам о воспитании ребенка является сбор объективного и субъективного анамнеза, функциональное исследование родительства. Рассмотрены специфические особенности судебно-психиатрического интервьюирования родителей, направленного на сбор «объективного» анамнеза ребенка и выявление особенностей родительского отношения. Представлена оригинальная методика судебно-психиатрического исследования — «Анамнестический опросник для родителей». **Вывод.** При производстве комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по спорам о воспитании детей в отношении психически здоровых родителей компетенция психиатра не ограничивается констатацией отсутствия

Русаковская О.А. (2025)
К вопросу о компетенции психиатра при комплексных
судебных психолого-психиатрических экспертизах
родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)
On the issue of the psychiatrist's competence
in complex forensic psychological and
psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

психического расстройства, но предполагает исследование личной истории
родительства и родительского отношения.

Ключевые слова: споры о воспитании детей, экспертиза, судебно-
психиатрическое исследование, анамнез, анамнестический опросник

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме:
«Интегративные модели судебно-психиатрической и комплексной психолого-
психиатрической экспертиз в гражданском процессе, проводимых в интересах наиболее
уязвимых групп населения», интернет-номер темы в ЕГИСУ НИОКТР 124020800063-2.

Благодарности. Автор благодарен своим учителям Н.К. Харитоновой и Ф.С. Сафуанову.

Дополнительные данные. Анамнестический опросник для родителей доступен по адресу:
<https://doi.org/10.48612/MSUPE/banx-99zg-b575>

Для цитирования: Русаковская, О.А. (2025). К вопросу о компетенции психиатра при
комплексных судебных психолого-психиатрических экспертизах родителей в спорах о
воспитании детей. *Психология и право*, 15(2), 90—106.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150207>

On the issue of the psychiatrist's competence in complex forensic psychological and psychiatric custody evaluation

O.A. Rusakovskaya^{1, 2} ✉

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of
Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ rusakovskaya.o@serbsky.ru

Abstract

Context and relevance. In the methodology of complex forensic psychological and
psychiatric custody assessing, the competence of a forensic psychiatric expert is often
related to establishing the presence or absence of any mental disorders in family
members or the child's dysontogenesis. At the same time, the scope of tasks solved by
a psychiatrist goes beyond the scope of individual psychopathological diagnostics,
which determines the need to clarify his competence. **Objective.** To clarify the
competence of a forensic psychiatric expert when conducting complex forensic
psychological and psychiatric examinations in disputes about upbringing (forensic
custody assessment). **Methods.** Analysis of the legal regulation of the production of
forensic psychiatric examinations, methodological and expert analysis. **Results.** The
tasks of a forensic psychiatric expert in the production of complex forensic
psychological and psychiatric examinations in disputes about upbringing are the
collection of an objective anamnesis, a subjective anamnesis, and a functional study
of parenting. Specific features of forensic psychiatric interviewing of parents aimed at
collecting an “objective” anamnesis of the child and identifying the characteristics of
parental attitudes are examined. “Anamnestic questionnaire for parents” as an original

Русаковская О.А. (2025)
К вопросу о компетенции психиатра при комплексных
судебных психолого-психиатрических экспертизах
родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)
On the issue of the psychiatrist's competence
in complex forensic psychological and
psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

method of forensic psychiatric research is presented. **Conclusions.** In complex forensic psychological and psychiatric custody examinations in relation to mentally healthy parents, the competence of a psychiatrist is not limited to establishing the absence of a mental disorder, but involves studying the personal history of parenting and parental attitudes.

Keywords: custody, complex forensic psychological and psychiatric examinations, forensic psychiatric interview, anamnesis, Anamnestic questionnaire

Funding. The study was funded by Ministry of Health of the Russian Federation within the framework of the state task, project number in Unified State Accounting Information System for research, development and technological civil works № 124020800063-2.

Acknowledgements. The author is grateful to his teachers Prof. N.K. Kharitonova and Prof. F.S. Safuanov.

Supplemental data. “Anamnestic Questionnaire for Parents” is available from <https://doi.org/10.48612/MSUPE/banx-99zg-b575>

For citation: Rusakovskaya, O.A. (2025). On the issue of the psychiatrist's competence in complex forensic psychological and psychiatric custody evaluation. *Psychology and Law*, 15(2), 90—106. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150207>

Введение

Одним из предметных видов экспертных исследований в гражданском процессе, которые в настоящее время проводятся в большинстве государственных судебно-психиатрических учреждений Российской Федерации (Шпорт, Макушкина, Муганцева, 2023), являются экспертизы по спорам о воспитании детей. Такие экспертизы назначаются по гражданским делам об определении места жительства детей, порядка общения детей с родителем, проживающим отдельно; ограничении и отмене ограничения родительских прав и в подавляющем большинстве случаев являются комплексными. Как указывает доктор юридических наук П.А. Якушев, по спорам о воспитании детей родителями, не страдающими психическими расстройствами, экспертиза назначается судом «...для диагностики внутрисемейных отношений, выявления психологических особенностей каждого из родителей» (Якушев, 2024, с. 551).

Методология комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по спорам о воспитании детей разрабатывается в ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России с 2003 года (Сафуанов, 2003). В первых опубликованных методических рекомендациях, посвященных данному виду экспертных исследований, указывалось: «Предметом экспертного психологического исследования являются: психологическая оценка семейного конфликта и отношений родителей; оценка характера воздействия на ребенка длительного конфликта; индивидуально-психологические особенности каждой из сторон; оценка привязанности ребенка к родителям с учетом его возраста, уровня психического развития и степени включенности в семейный конфликт. Предметом экспертного психиатрического исследования являются: оценка психического состояния каждой из спорящих сторон в процессе; оценка психического состояния и качественных, патологически обусловленных нарушений возрастного психического развития у ребенка» (Вострокнутов,

Русаковская О.А. (2025)
К вопросу о компетенции психиатра при комплексных
судебных психолого-психиатрических экспертизах
родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)
On the issue of the psychiatrist's competence
in complex forensic psychological and
psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

Харитонов, Сафуанов, 2004). В последующем компетенция врача судебно-психиатрического эксперта при проведении комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по спорам о воспитании рассматривалась нами в рамках установления имеющегося или высоко вероятного в будущем вреда психическому здоровью ребенка вследствие как особенностей пролонгированной психотравмирующей ситуации высококонфликтного развода, так и создаваемой одним из родителей социальной ситуации развития ребенка (Сафуанов, Харитонов, Русаковская, 2012; Харитонов и др., 2021). В рамках судебно-психиатрического исследования представлялись подходы к оценке минимально достаточной родительской компетенции, а также родительского отношения (Русаковская, 2018; Русаковская, Новикова-Грунд, Андрианова, 2019). В то же время до настоящего времени ситуационная диагностика семейных отношений рассматривается как преимущественная прерогатива психологов (Сафуанов, 2023), а участие эксперта-психиатра на этапе прогностической клинико-психологической оценки психического развития ребенка, в случае отсутствия у ребенка и родителя каких-либо психических расстройств, становится формальным и приводит к фактическому ограничению компетенции врачей судебно-психиатрических экспертов психическим нездоровьем.

В связи с этим актуальным становится уточнение компетенции психиатра при комплексных судебных психолого-психиатрических экспертизах по спорам о воспитании детей, что является целью настоящей статьи.

Материалы и методы

Анализ нормативно-правовых актов, методологический и экспертологический анализ.

Результаты

Нормативно-правовое регулирование компетенции специалистов при комплексных судебных психолого-психиатрических экспертизах по спорам о воспитании

Рассмотрим, получение каких сведений относится к компетенции психиатра с точки зрения нормативно-правового регулирования экспертной деятельности.

Согласно утвержденному приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 января 2017 г. № 3н, Порядку проведения судебно-психиатрической экспертизы (далее — Порядок № 3н), в государственных судебно-психиатрических экспертных учреждениях либо специализированных судебно-психиатрических экспертных подразделениях проводятся судебно-психиатрические экспертизы. Производство судебно-психиатрической экспертизы осуществляется в виде однородной или комплексной экспертизы, включая комплексные судебные психолого-психиатрические исследования. Таким образом, комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы по спорам о воспитании детей относятся к судебно-психиатрическим экспертным исследованиям, производство которых регулируется Порядком № 3 н. При этом, согласно Распоряжению Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р, судебно-психиатрические экспертизы входят в перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями.

Согласно подпункту «а» пункта 10 Порядка № 3н, психиатрическое исследование должно включать сбор объективного анамнеза, включая данные «о семейном и социальном статусе», «особенностях реагирования на различные жизненные ситуации», особенностях поведения в

период действий, «по поводу которых ведется производство по данному делу». В судебно-психиатрических экспертизах по спорам о воспитании в отношении ребенка такими действиями является история жизни ребенка; в отношении каждого из родителей — история родительства: поведение в период беременности; участие в уходе за новорожденным и удовлетворении базовых потребностей ребенка в различные возрастные периоды; обеспечение его безопасности; решение субъективных воспитательных задач; действия, направленные на физическое, интеллектуальное и социальное развитие ребенка; устойчивые паттерны взаимодействия с ребенком в повседневной жизни и методы его воспитания. Исследование сведений, содержащих такую информацию и имеющихся в материалах дела, осуществляется всеми членами комиссии экспертов — и психологами, и психиатрами, но оформляется в исследовательской части заключения врачом судебно-психиатрическим экспертом за подписью всех членов комиссии.

Согласно подпункту «б» пункта 10 Порядка № 3н, психиатрическое исследование включает также сбор субъективного анамнеза. При проведении судебно-психиатрической экспертизы по спорам о воспитании при исследовании родителей сбор субъективного анамнеза, наряду со сведениями, относящимися к индивидуальному анамнезу родителя (изложение в хронологической последовательности событий жизни, включая семейный, детский, трудовой, социальный, супружеский анамнез, историю болезни), включает получение анамнестических сведений о ребенке. Необходимость решения данной задачи в рамках судебно-психиатрического исследования родителя определяется как тем, что в общей психиатрии анамнез, полученный со слов родителей, традиционно рассматривается в отношении ребенка как объективный, противопоставляясь субъективному анамнезу, полученному со слов самого ребенка, так и тем, что эти сведения имеют непосредственное отношение к предмету экспертного исследования. В связи с этим судебно-психиатрическое интервью родителя включает вопросы об особенностях протекания беременности и родов, раннем психомоторном развитии, адаптации в образовательных учреждениях, перенесенных психических травмах, особенностях реагирования ребенка на различные жизненные ситуации, предпочитаемых занятиях, круге общения, особенностях психического состояния и поведения в различном возрасте, в том числе в пред- и постразводный период, взаимоотношениях со всеми членами семьи и окружающими. Полученные сведения при оформлении заключений отражаются врачом судебно-психиатрическим экспертом как в заключении в отношении родителя при описании его психического статуса, так и в заключении в отношении ребенка, с обязательным указанием источника, откуда эти сведения получены. При этом в связи с тем, что и ребенок, и родители являются объектами судебно-психиатрического исследования, получение у родителя анамнестических сведений в отношении ребенка, с одной стороны, позволяет обеспечить требуемые ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» полноту и всесторонность экспертного исследования, с другой стороны, не нарушает установленный статьей 16 того же закона запрет на самостоятельный сбор материалов для производства судебной экспертизы.

Наконец, согласно Порядку № 3н, проводимое врачом судебно-психиатрическим экспертом клиническое (психопатологическое) исследование может включать анализ письменной продукции, различных видов художественной и творческой деятельности лица, в отношении которого производится судебно-психиатрическая экспертиза, что позволяет врачу-психиатру

Русаковская О.А. (2025)
К вопросу о компетенции психиатра при комплексных
судебных психолого-психиатрических экспертизах
родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)
On the issue of the psychiatrist's competence
in complex forensic psychological and
psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

использовать при обследовании такие методики, как «Родительское сочинение», а также психосемантические методы исследования (Бурменская, 2017; Бурменская, Захарова, Карабанова, 2021; Русаковская, Новикова-Грунд, Андрианова, 2019).

Таким образом, анализ нормативно-правовых документов, регулирующих проведение судебно-психиатрических экспертиз, получение большого массива данных, непосредственно связанных с деятельностью родителя по воспитанию ребенка и к истории взаимодействия родителей с ребенком, отношению родителя к ребенку и его воспитанию в различные периоды жизни, является задачей психиатра.

Функциональный подход

В настоящее время в общей психиатрии широко применяется основанная на холистическом биопсихосоциальном подходе концепция функционального диагноза, который рассматривается как удобный открытый конструкт целостного мониторинга состояния пациента, позволяющий включать в анализ различные параметры в зависимости от решаемых научно-практических задач и синтезировать более широкий круг сведений об интерпсихических процессах и отношениях, семейных связях и социальных аспектах жизнедеятельности пациента (Ошевский, Солохина, 2023; Коцюбинский и др., 2011; Коцюбинский, 2017; Незнанов, Коцюбинский, Мазо, 2020). В судебной психиатрии функциональный диагноз предполагает не только выявление психопатологических проявлений заболеваний и установление диагноза психического расстройства или констатацию его отсутствия, но исследование интересующих суд функциональных способностей (Дмитриева, Шостакович, 2001; Вандыш-Бубко, 2012; Макушкин, 2017; Осколкова, 2017). Подобный функциональный подход при проведении судебно-психиатрических экспертиз традиционно применяется как за рубежом (Condie, 2003; Goethals, 2018; Grisso et al., 2003), так и в отечественной практике. Так, при судебно-психиатрических экспертизах в связи с изменением гражданско-правового статуса исследуется адаптированность подэкспертного в повседневной жизни, способность к осмыслению гражданско-правовых вопросов или оперированию финансами (Русаковская, 2024; Харитоновна, Русаковская, Васянина, 2023, 2024; Харитоновна и др., 2024).

В спорах о воспитании при исследовании родителей, независимо от их психического здоровья, такими функциональными способностями являются забота о ребенке; отношение к нему; родительские представления и установки; поведение, направленное на воспитание ребенка, организацию его образовательного и социального маршрута; эмоциональная поддержка. Подобные вопросы выходят за уровень индивидуальной диагностики родителя и относятся также к уровню ситуационной диагностики детско-родительских отношений, обеспечивая получение того массива данных, на основании которого экспертом-психологом формируется относящийся к его специальным знаниям экспертный вывод о ключевом экспертном понятии, соотносящимся с философией и практикой воспитательных подходов каждого из родителей (Herman, 1997) — родительском отношении, а также формируются экспертом-психологом или интегративно экспертные выводы о вреде психическому здоровью ребенка.

Компетенция психиатра на различных этапах исследования

Вслед за Ф.С. Сафуановым, «исходя из представления о трех этапах (индивидуальная психодиагностика членов семьи, ситуационная диагностика семейных отношений, прогностическая оценка психического развития ребенка) проведения КСППЭ семьи»

Русаковская О.А. (2025)
К вопросу о компетенции психиатра при комплексных
судебных психолого-психиатрических экспертизах
родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)
On the issue of the psychiatrist's competence
in complex forensic psychological and
psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

(Сафуанов, 2023), проанализируем соотношение компетенций врача судебно-психиатрического эксперта и психолога на разных этапах экспертизы, а также применяемые ими методы исследования.

Согласно пункту 6 Порядка № 3н, производство амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы начинается с момента изучения экспертами или комиссией экспертов предоставленных им объектов исследования и материалов дела. В связи с этим этапу индивидуальной диагностики предшествует **предварительный этап** — изучение всеми членами экспертной комиссии материалов гражданского дела и составление врачом-докладчиком, в качестве которого выступает врач судебно-психиатрический эксперт, «объективного анамнеза» семьи в целом и каждого из ее членов в отдельности. Объективный анамнез семьи в целом, в отношении каждого из родителей включает расположенные в хронологической последовательности сведения о предшествующем опыте отношений с другими партнерами, взаимоотношениях с будущим супругом до брака и до наступления беременности, характере взаимоотношений в семье в период родительства с выделением событий, оцениваемых сторонами спора как причины развода. Представляется отраженная в материалах дела история конфликтных отношений в период развода с описанием действий подэкспертных, как в качестве стороны судебного спора, так и в качестве родителя. Объективный анамнез ребенка содержит приведенные в хронологической последовательности данные о его здоровье, особенностях его психического и социального развития (сведения из медицинской документации, характеристики из образовательных учреждений, данные портфолио); значимые события пролонгированной психотравмирующей ситуации высококонфликтного развода с описанием особенностей реагирования ребенка на эти события; сведения, отражающие отношение ребенка к каждому из родителей и другим членам семьи с учетом изменений социальной ситуации развития; участие в процессуальных действиях. Результаты проведенного анализа оформляются врачом-докладчиком в исследовательской части заключений при описании семейного анамнеза каждого из подэкспертных и материалов и обстоятельств рассматриваемого дела.

На **первом этапе** индивидуальной диагностики родителя врачом судебно-психиатрическим экспертом, как указывалось ранее, осуществляется не только клинико-психопатологическое исследование, направленное на определение возможного психического расстройства родителя или констатацию психического здоровья (Сафуанов, 2023), но также сбор субъективного анамнеза родителя, с акцентом на истории отношения к ребенку, его воспитания, поведения во взаимодействии с ним; действий, осуществленных в качестве его законного представителя; уточнение «объективного» анамнеза ребенка. В случае выявления у родителя психического расстройства, как в анамнезе, так и на момент судебно-психиатрического исследования, или акцентуации характера задач эксперта является выделение патохарактерологических или акцентуированных личностных особенностей, влияющих на родительское поведение и отношение к ребенку.

В компетенцию медицинского психолога на данном этапе экспертизы входит обязательное, в соответствии с Порядком № 3н, патопсихологическое исследование, играющее достаточно важную роль в установлении диагноза психического расстройства. В связи с задачей определения индивидуально-психологических особенностей родителя, что в контексте подобных экспертиз включает не только личностные особенности, но и присущий родителю стиль воспитания, родительскую позицию (Сафуанов, 2023), в рамках экспериментально-

Русаковская О.А. (2025)
К вопросу о компетенции психиатра при комплексных
судебных психолого-психиатрических экспертизах
родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)
On the issue of the psychiatrist's competence
in complex forensic psychological and
psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

психологического исследования медицинскими психологами применяются методики, направленные непосредственно на оценку стиля воспитания и родительской позиции (Сафуанов и др., 2023а; Полкунова, 2022).

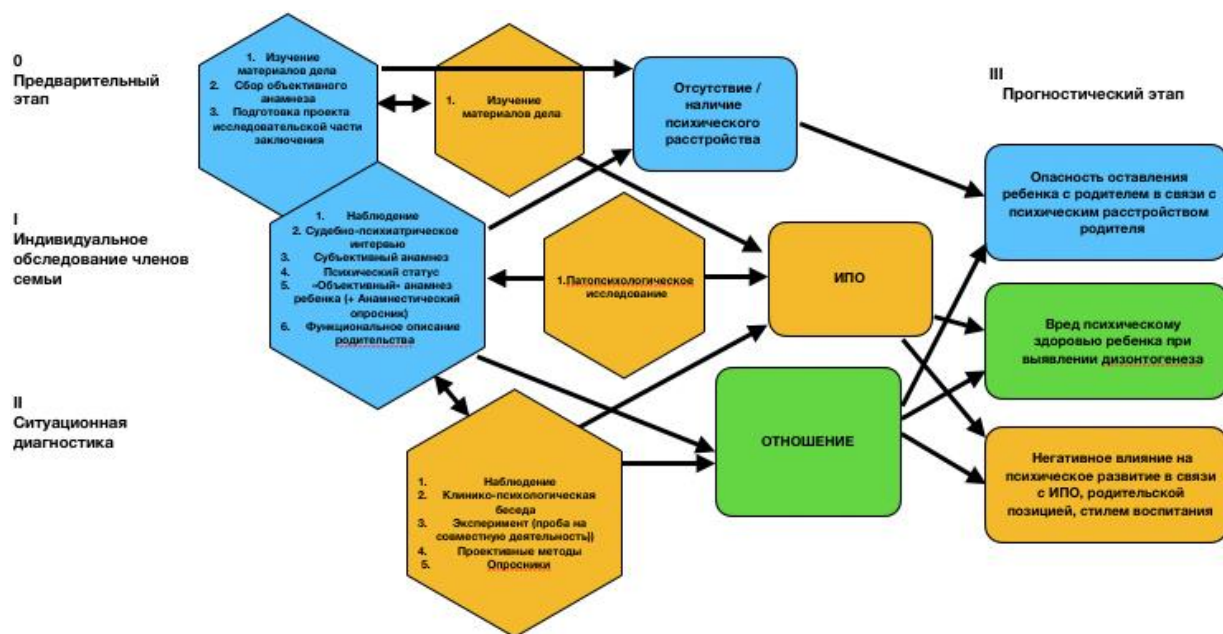
Задачами **второго этапа** — ситуационной диагностики семейных отношений — являются диагностика отношения ребенка к каждому из родителей, диагностика отношения каждого из родителей к ребенку, определение способности ребенка к выработке самостоятельных решений по вопросам, затрагивающим его интересы (Сафуанов, 2023). По нашему мнению, решение данных задач является совместной компетенцией и реализуется и психологом, и врачом судебно-психиатрическим экспертом различными методами. Если эксперты-психологи для решения задач второго этапа применяют наблюдение, проективные и экспериментальные методики исследования (Сафуанов и др., 2021; Сафуанов и др., 2022; Сафуанов и др., 2023б; Савина и др., 2024), то врач судебно-психиатрический эксперт для решения данной задачи применяет наблюдение и судебно-психиатрическое интервью. При этом, как мы указывали ранее (Русаковская и др., 2021), стоящие перед экспертами задачи оценки психического состояния ребенка в общем контексте его развития и семейных взаимоотношений, раскрытия особенности отношения родителей к ребенку, требуют от врачей-психиатров особого подхода, как к построению судебно-психиатрического интервью, так и к описанию психического статуса.

При проведении судебно-психиатрического интервью, помимо решения основной задачи получения информации, необходимой для решения экспертных вопросов, врач судебно-психиатрический эксперт, так же, как врач-психиатр или врач-психотерапевт общей практики, должны быть нацелены: на установление продуктивного контакта с подэкспертным, с достижением альянса и ощущением взаимного понимания; восприятие и оценку как информации, которую подэкспертный сообщает, так и содержания беседы в более широком смысле (невербальных проявлений, стиля высказываний, активных и пассивных глаголов, используемых в речи предикатов); осознание процессуальных аспектов интервью, а именно отношений между экспертом и подэкспертным; оценку психического статуса, в том числе психопатологических симптомов, особенностей мышления и речи, особенностей эмоционального реагирования, личностных особенностей (Маккинон, Майклс, Бакли., 2021; Tomm, 1987). Как указывает Маккинон, «...самая важная техника сбора психиатрической истории — это позволить пациенту рассказать свою историю своими словами и в том порядке, который он выберет сам. И содержание, и порядок, в котором пациент излагает свою историю, раскрывают ценную информацию». При этом умелый интервьюер распознает моменты, когда будет уместно задать нужные вопросы» (Маккинон, Майклс, Бакли, 2021, с. 58).

С учетом того, что при судебно-психиатрических исследованиях эксперт обязан обеспечить полноту и объективность экспертного исследования в условиях временных ограничений амбулаторной экспертизы, а также положительного опыта применения Стандартизированного протокола экспертного исследования в делах по заявлениям об изменении гражданско-правового статуса (Харитонов, Русаковская, Васянина, 2023), доработан для использования в экспертной практике «Анамнестический опросник для родителей», который ранее применялся нами в исследовательских целях (Русаковская и др., 2020). Как в российской, так и в зарубежной клинической практике подобные формализованные формы сбора у пациента сведений, имеющих медицинское значение, применяются достаточно широко (Ackermann et al., 2015; Dehnert, Bergmann, Kluge, 1978; Hunt, Chan, Mehta, 2011) и, несмотря на имеющиеся

ограничения (Pezalla, Pettigrew, Miller-Day, 2012), доказали свою эффективность. Р.А. Маккинон, указывая, что такие анкеты экономят время, предостерегал от их использования, так как они лишают терапевта и пациента возможности исследовать чувства, возникающие в ходе непосредственной беседы, а также могут придать интервью искусственность. В то же время при амбулаторных судебно-психиатрических исследованиях эксперт, с одной стороны, обязан обеспечить полноту и объективность экспертного исследования, с другой стороны, ограничен временными рамками. В таких условиях, если анамнестический опросник предлагается для заполнения каждому из родителей после проведения основной части судебно-психиатрического интервью, он, во-первых, помогает эксперту получить сведения, которые могли быть не обсуждены в ходе беседы; во-вторых, расширяет возможности родителей изложить свои представления об истории развития ребенка. Тем самым его применение способствует большей вовлеченности родителей в процедуру исследования и более эффективной ее организации.

Наконец, одной из сложностей описания психического статуса при проведении экспертиз по спорам о воспитании является неприспособленность психиатрического тезауруса к описанию невербального и речевого поведения, конкретных особенностей эмоционального реагирования и поведения в значимых для оценки индивидуально-психологических особенностей социальных ситуациях, а также в пролонгированной ситуации семейного конфликта подэкспертных, не имеющих психических нарушений. Однако отсутствие психического расстройства не отменяет задачу феноменологического описания подэкспертного, делающего его узнаваемым.

Рис. Компетенции врача судебно-психиатрического эксперта и психолога на различных этапах комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по спорам о воспитании

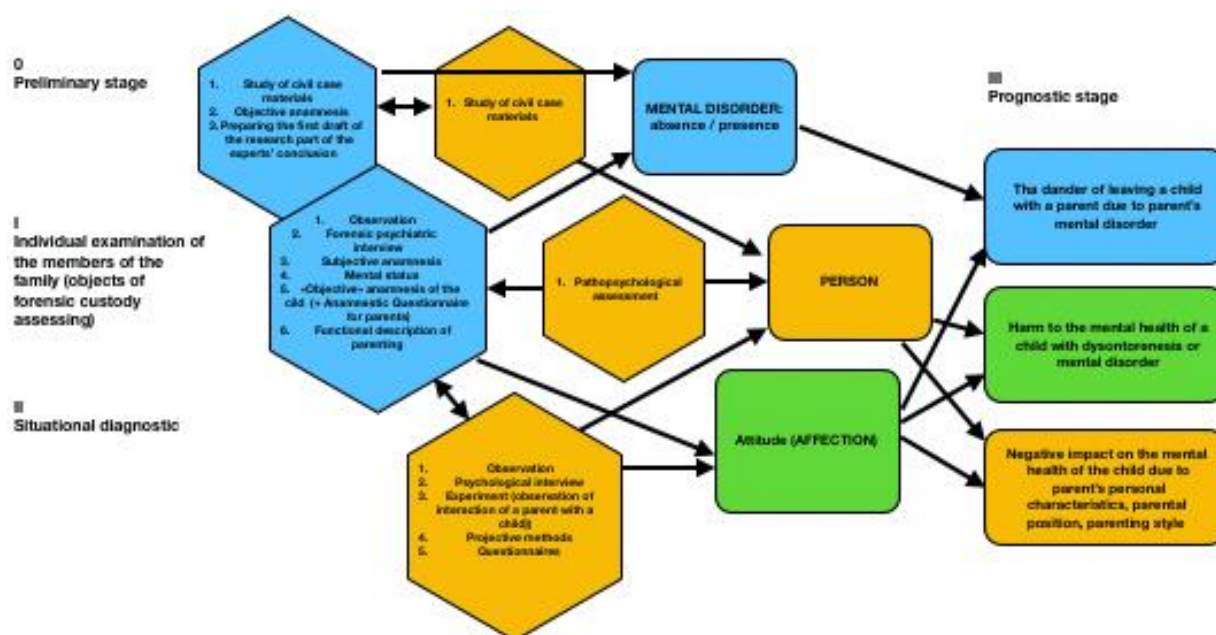

Русаковская О.А. (2025)

К вопросу о компетенции психиатра при комплексных судебных психолого-психиатрических экспертизах родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)

On the issue of the psychiatrist's competence in complex forensic psychological and psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

Fig. Competences of a forensic psychiatric expert and psychologist at various stages of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in disputes over upbringing

Таким образом, если члены семьи психически здоровы, на этапе ситуационной диагностики врач судебно-психиатрический эксперт получает и анализирует информацию, имеющую прямое отношение к личной истории родительства и к оцениваемой психологами категории родительского отношения, что определяет совместную компетенцию специалистов при оценке данной категории. Различные задачи, выполняемые психиатрами и психологами в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по спорам о воспитании детей, иллюстрирует рисунок, на котором компетенции психиатра обозначены синим, психолога — желтым, совместные компетенции — зеленым цветом.

Заключение

Таким образом, при производстве комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по спорам о воспитании в отношении психически здоровых родителей компетенция психиатра не ограничивается констатацией отсутствия психического расстройства, но предполагает использование психиатрических методов для исследования категорий, имеющих юридическое значение: личной истории родительства, психологического анамнеза ребенка, родительского отношения.

Несомненно, такой подход расширяет требования к профессиональным компетенциям врачей судебно-психиатрических экспертов и предполагает обязательную подготовку в области психологии развития, семейной психологии; владение навыками не только психиатрического, но и, в большей степени, психотерапевтического интервью.

В то же время, по нашему мнению, такой подход в наибольшей степени соответствует как Порядку проведения судебно-психиатрической экспертизы (Приказ Минздрава РФ от 12.01.2017 № 3н), так и требованиям полноты судебно-психиатрических исследований.

Русаковская О.А. (2025)
К вопросу о компетенции психиатра при комплексных
судебных психолого-психиатрических экспертизах
родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)
On the issue of the psychiatrist's competence
in complex forensic psychological and
psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

Необходимо проведение дальнейших исследований, направленных на оценку эффективности применения Анамнестического опросника для родителей в ходе комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по спорам о воспитании детей.

Список источников / References

1. Бурменская, Г.В. (2017). Возрастно-психологический подход в консультировании родителей по вопросам психического развития и психологического благополучия детей и подростков. *Мир психологии*, 2(90), 231—242. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29850817> (дата обращения: 15.04.2025).
Burmenskaya, G.V. (2017). Age-psychological approach in counseling parents on issues of mental development and psychological well-being of children and adolescents. *The World of Psychology*, 2(90), 231—242. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29850817> (viewed: 15.04.2025).
2. Бурменская, Г.В., Захарова, Е.И., Карабанова, О.А. (2021). Возрастно-психологический подход в консультировании — психологическая помощь в решении проблем современного детства. В: *Психология развития: полвека пути: к 50-летию кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова* (с. 179—200). Пенза: Пензенский государственный университет. URL: <https://elibrary.ru/iwdwvu> (дата обращения: 15.04.2025).
Burmenskaya, G.V., Zaharova, E.I., Karabanova, O.A. (2021). Age-psychological approach in counseling — psychological assistance in solving the problems of modern childhood. In: *Developmental Psychology: Half a Century of the Path: to the 50th anniversary of the Department of Age Psychology* (pp. 179—200). Penza: Penza State University Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/iwdwvu> (viewed: 15.04.2025).
3. Вандыш-Бубко, В.В. (2012). Органическое психическое расстройство: функциональный диагноз. В: В.В. Вандыш (ред.), *Судебная психиатрия. Актуальные проблемы. Вып. 9* (с. 29—41). М.: Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского.
Vandysh-Bubko, V.V. (2012). Organic mental disorder: functional diagnosis. In: V.V. Vandysh (Ed.), *Forensic Psychiatry. Current Issues. Issue 9*. (pp. 29—41). Moscow: State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry named after V.P. Serbsky Publ. (In Russ.).
4. Вострокнутов, Н.В., Харитонов, Н.К., Сафуанов, Ф.С. (2004). *Методологические основы экспертного подхода к правовой защите детей (судебно-психиатрический и судебно-психологические аспекты): Методические рекомендации*. М.: РИО Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского.
Vostroknutov, N.V., Kharitonova, N.K., Safuanov, F.S. (2004). *Methodological foundations of the expert approach to the legal protection of children (forensic psychiatric and forensic psychological aspects): Methodological recommendations*. Moscow: State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry named after V.P. Serbsky Publ. (In Russ.).
5. Дмитриева, Т.Б., Шостакович Б.В. (Ред.). (2001). *Концепция функционального диагноза в судебной психиатрии*. М.: РИГ ГНЦСиСП им. В.П. Сербского.
Dmitrieva, T.B., Shostakovich, B.V. (Eds.). (2001). *The concept of functional diagnosis in forensic psychiatry*. Moscow: State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry named after V.P. Serbsky Publ. (In Russ.).

6. Коцюбинский, А.П., Шейнина, Н.С., Аристова, Т.А., Бурковский, Г.В., Бутома, Б.Г. (2011). Функциональный диагноз в психиатрии. *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева*, 1, 4—8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17701073> (дата обращения: 15.04.2025).
Kotsjubinsky, A.P., Shejnina, N.S., Aristova, T.A., Burkovsky, G.V., Butoma, B.G. (2011). Functional diagnosis in psychiatry. *V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 1, 4—8. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17701073> (viewed: 15.04.2025).
7. Коцюбинский, А.Б. (2017). *Многомерная холистическая диагностика в психиатрии (биологический, психологический, функциональный и социальный диагнозы)*. СПб: СпецЛит.
Kotsjubinsky, A.B. (2017) *Multidimensional holistic diagnostics in psychiatry (biological, psychological, functional and social diagnoses)*. Saint Petersburg: SpecLit Publ. (In Russ.).
8. Маккиннон, Р.А., Майклс, Р., Бакли, П.Дж. (2021). *Психиатрическое интервью в клинической практике*. Пер. с англ. М.: Когито-Центр.
MacKinnon, R.A., Michels, R., Buckley, P.J. (2021). *The psychiatric interview in clinical practice*. (3rd ed.). Trans. from Engl. Moscow: Kogito-Centr. (In Russ.).
9. Макушкин, Е.В. (2017). Диагноз и его структура: клинические, экспертные, правовые и социальные конструкторы. В: Е.В. Макушкин, А.А. Ткаченко (ред.), *Судебно-психиатрическая диагностика* (с. 13—33). М.: ФМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава России.
Makushkin, E.V. (2017). Diagnosis and its structure: clinical, expert, legal and social constructs. In: E.V. Makushkin, A.A. Tkachenko (Eds.), *Forensic psychiatric diagnostics* (pp. 13—33). Moscow: State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry named after V.P. Serbsky Publ. (In Russ.).
10. Незнанов, Н.Г., Коцюбинский, А.П., Мазо, Г.Э. (2020). *Биопсихосоциальная психиатрия: руководство для врачей*. М.: Специальное издательство медицинских книг.
Neznanov, N.G., Kotsjubinsky, A.P., Mazo, G.E. (2020). *Biopsychosocial psychiatry: a manual for physicians*. Moscow: Special'noe Izdatel'stvo Meditsinskikh Knig. (In Russ.).
11. Осколкова, С.Н. (2017). Диагноз в общей и судебной психиатрии: методологические аспекты. *Психиатрия*, 1(73), 23—33. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2017-73-23-33>
Oskolkova, S.N. (2017). Diagnosis in general and forensic psychiatry: methodological aspects. *Psychiatry (Moscow)*, 1(73), 23—33. (In Russ.). <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2017-73-23-33>
12. Ошевский, Д.С., Солохина, Т.А. (2023). Эволюция подходов к пониманию функционального диагноза в психиатрии: от теоретической концептуализации до практического использования. *Психиатрия*, 21(4), 103—119. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2023-21-4-103-119>
Oshevsky, D.S., Solokhina, T.A. (2023). Evolution of Approaches to Understanding Functional Diagnosis in Psychiatry: From Theoretical Conceptualization to Practical Use. *Psychiatry (Moscow)*, 21(4), 103—119. (In Russ.). <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2023-21-4-103-119>
13. Полкунова, Е.В. (2022). Применение методики «Родительское сочинение» в целях установления родительского отношения при проведении судебной психологической экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей. *Психология и право*, 12(3), 39—51. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120304>

Русаковская О.А. (2025)
К вопросу о компетенции психиатра при комплексных
судебных психолого-психиатрических экспертизах
родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)
On the issue of the psychiatrist's competence
in complex forensic psychological and
psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

Polkunova, E.V. (2022). Application of the “Parent Essay” to Study Parental Attitudes in Forensic Psychological Examination. *Psychology and Law*, 12(3), 39—51. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120304>

14. Русаковская, О.А. (2018). Проблемы судебно-психиатрической экспертизы по искам об ограничении родительских прав лиц с психическими расстройствами. *Российский психиатрический журнал*, 6, 27—34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36648391> (дата обращения: 15.04.2025).

Rusakovskaya, O.A. (2018). Problems of forensic-psychiatric assessment in litigation over limiting parental rights of individuals suffering from mental disorders. *Russian Journal of Psychiatry*, 6, 27—34. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36648391> (viewed: 15.04.2025).

15. Русаковская, О.А. (2024). «Проблемные ситуации»: апробация в качестве судебно-психиатрического метода исследования при изменении гражданско-правового статуса. *Психология и право*, 14(1), 152—167. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140110>

Rusakovskaya, O.A. (2024). “Problem Situations”: Testing as a Forensic Psychiatric Research Method when Changing Civil Legal Status. *Psychology and Law*, 14(1), 152—167. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140110>

16. Русаковская, О.А., Голубев, С.А., Андрианова, С.Б., Ныркова, А.А. (2020). Особенности представления родителями, страдающими хроническими психическими расстройствами, анамнестических сведений о ребенке. *Российский психиатрический журнал*, 5, 74—82. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10508>

Rusakovskaya, O.A., Golubev, S.A., Andrianova, S.B., Nyrkova, A.A. Peculiarities of the way in which children's anamnesis data is given by their parents who suffer from chronic mental disorders. *Russian Journal of Psychiatry*, 5, 74—82. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10508>

17. Русаковская, О.А., Калашникова, А.С., Харитонов, Н.К., Сафуанов, Ф.С. (2021). Актуальное состояние и проблемы комплексной психолого-психиатрической экспертизы по спорам о воспитании. *Российский психиатрический журнал*, 1, 24—36. <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10103>

Rusakovskaya, O.A., Kalashnikova, A.S., Kharitonova, N.K., Safuanov, F.S. (2021). The current state and problems of complex psychological and psychiatric evaluation in child custody disputes. *Russian Journal of Psychiatry*, 1, 24—36. (In Russ.). <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10103>

18. Русаковская, О.А., Новикова-Грунд, М.В., Андрианова, С.Б. (2019). Психосемантический подход к оценке родительского отношения. *Российский психиатрический журнал*, 4, 27—35. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2019-11933>

Rusakovskaya, O.A., Novikova-Grund, M.V., Andrianova, S.B. (2019). The psychosemiotic approach towards assessment of parental attitude. *Russian Journal of Psychiatry*, 4, 27—35. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2019-11933>

19. Савина, О.Ф., Кулаков, С.С., Сикачева, С.И., Сафуанов, Ф.С. (2024). Модели проведения пробы на совместную деятельность при производстве КСППЭ по судебным спорам родителей о воспитании ребенка. *Прикладная психология и педагогика*, 9(3), 52—69. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-3-52-69>

Savina, O.F., Kulakov, S.S., Sikacheva, S.I., Safuanov, F.S. (2024). Models for conducting tests

Русаковская О.А. (2025)
К вопросу о компетенции психиатра при комплексных
судебных психолого-психиатрических экспертизах
родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)
On the issue of the psychiatrist's competence
in complex forensic psychological and
psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

for joint activities during the production of the CSPPE in legal disputes between parents regarding the upbringing of a child. *Applied Psychology and Pedagogy*, 9(3), 52—69. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-3-52-69>

20. Сафуанов, Ф.С. (2003). Судебная психолого-психиатрическая экспертиза по делам, связанным с защитой интересов ребенка. В: *Бехтеревские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 17 июня — 18 июня 2003 года* (с. 384—388). СПб: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49543323> (дата обращения: 15.04.2025).
Safuanov, F.S. (2003). Forensic psychological and psychiatric examination in cases related to the protection of the interests of the child. In: *Bekhterev Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*. (pp. 384—388). Saint-Petersburg: V.M. Bekhterev Research Institute for Psychiatry and Neurology Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49543323> (viewed: 15.04.2025).
21. Сафуанов, Ф.С. (2023). Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза детско-родительских отношений: компетенция экспертов. *Российский психиатрический журнал*, 1, 14—22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53989588> (дата обращения: 15.04.2025).
Safuanov, F.S. (2023). Combined forensic psychological and psychiatric examination of child-parent relations: competence of experts. *Russian Journal of Psychiatry*, 1, 14—22. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53989588> (viewed: 15.04.2025).
22. Сафуанов, Ф.С., Савина, О.Ф., Калашникова, А.С. Морозова, М.В., Кулаков, С.С., Забежинская, И.Д., Переpravина, Ю.О., Малиновская, М.А., Солдатова, К.М. (2021). Метод исследования взаимодействия родителя с ребёнком в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе по семейным спорам между родителями о воспитании ребёнка. *Российский психиатрический журнал*, 4, 36—47. <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10405>
Safuanov, F.S., Savina, O.F., Kalashnikova, A.S., Morozova, M.V., Kulakov, S.S., Zabezhinskaya, I.D., Perepravina, Yu.O., Malinovskaya, M.A., Soldatova, K.M. (2021). The method of studying the interaction of a parent with a child in a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of family disputes between parents about the upbringing of a child. *Russian Journal of Psychiatry*, 4, 36—47. (In Russ.). <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10405>
23. Сафуанов, Ф.С., Савина, О.Ф., Морозова, М.В., Калашникова, А.С., Кулаков, С.С., Переpravина, Ю.О., Забежинская, И.Д., Малиновская, М.А., Солдатова, К.М., Бодрова, О.К. (2022). Взаимодействие ребенка с родителем: судебно-психологические экспертные оценки. *Психология и право*, 12(1), 115—132. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120110>
Safuanov, F.S., Savina, O.F., Morozova, M.V., Kalashnikova, A.S., Kulakov, S.S., Perepravina, J.O., Zabezhinskaya, I.D., Malinovskaya, M.A., Soldatova, K.M., Bodrova, O.K. (2022). Parent-Child Interaction: Forensic and Psychological Expert Evaluations. *Psychology and Law*, 12(1), 115—132. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120110>
24. Сафуанов, Ф.С., Савина, О.Ф., Морозова, М.В., Калашникова, А.С., Переpravина, Ю.О., Кулаков, С.С., Бодрова, О.А., Солдатова, К.М. (2023a). *Алгоритм проведения комплексной*

Русаковская О.А. (2025)
К вопросу о компетенции психиатра при комплексных
судебных психолого-психиатрических экспертизах
родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)
On the issue of the psychiatrist's competence
in complex forensic psychological and
psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

судебной психолого-психиатрической экспертизы по судебным спорам между родителями о воспитании ребенка: Методические рекомендации. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского. Safuanov, F.S., Savina, O.F., Morozova, M.V., Kalashnikova, A.S., Perepravina, Yu.O., Kulakov, S.S., Bodrova, O.A., Soldatova, K.M. (2023a). *Algorithm for conducting a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in judicial disputes between parents about raising a child: Methodological recommendations.* Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ.).

25. Сафуанов, Ф.С., Савина, О.Ф., Морозова, М.В., Калашникова, А.С., Переправина, Ю.О., Кулаков, С.С., Бодрова, О.А., Солдатова, К.М., Забежинская, И.Д., Малиновская, М.А. (2023б). *Метод исследования детско-родительского взаимодействия в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе по семейным спорам между родителями о воспитании ребенка: Методические рекомендации.* М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского. Safuanov, F.S., Savina, O.F., Morozova, M.V., Kalashnikova, A.S., Perepravina, Yu.O., Kulakov, S.S., Bodrova, O.A., Soldatova, K.M., Zabezhinskaya, I.D., Malinovskaya, M.A. (2023b). *Method of studying parent-child interaction in complex forensic psychological and psychiatric examination of family disputes between parents about raising a child: Methodological recommendations.* Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ.).
26. Сафуанов, Ф.С., Харитонов, Н.К., Русаковская, О.А. (2012). *Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка.* М.: Генезис. Safuanov, F.S., Kharitonova, N.K., Rusakovskaya, O.A. (2012). *Psychological and psychiatric forensic examination in legal disputes between parents regarding the upbringing and place of residence of the child.* Moscow: Genezis Publ. (In Russ.).
27. Харитонов, Н.К., Вострокнутов, Н.В., Сафуанов, Ф.С., Русаковская, О.А. (2021). Судебно-психиатрическая экспертиза по делам защиты детей. В: А.А. Ткаченко (ред.), *Руководство по судебной психиатрии: В 2 т. Том 2: практическое пособие.* М.: Юрайт, <https://urait.ru/bcode/458663> (дата обращения: 15.04.2025). Kharitonova, N.K., Vostroknutov, N.V., Safuanov, F.S., Rusakovskaya, O.A. (2021). Forensic psychiatric examination in child protection cases. In: A.A. Tkachenko (Ed.), *Handbook of forensic psychiatry: In 2 vol. Vol. 2: practical guide.* Moscow: Yurait Publ. (In Russ.). URL: <https://urait.ru/bcode/458663> (viewed: 15.04.2025).
28. Харитонов, Н.К., Русаковская, О.А., Васянина, В.И. (2023). *Применение стандартизированного протокола экспертного исследования в делах по заявлениям об изменении гражданско-правового статуса: Практическое пособие.* М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского. Kharitonova, N.K., Rusakovskaya, O.A., Vasyanina, V.I. (2023). *Application of a standardized protocol for forensic examination in capacity cases: A practical guide.* Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ.).

Русаковская О.А. (2025)

К вопросу о компетенции психиатра при комплексных
судебных психолого-психиатрических экспертизах
родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)

On the issue of the psychiatrist's competence
in complex forensic psychological and
psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

29. Харитонов, Н.К., Русаковская, О.А., Васянина, В.И. (2024). *Процедура исследования способности к проведению операций с финансами у лиц с тяжелыми психическими расстройствами при решении вопросов дееспособности: Методическое пособие*. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского.
Kharitonova, N.K., Rusakovskaya, O.A., Vasyanina, V.I. (2024). *Procedure for studying the ability to conduct financial transactions in persons with severe mental disorders when resolving issues of legal capacity: Methodological manual*. Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ.).
30. Харитонов, Н.К., Русаковская, О.А., Солодов, Д.Д., Габси, М.Ф. (2024). Апробация процедуры исследования способности к проведению операций с финансами у лиц с тяжелыми психическими расстройствами. *Психиатрия, психотерапия и клиническая психология*, 15(1), 58—70. <https://doi.org/10.34883/PI.2024.15.1.004>
Kharitonova, N.K., Rusakovskaya, O.A., Solodov, D.D., Gabsi, M.F. (2024) Approbation of a Financial Transaction Ability Test Procedure in Persons with Severe Mental Disorders. *Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology*, 15(1), 58—70. (In Russ.). <https://doi.org/10.34883/PI.2024.15.1.004>
31. Шпорт, С.В., Макушкина, О.А., Муганцева, Л.А. (2023). *Мониторинг показателей судебно-психиатрической экспертизы и профилактики в психиатрической службе Российской Федерации (2018-2022 гг.)* М.: ФГБУ НМИЦ ПН им. В.П. Сербского Минздрава России.
Shport, S.V., Makushkina, O.A., Mugantseva, L.A. (2023). *Monitoring of indicators of forensic psychiatric examination and prevention in the psychiatric service of the Russian Federation (2018-2022)* Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ.).
32. Якушев, П.А. (2024). Судебная и альтернативная защита прав и законных интересов ребенка. В: Н.Н. Тарусина (ред.), *Детское право: учебник* (с. 537—576). М.: Проспект.
Yakushev, P.A. (2024). Judicial and alternative protection of the rights and legitimate interests of the child. In: N.N. Tarusina (Ed.), *Children's law: textbook* (pp. 537—576). Moscow: Prospekt Publ. (In Russ.).
33. Ackermann, O., Eckert, K., von Schulze Pellengahr, C., Lahner, M. (2015). Die Anamneseerhebung mittels Fragebogen - sicher und effektiv [Taking the anamnesis with a questionnaire - safe and effective]. *Zeitschrift für Orthopädie und Unfallchirurgie*, 153(2), 142—145. <https://doi.org/10.1055/s-0034-1383358>
34. Condie, L.O. (2003). *Parenting evaluations for the court: Care and protection matters*. Kluwer Academic Plenum Publishers.
35. Dehnert, I., Bergmann, K.C., Kluge, E. (1978). A questionnaire with a special computer programme for the anamnesis of patients with suspicion of asthma bronchiale (author's transl). *Zeitschrift für Erkrankungen der Atmungsorgane*, 150(3), 287—295. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/695744/> (viewed: 15.04.2025).
36. Goethals, K. (Ed.). (2018). *Forensic Psychiatry and Psychology in Europe: A Cross Border Study Guide*. Springer Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-74664-7>

Русаковская О.А. (2025)
К вопросу о компетенции психиатра при комплексных
судебных психолого-психиатрических экспертизах
родителей в спорах о воспитании детей
Психология и право, 15(2), 90—106.

Rusakovskaya O.A. (2025)
On the issue of the psychiatrist's competence
in complex forensic psychological and
psychiatric custody evaluation
Psychology and Law, 15(2), 90—106.

37. Grisso, T., Borum, R., Edens, J.F., Moye, J., Otto, R. (2003). *Evaluating Competencies*. Boston. MA: Springer Science Business Media. <https://doi.org/10.1007/b106006>
38. Herman, S.P. (1997). Practice Parameters for Child Custody Evaluation. *Journal of American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 36(10), 57S—68S, <https://doi.org/10.1097/00004583-199710001-00005>
39. Hunt, M., Chan, L.S., Mehta, A. (2011). Transitioning from Clinical to Qualitative Research Interviewing. *International Journal of Qualitative Methods*, 10, 191—201, <https://doi.org/10.1177/160940691101000301>
40. Pezalla, A.E., Pettigrew, J., Miller-Day, M. (2012). Researching the researcher-as-instrument: An exercise in interviewer self-reflexivity. *Qualitative Research*, 12(2), 165—185. <https://doi.org/10.1177/1468794111422107>
41. Tomm, K. (1987), Interventive Interviewing: Part I. Strategizing as a Fourth Guideline for the Therapist. *Family Process*, 26(1), 3—13. <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.1987.00003.x>

Информация об авторах

Ольга Алексеевна Русаковская, кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник отдела судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация; доцент кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

Information about the authors

Olga A. Rusakovskaya, Candidate of Science (Medicine), Leading Researcher of the Department of Forensic Psychiatric Examination in Civil Procedure, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 18.04.2025
Поступила после рецензирования 21.04.2025
Принята к публикации 30.04.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025.04.18
Revised 2025.04.21
Accepted 2025.04.30
Published 2025.06.30

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Научная статья | Original paper

Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки

Ю.О. Переправина^{1, 2} ✉

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ psuryo@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Содержание и структура понятия «уязвимые группы населения» не определены как для судебной психолого-психиатрической экспертизы, так и для психологии в целом. Правовые, экономические и социологические подходы к исследованию данного понятия очерчивают его границы, намечают критерии, по которым можно говорить о содержании. Научно-исследовательский обзор отечественных и зарубежных исследований позволит раскрыть определения «уязвимость» и «уязвимые группы населения», а также возможности их применения в судебно-психологической экспертной как ретроспективной, так и прогностической оценке. **Цель.** Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» и возможности их применения в судебно-психологической экспертной оценке. **Теоретические подходы.** Представлен теоретико-методологический анализ понятий с позиций правового, экономического, социологического и психологического подходов. Использованы принципы судебной клинко-психологической экспертологии. **Результаты.** Были выделены критерии понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения». При судебно-психологической экспертной оценке представляется важным не только диагностика осознанной регуляции на юридически значимый период, но и исследование психологической уязвимости. **Заключение.** В рамках судебно-психологической экспертной оценки сделкоспособности и дееспособности значимым выступает психологическая уязвимость к принятию решения, влекущего за собой финансовые и имущественные потери; негативному влиянию и обману со стороны другого субъекта при совершении сделки; трудностям социальной адаптации, последствиями которых могут выступать ухудшение психического и соматического здоровья и благополучия, снижение качества жизни.

Переpravина Ю.О. (2025)
Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки
Психология и право, 15(2), 107—123.

Perepravina Yu.O. (2025)
Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment
Psychology and Law, 15(2), 107—123.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется изучение психологических механизмов и структуры психологической уязвимости юридически значимых способностей.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психологическая экспертиза, сделкоспособность, дееспособность, уязвимость, уязвимые группы населения

Финансирование. Исследование проведено в рамках Государственного задания № 124020800063-2 «Интегративные модели судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической экспертиз в гражданском процессе, проводимых в интересах наиболее уязвимых групп населения» (2024—2026).

Для цитирования: Переpravина, Ю.О. (2025). Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки. *Психология и право*, 15(2), 107—123. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150208>

Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment

Yu.O. Perepravina^{1,2} ✉

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ psypyo@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The content and structure of the concept of "vulnerable population groups" are not defined for forensic psychological and psychiatric examination, as well as for psychology in general. Legal, economic and sociological approaches to the study of this concept determine its boundaries, criteria by which one can talk about the content. A scientific research review of domestic and foreign studies will reveal the definitions of "vulnerability" and "vulnerable population groups", as well as the possibilities of their application in forensic psychological retrospective and prognostic assessment. **Goal.** Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable population groups” and the possibility of applying the concepts in forensic psychological assessment in complex forensic psychological and psychiatric examination. **Theoretical approaches.** The theoretical and methodological analysis is presented, including legal, economic, sociological and psychological approaches. The principles of forensic clinical and psychological expertise are used. **Results.** The criteria for the concept of "vulnerability" and "vulnerable groups of the population" were identified. In forensic psychological assessment, it is important not only to diagnose conscious regulation for a legally significant period, but also to study psychological vulnerability. **Conclusion.** In the forensic psychological assessment of deal-making capacity and legal capacity, the following are significant: psychological vulnerability to making a decision that entails financial and property losses;

Переpravина Ю.О. (2025)
Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки
Психология и право, 15(2), 107—123.

Perepravina Yu.O. (2025)
Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment
Psychology and Law, 15(2), 107—123.

vulnerability to negative influence and fraud from another person when making a transaction; difficulties in social adaptation, the consequences of which may be deterioration of mental and somatic health and well-being, and a decrease in the quality of life. A promising direction for further research is the study of psychological mechanisms and the structure of psychological vulnerability of legally significant abilities.

Keywords: complex forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychological assessment, decision making capacity, capacity, vulnerability, vulnerable groups of the population

Funding. The study was conducted within the framework of the State Task No. 124020800063-2 “Integrative models of forensic psychiatric and complex psychological and psychiatric examinations in civil proceedings conducted in the interests of the most vulnerable groups of the population” (2024-2026).

For citation: Perepravina, Yu.O. (2025). Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment. *Psychology and Law*, 15(2), 107—123. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150208>

Введение

Внимание к психологической уязвимости в рамках судебно-психологической экспертной оценки обусловлено как диагностическими, так и превентивными целями, а также значимостью защиты интересов наиболее уязвимых групп населения.

Предполагается, что разработка интегративных моделей судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической экспертиз в гражданском процессе при оценке дееспособности и ограниченной дееспособности, сделкоспособности, а также в отношении лиц, которые оспаривают действия по оказанию психиатрической помощи, родителей, в отношении которых решается вопрос об ограничении родительских прав, детей, которым назначается комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по спорам о воспитании, с учетом факторов уязвимости позволит как уточнить критерии экспертной оценки, так и реструктурировать блоки обоснования экспертного решения.

Содержание и структура понятия «уязвимые группы населения» не определены как для судебной психолого-психиатрической экспертизы, так и для психологии в целом. Правовые, экономические и социологические подходы к исследованию данного понятия очерчивают его границы, намечают критерии, по которым можно говорить о содержании.

Научно-исследовательский обзор отечественных и зарубежных исследований позволит раскрыть определения «уязвимость» и «уязвимые группы населения», а также возможности их применения в судебно-психологической экспертной как ретроспективной, так и прогностической оценке в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, при составлении программ социально-психологической работы с уязвимыми группами населения.

Правовой, экономический и социологический подходы к понятию «уязвимые группы населения»

При проведении теоретико-методологического поиска не было обнаружено определения понятия «уязвимые группы населения» на уровне федерального закона, однако отмечается использование термина в отношении уязвимых групп населения или уязвимых слоев населения при обсуждении вопросов профилактики заболеваний и поддержки в чрезвычайных ситуациях и т. п., что можно обнаружить в ходе поиска по ключевым словам в справочной правовой системе «Консультант Плюс».

Нормы современного международного права не дают определения, не устанавливают четких границ трактовки понятия «уязвимость» и не предоставляют исчерпывающий перечень критериев, по которым лица могли бы быть определены именно в уязвимую группу населения. Как правило, в основу определения понятия включается фактор, предопределяющий уязвимость (Микрина, Бекашев, 2019; Несмеянова, Калинина, 2017; Пономарева, 2023).

В международном праве рассматривается традиционный подход к уязвимым лицам, когда на государства возлагается обязанность создать механизм, обеспечивающий защиту их прав. Исследования в области международного права показывают, что в силу отсутствия четкого определения и различий в контекстах для трактовки государства сами должны решать вопрос о применении концепции уязвимости и создать систему защиты прав уязвимых людей, которая соответствует национальным интересам и международному праву. В национальном законодательстве государств существуют группы населения, которые нуждаются в особой защите со стороны государства и общества, а также описываются основания для предоставления этим группам населения дополнительной правовой помощи. (Микрина, Бекашев, 2019; Несмеянова, Калинина, 2017)

Подчеркивая социальный фактор, ряд исследователей выделяют социально уязвимые группы населения как социально незащищенные слои, граждане и их семьи, обладающие низким уровнем дохода, финансовых накоплений. Согласно теоретическому анализу исследований и правовым нормам, к уязвимым слоям населения относятся по преимуществу пожилые одинокие люди, инвалиды, многодетные и неполные семьи, а также семьи, потерявшие кормильца, лица, имеющие доходы ниже прожиточного минимума (Микрина, Бекашев, 2019; Несмеянова, Калинина, 2017; Заявление Правительства РФ, 2001).

В праве уязвимость нередко рассматривается в контексте незащищенности или необходимости защиты определенной группы лиц. Так, в преамбуле Декларации прав ребенка ООН 1959 года указано, что ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту (Декларация прав ребенка, 1959; Алисиевич, 2015); в преамбуле Конвенции ООН о правах инвалидов 2006 года подчеркивается необходимость учета трудных условий, с которыми сталкиваются инвалиды, подвергающиеся различным формам дискриминации, их незащищенный статус, в том числе по социальному фактору, и делается вывод о необходимости защиты их прав и свобод (Конвенция о правах инвалидов, 2006). В рамках определения правовой природы понятия «уязвимые группы населения» необходимо учитывать то, что такая правовая незащищенность наблюдается преимущественно у определенных категорий лиц: женщин, детей и подростков, инвалидов, мигрантов и людей с ограниченными возможностями (Микрина, Бекашев, 2019).

Согласно определению ВОЗ, «уязвимые группы населения» — это какая-либо группа или часть общества с более высоким по сравнению с другими группами или остальным обществом риском подвергнуться мерам дискриминационного характера, насилию, стать жертвами природных катастроф или экономических кризисов (Микрина, Бекяшев, 2019).

С опорой на экономический подход правовое поле категории «уязвимость» определено понятием «малоимущие и социально незащищенные категории граждан». Из формулировки можно выделить, что основным критерием подхода к определению уязвимых групп населения является доход. Исследователями рассматриваются концепция бедности, уязвимость к дефициту потребления, концепция относительной бедности, понятие «прожиточный минимум» как критерий уязвимости (Шабунова, Калачикова, Леонидова, Смолева, 2016; Осауленко, 2018; Овчарова, 2005). Экономический подход, использующий при определении уязвимых слоев населения критерий «уровень доходов и накопленного имущества», является преобладающим в практике государственного управления.

В зарубежных источниках феномен уязвимости связывается с понятием рисков, вероятностью потери благосостояния (теории бедности; научные направления, связанные с определением источников средств к существованию и т. д.). В концепции активов (asset-based approaches) уязвимость соотносится с состоянием бедности, возникающим вследствие недостаточного доступа к материальным и нематериальным активам. Европейская комиссия определяет уязвимые группы населения как группы, которые в большей степени подвержены рискам бедности и социальной изоляции, чем обычное население. Исследователями выделяется финансовая уязвимость (financial vulnerability), критерием которой является финансовая нестабильность и подверженность рискам и потерям (Poh, Sabri, 2017; He, Derfler-Rozin, Pitesa, 2020).

Социологические теории, представленные концепцией социального исключения, рассматривают основным критерием и источником уязвимости признаки социальной дезадаптации и распад социальных связей. Сущность социального исключения состоит в невозможности людей участвовать в важных для них аспектах социальной жизни, на которые у них есть все права. Если в экономическом подходе уделяется внимание неравенству или недостаточности доходов, то концепция социальной эксклюзии указывает на ограничение доступа к правам, характеризует ситуации и состояние исключения, которое связано с социальным статусом и самовосприятием человека и выражено чувствами неполноценности, озлобленности, страха, отчаяния, подавленности, стыда. Таким образом, уязвимость рассматривается через социальную отгороженность. Границы обесцененных социально уязвимых слоев населения формируются более благополучным слоем, который объясняет такой социальный статус индивидуальными особенностями личности (недостаточной целеустремленностью, безволием, ленью, низкой мотивацией к труду и обучению, вредными привычками) и формирует стереотип (Шабунова, Калачикова, Леонидова, Смолева, 2016).

Таким образом, понятие «уязвимые группы населения» характеризуется:

- факторами, предопределяющими уязвимость этих групп населения;
- необходимостью защиты их интересов;
- высоким риском подвергнуться мерам дискриминационного характера, стать жертвами экономических изменений и кризисов;
- социальной незащищенностью;

Переpravina Ю.О. (2025)
Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки
Психология и право, 15(2), 107—123.

Perepravina Yu.O. (2025)
Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment
Psychology and Law, 15(2), 107—123.

- выделением по критерию уровня дохода и накопленного имущества;
- риском и вероятностью потери финансов и имущества, значимых для условий проживания и обеспечения прожиточного минимума;
- снижением социальной активности, распадом социальных связей, признаками социальной дезадаптации;
- подверженностью бедности и социальной изоляции.

Психологический подход к исследованию понятий «уязвимые группы населения» и «уязвимость»

В психологических исследованиях выделение уязвимых групп происходит по критерию уязвимости, которая имеет социальный, психологический, когнитивный, информационно-психологический, клиничко-психологический характер. Необходимость рассмотрения фактора уязвимости обуславливается диагностическими и коррекционными, а также превентивными целями. Задачей психолога в таком случае выступает изучение предрасположенности человека к какому-либо психологическому, клиничко- и социально-психологическому феномену, риска негативного влияния факторов, приводящих к нарушению или изменению структуры психической деятельности, образа мира и отражательной деятельности.

Исследования уязвимости к межличностному отвержению из-за внешности в бодипозитивных и проанорексичных онлайн-сообществах (Польская, Якубовская, Разваляева, 2023); суицидальности как сложного клинического феномена, отражающего уязвимость к суицидальному поведению и рассматривающегося с позиций биопсихосоциальной парадигмы и во взаимосвязи с целым рядом специфических для каждой конкретной страны факторов (Syunyakov, Pavlichenko, Morozov, Fedotov, Filatova, Gayduk, Ignatenko, Spikina, Yashikhina, Patsali, Fountoulakis, Smirnova, 2022); генетической обусловленности уязвимости к стрессу как к ключевому эндофенотипу суицидального поведения (Rozanov, Mazo, 2024) и другие похожие исследования рассматривают фактор уязвимости как определяющий причины и риск возникновения психического заболевания.

В исследовании когнитивно-поведенческой терапии депрессии используется термин «когнитивная уязвимость» (Лоулор, Гудсон, Хеффель, 2022). Рассматривая сильный жизненный стресс как предиктор депрессии, авторы ставят важный вопрос о том, почему при одном и том же стрессовом жизненном событии у одного человека разовьется депрессия, а у другого нет. Ведь у большинства людей, которые переживают сильный стресс, депрессия не возникает. Авторы исследования указывают на когнитивную уязвимость как основной фактор, проясняющий этот вопрос. Когнитивная уязвимость рассматривается как склонность человека генерировать чрезмерно негативные выводы о причинах и последствиях для самооценки стрессовых жизненных ситуаций, что влияет на развитие депрессии.

Психологическая подверженность трудностям социальной адаптации, сниженная способность противостоять возникающим трудностям, реагирование на фрустрирующую ситуацию, склонность фиксироваться на дефекте характеризуют социально-психологическую уязвимость (Королева, 2018, 2021).

В исследованиях, посвященных нарушению слуха у подростков, а также, в целом, при изучении особенностей детей и взрослых с ОВЗ, инвалидов социально-психологическая уязвимость описывается через типы социального реагирования и взаимодействия, которые

обусловлены вторичными нарушениями при нарушении слуха и отставанием в развитии когнитивной, эмоциональной и социальной сфер личности подростка. Т.Г. Богданова и И.О. Ярошевич, подчеркивая сложности социализации подростков с нарушением слуха, вводят понятие «социальная уязвимость» (Королева, 2018, 2021). Отмечается значимость выявления у детей и подростков реакции на фрустрирующую ситуацию и способности справляться с возникающими на пути адаптации барьерами, находить конструктивное решение для успешной социализации и формирования жизнеспособной личности. Подростки с отклонениями в развитии — пример уязвимой группы населения по определенным факторам, у них механизмы защиты формируются специфично и с опозданием, способность справляться с жизненными трудностями в основном снижена, наблюдается социально-психологическая уязвимость (Королева, 2018, 2021).

Информационно-психологическая уязвимость определяется воздействием информации, влияющей как на образ мира человека в целом, так и на поведение и осознанную регуляцию — в частности. Современные отечественные исследователи рассматривают информационно-психологическую уязвимость как психологическое явление, содержательно отличающееся от других индивидуально психологических особенностей лиц, проявляющихся в профессиональной или иной деятельности (например, виктимность, стресс-уязвимость и др.) (Духновский, Злоказов, 2024).

Исследовательский интерес к информационно-психологической уязвимости у современного человека вызван политическими и экономическими изменениями, происходящими в обществе. Объектом информационного влияния является личность. В условиях информационного кризиса наблюдается распространение дезинформации и манипулятивных материалов, которые могут оказать негативное влияние на людей, а именно дестабилизировать их психическое состояние, влиять на принимаемые решения и создавать ложное чувство реальности (Пулко, Кивайко, 2024). Используются такие термины, как «кризисная информационная среда», «информационные манипуляции», «когнитивная война» (Духновский, Злоказов, 2024). Значимой является семантическая составляющая самой информации как фактора уязвимости. Т.А. Пулко, В.Н. Кивайко в своей работе отмечают рост исследований, поднимающих вопрос о психофизиологических механизмах восприятия различных форм дезинформации и манипуляции.

В группы, подверженные информационно-психологической уязвимости, могут входить лица, страдающие психическими заболеваниями, у которых может повышаться уровень тревожности от избытка негативной информации, сотрудники органов внутренних дел с низким уровнем устойчивости и утомляемости, на которых информационное манипулирование может оказывать негативное влияние в плане профессиональной деятельности, влиять на ценностные ориентации и мотивационную устойчивость (Духновский, Злоказов, 2024). Целью негативного информационного влияния в последнем случае будет выступать деморализация личного состава органов внутренних дел, обесценивание их деятельности в общественном сознании.

Определяя содержание и границы понятия психологической уязвимости, обратимся к противоположному полюсу социальной грани этого феномена в виде индивидуальной устойчивости к какому-либо воздействию, способности противостоять, преодолевать субъективно сложные жизненные ситуации. Индивидуальная устойчивость к кризисной информационной среде включает в себя не только критическое, отстраненное восприятие

Переpravina Ю.О. (2025)
Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки
Психология и право, 15(2), 107—123.

Perepravina Yu.O. (2025)
Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment
Psychology and Law, 15(2), 107—123.

информации, но и дальнейший анализ полученного материала на достоверность (Пулко, Кивайко, 2024). В этом ключе рассмотрение жизнеспособности как детерминанты адаптации человека к неблагоприятным социально-психологическим, экономическим и эпидемиологическим факторам (Наличаева, Борисенко, Ткаченко, Лукина, Терентьев, 2021) также является актуальным. А.В. Махнач в своем исследовании жизнеспособности в социально-психологической парадигме (Махнач, 2016) приводит определение уязвимости как искажения, деформации развития под воздействием неблагоприятных факторов. Также обнаруживается важная для рассмотрения уязвимости с точки зрения клинической психологии и психиатрии отсылка к трактовке жизнеспособности как психической устойчивости в документах Всемирной федерации психического здоровья (Махнач, 2016).

К предпосылкам подверженности информационному воздействию относят индивидуально-психологические характеристики субъекта (интровертированность, импульсивность, подозрительность, эмоциональная нестабильность), когнитивные особенности (интуитивный стиль мышления, неосведомленность), характеристики ценностно-мотивационной сферы, предрасполагающие к принятию подобной информации (ценности, убеждения, установки) (Духновский, Злоказов, 2024). Также уязвимость в информационной среде объясняется необоснованным доверием и небрежной неосторожностью в «концепции способствующей жертвы», (Поздняков, 2024).

В ряде психологических исследований уязвимости предлагаются профилактические и коррекционные программы. О.А. Воронина предлагает ряд программ социально-психологической помощи лицам из уязвимых групп молодежи (Воронина, 2010). Рассматриваются принципы работы с лицами, оказавшимися в тяжелой жизненной ситуации, ВИЧ-положительными молодыми людьми, с лицами, имеющими склонность к суицидальному поведению, в состоянии игровой аддикции, с участниками военных действий, с лицами с ограниченными возможностями, а также программы сопровождения безработных молодых людей. В исследовании предлагается определение уязвимости, схожее с правовым и экономическим подходами. Отмечается, что в современной литературе не обнаружено единого подхода к выделению групп населения, которые следует отнести к категории уязвимых; предлагается четыре точки зрения по возрастному критерию, соотношению между реальными и потенциальными ресурсами, наличию отклонений, приводящих к социальной изоляции, социальному критерию (социальная уязвимость аналогична социальным рискам).

Понятия «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки

Дееспособность гражданина как способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их рассматривается в рамках судебно-психологической экспертной оценки как актуальная и прогностическая способность к принятию самостоятельных решений. Для юридически значимого критерия «понимать значение своих действий и руководить ими» (ст. 21 ГК РФ) представляется важным не только актуальная осознанная регуляция, но и прогностическая предрасположенность к нарушению звеньев саморегуляции, приводящему к трудностям социальной адаптации, риску потери недвижимости, возникновению финансовых задолженностей, не соотносимых с ежемесячными финансовыми способностями человека, риску ухудшения психического и соматического здоровья и благополучия в силу снижения

Переpravина Ю.О. (2025)
Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки
Психология и право, 15(2), 107—123.

Perepravina Yu.O. (2025)
Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment
Psychology and Law, 15(2), 107—123.

критических способностей, изменению качества жизни, обусловленному особенностями психической деятельности и индивидуально-психологическими особенностями.

Ограничение дееспособности гражданина вследствие психического расстройства (п. 2 ст. 30 ГК РФ) содержит правовой механизм, а именно невозможность совершения крупных имущественных сделок без письменного согласия попечителя, обеспечивающий особую защиту в силу уязвимости к финансовым и имущественным потерям (Сафуанов, Харитонов, Зейгер, Христофорова, Переpravина, 2016).

Дееспособный гражданин может совершить сделку, находясь в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ), вследствие психического заболевания и выраженности патопсихологического симптомокомплекса, или особенностей структуры и динамики психической деятельности, индивидуально-психологических особенностей в совокупности с ситуационным фактором (Харитонов, Сафуанов, Малкин, 2006). Сделка может быть признана судом недействительной, так как права или охраняемые законом интересы гражданина нарушены в результате ее совершения. Ретроспективная оценка сделкоспособности рассматривает способность к принятию решений на юридически значимый период совершения сделки (Сафуанов, 2014). Для судебно-психологической экспертной оценки существенны не только индивидуально-психологические особенности и нарушения высших психических функций, но и то, что стало значимым фактором, определяющим границу между сделкоспособностью и несделкоспособностью, какое звено психической деятельности являлось уязвимым на юридически значимый период. Освидетельствование с участием врача-психиатра и медицинского психолога перед сделкой дает возможность рассмотреть клинические и психологические составляющие уязвимости в том случае, если психическое заболевание или наличие его признаков в совокупности с индивидуально-психологическими особенностями влияют на прогностическую сделкоспособность, препятствуют совершению сделки. Прогностическая оценка сделкоспособности в рамках экспертной деятельности также важна в вопросе ограниченной дееспособности.

В зарубежных исследованиях обнаруживается устоявшаяся практика использования терминов «vulnerability to fraud», «undue influence», «vulnerability to undue influence» в экспертной деятельности, которые описывают уязвимость к мошенничеству, ненадлежащее или чрезмерное влияние, уязвимость к такому влиянию. Понятие «undue influence» раскрывает взаимодействие между двумя людьми, в котором более слабый человек эксплуатируется в финансовом отношении. Схожим по содержанию является термин «financial abuse», отражающий финансовое злоупотребление в отношении другого человека; чаще всего подразумевается наиболее уязвимая группа лиц — пожилые люди. В исследованиях указывается, что чаще всего жертвами неправомерного влияния в финансовых вопросах оказываются лица с органическими психическими заболеваниями, а не с более тяжелыми расстройствами, такими как шизофрения, биполярное расстройство и т.д. (Bedard, Mart, 2007). В США восприимчивость или уязвимость лиц к ненадлежащему влиянию в финансовых вопросах может являться основанием для установления опеки (Plotkin, 2016). В исследованиях отмечается необходимость учета ненадлежащего влияния при оценке завещательной способности лиц; задачей экспертов в таком случае выступает оценка уязвимости лица при совершении сделки, как одного из факторов, учитываются когнитивные нарушения (Bedard, Mart, 2007). Если человек был способен по показателям интеллектуально-

Переpravina Ю.О. (2025)
Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки
Психология и право, 15(2), 107—123.

Perepravina Yu.O. (2025)
Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment
Psychology and Law, 15(2), 107—123.

мнестической сферы составить завещание, подписать договор, то решающим считается факт ненадлежащего влияния на волеизъявление лица. Уязвимость к ненадлежащему влиянию в процессе совершения сделки в зарубежном законодательстве формулируется как «определение подмены воли». Экспертная оценка уязвимости при совершении сделки включает исследование взаимоотношений лица со значимыми близкими и кругом общения, опыт составления юридически значимых документов.

Рассмотрение уязвимости к чрезмерному влиянию со стороны близких и круга общения при оценке сделкоспособности и дееспособности обусловлено тем, что при совершении юридически значимых действий принимающий решение субъект не является единственным участником процесса. В таком случае важным представляется фактор влияния второго субъекта сделки, косвенного или прямого участника, на принятие решения лицом, совершившим сделку, а также мотивация лица, совершающего сделку. Обнаружено, что для лиц, страдающих психическими заболеваниями, которые по результатам судебно-экспертной оценки не были способны понимать значение своих действий и руководить ими на момент принятия решения, характерны два вида нарушений мотивации (Переpravina, 2023): 1) нарушение мотивации в виде несамостоятельно выработанного намерения, уязвимости к обману, психопатологического мотива; 2) нарушение мотивации в виде трудностей формирования намерения, мотивационно-волевого снижения, когда не отмечается мотивационной направленности к какому-либо выбору.

В отечественных исследованиях, вслед за зарубежными, начинает разрабатываться вопрос уязвимости к обману у лиц пожилого возраста (Мелехин, 2016). Исследования, базирующиеся на методологии модели психического, показывают, что в пожилом и старческом возрастах наблюдается дефицит способности оценивать намерения множества людей одновременно, отмечаются изменения в понимании обмана.

Современными исследователями активно ведется разработка новых методик, направленных на повышение качества и доказательности судебно-психиатрических решений (Русаковская, 2024). При изучении функциональной способности лиц с психическими расстройствами понимать значение своих действий в рамках оценки дееспособности предлагается применять ситуационные задачи. Методика направлена на исследование способности рассуждать о вопросах, касающихся совершения крупных имущественных сделок и гражданско-правовой ответственности, межличностных и социальных отношений, здоровья, чрезвычайных ситуаций.

Внедрение термина «уязвимые группы населения» позволит значительно расширить содержательное поле экспертных понятий. Для разработки интегративных моделей судебно-психологической экспертной оценки и психолого-психиатрических интегративных экспертных выводов в рамках экспертиз в гражданском процессе по вопросам сделкоспособности и дееспособности, проводимых в интересах наиболее уязвимых групп населения, требуется модернизация теоретических подходов и уточнение критериев экспертной оценки, не только по нозологическим группам и предмету экспертизы, но и по фактору уязвимости. Перспективным представляется выделение фактора уязвимости при прогностической оценке сделкоспособности при проведении освидетельствований с участием психолога перед совершением сделки.

Для реализации в практике рекомендуется: применение термина «чрезмерное влияние» при формулировке экспертного вывода и описании «такого состояния» (ст. 177 ГК РФ);

определение, в соответствии с психологическими критериями, степени сделкоспособности у уязвимых групп населения при проведении освидетельствований перед совершением сделки; составление профилактических программ с целью предотвращения значимых финансовых и имущественных потерь; составление реабилитационных программ для лиц, проживающих в социальных учреждениях и уже потерявших единственное жилье.

По вопросу работы с уязвимыми группами населения по различным маркерам уже предприняты и используются социальные проекты как превентивные меры по снижению риска значимых финансовых и имущественных потерь.

- Постинтернатный патронаж (воспитатель в функции наставника) для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей по достижении ими 18 лет, в том числе для детей, выпустившихся из Семейных центров помощи семье и детям (детских домов).
- Социальный патронаж неблагополучных семей, участковая социальная служба при Семейных центрах.
- Тренировочные квартиры для проживающих в стационарных организациях социального обслуживания для лиц с психическими расстройствами.
- Юридическая помощь в социально-реабилитационных центрах для бездомных людей.

Заключение

Понятие «уязвимость» междисциплинарно и рассматривается современными исследователями в правовых и экономических, социологических, психологических подходах. Факторы, предопределяющие уязвимость, характеризуют уязвимые группы населения в совокупности с защитой интересов граждан; высоким риском подвергнуться мерам дискриминационного характера, стать жертвами экономических изменений и кризисов; социальной незащищенностью и отгороженностью; дифференцированием по уровню дохода и накопленного имущества; риском финансовых и имущественных потерь; значимых для условий проживания и прожиточного минимума; снижением социальной активности, распадом социальных связей, признаками социальной дезадаптации. Очерчивание границ понятия с использованием междисциплинарного анализа позволяет психологически описать понятие уязвимости применительно к судебно-экспертной оценке и выделить в нем социальные, клинические, финансовые, когнитивные и личностные, ситуационно-поведенческие стороны.

В психологических исследованиях отмечается тенденция к изучению уязвимости в соответствии с ее социально-психологическим, когнитивным, информационно-психологическим, клиничко-психологическим характером. Отношение лиц к категории социально уязвимых предполагает создание механизмов (правовых и законодательных документов), обеспечивающих их особую защиту. Существенным является защита интересов граждан, развитие у них таких важных качеств, как жизнестойкость, способность к социальной адаптации, обеспечение их благополучия, психического развития, сохранение психического здоровья, правильных ценностных ориентаций.

В рамках судебно-психологической экспертной оценки сделкоспособности и дееспособности гражданина значимым выступает психологическая уязвимость:

- к принятию решений, последствия которых будут не в интересах самого лица, делающего выбор, а также влекут за собой финансовые и имущественные потери;

Переpravina Ю.О. (2025)
Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки
Психология и право, 15(2), 107—123.

Perepravina Yu.O. (2025)
Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment
Psychology and Law, 15(2), 107—123.

- негативному влиянию и обману со стороны другого субъекта при совершении сделки;
- трудностям социальной адаптации, последствиями которых могут выступать ухудшения психического и соматического здоровья и благополучия, снижение качества жизни.

Список источников / References

1. Айсмонтас, Б.Б., Александрова, Л.А., Барцалкина, В.В., Гурова, Е.В. (Ред.). (2023). *Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение): Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 9 декабря 2022 г.* М.: МГППУ, Издательский Дом «Бахрах-М».
Aismontas, B.B., Aleksandrova, L.A., Bartsalkina, V.V., Gurova, E.V. (Eds.). (2023). *Psychological assistance to socially vulnerable individuals using distance technologies (Internet counseling and distance learning): Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow, December 9, 2022.* Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ., Publishing House “Bakhrakh-M”. (In Russ.)
2. Алисиевич, Е.С. (2015). Международная защита девочек как уязвимой группы населения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 1, 37—47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23567094> (дата обращения: 12.02.2025).
Alisievich, E.S. (2015). Protection of girls as a vulnerable group under international law. *RUDN Journal of Law*, 1, 37—47. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23567094> (viewed: 12.02.2025).
3. Воронина О.А. (2010). *Социально-психологическая работа с уязвимыми группами молодежи: учебное пособие*. Киров: Изд-во ВятГГУ. URL: <https://elibrary.ru/qolrtr> (дата обращения: 12.02.2025).
Voronina O.A. (2010). *Social and psychological work with vulnerable groups of youth: a training manual*. Kirov: Publishing house of Vyatka State University. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/qolrtr> (viewed: 12.02.2025).
4. Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 12.02.2025).
Declaration of the Rights of the Child. Adopted by resolution 1386 (XIV) of the UN General Assembly on November 20, 1959. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (In Russ.). (viewed: 12.02.2025).
5. Духновский, С.В., Злоказов, К.В. (2024). Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем устойчивости и утомленности. *Психология и право*, 14(4), 50—67. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140404>
Dukhnovsky, S.V., Zlokazov, K.V. (2024). Information and psychological vulnerability of employees of internal affairs bodies with different levels of stability and fatigue. *Psychology and Law*, 14(4), 50—67. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140404>
6. Заявление Правительства РФ, Банка России «Об экономической политике на 2001 год и некоторых аспектах стратегии на среднесрочную перспективу» (одобрено на заседании Совета директоров Банка России 06.04.2001, на заседании Правительства РФ

Переpravina Ю.О. (2025)
 Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки
Психология и право, 15(2), 107—123.

Perepravina Yu.O. (2025)
 Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment
Psychology and Law, 15(2), 107—123.

- 13.04.2001). (2001). М. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31312/ (дата обращения: 12.02.2025).
Statement of the Government of the Russian Federation and the Bank of Russia “On Economic Policy for 2001 and Some Aspects of the Medium-term Strategy” (approved at the meeting of the Board of Directors of the Bank of Russia on 04/06/2001, at the meeting of the Government of the Russian Federation on 04/13/2001). (2001). Moscow. (In Russ.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31312/ (viewed: 12.02.2025).
7. Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 12.02.2025).
Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Adopted by General Assembly resolution 61/106 of 13 December 2006. (In Russ.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (viewed: 12.02.2025).
  8. Королева, Ю.А., Матасов, Ю.Т. (2018). *Социально-психологическая компетентность подростков с нарушениями в развитии: монография*. Киров: МЦИТО.
 Koroleva, Yu.A., Matasov, Yu.T. (2018). *Social and psychological competence of adolescents with developmental disabilities: monograph*. Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education Publ. (In Russ.).
  9. Королева, Ю.А. (2021). Социально-психологическая уязвимость подростков с нарушением слуха. *Проблемы современного педагогического образования*, 70-4, 372—375. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46326714> (дата обращения: 12.02.2025).
 Koroleva, Yu.A. (2021). Social and psychological vulnerability of adolescents with hearing impairment. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 70-4, 372—375. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46326714> (viewed: 12.02.2025).
  10. Лоулор, К.Э., Гудсон, Д.Т., Хеффель, Дж.Дж. (2022). Когнитивно-поведенческая терапия депрессии: руководство. *Клиническая и специальная психология*, 11(2), 97—107. <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110206>
 Lawlor, C.E., Goodson, J.T., Haefel, G.J. (2022). Cognitive Behavioral Therapy for Depression: A Primer. *Clinical Psychology and Special Education*, 11(2), 97—107. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110206>
  11. Махнач, А.В. (2016) *Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
 Makhnach, A.V. (2016) *Viability of a person and family: a socio-psychological paradigm*. Moscow: Publishing house «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences». (In Russ.).
  12. Мелёхин, А.И. (2016). Модель психического: траектория изменений в пожилом и старческом возрасте. *Консультативная психология и психотерапия*, 24(1), 24—43. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240103>
 Melehin, A.I. (2016). The trajectory change of theory of mind in the elderly. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 24(1), 24—43. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240103>
  13. Микрина, В.Г., Бекашев, Д.К. (2019). Особенности защиты уязвимых групп населения в международном праве. *Advances in Law Studies*, 1, 46—50.

Переpravina Ю.О. (2025)
Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки
Психология и право, 15(2), 107—123.

Perepravina Yu.O. (2025)
Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment
Psychology and Law, 15(2), 107—123.

https://doi.org/10.29039/article_5d1290f30677a2.95247555

Mikrina, V.G., Bekyashev, D.K. (2019). Special aspects of the protection of vulnerable groups in international law. *Advances in Law Studies*, 1, 46—50. (In Russ.).
https://doi.org/10.29039/article_5d1290f30677a2.95247555

14. Наличаева, С.А., Борисенко, З.В., Ткаченко, А.А., Лукина, Е.М., Терентьев, Б.И. (2021). *Жизнеспособность и ментальность человека: учебно-методическое пособие*. Севастополь: РИБЕСТ.
Nalichaeva, S.A., Borisenko, Z.V., Tkachenko, A.A., Lukina, E.M., Terentyev, B.I. (2021). *Human Viability and Mentality: A Textbook*. Sevastopol: RIBEST Publ. (In Russ.).
15. Несмеянова, С.Э., Калинина, Е.Г. (2017). Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт. *Российское право: образование, практика, наука*, 4(100), 7—12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30692523> (дата обращения: 12.02.2025).
Nesmeyanova, S.E., Kalinina, E.G. (2017). “Vulnerable groups” concept: international and national approaches. *Russian Law: Education, Practice, Research*, 4(100), 7—12. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30692523> (viewed: 12.02.2025).
16. Овчарова, Л.Н. (Ред.). (2005). *Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность: коллективная монография*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002838649> (дата обращения: 12.02.2025).
Ovcharova, L.N. (Ed.). (2005). *Income and social services: inequality, vulnerability, poverty: collective monograph*. Moscow: HSE University Publ. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002838649> (viewed: 12.02.2025).
17. Осауленко, Л.Н. (2018). Уязвимость как особая категория потребительского риска. *Анализ риска здоровью*, 3, 24—29. <https://doi.org/10.21668/health.risk/2018.3.03>
Osaulenko, L.N. (2018). Vulnerability as a specific category of consumer risk. *Health Risk Analysis*, 3, 24—29. (In Russ.). <https://doi.org/10.21668/health.risk/2018.3.03>
18. Переpravina, Ю.О., Сафуанов, Ф.С. (2023). Особенности мотивации у лиц с психическими расстройствами, влияющие на способность совершать сделки. *Психиатрия, психотерапия и клиническая психология*, 14(3), 259—265. <https://doi.org/10.34883/PI.2023.14.3.010>
Perepravina, Y.O., Safuanov, F.S. (2023). Motivation in Persons with Mental Disorders Influencing the Deal-Making Capacity. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*, 14(3), 259—265. (In Russ.). <https://doi.org/10.34883/PI.2023.14.3.010>
19. Поздняков, В.М. (2024). О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 1(1), 44—58. <https://doi.org/10.17759/epps.20240100105>
Pozdnyakov, V.M. (2024). On the development of a modern model for ensuring information and psychological security. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 1(1), 44—58. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.20240100105>
20. Польская, Н.А., Якубовская, Д.К., Разваляева, А.Ю. (2023). Уязвимость к межличностному отвержению из-за внешности в бодипозитивных и проанорексичных онлайн-сообществах. *Социальная психология и общество*, 14(1), 150—171. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140109>
Polskaya, N.A., Yakubovskaya, D.K., Razvalyayeva, A.Yu. (2023). Vulnerability to Interpersonal

Переpravina Ю.О. (2025)
Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки
Психология и право, 15(2), 107—123.

Perepravina Yu.O. (2025)
Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment
Psychology and Law, 15(2), 107—123.

- Rejection Due to Appearance in Body-Positive and Pro-Anorexic Online Communities. *Social Psychology and Society*, 14(1), 150—171. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140109>
21. Пономарева, Е.В. (2023). Концепция уязвимости лица в международном праве в контексте доступа к правосудию. *Образование и право*, 1, 145—153. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-1-145-153>
Ponomareva, E.V. (2023). The concept of vulnerability in the international law in the context of the access to justice. *Education and Law*, 1, 145—153. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-1-145-153>
  22. Пулко, Т.А., Кивайко, В.Н. (2024). Информационные манипуляции и психологическая уязвимость в условиях кризисной информационной среды. *Endless Light in Science*, S1, 151—154. <https://doi.org/10.24412/2709-1201-2024-23-151-154>
Pulko, T.A., Kivaiko, V.N. (2024). Information manipulations and psychological vulnerability in the conditions of a crisis information environment. *Endless Light in Science*, S1, 151—154. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2709-1201-2024-23-151-154>
  23. Русаковская, О.А. (2024). «Проблемные ситуации»: апробация в качестве судебно-психиатрического метода исследования при изменении гражданско-правового статуса. *Психология и право*, 14(1), 152—167. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140110>
Rusakovskaya, O.A. (2024). “Problem Situations”: Testing as a Forensic Psychiatric Research Method when Changing Civil Legal Status. *Psychology and Law*, 14(1), 152—167. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140110>
  24. Сафуанов, Ф.С., Харитонов, Н.К., Зейгер, М.В., Христофорова, М.А., Переpravina, Ю.О. (2016). Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по делам об ограничении дееспособности вследствие психического расстройства: проблемы и перспективы. *Российский психиатрический журнал*, 2, 37—43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26002149> (дата обращения: 12.02.2025).
Safuanov, F.S., Kharitonova, N.K., Zeiger, M.V., Khristoforova, M.A., Perepravina, Yu.O. (2016). Complex forensic psychiatric examination of cases concerning restriction of legal capacity due to mental disorder: challenges and prospects. *Russian Journal of Psychiatry*, 2, 37—43. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26002149> (viewed: 12.02.2025).
  25. Сафуанов, Ф.С. (2014). Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт.
Safuanov, F.S. (2014). *Forensic psychological examination: a textbook for academic baccalaureate*. Moscow: Yurayt Publishing House. (In Russ.).
  26. Харитонов, Н.К., Сафуанов, Ф.С., Малкин, Д.А. (2006). Экспертная оценка сделокоспособности по гражданским делам в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы: пособие для врачей. М.
Kharitonova, N.K., Safuanov, F.S., Malkin, D.A. (2006). *Expert assessment of transactionability in civil cases within the framework of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination: a manual for doctors*. Moscow. (In Russ.).
  27. Шабун, А.А., Калачикова, О.Н., Леонидова, Г.В., Смолева, Е.О. (2016). Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 2(44), 29—44. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.2>
Shabunova, A.A., Kalachikova, O.N., Leonidova, G.V., Smoleva, E.O. (2016). Exclusion as a

Переpravина Ю.О. (2025)
Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки
Психология и право, 15(2), 107—123.

Perepravina Yu.O. (2025)
Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment
Psychology and Law, 15(2), 107—123.

- Criterion for Selecting Socially Vulnerable Population Groups. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2(44), 29—45. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.2>
28. Bedard, R.M., Mart, E.G. (2007). Practical assessment of testamentary capacity and undue influence in wills. *The American journal of Forensic Psychology*, 25(4), 7—19. https://www.researchgate.net/publication/289153626_Practical_assessment_of_testamentary_capacity_and_undue_influence_in_wills (viewed: 12.02.2025).
29. He, T., Derfler-Rozin, R., Pitesa, M. (2019). Financial Vulnerability and the Reproduction of Disadvantage in Economic Exchanges. *Journal of Applied Psychology*, 105(1), 80—96. <http://doi.org/10.1037/apl0000427>
30. Mart, E.G. (2016). Neuropsychological Assessment of Testamentary Capacity and Undue Influence. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 31(6), 554—561. <https://doi.org/10.1093/arclin/acw048>
31. Plotkin, D.A., Spar, J.E., Horwitz, H.L. (2016). Assessing Undue Influence. *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*, 44(3), 344—351. <https://jaapl.org/content/jaapl/44/3/344.full.pdf> (viewed: 12.02.2025).
32. Poh, L.M., Sabri, M.F. (2017). Review of financial vulnerability studies. *Archives of Business Research*, 5(2), 127—134. <https://doi.org/10.14738/abr.52.2784>
33. Rozanov, V.A., Mazo, G.E. (2024). Using the strategy of genome-wide association studies to identify genetic markers of suicidal behavior: a narrative review. *Consortium Psychiatricum*, 5(2), 63—77. <https://doi.org/10.17816/CP15495>
34. Syunyakov, T.S., Pavlichenko, A.V., Morozov, P.V., Fedotov, I.A., Filatova, V.E., Gayduk, A.J., Ignatenko, Yu.S., Spikina, A.A., Yashikhina, A.A., Patsali, M.E., Fountoulakis, K.N., Smirnova, D.A. (2022). Modeling suicidality risks and understanding the phenomenon of suicidality under the loupe of pandemic context: national findings of the COMET-G study in the Russian population. *Consortium Psychiatricum*, 3(2), 15—36. <https://doi.org/10.17816/CP167>

Информация об авторах

Юлия Олеговна Переpravина, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация; доцент кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), <https://orcid.org/0000-0001-5702-7499>, e-mail: psypyo@mail.ru

Information about the authors

Yuliya O. Perepravina, Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher of Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; ; Associate Professor of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5702-7499>, e-mail: psypyo@mail.ru

Переpravina Ю.О. (2025)
Анализ понятий «уязвимость» и «уязвимые группы населения» в рамках судебно-психологической экспертной оценки
Психология и право, 15(2), 107—123.

Perepravina Yu.O. (2025)
Analysis of the concepts of “vulnerability” and “vulnerable groups of the population” in the forensic psychological assessment
Psychology and Law, 15(2), 107—123.

Вклад авторов

Переpravina Ю.О. — идея исследования, концептуализация и теоретический анализ, сбор и анализ материала, оформление и редактирование рукописи.

Contribution of the Authors

Yuliya O. Perepravina — the idea of research, conceptualization and theoretical analysis, collection and analysis of the material, design and editing of the manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 05.03.2025
Поступила после рецензирования 26.03.2025
Принята к публикации 05.05.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025.03.05
Revised 2025.03.22
Accepted 2025.05.05
Published 2025.06.30

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Научная статья | Original paper

Современные подходы к анализу факторов криминальной внутрисемейной агрессии

М.В. Зейгер¹✉

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России, Москва, Российская Федерация

✉ zeiger.m@serbsky.ru

Резюме

В статье представлен анализ современных отечественных и зарубежных исследований психологических механизмов противоправного агрессивного поведения и, в частности, внутрисемейной агрессии. Освещены основные факторы, обуславливающие проявление агрессии в целом и криминальные агрессивные действия в отношении членов семьи. Показано, что совершение лицом преступных насильственных актов имеет в своей основе сочетание разноуровневых (биологических, психологических, социальных, экономических, религиозных и др.) факторов, при этом ключевым моментом, определяющим агрессивное поведение, в том числе домашнее насилие, является личностно-ситуационное взаимодействие.

Ключевые слова: теории агрессии, криминальная агрессия, внутрисемейная агрессия, факторы агрессивного поведения, саморегуляция

Для цитирования: Зейгер, М.В. (2025). Современные подходы к анализу факторов криминальной внутрисемейной агрессии. *Психология и право*, 15(2), 124–139. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150209>

Modern approaches to the analysis of factors of criminal intra-family aggression

M.V. Zeiger¹✉

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ zeiger.m@serbsky.ru

Abstract

The article presents an analysis of modern domestic and foreign studies of the psychological mechanisms of illegal aggressive behavior and, in particular, intra-family aggression. The main factors contributing to the manifestation of aggression in general and criminal aggressive actions against family members are highlighted. It is shown that the commission of criminal violent acts by a person is based on a combination of multilevel (biological, psychological, social, economic, religious, etc.) factors, while the key determinant of aggressive behavior, including domestic violence, is the relationship between subjective and objective, individual personality characteristics and parameters of the current situation, that is, personal-situational interaction.

Keywords: theories of aggression, criminal aggression, intra-family aggression, factors of aggressive behavior, self-regulation

For citation: Zeiger, M.V. (2025). Modern approaches to the analysis of factors of criminal intra-family aggression. *Psychology and Law*, 15(2), 124—139. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150209>

Введение

Агрессивные действия, направленные на лишение жизни или причинение вреда другим людям, — одна из наиболее серьезных проблем современного общества. В последние годы в России частота преступлений против личности неуклонно возрастает. Так, преступления, совершенные в России в 2019 г., стали причиной гибели порядка 24 тыс. человек¹; в 2020 г. более 22,5 тыс. человек² погибли от преступных посягательств, здоровью 35,6 тыс. человек причинен тяжкий вред³; в 2021 г., согласно данным Росстата, от убийств и «повреждений с неопределенными намерениями» погибли 45608 человек⁴.

В структуре агрессивных насильственных преступлений против личности, по данным ряда авторов, значительная доля приходится на случаи семейного насилия, при этом количество актов внутрисемейной агрессии имеет восходящую динамику (Дмитриева, Федченко, 2009; Акуленко, 2019; Золотухин, 2019). Внутрисемейное насилие, затрагивая все слои общества, возрастные и гендерные группы, оказывает наиболее разрушительное воздействие на социум, отличается особой тяжестью последствий и высокой степенью общественной опасности.

Системное рассмотрение проблем агрессивного поведения с целью определения причинного комплекса факторов, обуславливающих совершение внутрисемейных насильственных преступлений, является важным для междисциплинарного изучения домашнего насилия и, в частности, для практики судебной экспертизы, поскольку в последние годы заметно увеличилось и продолжает расти число лиц, проходящих судебно-

¹ *Состояние преступности в России за январь—декабрь 2019 года*. [б. г.]. Т—Ж. URL: https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/-/sostoyanie_prestupnosti_yanvary-dekabyr_2019.pdf (дата обращения 20.12.2024).

² *Состояние преступности в России за январь—декабрь 2020 года*. [б. г.]. ЛЦМ. URL: <https://lcm-pult.ru/assets/download/files/2020statistics.pdf> (дата обращения 03.11.2024).

³ *В России от преступлений погибло более 22 тыс. человек в 2020 году*. (21.01.2021). ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10513155> (дата обращения 20.12.2024).

⁴ *Демография*. [б. г.]. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 20.12.2024).

психиатрическую экспертизу в связи с обвинением в агрессивных насильственных действиях против близких родственников.

Научные исследования, посвященные преступлениям против жизни и здоровья членов семьи, в большей части обращены на изучение социально-демографических и криминологических данных, как самих преступников, так и жертв внутрисемейной агрессии (Антонян и др., 1999). Клинико-психологические факторы в рассматриваемом контексте анализируются в основном в отношении жертв преступлений в семье и в исследованиях клинических особенностей лиц с пограничной психической патологией, обвиняемых в агрессивных деяниях в семье (Сафуанов, 2022).

Теоретическая разработка общих проблем криминальной агрессии имеет давнюю и обширную историю. Существует большое количество теорий агрессии, призванных объяснить многообразие ее механизмов и проявлений: теория социального научения, теория агрессии как ответа на фрустрацию, когнитивные теории агрессивного поведения, агрессия как инстинктивное поведение. Ряд научных работ посвящен сравнительному исследованию ауто- и гетероагрессии, клинических и личностных предикторов данных форм агрессивного поведения у лиц с психическими расстройствами (Калашникова, Сафуанов, 2010). Работы, посвященные семейному насилию, представлены преимущественно исследователями в области юриспруденции и направлены на анализ агрессивных действий, которые могут квалифицироваться и как противоправные, и как не имеющие характера криминального деликта. Среди современных исследований, обращенных непосредственно к психологическим механизмам внутрисемейной агрессии, следует выделить работы Ф.С. Сафуанова (Сафуанов, 2003, 2022).

Судебно-психиатрические исследования криминальной агрессии, включая внутрисемейное насилие, охватывают широкий спектр проблем: биологические, психофизиологические и нейрональные детерминанты агрессивного поведения (Водолажская, Водолажский, 2020; Кириенская и др., 2023; Макушкина, Гурина, Голенкова, 2022; Мухин, 2022; Шипкова, Булыгина, 2024), механизмы саморегуляции субъекта (Горинов и др., 2021; Никитский, Ткаченко, 2022, 2023а,б; Сафуанов, Калашникова, Царьков, 2017; Ткаченко, Демидова, 2020; Шеховцова, Булыгина, 2020), особенности социальной детерминации насилия в семье (Абулова, 2020; Антонян и др., 1999, 2022; Сафуанов, 2005, 2022; Сафуанов и др., 2020), личностные характеристики семейно-бытовых преступников (Журкина, Филиппова, 2022; Кочетова, Климакова, 2019), роль психической патологии и гендерных аспектов внутрисемейной агрессии (Гатин, Миннетдинова, 2007; Петрюк, 2023; Сафуанов, 2005; Сафуанов и др., 2019, 2020; Телешева, 2020, 2023; Трифонова, Саковская, 2022; Хмара, Скугаревский, 2020; Шпорт и др., 2024).

Исследования криминальной внутрисемейной агрессии

Основные группы теорий агрессии объясняли данный феномен с точки зрения ее отдельных компонентов. Так, Х. Хекхаузен (Хекхаузен, 1986) выделяет три направления в изучении мотивации агрессивного поведения: теория влечений, фрустрационная теория, теория социального научения. В теории влечений агрессия рассматривается как устойчивая характеристика индивида — «агрессивное влечение» (З. Фрейд), «энергия агрессивного влечения» (К. Лоренц), «инстинкт агрессивности» (В. Макдауголл). Согласно фрустрационной теории, агрессия есть следствие фрустрации (Дж. Доллард): агрессия всегда является следствием фрустрации, а фрустрация всегда ведет к агрессии. Теория социального научения

в значительной степени является уточнением и развитием предыдущей теории. А. Бандура утверждал, что эмоция гнева не является ни необходимым, ни достаточным условием агрессии, а главная роль в ее проявлении принадлежит подражанию, т. е. научению путем наблюдения за образцом. Вместе с тем каждая из перечисленных теорий в отдельности не дает полного представления о данном явлении.

Согласно Ю.М. Антоняну, совершение насильственных преступлений стимулируется потребностью защиты своего Я и своего тела от внешней угрозы, которой в действительности может и не быть, но она ощущается как реальность. Ю.М. Антонян приводит и разбирает на конкретных примерах общеизвестную классификацию видов агрессии, начало которой положено еще Бассом, указывая, что агрессия, равно как и некоторые другие виды поведения, формируется в процессе накопления индивидуального опыта, а выраженность агрессивного поведения зависит от факторов внешней среды, от воспитания и от индивидуальных возможностей субъекта. Он выделяет основные мотивы агрессивного поведения людей, а также утверждает, что насилие в семье есть продукт взаимодействия индивидов, состоящих в специфических отношениях, и что именно специфические аспекты отношений могут способствовать насилию и приводить к нему в семье (Антонян и др., 1999).

С.Н. Ениколопов с соавторами указывают, что исследования факторов агрессии в мировой психологии преимущественно ведутся в области выделения ситуативных и личностных предикторов, и предлагают рассматривать в качестве регулятора восприятия и мышления образ мира как «интегральное образование познавательной сферы» (по А.Н. Леонтьеву). Они выделяют специфические элементы и убеждения, которые обеспечивают предпочтение агрессии в определенных ситуациях: представление о враждебности мира, уверенность в возможности свести любую задачу взаимодействия с миром к простой и уже известной, представление о существовании единственного правильного понимания. Авторами описаны когнитивные механизмы, детерминирующие склонность к агрессивному поведению, среди которых наибольшее значение придается каузальной атрибуции эмоций агрессивного круга (гнев, презрение, вина, стыд), работе стереотипов, предубеждений и ролевых ожиданий, способствующих неверной идентификации чужого эмоционального состояния и влиянию ценностей и убеждений индивида на восприятие невербальных проявлений партнера по общению с приписыванием ему определенных эмоций и мотивационных состояний (Ениколопов и др., 2011).

Ф.С. Сафуанов приводит типологию агрессивных преступлений, рассматривает психологические механизмы агрессии, освещает роль психических аномалий в генезе агрессивного поведения (Сафуанов, 2003). В соответствии с современными мотивационными теориями агрессии, рассматривающими в качестве основополагающих личностных факторов агрессивного поведения, наряду с личностной агрессивностью, тенденции подавления агрессивных побуждений (Konradt et al., 1974; Megargee, 1966; Olweus, 1972), Ф.С. Сафуанов выделяет три базовых измерения: уровень агрессивности личности, уровень выраженности тормозящих агрессию личностных структур, уровень выраженности психотравмирующего воздействия ситуации. Первые два измерения отражают взаимодействие личностных структур, играющих основную роль в формировании мотивации агрессивных действий, а третье измерение представляет механизм агрессии как результат взаимодействия личностных и ситуационных переменных. Противоправные агрессивные действия обвиняемых в соответствии с разработанной Ф.С. Сафуановым типологией криминальной агрессии могут реализовываться по следующим механизмам:

- непосредственная реализация агрессивности;
- агрессия, совершенная под влиянием алкогольного опьянения;
- криминальная агрессия, совершенная под влиянием групповых воздействий;
- агрессия как результат неверной оценки ситуации;
- инструментальная агрессия:
- отсроченная агрессия;
- ситуативная агрессия;
- агрессия, совершаемая под влиянием эмоционального возбуждения;
- агрессия как разрядка накопленного эмоционального напряжения;
- агрессия, совершаемая в состоянии декомпенсации у лиц с расстройствами личности.

Разработка научно-теоретических проблем агрессивного поведения, включая внутрисемейную агрессию, непосредственно связана с практической необходимостью уточнения критериев судебно-экспертной оценки способности обвиняемых в агрессивных насильственных преступлениях к осознанию и руководству своими действиями в юридически значимой ситуации. В соответствии с принятым в настоящий период в практике судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы подходом к пониманию агрессии, под криминальной агрессией, вслед за Ф.С. Сафуановым, мы подразумеваем форму поведения, объективно направленную на причинение вреда жизни и здоровью, реализующую какое-либо намерение или побуждение по отношению к потерпевшему и связанную с этим намерением или побуждением определенным смысловым отношением (Сафуанов, 2003).

Поскольку базовым в данном определении является выражение «форма поведения», обратимся к постулату о том, что поведение является результатом взаимодействия личностных и ситуационных факторов. К личностным факторам относятся индивидуально-психологические особенности (как изначально присущие индивиду, так и сформированные под влиянием психического расстройства), среди которых на первый план при детерминации взаимодействия с ситуацией выступают типологические, эмоционально-волевые, характерологические и ценностно-смысловые, определяющие направленность и особенности мотивации деятельности и ее реализации.

И.А. Кудрявцев и Н.А. Ратинова в ходе исследования нарушений структурно-уровневой регуляции деятельности при совершении криминального деяния выделили семь качественно своеобразных типологических групп:

- смысловая агрессия;
- функционально-утилитарная агрессия;
- привычно-неконтролируемая агрессия;
- ситуативно-оборонительная агрессия;
- агрессия, обусловленная аффективной целью;
- катастрофическая агрессия;
- агрессия, обусловленная неадекватной актуализацией профессиональных стереотипов.

Основываясь на деятельностном подходе, позволяющем выявить внутреннюю структуру актов криминальной агрессии и уровень саморегуляции, авторы показали, что актуальная возможность субъекта произвольно руководить своими действиями при совершении

агрессивно-насильственного правонарушения определяется личностными особенностями индивида; спецификой протекания его эмоциональных процессов; наличием потенциальной способности к саморегуляции и осознанным намерением использовать самоконтроль; актуальным на момент деяния, а также предшествовавшим психосоматическим и эмоциональным состоянием; экстремальностью и аффектогенностью криминальной ситуации; спецификой конфликтного взаимодействия с потерпевшим; динамическими характеристиками ситуации (скоростью протекания, неопределенностью, внезапностью возникновения), предъявляющими повышенные требования к ресурсам адекватного реагирования индивида в условиях нервно-психических нагрузок (Кудрявцев, Ратинова, 2000).

Наряду с индивидуально-психологическими особенностями лиц, совершивших агрессивные действия по отношению к своим близким, существенным для рассматриваемой проблемы является исследование ситуационного фактора, опосредованного субъективной оценкой ситуации, непосредственно предшествующей реализации индивидом агрессивного поведения.

Под оценкой ситуации понимается восприятие информации как процесс, включающий в себя, наряду с перцептивным, такие качества, как осознание — придание феномену универсального общепринятого значения и осмысление — придание феномену субъективного смысла, окрашенного личностным, эмоциональным отношением, критичность — как перманентное соотнесение получаемых впечатлений от происходящего с объективными изменяющимися параметрами ситуации/среды и прогноз — как предвосхищение результатов своих действий в плане их влияния на самого субъекта и на условия ситуации. В соответствии с вышесказанным, в контексте восприятия и оценки ситуации выделяются перцептивный, когнитивный, эмоциональный и регуляторный компоненты (Хабилова, 2010).

На определяющую роль ситуационного фактора в генезе агрессивного криминального поведения указывают в своих работах И.С. Никитский, А.А. Ткаченко (2022), Ф.С. Сафуанов (2022) и многие другие авторы. Криминогенная и криминальная ситуации рассматриваются исследователями в различных аспектах: как нейтральная либо психотравмирующая, конфликтная, фрустрирующая. Активно разрабатывается проблематика личностно-ситуационного взаимодействия и моделирования «психологической ситуации» в юридически значимых обстоятельствах. Как отмечают И.С. Никитский и А.А. Ткаченко, «...для объективизации категории ситуации и ее влияния на произвольность юридически значимого поведения наиболее целесообразным является исследование личностно-ситуационного взаимодействия с установлением механизмов субъективной переработки внешних обстоятельств» (Никитский, Ткаченко, 2022, с. 13). Результат субъективной переработки личностью внешних обстоятельств представляется фактором, детерминирующим способность субъекта понимать фактический характер и общественную опасность своих действий, т. е. сутью интеллектуального компонента понятия вменяемость (Никитский, Ткаченко, 2022, 2023а).

С юридической точки зрения внутрисемейное насильственное преступление представляет собой общественно опасный противоправный деликт, совершаемый одним членом семьи против другого ее члена (либо нескольких членов семьи), посягающий на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, свободу, честь и достоинство домочадцев, создающий реальную опасность причинения существенного вреда, либо причинивший его.

Согласно основному положению криминофамилистики (семейной криминологии), феномен внутрисемейной преступности включает в себя семейные причины преступного поведения и внутрисемейные преступления. В среде западных криминологов происхождение внутрисемейной преступности рассматривается в свете теорий интеракционизма (передающаяся от родителей к детям склонность мужчин к насилию над женщиной), феминистических воззрений (господство мужчин в обществе и семье), психопатологических концепций (неспособность субъектов адаптивно функционировать в обществе вследствие психического расстройства, алкоголизма).

Д.А. Шестаков предложил модель криминогенного механизма внутрисемейного насилия, включающую три уровня проявлений (общесоциальный, микросоциальный — непосредственное окружение и уровень индивидуального поведения), каждый из которых предполагает наличие специфических факторов, способствующих реализации агрессивного поведения. На макросоциальном (общесоциальном) уровне — это противоречия института семьи, на микросоциальном — семейная десоциализация и семейная конфликтность, на уровне индивидуального поведения — криминогенная семейная ситуация (Шестаков, 2011).

Среди основных мотивов внутрисемейной криминальной агрессии исследователями выделяются:

- внутрисемейная борьба за власть и лидерство (мотив доминирования);
- самоутверждение с упорным отстаиванием своей позиции без желания прийти к компромиссу;
- стремление освободиться от забот (зачастую возникает у супруга, занимающего ведущее положение в системе супружеских отношений, менее эмоционального по сравнению с его партнером);
- воспрепятствование уходу домочадца из семьи;
- ревность;
- корыстная мотивация;
- вымещение злобы из-за личных неудач;
- месть (стремление расквитаться с домочадцем, причинившим страдания);
- хулиганский мотив (проявляется в явном неуважении к семейным ценностям, циничном противопоставлении эгоистических наклонностей общественным устоям, грубом нарушении действующего порядка и семейных отношений, игнорировании права и морали);
- защита от насильника.

Причины домашнего насилия объясняются факторами, свойственными в первую очередь преступности как таковой, далее — насилию криминального характера и, наконец, преступности в семейно-бытовой сфере. Однако выявить какой-либо один фактор, провоцирующий совершение лицами домашнего насилия, не представляется возможным, так как они многочисленны и обуславливаются различными сочетаниями.

С.Н. Золотухин в качестве таких причин и факторов предлагает рассматривать следующие: 1) социокультурная природа насилия, которая основывается на стереотипах, сформировавшихся в понимании семьи о распределении ролей в ней, о воспитании и отношении к детям и престарелым родственникам; 2) личный жизненный опыт лиц, как совершающих домашнее насилие в отношении своих близких, так и являющихся его жертвами, который воспринимается такими лицами как нормальный и универсальный метод

поведения в семейных отношениях и разрешения конфликтных ситуаций в семье; 3) «детская травма» в связи с приобретенным в раннем возрасте травматическим опытом, обуславливающим в последующем жесткое обращение со своими близкими; 4) компенсация личностной неуверенности и низкой самооценки, следствием чего является самоутверждение путем применения насилия в отношении более слабых и зависимых членов семьи; 5) индивидуальные психические особенности лица, совершающего домашнее насилие, связанные, например, с недостатком воспитания в детстве, властным «доминантным» характером воспитания, со склонностью к патологической ревности, с конфликтным складом характера и т. п.; 6) психологический дискомфорт, проистекающий из социально-бытовой неустроенности (Золотухин, 2019).

В завершение обзора исследований проблемы криминальной внутрисемейной агрессии отметим сравнительно малое количество работ, посвященных непосредственно клинико-психологическим особенностям лиц, совершающих агрессивные насильственные преступления против родственников. В данном русле преимущественно изучаются предпосылки формирования агрессивных форм поведения у лиц с психическими расстройствами (Гатин, Миннетдинова, 2007; Андреева, Яворский, 2018; Петрюк, 2023; Телешева, 2023); клинико-психологические особенности несовершеннолетних с гетеро- и аутоагрессивным поведением (Баканова и др., 2020); виктимное поведение женщин и девочек, к значимым факторам которого относят уровень выраженности невротической симптоматики; типы межличностных отношений; стратегии совладающего поведения; особенности эмоционального интеллекта; уровень удовлетворенности партнерскими отношениями (Качаева и др., 2016; Служивая, Осипенко, 2021; Моженкова, Абабков, 2015; Журкина, Филиппова, 2022; Кочетова, Климакова, 2019 Трифонова, Саковская, 2022).

Заключение

Таким образом, в рамках современных исследований проблемы внутрисемейной агрессии установлено, что совершение индивидом криминальных насильственных действий основывается на различных сочетаниях социальных, экономических, религиозных, политических, биологических факторов. Значительное количество внутрисемейных преступлений является следствием межличностных конфликтов между членами семьи — они возникают вследствие осложнения психологической обстановки и накопления недовольства, вызванного социально-бытовыми отношениями, которое происходит постепенно и, достигнув критической точки, выливается в совершение одним членом семьи акта насилия в отношении другого. Анализ вышеописанных теорий и концепций наглядно демонстрирует определяющую роль в генезе агрессивных действий в отношении членов семьи — как индивидуально-психологических свойств (психофизиологических, характерологических, морально-нравственных), так и характеристик актуальной на момент деликта внутрисемейной ситуации. Исследование внутрисемейной криминальной агрессии обвиняемых в совокупности их клинических, индивидуально-личностных и ситуационных особенностей представляется крайне важным для практики судебной (психиатрической, психологической, комплексной психолого-психиатрической) экспертизы, заключения которой о способности субъекта понимать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в юридически значимой ситуации имеют четко определенные правовые последствия.

Список источников / References

1. Абулова, А.Г. (2020). Особенности детерминации насилия в семье. В: *Domestic Violence: мифы и реальность: сб. материалов I Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 30 октября 2020 г.)* (с. 12—22). Казань: Изд-во Казанского университета.
Abulova, A.G. (2020). Features of the determination of domestic violence. In: *Domestic Violence: myths and reality: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference* (pp. 12—22). Kazan: Publishing House of the Kazan University. (In Russ.).
2. Акуленко, В.А. (2019). Криминологический анализ понятия «Домашнее насилие». *Вестник Московского университета МВД России*, 4, 64—66. <http://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10196>
Akulenko, V.A. (2019). Criminological analysis of the concept of domestic violence. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4, 64—66. (In Russ.). <http://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10196>
3. Андреева, Е.В., Яворский, А.А. (2018). Социальные и клиничко-психологические предпосылки феномена агрессивности. В: *Субъективное благополучие и эмоциональная безопасность личности: сб. материалов IX Международного симпозиума «Субъективное благополучие и эмоциональная безопасность личности»* (с. 143—148). Екатеринбург: Изд-во Гуманитарный университет. URL: <https://elibrary.ru/yqlxzb> (дата обращения: 20.01.2025).
Andreeva, E.V., Yavorsky, A.A. (2018). Social, Clinical and Psychological Premises of the Phenomenon of Aggressiveness. In: *Subjective wellbeing and personality emotional security: Proceedings of the IX International Symposium. July, 12–13, 2018* (pp. 143—148). Yekaterinburg: Publishing House of the University of the Humanities. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/yqlxzb> (viewed: 20.01.2025).
4. Антонян, Ю. М. (2022). *Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди*. М.: Юнити-Дана.
Antonyan, Yu.M. (2022). *The theory of human aggression. Why people are cruel*. Moscow: Unity-Dana. (In Russ.).
5. Антонян, Ю.М., Горшков, И.В., Зулкарнеев, Р.М. (1999). *Проблемы внутрисемейной агрессии*. М.: НИИ МВД России.
Antonyan, Yu.M., Gorshkov, I.V., Zulkarneev, R.M. (1999). *Problems of intra-family aggression*. Moscow: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ. (In Russ.).
6. Баканова, А.А., Седунова, И.С., Афанасьева, Т.М., Иванова, И. (2020). Клиничко-психологические особенности самоповреждающего поведения подростков. *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*, 10, 60—69. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43963871> (дата обращения: 20.01.2025).
Bakanova, A.A., Sedunova, I.S., Afanasyeva, T.M., Ivanova, I. (2020). Clinical and psychological features of self-harming behavior of adolescents. *Personality in extreme conditions and crisis situations of life*, 10, 60—69. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43963871>. (In Russ.). (viewed: 20.01.2025).
7. Водолажская, М.Г., Водолажский, Г.И. (2020). Возрастная динамика электроэнцефалографических параметров здоровых людей с разным уровнем агрессивности. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки*, 1(256), 34—42. URL:

<http://vestnik.adygnet.ru/files/2020.1/6257/34-42.pdf> (дата обращения: 03.12.2024).

Vodolazhskaya, M. G., Vodolazhsky, G. I. (2020). Age dynamics of electroencephalographic parameters of healthy persons with a different levels of aggression. *Bulletin of the Adyghe State University, the series "Natural-Mathematical and Technical Sciences"*, 1(256), 34—42. (In Russ.). URL: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2020.1/6257/34-42.pdf> (viewed: 03.12.2024).

8. Гатин, Ф.Ф., Миннетдинова, Л.М. (2007). Особенности психически больных женщин, совершивших особо тяжкие внутри- и внесемейные деликты. *Общественное здоровье и здравоохранение*, 4, 55—61.
Gatin, F.F., Minnetdinova, L.M. (2007). Peculiarities of women with mental disease who committed extraordinary grave family and nonfamily delicts. *Public Health and Health Care*, 4, 55—61. (In Russ.).
9. Горинов, В.В., Шеховцова, Е.С., Гадисов, Т.Г., Ткаченко, А.А. (2021). Нарушения психической саморегуляции при расстройствах личности. *Социальная и клиническая психиатрия*, 31(2), 18—25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46413352> (дата обращения: 20.01.2025).
Gorinov, V.V., Shekhovtsova, E.S., Gadisov, T.G., Tkachenko, A.A. (2021). Ental impairments of self-regulation in personality disorders. *Social and Clinical Psychiatry*, 31(2), 18—25. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46413352> (viewed: 20.01.2025).
10. Дмитриева, О.А., Федченко, Т.М. (2009). Внутрисемейное насилие: судебно-медицинский анализ. *Проблемы экспертизы в медицине*, 9(36-4), 11—14.
Dmitrieva, O.A., Fedchenko, T.M. (2009). Intrafamily violence: the medicolegal analysis. *Problems of Expertise in Medicine*, 9(36-4), 11—14. (In Russ.).
11. Ениколопов, С.Н., Кузнецова, Ю.М., Чудова, Н.В. (2011). Когнитивные факторы агрессии и каузальная атрибуция агрессивности. *Прикладная юридическая психология*, 2, 43—58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16523451> (дата обращения: 20.01.2025).
Enikolopov, S.N., Kuznetsova, Yu.M., Chudova, N.V. (2011). Cognitive factors of aggression and the causal attribution of aggressiveness. *Applied Legal Psychology*, 2, 43—58. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16523451> (viewed: 20.01.2025).
12. Журкина, О.В., Филиппова, Е.О. (2022). Особенности характеристики личности семейно-бытового преступника. *International Law Journal*, 5(5), 19—23. URL: <https://elibrary.ru/jfymnu> (дата обращения: 03.12.2024).
Zhurkina, O.V., Filippova, E.O. (2022). Features of characteristics of the personality of the family and household criminal. *International Law Journal*, 5(5), 19—23. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/jfymnu> (viewed: 03.12.2024).
13. Золотухин, С.Н. (2019). Совершенствование мер предупреждения домашнего насилия как залог безопасности в семейных отношениях. In: *Национальная безопасность и молодёжная политика. Вместе вне зависимости. Материалы Всероссийской научно-практической конференции* (с. 153—162). Челябинск: Изд-во Библиотека А. Миллера. URL: <https://elibrary.ru/dbtvle> (дата обращения: 20.01.2025).
Zolotukhin, S.N. (2019). Improving measures to prevent domestic violence as a guarantee of security in family relations. In: *National Security and Youth Policy. Together regardless. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. (pp. 153—162). Chelyabinsk: A. Miller Library Publishing House (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/dbtvle> (viewed: 20.01.2025).

14. Ильин, Е.П. (2014). *Психология агрессивного поведения*. СПб: Питер.
Ilyin, E.P. (2014). *Psychology of aggressive behavior*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
15. Калашникова, А.С., Сафуанов, Ф.С. (2010). Роль психических расстройств, не исключающих вменяемости, в формировании разнонаправленной агрессии. *Российский психиатрический журнал*, 4, 16—22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15617797> (дата обращения: 20.01.2025).
Kalashnikova, A.S., Safuanov, F.S. (2010). The role of mental disorders not ruling out sanity in shaping of multidirectional acts of aggression. *Russian Journal of Psychiatry*, 4, 16—22. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15617797> (viewed: 20.01.2025).
16. Качаева, М.А., Дозорцева, Е.Г., Нуцкова, Е.В. (2016). Клинико-психологические проблемы внутрисемейного насилия в отношении женщин и девочек. *Российский психиатрический журнал*, 6, 25—32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27487726> (дата обращения: 25.11.2024).
Kachaeva, M.A., Dozortseva, E.G., Nutsikova, E.V. (2016). Clinical and psychological problems of domestic violence against women and girls. *Russian Journal of Psychiatry*, 6, 25—32. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27487726> (viewed: 25.11.2024).
17. Киренская, А.В., Сторожева, З.И., Телешева, К.Ю., Гиленко, Т.Д., Мямлин, В.В., Самылкин, Д.В., Сафуанов, Ф.С. (2023). Комплексное психофизиологическое исследование факторов риска импульсивной агрессии при аномалиях личности. *Российский психиатрический журнал*, 2, 25—37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59553205> (дата обращения: 25.11.2024).
Kirenskaya, A.V., Storozheva, Z.I., Telesheva, K.Yu., Gilenko, T.D., Myamlin, V.V., Samylkin, D.V., Safuanov, F.S. (2023). The complex psychophysiological study of risk factors of impulsive aggression in personality anomalies. *Russian Journal of Psychiatry*, 2, 25—37. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59553205> (viewed: 25.11.2024).
18. Кочетова, Ю.А., Климакова, М.В. (2019). Эмоциональный интеллект и агрессия в зарубежных исследованиях. *Современная зарубежная психология*, 8(3), 29—36. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080303>
Kochetova, Yu.A., Klimanova, M.V. (2019). Emotional intelligence and aggression in foreign studies. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 8(3), 29—36. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080303>
19. Кудрявцев, И.А., Ратинова, Н.А. (2000). *Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка)*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
Kudryavtsev, I.A., Ratinova, N.A. (2000). *Criminal aggression (expert typology and forensic psychological assessment)*. Moscow: Moscow University Publishing House. (In Russ.).
20. Макушкина, О.А., Гурина, О.И., Голенкова, В.А. (2022). Биологические основы агрессивного поведения. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*, 14(1), 76—81. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2022-1-76-81>
Makushkina, O.A., Gurina, O.I., Golenkova, V.A. (2022). Biological basis of aggressive behavior. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*, 14(1), 76—81. (In Russ.). <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2022-1-76-81>
21. Моженкова, В.А., Абабков, В.А. (2015). Клинико-психологические и интерперсональные характеристики женщин, подвергающихся насилию партнеров с алкогольной или наркотической зависимостью. *Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ*, 3, 135—140. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25372963> (дата

- обращения: 20.01.2025).
- Mozhenkova, V.A., Ababkov, V.A. (2015). Clinical, psychological and interpersonal features of women subjected to violence of partners with alcohol and drug addiction. *Scientific research of graduates of the Faculty of Psychology of St. Petersburg State University*, 3, 135—140. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25372963> (viewed: 20.01.2025).
22. Мухин, М.И. (2022). Врожденное и приобретенное в природе агрессивности человека. *International Journal of Medicine and Psychology*, 5(2), 53—62.
Mukhin, M. I. (2022). The innate and acquired nature of human aggression. *International Journal of Medicine and Psychology*, 5(2), 53—62. (In Russ.).
23. Никитский, И.С., Ткаченко, А.А. (2022). Личностно-ситуативное взаимодействие в аспекте моделирования юридически значимой ситуации. *Российский психиатрический журнал*, 3, 13—25. <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2022-10302>
Nikitsky, I.S., Tkachenko, A.A. (2022). Personal-situational interaction in the aspect of modeling a legally significant situation. *Russian Journal of Psychiatry*, 3, 13—25. (In Russ.). <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2022-10302>
24. Никитский, И.С., Ткаченко, А.А. (2023а). Осевой (дименсиональный) анализ «психологических» ситуаций, имеющих юридическое значение. *Социальная и клиническая психиатрия*, 33(3), 14—22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=60000444> (дата обращения: 20.01.2025).
Nikitsky, I. S., Tkachenko, A.A. (2023a). Axial (dimensional) analysis of “psychological” situations, having legal significance. *Social and Clinical Psychiatry*, 33(3), 14—22. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=60000444> (viewed: 20.01.2025).
25. Никитский, И.С., Ткаченко, А.А. (2023б). Объективно фиксируемые параметры юридически значимой ситуации как отражение ее субъективных факторов. *Российский психиатрический журнал*, 5, 11—23. <https://doi.org/10.34757/1560-957X.2023.27.5.002>
Nikitsky, I.S., Tkachenko, A.A. (2023b). Objectively recorded parameters of a legally significant situation as a reflection of its subjective factors. *Russian Journal of Psychiatry*, 5, 11—23. (In Russ.). <https://doi.org/10.34757/1560-957X.2023.27.5.002>
26. Петрюк, А.П. (2004). Агрессивное поведение при различных психических расстройствах с учетом качества жизни пациентов. *Журнал психиатрии и медицинской психологии*, 3(13), 99—102.
Petryuk, A.P. (2004). Aggressive behavior in various mental disorders, taking into account the quality of life of patients. *Journal of Psychiatry and Medical Psychology*, 3(13), 99—102. (In Russ.).
27. Сафуанов, Ф.С. (2003). *Психология криминальной агрессии*. М.: Смысл.
Safuanov, F.S. (2003). *Psychology of criminal aggression*. Moscow: Sense. (In Russ.).
28. Сафуанов, Ф.С. (2005). Криминальная агрессия обвиняемых с расстройствами личности. *Российский психиатрический журнал*, 6, 36—43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35399841> (дата обращения: 20.01.2025).
Safuanov, F.S. (2005). Criminal aggression of defendants with personality disorders. *Russian Journal of Psychiatry*, 6, 36—43. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35399841> (viewed: 20.01.2025).
29. Сафуанов, Ф.С. (2022). Внутрисемейная криминальная агрессия: глазами судебного эксперта-психолога. *Психология и право*, 12(3), 3—13. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120301>

Зейгер М.В. (2025)
Современные подходы к анализу факторов
криминальной внутрисемейной агрессии
Психология и право, 15(2), 124—139.

Zeiger M.V. (2025)
Modern approaches to the analysis of factors
of criminal intra-family aggression
Psychology and Law, 15(2), 124—139.

- Safuanov, F.S. (2022). Intra-family Criminal Aggression: In the Opinion of Forensic Expert-psychologist. *Psychology and Law*, 12(3), 3—13. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120301>
30. Сафуанов, Ф.С., Калашникова, А.С., Царьков, А.Е. (2017). Клинико-психологические факторы криминальной агрессии. *Психология и право*, 7(4), 44—58. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070405>
- Safuanov, F.S., Kalashnikova, A.S., Tsarkov, A.E. (2017). Clinical and psychological factors for criminal aggression. *Psychology and Law*, 7(4), 44—58. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070405>
31. Сафуанов, Ф.С., Сорокова, М.Г., Соковец, А.К. (2019). Про- и антиагрессивные личностные факторы у обвиняемых с психическими расстройствами в преступлениях против личности. *Психология и право*, 9(3), 158—177. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090312>
- Safuanov, F.S., Sorokova, M.G., Sokovets, A.K. (2019). Pro- and Anti-aggressive Personality Factors in Defendants with Mental Disorders in Crimes Against Individual. *Psychology and Law*, 9(3), 158—177. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090312>
32. Сафуанов, Ф.С., Сорокова, М.Г., Соковец, А.К. (2020). Индивидуально-психологические особенности лиц с пограничной психической патологией, способствующие и препятствующие проявлению криминальной агрессии. В: *Судебная психиатрия. Актуальные проблемы* (с. 155—166). М.: НМИЦ ПН им. В. П. Сербского.
- Safuanov, F.S., Sorokova, M.G., Sokovets, A.K. (2020). Individual psychological characteristics of people with borderline mental pathology, contributing to and preventing the manifestation of criminal aggression. In: *Forensic Psychiatry. Current issues* (pp. 155—166). Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ. (In Russ.).
33. Служивая, Я.С., Осипенко, И.М. (2021). Клинико-психологические особенности женщин с виктимным поведением в ситуации домашнего насилия. *Смоленский медицинский альманах*, 4, 204—206. <https://doi.org/10.37963/SMA.2021.4.321>
- Sluzhivaya, Ya.S., Osipenko, I.M. (2021). Clinical and psychological features of women with victimized behaviour in situations of domestic violence. *Smolensk Medical Almanac*, 4, 204—206. (In Russ.). <https://doi.org/10.37963/SMA.2021.4.321>
34. Телешева, К.Ю., Сафуанов, Ф.С., Киренская, А.В., Мямлин, В.В. (2020). Патохарактерологические особенности как предикторы импульсивной агрессии. *Прикладная психология и педагогика*, 5(2), 51—66. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-51-66>
- Telesheva, K.Yu., Safuanov, F.S., Kirenskaya, A.V., Myamlin, V.V. (2020). Pathocharacterologic features as predictors of impulsive aggression. *Applied Psychology and Pedagogy*, 5(2), 51—66. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-51-66>
35. Телешева, К.Ю. (2022). Исследования импульсивной агрессии: психологические и нейропсихологические факторы (обзор литературы). *Юридическая психология*, 1, 27—30. <https://doi.org/10.18572/2071-1204-2022-1-27-30>
- Telesheva, K.Yu. (2022). Research on impulsive aggression: psychological and neuropsychological factors (literature review). *Juridical Psychology*, 1, 27—30. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2071-1204-2022-1-27-30>

Зейгер М.В. (2025)
Современные подходы к анализу факторов
криминальной внутрисемейной агрессии
Психология и право, 15(2), 124—139.

Zeiger M.V. (2025)
Modern approaches to the analysis of factors
of criminal intra-family aggression
Psychology and Law, 15(2), 124—139.

36. Телешева, К.Ю. (2023). Сравнительное исследование психологических особенностей лиц, склонных к криминальной агрессии в норме и при психических расстройствах. *Прикладная юридическая психология*, 4(65), 73—86. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4\(65\).073-086](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4(65).073-086)
Telesheva, K.Y. (2023). Comparative study of the psychological characteristics of persons prone to criminal aggression in normal and mental disorders. *Applied Legal Psychology*, 4(65), 73—86. (In Russ.). [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4\(65\).073-086](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4(65).073-086)
37. Ткаченко, А.А., Демидова, Л.Ю. (2020). Построение общей модели саморегуляции в судебной психиатрии. Сообщение 4. Ситуация: воспоминание о будущем. *Российский психиатрический журнал*, 1, 27—41. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-12003>
Tkachenko, A.A., Demidova, L.Yu. (2020). Development of the general model of self-regulation in forensic psychiatry. Paper 4. Situation: remembering of the future. *Russian Journal of Psychiatry*, 1, 27—41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-12003>
38. Трифонова, С.А., Саковская, О.Н. (2022). Гендерная специфика направленности агрессивных реакций, источников фрустрации и фрустрированных ценностей. *Человеческий фактор: социальный психолог*, 1, 291—301. URL: <https://elibrary.ru/hqrzcf> (дата обращения: 23.11.2024).
Trifonova, S.A., Sakovskaya, O.N. (2022). Gender-specific orientation of aggressive reactions, sources of frustration and frustrated values. *Human Factor: Social Psychologist*, 1, 291—301. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/hqrzcf> (viewed: 23.11.2024).
39. Фромм, Э. (2014). *Анатомия человеческой деструктивности*. Пер. с нем. М.: АСТ.
Fromm, E. (2014). *The Anatomy of Human Destructiveness [Anatomie der menschlichen Destruktivität]: Trans. from Germ.* Moscow: AST. (In Russ.).
40. Хабирова, Е.Р. (2010). Особенности восприятия и оценки проблемных ситуаций. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*, 16(4), 164—167. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16348693> (дата обращения: 24.02.2025).
Khabirova, Ye.R. (2010). Features of perception and evaluation of problem situations. *Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology. Sociokinetics*, 16(4), 164—167. (In Russ.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=16348693> (viewed: 24.02.2025).
41. Хекхаузен, Х. (1986). *Мотивация и деятельность*. Пер с нем. М: Педагогика.
Heckhausen, H. (1986). *Motivation and Activity*. Trans. from Germ. Moscow: Pedagogy. (In Russ.).
42. Хмара, Н.В., Скугаревский, О.А. (2020). Агрессия лиц с шизофренией: исследование взаимодействия симптомов, когнитивных функций и факторов внешней среды. Обзор литературы. *Психиатрия, психотерапия и клиническая психология*, 11(1), 138—145.
Khmara, N.V., Skugarevsky, O.A. (2020). Aggression of People with Schizophrenia: a Study of the Interaction of Symptoms, Cognitive Functions, and Environmental Factors. Literature Review. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*, 11(1), 138—145. (In Russ.).
43. Шестаков, Д.А. (2011). Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор: Автореф. дис. ... кандидата юридических наук. *Российский криминологический взгляд*, 2, 91—100. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23597037> (дата обращения: 23.11.2024).
Shestakov, D.A. (2011). Conflict family situation as a criminogenic factor: candidate of law

Зейгер М.В. (2025)
Современные подходы к анализу факторов
криминальной внутрисемейной агрессии
Психология и право, 15(2), 124—139.

Zeiger M.V. (2025)
Modern approaches to the analysis of factors
of criminal intra-family aggression
Psychology and Law, 15(2), 124—139.

- thesis. *Russian Criminological Outlook*, 2, 91—100. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23597037> (viewed: 23.11.2024).
44. Шеховцова, Е.С., Булыгина, В.Г. (2020). Регулятивные особенности лиц с расстройствами личности и акцентуациями характера, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения. *Пенитенциарная наука*, 14(4), 514—523. <https://doi.org/10.46741/2686-9764-2020-14-4-514-523>
Shekhovtsova, E.S., Bulygina, V.G. (2020). Regulation features in individuals with personality disorders and accentuated personality traits who committed aggressive and violent crimes. *Penitentiary Science*, 14(4), 514—523. (In Russ.). <https://doi.org/10.46741/2686-9764-2020-14-4-514-523>
45. Шипкова, К.М., Булыгина, В.Г. (2024). Нейропсихологические механизмы социальной агрессии. *Современная зарубежная психология*, 13(4), 172—181. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130416>
Shipkova, K.M., Bulygina, V.G. (2024). Neuropsychological Mechanisms of Social Aggression. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 13(4), 172—181. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130416>
46. Шипкова, К.М., Шпорт, С.В., Булыгина, В.Г. (2024). Зарубежные исследования нейропсихологических и биологических основ агрессивного поведения. *Психология и право*, 14(4), 161—175. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140411>
Shipkova, K.M., Shport, S.V., Bulygina, V.G. (2024). Foreign Studies of the Neuropsychological and Biological Bases of Aggressive Behavior. *Psychology and Law*, 14(4), 161—175. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140411>
47. Шпорт, С.В., Хамитов, Р.Р., Афзалетдинова, Д.Х., Качаева, М.А., Скибина, Н.В., Назарова, Л.Н. (2024). Факторы риска агрессивного поведения лиц, страдающих шизофренией. Анализ эпидемиологических, клинических, гендерных, коморбидных факторов. *Вопросы охраны психического здоровья*, 3(1), 7—17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68541397> (дата обращения: 15.01.2025).
Shport, S.V., Khamitov, R.R., Avzaletdinova, D.H., Kachaeva, M.A., Skibina, N.V., Nazarova, L.N. (2024). Risk factors of aggressive behavior in people with schizophrenia. Analysis of epidemiological, clinical, gender and comorbid factors. *Issues of Mental Health Protection*, 3(1), 7—17. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68541397> (viewed: 15.01.2025).
48. Konradt, H.J. (1974). Toward a motivation theory of aggression and aggression inhibition: Some considerations about an aggression motive and their application to TAT and catharsis. In: *Determinants and origins of aggressive behavior* (pp. 567—577). Haag: Mouton.
49. Megargee, E.I. (1966). Undercontrolled and overcontrolled personality types in extreme antisocial aggression. *The Psychological Monographs*, 80(3), 1—29. <https://doi.org/10.1037/H0093894>
50. Olweus, D. (1972). Personality and aggression. *Nebraska Symposium on Motivation*, 20, 261—321. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/4662042/> (viewed: 12.12.2024).

Информация об авторах

Маргарита Владимировна Зейгер, научный сотрудник отдела судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им.

Зейгер М.В. (2025)
Современные подходы к анализу факторов
криминальной внутрисемейной агрессии
Психология и право, 15(2), 124—139.

Zeiger M.V. (2025)
Modern approaches to the analysis of factors
of criminal intra-family aggression
Psychology and Law, 15(2), 124—139.

В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>, e-mail: zeiger.m@serbsky.ru

Information about the authors

Margarita V. Zeiger, Researcher of the Department of Forensic Psychiatric Examination in Criminal Proceedings, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>, e-mail: zeiger.m@serbsky.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 13.03.2025
Поступила после рецензирования 25.03.2025
Принята к публикации 30.03.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025.03.13
Revised 2025.03.25
Accepted 2025.03.30
Published 2025.06.30

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Индивидуально-психологические факторы виктимного поведения жертв телефонного мошенничества

Д.А. Колодкина¹, Н.В. Дворянчиков²✉, К.Н. Дворянчикова²

¹ Московский исследовательский центр, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ dvorian@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В данной работе рассматриваются психологические особенности виктимного поведения жертв обмана со стороны мошенников: их ценностные ориентации и ведущие копинг-стратегии, а также психологические особенности тех, кто не стал жертвой мошенничества, их различия. **Методы и материалы.** Выборку исследования составили лица в возрасте 21—44 лет, 40 человек. В качестве основного инструментария исследования использовались: авторская анкета с целью сбора установочных данных об испытуемых; опросник ценностных ориентаций Шварца; опросник копинг-стратегий COPE (в адаптации П.А. Иванова, Н.Г. Гаранян). **Результаты.** Результаты исследования показали, что для жертв телефонного мошенничества со склонностью к гиперсоциальной форме реализации виктимного поведения более значимыми являются ценности, связанные с благополучием окружающих людей, с терпимостью и пониманием других. Было установлено, что чаще всего жертвы телефонных мошенников со склонностью к некритичной форме виктимного поведения используют активный копинг для решения стрессовых ситуаций. Исследование также доказало, что жертвы обмана со стороны телефонных мошенников реже прибегают к планированию, обдумыванию шагов, необходимых действий для решения проблемы, в отличие от тех, кто не стал жертвой в ситуации телефонного мошенничества. **Выводы.** В ходе исследования были выявлены психологические особенности и особенности виктимного поведения жертв обмана со стороны (телефонных) мошенников. Результаты данной работы могут быть использованы для разработки мер профилактики виктимного поведения среди населения, а также в следственном процессе при расследовании уголовных дел.

Колодкина Д.А., Дворянчиков Н.В.,
Дворянчикова К.Н. (2025)
Индивидуально-психологические факторы виктимного
поведения жертв телефонного мошенничества
Психология и право, 15(2), 140—153.

Kolodkina D.A., Dvoryanchikov N.V.,
Dvoryanchikova K.N. (2025).
Individual psychological factors of victim
behavior of victims of telephone fraud
Psychology and Law, 15(2), 140—153.

Ключевые слова: жертвы, телефонное мошенничество, виктимное поведение, ценностные ориентации, копинг-стратегии

Для цитирования: Колодкина, Д.А., Дворянчиков, Н.В., Дворянчикова, К.Н. (2025). Индивидуально-психологические факторы виктимного поведения жертв телефонного мошенничества. *Психология и право*, 15(2), 140—153.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150210>

Individual psychological factors of victim behavior of victims of telephone fraud

D.A. Kolodkina¹, N.V. Dvoryanchikov²✉, K.N. Dvoryanchikova²

¹ Moscow Research Center, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ dvorian@gmail.com

Abstract

Context and relevance. This paper examines the psychological characteristics of victimization behavior of victims of fraudulent deception: their value orientations and leading coping strategies, as well as psychological characteristics of those who did not become victims of fraud, their differences. **Methods and materials.** The study sample consisted of 40 people aged 21–44 years old. The main tools of the study were used: the author's questionnaire for the purpose of collecting background data on the subjects; Schwartz value orientation questionnaire; SORE coping strategies questionnaire (adapted by P.A. Ivanov, N.G. Garanian). **Results.** The results of the study showed that for victims of telephone fraud with a tendency to a hypersocial form of victimization behavior implementation, values related to the well-being of surrounding people, tolerance and understanding of others are more significant. It was found that most often victims of telephone fraud with a tendency to non-critical form of victimization behavior use active coping to solve stressful situations. The study also proved that victims of phone scams are less likely to use planning, thinking through the steps, necessary actions to solve the problem, unlike those who were not victimized in a phone scam situation. **Conclusions.** In the course of the study, psychological features and peculiarities of victimization behavior of victims of deception (telephone) fraudsters were revealed. The results of this work can be used to develop measures to prevent victimization behavior among the population, as well as in the investigative process in the investigation of criminal cases.

Keywords: victims, telephone fraud, victimized behavior, value orientations, copying strategies

For citation: Kolodkina, D.A., Dvoryanchikov, N.V., Dvoryanchikova, K.N. (2025). Individual psychological factors of victim behavior of victims of telephone fraud. *Psychology and Law*, 15(2), 140—153. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150210>

Введение

В последние годы наблюдается рост числа корыстных преступлений, усложняются способы мошенничества. С начала пандемии в России зафиксирована новая волна телефонного мошенничества, что связано с переходом различных видов деятельности в дистанционный формат. Так, согласно статистике Генпрокуратуры, в России в период самоизоляции число дел о телефонном и интернет-мошенничестве выросло на 76%¹. По данным ЦБ РФ, в 2020 году телефонные и онлайн-мошенники обманули россиян на 150 миллиардов рублей². За этот период банк зарегистрировал более 3,4 миллиона жалоб клиентов на телефонное мошенничество, что более чем в 30 раз больше, чем в 2017 году, и более чем вдвое больше, чем в 2019 году³. Тенденция увеличения количества случаев телефонного мошенничества увеличивается с каждым годом: так, по данным Генпрокуратуры, число мошенничеств, совершенных дистанционно за 2023 год, выросло на 40% в сравнении с аналогичным периодом 2022 года (совершено более 226,8 тыс. преступлений данного вида)⁴. Согласно информации от Kaspersky Who Calls, в первом квартале 2024 года количество российских пользователей, получивших телефонные звонки с подозрительных номеров, связанных с мошенничеством, увеличилось в полтора раза по сравнению с тем же периодом прошлого года⁵. Вместе с тем в работах исследователей, занимавшихся изучением виктимологии, вопросы, связанные с виктимологическими характеристиками мошенничества (в частности, с такой категорией, как телефонное мошенничество), почти не изучались. Исследование психологических аспектов виктимного поведения жертв мошенничества позволяет получить сведения о криминалистической характеристике данного вида преступлений, позволяет выявить наиболее типичные черты жертв обмана со стороны мошенников. Понимание психологических аспектов виктимного поведения жертвы в ситуации мошенничества является важным условием при разработке мер профилактики виктимного поведения. Указанные обстоятельства вызывают необходимость дальнейшего изучения и разработки исследуемой проблемы.

В России уголовно-правовые характеристики мошенничества рассматривались в исследованиях таких авторов, как С.Л. Романов (Романов, 1999), В.Д. Ларичев (Ларичев, 1998), П.С. Яни (Яни, 2017), А.А. Мельников (Мельников, 2002) и др. Вместе с тем большинство исследований имели своей главной целью изучение теоретических вопросов

¹ Балашова, А. (2020, Август 31). Число дел о мошенничестве рекордно выросло на фоне пандемии. Каким преступлениям поспособствовала самоизоляция. *РБК*. <https://www.rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d> (дата обращения: 25.10.2020).

² Ментюкова, С. (2020, Декабрь 24). Телефонные аферисты заработали на россиянах 150 млрд рублей. *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2020/12/24/telefonnye-afelisty-zarabotali-na-rossiianah-150-mlrd-rublej.html> (дата обращения: 25.12.2020).

³ Чернышова, Е. (2021, Март 18). Альфа-банк начнет платить за информацию о телефонных мошенниках. Поможет ли вознаграждение в ₽1 млн выйти на нелегальные call-центры. *РБК*. <https://www.rbc.ru/finances/18/03/2021/6051f20a9a794780f5365a83> (дата обращения: 20.03.2021).

⁴ Генпрокуратура сообщила о росте числа дистанционных мошенничеств на 40%. (2023, Октябрь 10). *TACC*. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18957905/> (дата обращения: 16.11.2024).

⁵ Эксперты в области кибербезопасности и телекоммуникаций рассказывают о ландшафте телефонного мошенничества в начале 2024 года. (2024, Май 8). *Kaspersky*. URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/eksperty-v-oblasti-kiberbezopasnosti-i-telekommunikacij-rasskazyvayut-o-landshafte-telefonnogo-moshennichestva-v-nachale-2024-goda> (дата обращения: 16.11.2024).

Колодкина Д.А., Дворянчиков Н.В.,
Дворянчикова К.Н. (2025)
Индивидуально-психологические факторы виктимного
поведения жертв телефонного мошенничества
Психология и право, 15(2), 140—153.

Kolodkina D.A., Dvoryanchikov N.V.,
Dvoryanchikova K.N. (2025).
Individual psychological factors of victim
behavior of victims of telephone fraud
Psychology and Law, 15(2), 140—153.

криминологического плана, исследование же роли потерпевшего в ситуации мошенничества проводилось с целью создания различных виктимологических теорий. Научные исследования Д.В. Ривмана (Ривман, 2002), Л.В. Франка (Франк, 1972), А.Л. Репецкой (Репецкая, 1999), В.И. Полубинского (Полубинский, 1985), Ф.С. Сафуанова (Сафуанов, Докучаева, 2015; Сафуанов и др., 2024) и др. оказали большое влияние на развитие виктимологии и криминологии.

Научная новизна результатов исследования заключается в раскрытии психологических особенностей виктимного поведения жертв обмана со стороны телефонных мошенников в ситуации неопределенности и особой уязвимости населения в период пика пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, на фоне которого наблюдался рост числа преступных посягательств данного рода.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты данной работы могут быть использованы для разработки мер профилактики виктимного поведения среди населения, а также в следственном процессе при расследовании уголовных дел.

Материалы и методы

Целью исследования в данной работе является выявление психологических особенностей и особенностей виктимного поведения жертв обмана со стороны (телефонных) мошенников. Объектом изучения в данном исследовании является виктимность в поведении жертв телефонных мошенников. Предмет исследования — психологические особенности и особенности виктимного поведения жертв обмана со стороны (телефонных) мошенников.

Гипотеза исследования: жертвы обмана со стороны телефонных мошенников обладают специфическими психологическими особенностями: некритичной формой реализации виктимного поведения, преобладанием традиционных, семейных ценностей в системе ценностных ориентаций, концентрацией на эмоциях и принятием как ведущими копинг-стратегии преодоления стрессовых ситуаций. Частные гипотезы исследования: 1) ценности жертв обмана со стороны телефонных мошенников отличны от ценностей тех, кто не стал жертвой телефонного мошенничества, преобладанием традиционных, семейных ценностей; 2) жертвы обмана со стороны телефонных мошенников в стрессовых ситуациях не предпринимают активные шаги, направленные на их преодоление, а концентрируются на эмоциях и их выражении.

В соответствии с целью исследования, объектом и предметом, были поставлены следующие **задачи исследования:** 1) классифицировать виды и формы мошенничества; 2) структурировать виды взаимоотношений преступника и жертвы в ситуации мошенничества; 3) определить психологическое содержание терминов «виктимность» и «виктимное поведение»; 4) выявить уровень склонности к какой-либо форме виктимного поведения у жертв обмана со стороны (телефонных) мошенников и контрольной группы испытуемых; 5) установить основные ценности жертв обмана со стороны (телефонных) мошенников и контрольной группы испытуемых; 6) определить преобладающие копинг-стратегии у жертв обмана со стороны (телефонных) мошенников и контрольной группы испытуемых.

Исследование проводилось в 2021—2022 годах в период пика социальной изоляции, во время которого наблюдался рост числа телефонных мошенничеств. Выборку данного исследования составили лица, прошедшие анонимное интернет-анкетирование, в возрасте

21—44 лет, в количестве 40 человек, из которых 22 женщины и 18 мужчин. 35% испытуемых являются студентами, 17,5% испытуемых — государственными служащими, 10% — работниками промышленного предприятия, 7,5% — предпринимателями, 15% — работниками бюджетной сферы, 2,5% — работниками частной компании в сфере оказания консультационных услуг, 10% — работниками в найме, 2,5% — безработными. По итогам проведенного анкетирования, в основную группу вошли лица, которые стали жертвами обмана со стороны телефонных мошенников (50% испытуемых), в контрольную группу вошли лица, не ставшие жертвами телефонных мошенников (50% испытуемых). Согласно полученным данным, большинство эпизодов столкновения наших респондентов с ситуацией телефонного мошенничества произошло в 2020—2022 годах (самый давний эпизод телефонного мошенничества, по данным анкетирования, — конец 2019 года, самый ближайший — февраль 2022 года)

В качестве основного инструментария исследования использовались: авторская анкета с целью сбора установочных данных об испытуемых, включает в себя вопросы о личных демографических характеристиках (пол, возраст, сфера занятости) испытуемых и вопросы, касающиеся наличия взаимодействия респондентов с телефонными мошенниками (подвергались ли преступным посягательствам со стороны телефонных мошенников и т. д.) и особенностей данной ситуации (период, время суток, вид коммуникации, психологические приемы, использованные мошенником и т. д.); опросник ценностных ориентаций Шварца; опросник копинг-стратегий COPE (в адаптации П.А. Иванова, Н.Г. Гаранян (Иванов, 2005).

Для статистического анализа данных были использованы: коэффициент ранговой корреляции Спирмена (для изучения связи между формами склонности к виктимному поведению и ведущими блоками ценностей, преобладающими характеристиками копинг-стратегией), непараметрический критерий Манна—Уитни для двух несвязанных выборок для сравнения показателей выраженности психологических характеристик у жертв обмана со стороны телефонных мошенников и тех, кто не стал жертвой телефонного мошенничества.

Результаты

Были получены данные об испытуемых, об их личных демографических характеристиках (пол, возраст, сфера занятости и т. д.) и особенностях взаимодействия респондентов с телефонными мошенниками. Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что с телефонным мошенничеством сталкивался каждый опрошенный респондент, кроме того, родственники, близкие люди наших респондентов также подвергались атакам телефонных мошенников, что свидетельствует об актуальности данного исследования. Из полученных нами данных следует, что период пандемии 2020—2022 года был насыщен случаями телефонного мошенничества⁶. В большинстве случаев мошенники используют звонок по сотовому телефону как способ коммуникации, однако также активно используют и СМС-сообщения. Наиболее распространенным видом мошенничества, согласно полученным нами данным, является так называемое банковское мошенничество (сообщение о блокировке банковской карты, заявка на кредит, ошибочный перевод денежных средств, угроза

---

⁶ Ментюкова, С. (2020, Декабрь 24). Телефонные аферисты заработали на россиянах 150 млрд рублей. *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2020/12/24/telefonnye-afelisty-zarabotali-na-rossiianah-150-mlrd-rublej.html> (дата обращения: 25.12.2020).

мошеннических действий). При этом следует отметить, что в выборке большинство респондентов столкнулись со схемой, когда сам мошенник сообщает об угрозе мошеннических действий. Несмотря на обилие информации о телефонных мошенниках в Интернете, в СМИ, в приложениях банков, в метрополитене, распознать преступника удастся не каждому. Так, половина наших респондентов оказалась в ситуации, когда не удалось понять, что звонок/отправку СМС совершает телефонный мошенник. При этом большинство респондентов не смогли указать причину, почему справиться с ситуацией не представилось возможным. Этот факт также определяет актуальность дальнейшего исследования психологических аспектов жертв обмана со стороны телефонных мошенников.

На эмпирическом этапе нашей работы было проведено исследование склонности испытуемых обеих групп к реализации различных форм виктимного поведения. Среди испытуемых, оказавшихся жертвами телефонных мошенников (основная группа) отмечается тенденция давать социально желательные ответы, а также склонность к реализации форм агрессивного, самоповреждающего, гиперсоциального, некритичного поведения. Это может свидетельствовать о том, что жертвы телефонных мошенников склонны к проявлению агрессии, которая может обуславливать в некоторых случаях провоцирующее поведение; подвержены негативным эмоциям, которые зачастую влекут за собой пренебрежение социальными нормами. Наряду с этим жертвы телефонных мошенников часто реализуют самоповреждающую форму виктимного поведения, которая может проявляться, с одной стороны, в привлечении других лиц для нанесения себе вреда, а с другой стороны, в самопричиняющем виде — в склонности к поведению, которое является необдуманным, опасным, рискованным, при этом такое поведение может быть как умышленным, так и неумышленным, последствия действий могут не осознаваться жертвой. Кроме того, полученные нами данные могут свидетельствовать о том, что чаще всего вследствие реализации одобряемого социумом поведения люди становятся жертвами обмана со стороны телефонных мошенников. Жертвы, реализующие гиперсоциальную форму виктимного поведения доброжелательны, искренны, мотивированы, решительны, склонны к риску. Эти люди готовы помочь другим, и мошенник активно использует данную характеристику при реализации преступной схемы (например, когда отправляет СМС-сообщение с просьбой перевести деньги родственнику или знакомому). Кроме того, такие люди характеризуются порядочностью, готовностью совершить какие-либо действия на благо общества. И это также учитывается мошенником (например, мошенник в телефонном разговоре представляется сотрудником правоохранительных органов). Вместе с тем жертвы телефонного мошенничества склонны к реализации виктимной формы поведения. Так, вследствие неосмотрительности, неправильной оценки ситуации, отсутствия достаточного уровня критичности (что может быть проявлением как корысти, так и, наоборот, щедрости, доброты), возможно, вследствие эмоционального состояния, демографических и возрастных характеристик, интеллектуального уровня они становятся жертвами обмана со стороны телефонных мошенников. В то же время статистически значимых различий в степени склонности испытуемых к какой-либо форме реализации виктимного поведения не было обнаружено.

В нашей частной гипотезе предполагалось, что ценности жертв обмана со стороны телефонных мошенников отличны от ценностей тех, кто не стал жертвой телефонного мошенничества, преобладанием традиционных, семейных ценностей. Было проведено

исследование ценностных ориентаций испытуемых обеих групп. У представителей основной группы (жертвы) отмечается следующая тенденция: уровень таких ценностных образований, как конформность, традиции, власть незначительно выше, чем у контрольной группы; тем самым, для жертв телефонных мошенников соответствие личных ценностей социальным ожиданиям, соблюдение определенных традиций, норм, существующих в культуре и в обществе в целом, а также достижение определенного социального статуса, имиджа, потребность в установлении контроля над другими людьми представляется более важным, чем испытуемым контрольной группы. У представителей контрольной группы наблюдается более высокий уровень таких ценностных образований, как универсализм и самостоятельность, в отличие от испытуемых основной группы, что может свидетельствовать о том, что для представителей контрольной группы более значимы ценности, связанные с терпимостью и пониманием других людей, а также ценности, связанные с независимостью, творчеством. По остальным ценностным ориентациям показатели основной и контрольной группы находятся примерно на одном уровне. При этом достоверно значимые статистические различия (по непараметрическому критерию Манна—Уитни) между показателями ценностных ориентаций обнаружены лишь по шкале «Самостоятельность» ($p < 0,05$). Таким образом, самостоятельность как ценность для испытуемых основной группы (жертв) является менее значимой, что может свидетельствовать о том, что жертвы телефонных мошенников более зависимы от мнения и действий других людей, от внешних обстоятельств, чем испытуемые контрольной группы. Вместе с тем с помощью критерия Спирмена в основной группе нами были получены наиболее значимые прямые корреляционные связи ($p < 0,01$) между самостоятельностью как ценностным образованием и уровнем склонности к агрессивной форме реализации виктимного поведения, а также между самостоятельностью и уровнем склонности к самоповреждающей форме реализации виктимного поведения. Наиболее значимые прямые корреляционные связи в основной группе были получены также между уровнем склонности к гиперсоциальной форме реализации виктимного поведения и конформностью ($p < 0,05$), добротой ($p < 0,01$), универсализмом ($p < 0,01$), безопасностью ($p < 0,01$) как ценностными образованиями: чем выше уровень склонности к гиперсоциальной форме реализации виктимного поведения, тем выше уровень значимости ценностных ориентаций, соответствующих ожиданиям социума, связанных с благополучием окружающих людей, с терпимостью и пониманием других, с безопасностью. Таким образом, для жертв телефонного мошенничества со склонностью к гиперсоциальной форме реализации виктимного поведения более значимыми являются ценности, связанных с благополучием окружающих людей, с терпимостью и пониманием других, что частично подтверждает нашу гипотезу о том, что жертвы обмана со стороны телефонных мошенников обладают психологическими характеристиками, проявляющимися в виде преобладающих традиционных, семейных ценностей. В контрольной группе испытуемых нами были выявлены значимые обратные корреляционные связи: между агрессивной формой реализации виктимного поведения и традициями как ценностным образованием ($p < 0,05$) — чем выше уровень склонности к агрессивной форме реализации виктимного поведения, тем ниже уровень ценности традиций, соблюдения норм и обычаев; между зависимой и беспомощной формой реализации виктимного поведения и стимуляцией, гедонизмом как ценностными образованиями ($p < 0,05$) — чем выше уровень склонности к зависимой и беспомощной форме реализации виктимного поведения, тем менее значимы ценности стремления к новому опыту

и переживаниям, ценности наслаждения, приобретения. Полученные результаты подтверждают частную гипотезу о том, что ценности жертв обмана со стороны телефонных мошенников отличны от ценностей тех, кто не стал жертвой телефонного мошенничества преобладанием традиционных, семейных ценностей. Самостоятельность как ценность для испытуемых основной группы (жертв) является менее значимой, чем для испытуемых контрольной группы, что может свидетельствовать о том, что жертвы телефонных мошенников более зависимы от мнения и действий других людей, от внешних обстоятельств, чем испытуемые контрольной группы. Для жертв телефонного мошенничества со склонностью к гиперсоциальной форме реализации виктимного поведения более значимыми являются ценности, связанные с благополучием окружающих людей, с терпимостью и пониманием других.

Второй частной гипотезой является предположение о том, что жертвы обмана со стороны телефонных мошенников в стрессовых ситуациях не предпринимают активные шаги, направленные на их преодоление, а принимают факт произошедшего и концентрируются на эмоциях и их выражении. В связи с этим нами было проведено исследование характеристик копинг-стратегий испытуемых обеих групп. Достоверно значимые различия (по непараметрическому критерию Манна—Уитни) между показателями характеристик копинг-стратегий обнаружены по шкале «Планирование совладания» ($p < 0,05$). Таким образом, испытуемые основной группы (жертвы) реже прибегают к планированию, обдумыванию шагов, необходимых действий для решения проблемы, в отличие от испытуемых контрольной группы. В основной группе (жертвы) были выявлены наиболее значимые ($p < 0,01$) обратные корреляционные связи: между уровнем склонности к агрессивной форме реализации виктимного поведения и психическим избеганием — чем выше уровень склонности к агрессивной форме реализации виктимного поведения, тем реже испытуемые включаются в какую-либо деятельность для отвлечения от стрессовой ситуации; между уровнем склонности к самоповреждающей форме реализации виктимного поведения и употреблением психоактивных веществ (алкоголя и наркотических веществ), религиозным копингом ($p < 0,01$) — чем выше уровень склонности к самоповреждающей форме реализации виктимного поведения, тем реже испытуемые прибегают к употреблению психоактивных веществ, тем реже обращаются к религии для решения проблемы. Обнаружена значимая прямая корреляционная связь между уровнем склонности к некритичной форме реализации виктимного поведения и активным копингом ($p < 0,01$) — чем выше уровень склонности жертв телефонных мошенников к некритичной форме реализации виктимного поведения (которая характеризуется неосмотрительностью, неумением корректно оценить ситуацию), тем чаще испытуемые предпринимают активные действия по решению проблемы. Это может свидетельствовать о том, что испытуемые основной группы стали жертвами телефонных мошенников ввиду своей неосмотрительности, совершения активных действий без предварительного анализа ситуации. В контрольной группе была обнаружена значимая обратная корреляционная связь между уровнем склонности к самоповреждающей форме реализации виктимного поведения и самоограничением ($p < 0,01$) — чем выше уровень склонности к самоповреждающей форме реализации виктимного поведения (которая характеризуется необдуманностью, опасностью, рискованностью), тем реже испытуемые предотвращают совершение поспешных действий. Таким образом, наша вторая частная гипотеза о том, что жертвы обмана со стороны телефонных мошенников в стрессовых

ситуациях не предпринимают активные шаги, направленные на их преодоление, а принимают реальность произошедшего и концентрируются на эмоциях и их выражении, не подтвердилась. Вместе с тем мы установили, что чаще всего жертвы телефонных мошенников со склонностью к некритичной форме виктимного поведения используют активный копинг для решения стрессовых ситуаций, к которым относится в том числе и ситуация мошенничества. Также было определено, что испытуемые основной группы (жертвы) реже прибегают к планированию, обдумыванию шагов, необходимых действий для решения проблемы, в отличие от испытуемых контрольной группы.

Таким образом, наша основная гипотеза частично подтвердилась: жертвы обмана со стороны телефонных мошенников обладают специфическими психологическими особенностями: преобладанием традиционных, семейных ценностей в системе ценностных ориентаций. Данная категория жертв была конкретизирована — это жертвы телефонных мошенников с высоким уровнем склонности к гиперсоциальному виктимному поведению. Не подтвердились наши предположения о том, что жертвы телефонных мошенников характеризуются концентрацией на эмоциях и принятием как ведущими копинг-стратегиями преодоления стрессовых ситуаций. Наиболее часто используемым жертвами способом разрешения стрессовых ситуаций является активный копинг. При этом данная категория жертв была также конкретизирована — это жертвы телефонных мошенников с высоким уровнем склонности к некритичному виктимному поведению.

Обсуждение результатов

Таким образом, наша основная гипотеза частично подтвердилась: жертвы обмана со стороны телефонных мошенников обладают специфическими психологическими особенностями: преобладанием традиционных, семейных ценностей в системе ценностных ориентаций. Данная категория жертв была конкретизирована — это жертвы телефонных мошенников с высоким уровнем склонности к гиперсоциальному виктимному поведению. Не подтвердились наши предположения о том, что жертвы телефонных мошенников характеризуются концентрацией на эмоциях и принятием как ведущими копинг-стратегиями преодоления стрессовых ситуаций. Способом разрешения стрессовых ситуаций, наиболее часто используемым жертвами, является активный копинг. При этом данная категория жертв была также конкретизирована — это жертвы телефонных мошенников с высоким уровнем склонности к некритичному виктимному поведению.

Заключение

Были исследованы формы реализации виктимного поведения, ценностные ориентации и копинг-стратегии у жертв обмана со стороны телефонных мошенников и тех, кто не стал жертвой телефонного мошенничества. Самостоятельность как ценность для испытуемых основной группы (жертв) является менее значимой, чем для испытуемых контрольной группы, что может свидетельствовать о том, что жертвы телефонных мошенников более зависимы от мнения и действий других людей, от внешних обстоятельств, чем испытуемые контрольной группы. Для жертв телефонного мошенничества со склонностью к гиперсоциальной форме реализации виктимного поведения более значимыми являются ценности, связанные с благополучием окружающих людей, с терпимостью и пониманием других. Чем выше уровень склонности жертв телефонных мошенников к некритичной форме реализации виктимного

поведения (которая характеризуется неосмотрительностью, неумением корректно оценить ситуацию), тем чаще испытуемые предпринимают активные действия по решению проблемы. Это может свидетельствовать о том, что испытуемые нашей основной группы стали жертвами телефонных мошенников ввиду своей неосмотрительности, совершения активных действий без предварительного анализа ситуации. Полученные результаты также свидетельствуют о том, что жертвы телефонных мошенников реже прибегают к планированию, обдумыванию шагов, необходимых действий для решения проблемы, в отличие от испытуемых контрольной группы.

Таким образом, жертвы обмана со стороны телефонных мошенников обладают специфическими психологическими особенностями, в том числе преобладанием традиционных, семейных ценностей в системе ценностных ориентаций. Способом, наиболее часто используемым жертвами для разрешения стрессовых ситуаций, является активный копинг — принятие активных шагов, прямых действий, направленных на преодоление стрессовой ситуации. При этом данная категория жертв была также конкретизирована — это жертвы со стороны телефонных мошенников с высоким уровнем склонности к некритичному виктимному поведению.

Список источников / References

1. Алексеева, Н.В. (2024). Некоторые индивидуально-психологические особенности жертв телефонного мошенничества (качественный анализ по результатам КСППЭ). В: А.А. Марголис, Н.В. Дворянчиков, Н.В. Богданович, В.В. Делибальт, М.Г. Дебольский, Е.Г. Дозорцева, Л.М. Карнозова, И.Н. Коноплева, Ф.С. Сафуанов, Р.В. Чиркина (ред.), *Психология и право в современной России. Коченовские чтения. Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием* (с. 15—16). М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2024/ (дата обращения: 15.11.2024).
Alekseeva, N.V. (2024). Some individual psychological characteristics of victims of telephone fraud (qualitative analysis based on the results of the CFPPE). In: A.A. Margolis, N.V. Dvoryanchikov, N.V. Bogdanovich, V.V. Delibalt, M.G. Debolsky, E.G. Dozortseva, L.M. Karnozova, I.N. Konopleva, F.S. Safuanov, R.V. Chirkina (Eds.), *Psychology and law in modern Russia. Kochenov readings: Collection of abstracts of participants of the All-Russian Conference on Legal Psychology with international participation* (pp. 15—16). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2024/ (viewed: 15.11.2024).
2. Антонян, Ю.М. (Ред.). (2019). *Криминология: учебник для академического бакалавриата* (3-е изд., перераб. и доп.). М.: Юрайт.
Antonyan, Yu.M. (Ed.). (2019). *Criminology: textbook for academic bachelor course* (3rd rev. and exp. ed.). Moscow: Yurait Publ. (In Russ.).
3. Ахмедшина, Н.В. (2016). Механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником. *Вестник Томского государственного университета*, 413, 172—176. <https://doi.org/10.17223/15617793/413/26>
Akhmedshina, N.V. (2016). The mechanism of interaction between the victim of the crime and

Колодкина Д.А., Дворянчиков Н.В.,
Дворянчикова К.Н. (2025)
Индивидуально-психологические факторы виктимного
поведения жертв телефонного мошенничества
Психология и право, 15(2), 140—153.

Kolodkina D.A., Dvoryanchikov N.V.,
Dvoryanchikova K.N. (2025).
Individual psychological factors of victim
behavior of victims of telephone fraud
Psychology and Law, 15(2), 140—153.

the criminal. *Tomsk State University Journal*, 413, 172—176. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17223/15617793/413/26>

4. Григорьева, Л.В. (1999). *Уголовная ответственность за мошенничество*. Саратов: Саратовская государственная академия права.
Grigor'eva, L.V. (1999). *Criminal liability for fraud*. Saratov: Saratov State Academy of Law. (In Russ.).
5. Дворянчиков, Н.В., Соловьева, Ю.А. (2010). Криминальное манипулирование поведением потребителя на примере мошенничества. *Психологическая наука и образование*, 2(3), Статья 11. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n3/Dvoryanchikov_Soloviova.shtml (дата обращения: 25.10.2020).
Dvoryanchikov, N.V., Solovyova, Yu.A. (2010). Criminal Manipulation of Consumer Behavior by the Example of Fraud. *Psychological Science and Education psyedu.ru*, 2(3), Article 11. (In Russ.). https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n3/Dvoryanchikov_Soloviova.shtml (viewed: 25.10.2020).
6. Ефимова, И.В. (2024). Деструктивные технологии влияния, применяемые в преступных мошеннических действиях. В: А.А. Марголис, Н.В. Дворянчиков, Н.В. Богданович, В.В. Делибальт, М.Г. Дебольский, Е.Г. Дозорцева, Л.М. Карнозова, И.Н. Коноплева, Ф.С. Сафуанов, Р.В. Чиркина (ред.), *Психология и право в современной России. Коченовские чтения. Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием* (с. 237—238). М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2024/ (дата обращения: 15.11.2024).
Efimova, I.V. (2024). Destructive influence technologies used in criminal fraudulent activities. In: A.A. Margolis, N.V. Dvoryanchikov, N.V. Bogdanovich, V.V. Delibalt, M.G. Debolsky, E.G. Dozortseva, L.M. Karnozova, I.N. Konopleva, F.S. Safuanov, R.V. Chirkina (Eds.), *Psychology and law in modern Russia. Kochenov readings: Collection of abstracts of participants of the All-Russian Conference on Legal Psychology with international participation* (pp. 237—238). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2024/ (viewed: 15.11.2024).
7. Иванов, П.А. (2005). *Стратегии совладания со стрессом у студентов с разным уровнем перфекционизма: Дис. раб.* М.: МГППУ.
Ivanov, P.A. (2005). *Stress management strategies for students with different levels of perfectionism: Graduate work*. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. (In Russ.).
8. Камко, А.С. (2016). Виктимологическая профилактика преступлений в сфере безналичного обслуживания в России: состояние и перспективы развития. *Библиотека криминалиста*, 6(29), 170—181. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27519922> (дата обращения: 15.11.2024).
Kamko, A.S. (2016). Victimologic prevention of crime in the domain of cashless services in Russia: status and development perspectives. *Criminologist's Library*. 6(29), 170—181. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27519922> (viewed: 15.11.2024).
9. Колодкина, Д.А., Дворянчиков, Н.В. (2022). Психологические аспекты виктимного поведения жертв обмана (телефонных) мошенников. В: *Коченовские чтения «Психология*

Колодкина Д.А., Дворянчиков Н.В.,
Дворянчикова К.Н. (2025)
Индивидуально-психологические факторы виктимного
поведения жертв телефонного мошенничества
Психология и право, 15(2), 140—153.

Kolodkina D.A., Dvoryanchikov N.V.,
Dvoryanchikova K.N. (2025).
Individual psychological factors of victim
behavior of victims of telephone fraud
Psychology and Law, 15(2), 140—153.

и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием (с. 31—33). М.: МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2022/ (дата обращения: 15.11.2024).

Kolodkina, D.A., Dvoryanchikov, N.V. (2022). Psychological aspects of victim behavior of victims of deception (telephone) scams. In: *Kochenov readings "Psychology and law in modern Russia": Collection of abstracts of participants of the All-Russian Conference on Legal Psychology with international participation* (pp. 31—33). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/kochenovskie_chteniya_2022/ (viewed: 15.11.2024).

10. Ларичев, В.Д. (1998). *Мошенничество в сфере страхования: Предупреждение, выявление, расследование*. М.: ФБК-Пресс.
Larichev, V.D. (1998). *Insurance fraud: Prevention, detection, investigation*. Moscow: FBK-Press Publ. (In Russ.).
11. Максименков, А.А., Майоров, А.В. (2015). Психологические аспекты виктимности. *Виктимология*, 4(6), 26—30. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25736707> (дата обращения: 15.11.2024).
Maksimenkov, A.A., Mayorov, A.V. (2015). Psychological aspects of victimization. *Victimology*, 4(6), 26—30. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25736707> (viewed: 15.11.2024).
12. Мельников, А.А. (2002). *Мошенничество и борьба с ним* (В.Е. Эминов, ред.). М.: Пенаты.
Melnikov, A.A. (2002). *Fraud and Its Prevention* (V.E. Eminov, ed.). Moscow: Penates Publ. (In Russ.).
13. Мешкова, Н.В., Кудрявцев, В.Т., Ениколопов, С.Н. (2022). К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 1, 138—157. <http://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06>
Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T., Enikolopov, S.N. (2022). To the psychological profile of victims of telephone fraud. *Moscow University Psychology Bulletin*, 1, 138—157. (In Russ.). <http://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06>
14. Полубинский, В.И. (1985). *Правовое учение о жертве*. М.
Polubinskii, V.I. (1985). *The legal doctrine of the victim: study guide*. Moscow. (In Russ.).
15. Репецкая, А.Л., Рыбальская, В.Я. (1999). *Криминология: общая часть: учебное пособие*. Иркутск.
Repetskaya, A.L., Rybal'skaya, V.Ya. (1999). *Criminology: the general part: study guide*. Irkutsk. (In Russ.).
16. Ривман, Д.В. (2002). *Криминальная виктимология*. СПб: Питер.
Rivman, D.V. (2002). *Criminal victimology*. Saint-Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
17. Романов, С.Л. (Ред.). (1999). *Мошенничество в России*. М.: ЭКСМО-пресс.
Romanov, S.L. (Ed.). (1999). *Fraud in Russia*. Moscow: EKSMO-press Publ. (In Russ.).
18. Сафуанов, Ф.С., Докучаева, Н.В. (2015). Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете. *Психология и право*, 5(4), 80—93. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050407>
Safuanov, F.S., Dokuchaeva, N.V. (2015). Personality characteristics of victims of unlawful

Колодкина Д.А., Дворянчиков Н.В.,
Дворянчикова К.Н. (2025)
Индивидуально-психологические факторы виктимного
поведения жертв телефонного мошенничества
Психология и право, 15(2), 140—153.

Kolodkina D.A., Dvoryanchikov N.V.,
Dvoryanchikova K.N. (2025).
Individual psychological factors of victim
behavior of victims of telephone fraud
Psychology and Law, 15(2), 140—153.

attacks on the Internet. *Psychology and Law*, 5(4), 80—93. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050407>

19. Сафуанов, Ф.С., Савина, О.Ф., Морозова, М.В., Переpravина, Ю.О. (2024). Предметные виды судебно-психологической экспертизы, назначаемой в связи с телефонным мошенничеством. *Теория и практика судебной экспертизы*, 19(1), 6—19. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-1-6-19>
Safuanov, F.S., Savina, O.F., Morozova, M.V., Perepravina, Yu.O. (2024). Subject Types of Forensic Psychological Examination Assigned in Connection with Phone Fraud. *Theory and Practice of Forensic Science*, 19(1), 6—19. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-1-6-19>
20. Титова, А.С. (2016). Факторы, влияющие на психологическое состояние жертвы. *Виктимология*, 2(8), 37—41. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27397945> (дата обращения: 15.11.2024).
Titova, A.S. (2016). Factors affecting the psychological state of the victim. *Victimology*, 2(8), 37—41. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27397945> (viewed: 15.11.2024).
21. Франк, Л.В. (1972). *Виктимология и виктимность: учебник*. Душанбе.
Frank, L.V. (1972). *Victimology and victimhood: a textbook*. Dushanbe. (In Russ.).
22. Шаехова, А.Ф. (2019). Виды телефонного мошенничества. *Инновационная наука*, 5, 151—153. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38028718> (дата обращения: 15.11.2024).
Shaekhova, A.F. (2019). Types of phone fraud. *Innovation Science*, 5, 151—153. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38028718> (viewed: 15.11.2024).
23. Яни, П.С. (2017). Мошенничество: момент возникновения умысла. *Законность*, 2(988), 32—37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28939039> (дата обращения: 15.11.2024).
Yani, P.S. (2017). Fraud: the time of emergence of intent. *Zakonnost Journal*, 2(988), 32—37. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28939039> (viewed: 15.11.2024).

Информация об авторах

Дарья Александровна Колодкина, начальник отдела психологических экспертных исследований, Московский исследовательский центр (ГБУ г. Москвы «МИЦ»), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5158-8735>, e-mail: darkol23ko@gmail.com

Николай Викторович Дворянчиков, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: dvorian@gmail.com

Ксения Николаевна Дворянчикова, студент кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9765-1957>, e-mail: dvorianick@gmail.com

Information about the authors

Darya A. Kolodkina, Head of the Department of Psychological Expert Research, Moscow Research Center, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5158-8735>, e-mail: darkol23ko@gmail.com

Колодкина Д.А., Дворянчиков Н.В.,
Дворянчикова К.Н. (2025)
Индивидуально-психологические факторы виктимного
поведения жертв телефонного мошенничества
Психология и право, 15(2), 140—153.

Kolodkina D.A., Dvoryanchikov N.V.,
Dvoryanchikova K.N. (2025).
Individual psychological factors of victim
behavior of victims of telephone fraud
Psychology and Law, 15(2), 140—153.

Nikolay V. Dvoryanchikov, Candidate of Science (Psychology), Docent, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: dvorian@gmail.com

Ksenia N. Dvoryanchikova, student of the of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9765-1957>, e-mail: dvorianick@gmail.com

Вклад авторов

Колодкина Д.А. — разработка дизайна исследования, сбор и обработка данных, подготовка аналитической справки по актуальному состоянию проблемы, оформление рукописи.

Дворянчиков Н.В. — разработка дизайна исследования, идеи теоретического и практического применения результатов исследования, корректировка рукописи.

Дворянчикова К.Н. — сбор и обработка данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the Authors

Darya A. Kolodkina — development of research design, data collection and processing, preparation of analytical information on the current state of the problem, preparation of the manuscript.

Nikolay V. Dvoryanchikov — development of the research design, ideas of theoretical and practical application of the research results, correction of the manuscript.

Ksenia N. Dvoryanchikova — data collection and processing.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 25.08.2024
Поступила после рецензирования 29.11.2024
Принята к публикации 16.12.2024
Опубликована 30.06.2025

Received 2024.08.25
Revised 2024.11.29
Accepted 2024.12.16
Published 2025.06.30

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Личные неприязненные отношения как мотив совершения убийства

И.Н. Мосечкин¹✉

¹ Вятский государственный университет, Киров, Российская Федерация

✉ weretowelie@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Личные неприязненные отношения являются самым распространенным мотивом совершения убийств, однако их понимание в судебной практике, психологии и теоретической юриспруденции не является однозначным. **Цель.** Определить структуру мотивов убийств, которые отражаются в судебной практике как «личные неприязненные отношения». **Гипотеза.** Юридическая категория «личные неприязненные отношения» фактически скрывает большой спектр разнообразных мотивов, обладающих существенными отличиями, которые могут оказать влияние на назначение наказания. **Методы и материалы.** Основные научные результаты были получены посредством проведения контент-анализа 200 приговоров, вынесенных в связи с совершением убийств. Приговоры были вынесены в период с 2019 по 2024 годы. Выборка судебных решений позволила охватить более 50 субъектов Российской Федерации. **Результаты.** На основе анализа было установлено, что в шаблонную юридическую категорию «личные неприязненные отношения» включают мотивы, имеющие между собой как общие черты, так и существенные различия. Преобладающими являются внутренние побуждения, вызванные словесным конфликтом и оскорблениями (нередко взаимными), противоправными насильственными действиями потерпевшего и ревностью. В меньшей степени к категории «личные неприязненные отношения» относят месть и желание избавиться от обязанностей по уходу за больным человеком. Установлено, что большая часть мотивов являются внезапно возникшими, но мотивы мести и желания избавиться от обязанностей характеризуются устойчивостью. **Выводы.** В судебной практике сложился формальный подход к субъективным признакам преступления, в результате которого различные мотивы сводятся к одной категории, а меры профилактики оказываются не вполне эффективными. В статье аргументируется целесообразность отказа от формального подхода при проведении расследования и судебного разбирательства. Полученные

Мосечкин И.Н. (2025)
Личные неприязненные отношения
как мотив совершения убийства
Психология и право, 15(2), 154—164.

Mosechkin I.N. (2025)
Personal hostility as a motive
for committing homicide
Psychology and Law, 15(2), 154—164.

результаты могут быть использованы при разработке и корректировке мер профилактики насильственной преступности.

Ключевые слова: мотив, убийство, неприязненные отношения, ревность, месть, приговор

Для цитирования: Мосечкин, И.Н. (2025). Личные неприязненные отношения как мотив совершения убийства. *Психология и право*, 15(2), 154—164.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150211>

Personal hostility as a motive for committing homicide

I.N. Mosechkin¹✉

¹ Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

✉ weretowelie@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Personal hostility is the most common motive for committing murders, but their understanding in judicial practice, psychology and theoretical jurisprudence is not unambiguous. **Objective.** To determine the structure of motives for murders, which are reflected in judicial practice as “personal hostility” **Hypothesis.** The legal category of “personal hostility” actually hides a wide range of different motives that have significant differences that can influence the sentencing. **Methods and materials.** The main scientific results were obtained through a content analysis of 200 murder convictions. The sentences were handed down between 2019 and 2024. The sample of court decisions made it possible to cover more than 50 constituent entities of the Russian Federation. **Results.** Based on the analysis, it was established that the template legal category of “personal hostile relations” includes motives that have both common features and significant differences. The predominant ones are internal motives caused by verbal conflict and insults (often mutual), illegal violent actions of the victim and jealousy. To a lesser extent, the category of “personal hostile relations” includes revenge and the desire to get rid of responsibilities for caring for a sick person. It was established that most motives arise suddenly, but the motives of revenge and the desire to get rid of responsibilities are characterized by stability. **Conclusions.** The author comes to the conclusion that a formal approach to the subjective features of a crime has developed in judicial practice, as a result of which various motives are reduced to one category, and preventive measures are not entirely effective. The article argues for the advisability of abandoning the formal approach when conducting an investigation and trial. The results obtained can be used in developing and adjusting measures to prevent violent crime.

Keywords: motive, murder, hostility, jealousy, revenge, sentence

For citation: Mosechkin, I.N. (2025). Personal hostility as a motive for committing homicide. *Psychology and Law*, 15(2), 154—164. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150211>

Введение

Мотив совершения преступления является одним из важнейших компонентов законного и справедливого привлечения виновного лица к уголовной ответственности. Уголовное законодательство выделяет внутренние побуждения в качестве обязательного признака субъективной стороны (например, при совершении подмены ребенка или злоупотребления должностными полномочия) или же в качестве факультативного признака. К сожалению, снижение юридической значимости мотива, отсутствие его обязательной роли приводит к его поверхностной оценке правоприменителем. По существу, суды и представители следственных органов используют шаблонные формулировки, наиболее соответствующие общей практике и видимым объективным признакам. Очевидно, что, например, застигнутому на месте преступления вору будет вменяться мотив корысти без глубокого анализа субъективных факторов. Как отмечает В.Г. Пичугин, имеет место формализм, нежелание или неумение исследовать личность обвиняемого, его отношение к содеянному (Пичугин, 2018).

Обращение к практическим материалам позволяет говорить о том, что мотив личных неприязненных отношений является доминирующим при совершении убийств в Российской Федерации (Султанова, 2019). Нам представляется, что в действительности под вышеуказанную формулировку подпадают самые разнообразные внутренние побуждения, иногда имеющие достаточно мало общего. Их поверхностная оценка слабо способствует эффективной профилактике и нейтрализации условий совершения преступления.

В отдельных зарубежных исследованиях указывается, что мужчины, совершившие убийства, часто имели мотивы ревности или гнева из-за разлуки, неудач в личных отношениях, что российские правоприменители часто относят к личным неприязненным отношениям наряду со страхом или раздражением, вызванным противоправным поведением потерпевшего (Thomsen et al., 2019). Исследователи убийств интимных партнеров, совершенных в Швеции, указывают на внутренние побуждения, связанные с ревностью, жестокостью и оскорблениями партнера, спорами и конфликтами (Enander et al., 2021). Иными словами, авторы не дают обобщенную формулировку, а детально рассматривают мотивационную сферу.

Одно из исследований убийств, совершенных женщинами, продемонстрировало преобладание внутренних побуждений, связанных с оскорблениями, насильственными действиями и ревностью, что в отечественной практике также относится к личным неприязненным отношениям (Mosechkin, 2023). Между тем убийства, вызванные ревностью, оскорблениями, переживаниями из-за расставания или противоправными действиями потерпевшего, отличаются по степени общественной опасности, условиями совершения деяния и, как следствие, правовыми аспектами в виде должной юридической ответственности и разработки мер профилактики. Чрезмерное обобщение мотивов в категорию «личные неприязненные отношения» обладает негативным влиянием, достаточным для того, чтобы поставить вопрос о переосмыслении сложившихся подходов.

Более того, по итогам изучения материалов судебной практики, Е.И. Думанская пришла к выводу о том, что в ряде случаев не учтены обстоятельства, формирующие внутренние побуждения, а с отдельными определениями мотива невозможно согласиться. Автор приводит достаточное количество примеров, когда мотив, отраженный как «личные неприязненные отношения» в действительности таковым не являлся (Думанская, 2021).

Вышеизложенное обуславливает актуальность и целесообразность исследования мотива «личные неприязненные отношения», отраженного в правоприменительных актах — приговорах судов.

Материалы и методы

В качестве метода настоящего исследования применялся контент-анализ. Были изучены двести обвинительных приговоров судов, вынесенных в связи с совершением убийства, квалифицированного по ст. 105 УК РФ. Отбору для анализа подлежали лишь те приговоры, в которых мотив преступления был отражен как «личные неприязненные отношения». Приговоры были вынесены в период с 2019 по 2024 гг. Выборка судебных решений позволила охватить более 50 субъектов Российской Федерации, что отражает достаточную степень репрезентативности.

Результаты

Анализ и сравнение приговоров, вынесенных по делам об убийстве, позволили установить, что шаблонная юридическая формулировка «личные неприязненные отношения» скрывает множество разнообразных мотивов, сущность которых существенно различается. Часть из них связана с аморальным или противоправным поведением одного из участников конфликта, другая часть — с мстью за ранее совершенные действия, третья — с половыми отношениями. Наиболее полно показатели отражены в таблице «Структура мотивов, относящихся в судебной практике к личным неприязненным отношениям».

Таблица / Table

**Структура мотивов, относящихся в судебной практике
к личным неприязненным отношениям**

The structure of motives related to personal hostile relationships in judicial practice

Мотив / Motive	Доля в категории «личные неприязненные отношения» / Share in the category “personal hostility”	Временной характер / Temporary nature	
		Внезапно возникший / Sudden occurrence	Устойчивый / Sustainable
Неприязнь, вызванная словесным конфликтом, оскорблениями / Hostility caused by verbal conflict, insults	58%	95%	5%
Ревность / Jealousy	19%	92,1%	7,9%
Неприязнь, вызванная противоправными насильственными действиями / Hostility caused by unlawful acts of violence	12%	100%	0%

Мсть / Revenge	10%	10%	90%
Желание избежать обязанностей / Desire to avoid responsibilities	1%	0%	100%

Как правило мотив являлся внезапно возникшим (85,5%), сформированным в условиях неблагоприятной обстановки, сопровождающейся ссорами, скандалами, претензиями, употреблением спиртного, наличием неблагополучного окружения. Лишь в 14,5% случаев мотив носил устойчивый характер в связи с негативными для виновного лица событиями, имевшими место в прошлом (обвинения, оскорбления, побои).

В большинстве случаев личным неприязненным отношениям непосредственно предшествовал словесный конфликт, сопровождавшийся оскорблениями (58%). Иначе говоря, поводом к убийству послужили высказывания потерпевшего, сформировавшие или укрепившие неприязнь к нему и умысел, направленный на лишение жизни.

В частности, согласно приговору Норильского городского суда по делу № 1-36/2024, подсудимый освобожден из мест лишения свободы и приехал в г. Норильск на заработки, где проживал в квартире совместно с другими работниками организации. Во время употребления спиртного у него с потерпевшим возник конфликт из-за того, что тот его стал оскорблять нецензурными словами. Подсудимый достал из кармана надетых на нём шорт нож и нанес им один удар в область груди потерпевшего, который сразу зажал рану и вышел в залное помещение, попросив вызвать скорую медицинскую помощь. Подсудимый забрал сумку и вышел на улицу, хотел уйти, но был задержан сотрудниками полиции. В дальнейшем ему сообщили, что потерпевший скончался от удара ножом¹.

Нередко личные неприязненные отношения внезапно возникали вследствие противоправных насильственных действий потерпевшего (12%). Указанное не означает, что имел место мотив обороны. При квалификации по ст. 105 УК РФ, суды, как следует из текстов приговоров, весьма тщательно обращали внимание на характер угроз подсудимому. Во всех рассмотренных случаях было установлено, что угрозы жизни не существовало, а позиция подсудимого об обороне являлась способом его процессуальной защиты и опровергалась иными доказательствами. В противном случае содеянное квалифицировалось бы по ст. 108 УК РФ или вовсе не являлось бы преступлением.

В частности, согласно приговору Ангарского городского суда Иркутской области по делу № 1-228/2024, подсудимый распивал спиртное с потерпевшим в квартире. Потерпевший стал подсудимого оскорблять, затем внезапно набросился на него и стал душить руками. Подсудимый сдернул захват, забежал на кухню и, схватив один из кухонных ножей, развернулся и сказал: «Уходи». Однако потерпевший продолжал нападать, попытался ударить кулаком. Завязалась борьба, в ходе которой оба упали на пол. Подсудимый стал наносить множественные беспорядочные удары ножом погибшему в область тела, груди сбоку, ягодиц, в голову, в область темечка, шею, удары наносил беспорядочно, нож менял из правой руки в левую. Из оглашенных показаний следует, что подсудимый наносил удары ножом, поскольку разозлился на потерпевшего².

¹ Приговор Норильского городского суда по делу № 1-36/2024 от 25.01.2024.

² Приговор Ангарского городского суда Иркутской области по делу № 1-228/2024 от 28 февраля 2024.

Приведенные выше разновидности мотивов, отнесенных к категории личных неприязненных отношений, являются типовыми. Собственно, сформировавшаяся в судебно-следственной практике формулировка и была призвана охватить подобные случаи. Как утверждается в литературе, более двух третей актов криминальной агрессии на почве личной неприязни происходят в результате внезапной ссоры на фоне алкогольного опьянения, взаимных претензий, конфликта, переросшего в агрессивную фазу. При этом впоследствии виновный часто удивляется случившемуся и полностью признает вину (Питулько, Сергеева, 2022).

Однако далее необходимо обратить внимание на внутренние побуждения, имеющие иную сущность. Из рассмотренных убийств 19% были совершены по мотиву ревности, который привел к лишению жизни соперника или человека, взаимоотношения с которым для виновного лица были важны. Суды также отнесли ревность к личным неприязненным отношениям, поставив мотив в один ряд со злостью, вызванной нападением потерпевшего.

В частности, согласно приговору Ангарского городского суда Иркутской области по делу № 1-1021/2023, у подсудимого, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к М. Л. В., возник умысел на убийство последней, реализуя который, подсудимый вооружился отверткой и, используя ее в качестве оружия, нанес множественные удары в жизненно важные части тела человека. Сам же подсудимый показал, что они с М.Л.В. любили друг друга. После совместного времяпрепровождения на празднике друзей, М.Л.В. куда-то исчезла, и подсудимый подумал, что она ушла к С.И.В., что вызвало у него чувство ревности. По возвращении М.Л.В. домой подсудимый избил ее и нанес удары отверткой. М.Л.В. притворилась мертвой, а когда подсудимый вышел из комнаты, она поднялась с пола и выбежала из дома, направившись к соседям, которые по ее просьбе вызвали скорую медицинскую помощь³.

Изучение приговоров позволило также установить, что 10% убийств совершается по мотиву мести. Желание нанести смертельный вред обидчику проистекало по разным причинам: отказ в материальной помощи, обвинения в порочащем достоинство поступке, отказ вступить в половой акт, предшествовавшие убийству оскорбления и вред здоровью.

В частности, как следует из приговора Грибановского районного суда Воронежской области по делу 1-109/2023, подсудимый работал трудником в монастыре, а потерпевший являлся его бригадиром. Подсудимый заподозрил потерпевшего в наркомании, решил, что ему как бригадиру подчиняться не будет. Потерпевший попытался подговорить других работников, что подсудимый ранее вскрыл монастырскую казну, что не соответствовало действительности и являлось ложью. Подсудимый разозлился на потерпевшего, так как считал данный поступок недопустимым для человека, проживающего и трудящегося в монастыре. В один из дней сентября потерпевший подошел к подсудимому, протянул ему деньги и паспорт, и сообщил, что ему следует покинуть монастырь по решению настоятеля. Закончив рабочую смену и употребив алкоголь, подсудимый принял решение убить потерпевшего ножом. Утром подсудимый встретился с потерпевшим и спросил, по его ли решению его выгоняют. Ответ не запомнил. Вернулся в келью, взял нож и направился по месту проживания потерпевшего, произнес: «мразь, я же тебе сказал, чтобы ты ко мне не лез», — после чего попытался нанести

---

³ Приговор Ангарского городского суда Иркутской области по делу №1-1021/2023 от 13.02.2024.

несколько ударов в шею. Нож у него отняли, и довести убийство до конца стало невозможно по независящим от подсудимого причинам⁴.

Как следует из текста приговора, между подсудимым и потерпевшим действительно сформировались неприязненные, даже враждебные отношения. Однако конкретным поводом к убийству послужили действия потерпевшего, в результате которых подсудимого выгнали из монастыря.

В двух приговорах (1%), вынесенных в связи с совершением убийства, встретился мотив избегания обязанностей по уходу за больным родственником. В частности, как было установлено Краснодарским краевым судом по делу № 2-35/2021, мать подсудимого, имея диагноз «Сенильная деменция с психотическими включениями, утратой навыков самообслуживания», длительное время не могла без посторонней помощи принимать пищу, переодеваться, осуществлять гигиенические процедуры и отправлять естественные надобности, в связи с чем подсудимый и его сестра вынуждены были постоянно находиться вместе или поочередно в доме своей матери. На почве необходимости ежедневного ухода за своей беспомощной матерью на протяжении последних месяцев, у подсудимого возникли к ней личные неприязненные отношения, обусловившие умысел на убийство. Подсудимый вошел в комнату матери и, осознавая, что она не может оказать ему сопротивление, сдавил двумя руками ее шею, затрудняя дыхание и повреждая жизненно важные органы шеи. Механическая асфиксия, повлекла за собой смерть потерпевшей, наступившую на месте преступления⁵.

Обсуждение результатов

Как справедливо отмечает К.К. Станкевич, ревность — это психологическое состояние, возникающее, как правило, постепенно, окрашенное тревожностью, гневом и иными негативными чувствами, возникающими в ответ на реальную или воображаемую измену близкого человека (Станкевич, 2016). Недопустимо, на наш взгляд, сводить ревность к личным неприязненным мотивам, поскольку она тесно связана с близкими, интимными отношениями, имеет иную природу и придает преступлению иную степень общественной опасности, что должно быть принято во внимание при назначении справедливого наказания и выработке мер профилактики.

Полагаем, мотив мести недопустимо относить к общей формулировке «личные неприязненные отношения», поскольку данное внутреннее побуждение обладает специфическими чертами. Месть возникает в ответ на поведение (часто, противоправное или аморальное) другого человека, причем такое поведение рассматривается виновным как личная обида или оскорбление. Неслучайно законодатель даже подразделяет виды мести в уголовном законе. Например, обстоятельством, отягчающим наказание, является исключительно месть за правомерные действия (п. «е.1» ст. 63 УК РФ).

Кроме того, убийство, совершаемое из мести, может быть направлено даже на малознакомых и незнакомых людей, тогда как личные неприязненные отношения выстраиваются между знакомыми, родственниками и сожителями. Необходимо обратить внимание на то, что преступления по мотиву личной неприязни совершаются с внезапно возникшим умыслом (Севостьянов, 2018). Результаты проведенного исследования говорят,

⁴ Приговор Грибановского районного суда Воронежской области по делу 1-109/2023 от 19.01.2024.

⁵ Приговор Краснодарского краевого суда по делу № 2-35/2021 от 21 октября 2021 г.

что для мести характерен заранее обдуманный умысел, а само внутреннее побуждение является устойчивым. Именно убийства, совершенные по мотиву мести, характеризовались, как следует из текстов приговоров, устойчивыми внутренними побуждениями, возникшими в связи с негативными событиями, имевшими место в прошлом.

В литературе утверждается, что разграничение мотивов мести и ревности является затруднительным, поскольку они включают в свое содержание общие для них элементы: злобу, ненависть или обиду (Нуркаева, 2016). Соглашаясь с высказанной позицией, все же отметим, что месть и ревность являются близкими по сути внутренними побуждениями, и вместе с тем они кардинально отличаются от внезапной неприязни, вызванной словесными или насильственными конфликтами. Соответственно, иными должны быть организация профилактической работы по предупреждению убийств, иначе должна определяться степень общественной опасности убийства и личности убийцы.

Как представляется, в случае убийства тяжелобольного человека, в том числе в приведенном выше примере, мотивы обусловлены не обидой и неприязненными отношениями к нему, а желанием прервать вынужденные обязанности по уходу посредством убийства, поскольку другие варианты (найм квалифицированной сиделки, устройство потерпевшей в дом-интернат) были недоступны. Использование такой формулировки, как личная неприязнь, для вышеуказанного случая кажется неприемлемым и не отражающим суть внутренних побуждений, вызвавших решимость совершить убийство.

По итогам собственного исследования Е.И. Думанская пришла к выводу о том, что для правоприменителя ситуация совершения из личных неприязненных отношений преступления,отягощенного конфликтом, не отличается от преступления, связанного с домашним насилием, а мотивы поведения для судебной практики выглядят абсолютно одинаково (Думанская, 2021). В дополнение отметим, что одинаковыми для правоприменителя выглядят мотивы убийства больной матери, убийства собутыльника, ведущего аморальный образ жизни, убийства человека, распространяющего клевету, и убийства женщины, подозреваемой в измене. Во всех обозначенных случаях виновные лица испытали внезапно возникшую или устойчивую личную неприязнь.

Причины объединения видятся, помимо всего прочего, в том, что личные неприязненные отношения не являются конструктивным или квалифицирующим признаком состава преступления, поэтому в юридическом значении и месть, и ревность, и ссора находятся примерно на одном и том же уровне. В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что смысл мотива преступления, который используется юристами в качестве обоснования побуждающей силы при совершении преступления, в процессе рассмотрения уголовных дел формулируется зачастую некорректно (Колесов, 2011). До определенной степени упрощение и обобщение внутренних побуждений видится оправданным, поскольку противоположный подход в значительной мере осложнил и замедлил бы расследование преступлений и привлечение виновного лица к ответственности, а в ряде случаев сделал бы это попросту невозможным. Однако чрезмерные упрощения и обобщения приводят к тому, что мотивационная сфера нарушителя, причины и условия трансформации его поведения, ценностные установки остаются вне правового зрения. Соответственно, проблематичным является достижение целей наказания — исправление лица и предупреждение совершения им повторных нарушений.

На наш взгляд, судебным и следственным органам следует отказаться от формального подхода и, в частности, сведения разнородных мотивов убийства к личным неприязненным

отношениям. Как уже указывалось, месть, ревность, желание избежать обязанностей по уходу и гнев, вызванный аморальными или противоправными действиями лица, имеют неодинаковую природу, возникают в неодинаковых обстоятельствах, неодинаково характеризуют степень общественной опасности преступления и индивида, его совершившего. Учет различий и более глубокий подход к выяснению мотива совершения преступления положительно скажется на справедливости наказания и профилактике преступлений.

Заключение

В рамках исследования на примере убийств были детально проанализированы внутренние побуждения, отнесенные судебной и следственной практикой к устоявшейся шаблонной категории «личные неприязненные отношения». Выявлено, что в эту категорию относят мотивы, имеющие между собой как общие черты, так и существенные различия.

В подавляющем большинстве случаев убийство совершалось из-за неприязни, вызванной словесным конфликтом и оскорблениями (нередко взаимными). Вторым по распространенности является мотив ревности, третьим — неприязни, вызванной противоправными насильственными действиями потерпевшего. В меньшей степени к категории «личные неприязненные отношения» относят месть и желание избавиться от обязанностей по уходу за больным человеком.

Сложившийся в практике подход привел к тому, что мотивы разнообразных убийств (больной матери, агрессивного собутыльника или лица, совершившего супружескую измену) поверхностно сводятся к личной неприязни, что говорит о формальном отношении к субъективным признакам преступления. В частности, ревность, месть и желание избавиться от обязанностей имеют иную природу, придают преступлению иную степень общественной опасности и иначе характеризуют личность виновного лица. Различие кроется и во временных характеристиках внутренних побуждений. Так, мотивы мести и желания избавиться от обязанностей показали наибольшую устойчивость, остальные выявленные мотивы чаще были внезапно возникшими.

Полагая, в рамках проведенного исследования удалось подтвердить позицию о том, что судебным и следственным органам следует отказаться от формального подхода и, в частности, сведения разнородных мотивов к личным неприязненным отношениям. В противном случае неэффективными окажутся многие меры профилактики преступлений, а также повысится вероятность вынесения несправедливого, необоснованного акта правоприменения.

В то же время необходимо отметить, что возможно даже более глубокое и тщательное изучение мотивов убийств. Из содержания приговоров вытекает, что месть, например, подразделяется на подвиды. В исследованных документах встретились акты мести за правомерные действия, оговор, заступничество и аморальные поступки. Целесообразно посвятить им отдельные исследования, что позволит лучше разобраться в различиях мотивов и мотивации, а также разработать наиболее эффективные меры предупреждения преступности.

Ограничения. Исследование было ограничено текстом судебных приговоров, часть информации (персональные данные) из которых исключается перед опубликованием.

Limitations. The study was limited to the text of court verdicts, some information (personal data) from which was excluded before publication.

Список источников / References

1. Думанская, Е.И. (2021). Установление мотивов как условие для выработки мер профилактики домашнего насилия. *Вестник Югорского государственного университета*, 17(2), 106—111. <https://doi.org/10.17816/byusu202102106-111>
Dumanskaya, E.I. (2021). Establishing motives as a condition for developing measures to prevent domestic violence. *Yugra State University Bulletin*, 17(2), 106—111. (In Russ.). <https://doi.org/10.17816/byusu202102106-111>
2. Колесов, С.Г. (2011). Мотив криминального поведения в психологической науке и юридической практике. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 3, 361—367. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16546118> (дата обращения: 24.07.2024).
Kolesov, S.G. (2011). The motive of criminal behavior in psychological science and legal practice. *Current Issues in the Humanities and Natural Sciences*, 3, 361—367. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16546118> (viewed: 24.07.2024).
3. Нуркаева, Т.Н. (2016). Спорные вопросы квалификации убийства, совершенного из хулиганских побуждений и по бытовым мотивам. *Вестник ВЭГУ*, 4(84), 106—112. URL: <https://elibrary.ru/whqwij> (дата обращения: 24.07.2024).
Nurkaeva, T.N. (2016). The Issues on Qualification of Murder Committed from Hooligan Incentives and Domestic Reasons. *Bulletin of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy*, 4(84), 106—112. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/whqwij> (viewed: 24.07.2024).
4. Питулько, К.В., Сергеева А.А. (2022). Проблемы установления мотивов ревности, ненависти или вражды в структуре субъективной стороны насильственных преступлений. *Право и государство: теория и практика*, 8(212), 122—124. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_8_122
Pitulko, K.V., Sergeeva A.A. (2022). Problems of establishing the motives of jealousy, hatred or enmity in the structure of the subjective side of violent crimes. *Law and State: Theory and Practice*, 8(212), 122—124. (In Russ.). https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_8_122
5. Пичугин, В.Г. (2018). Исследование вмененного и субъективного мотива совершения преступления. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 7(3A), 37—45. URL: <https://elibrary.ru/xwbegt> (дата обращения: 24.07.2024).
Pichugin, V.G. (2018). Investigation of the imputed and subjective motive of committing a crime. *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 7(3A), 37—45. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/xwbegt> (viewed: 24.07.2024).
6. Севостьянов, Р.А. (2018). Личная неприязнь как мотив совершения преступления. *Вопросы российского и международного права*, 8(9A), 221—227. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36759873> (дата обращения: 24.07.2024).
Sevost'yanov, R.A. (2018). Personal antipathy as a motive for committing a crime. *Matters of Russian and International Law*, 8(9A), 221—227. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36759873> (viewed: 24.07.2024).
7. Станкевич, К.К. (2016). Мотивы и цели убийств, совершенных без квалифицирующих и привилегированных обстоятельств. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*, 1-2, 259—265. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26021889> (дата обращения: 24.07.2024).
Stankevich, K.K. (2016). The motives of the murders committed without any qualifying circumstances and preference. *News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 1-2, 259—265. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26021889> (viewed: 24.07.2024).

Мосечкин И.Н. (2025)
Личные неприязненные отношения
как мотив совершения убийства
Психология и право, 15(2), 154—164.

Mosechkin I.N. (2025)
Personal hostility as a motive
for committing homicide
Psychology and Law, 15(2), 154—164.

8. Султанова, С.О. (2019). Особенности расследования серийных убийств. *Вопросы российской юстиции*, 1, 764—770. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38489216> (дата обращения: 24.07.2024).
Sultanova, S.O. (2019). Features of the investigation of serial murders. *Questions of Russian Justice*, 1, 764—770. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38489216> (viewed: 24.07.2024).
9. Enander, V., Krantz, G., Lysell, H., Örmön K. (2021). Before the killing: intimate partner homicides in a process perspective: Part I. *Journal of Gender-Based Violence*, 5(1), 59—74. <https://doi.org/10.1332/239868020X15922355479497>
10. Mosechkin, I. (2023). Why women kill: studying motives for committing crimes. *Women & Criminal Justice*, 33(3), 207—220. <https://doi.org/10.1080/08974454.2021.1980483>
11. Thomsen, A.H., Leth, P.M., Hougen, H.P., Villesen, P., Brink O. (2019). Homicide in Denmark 1992—2016. *Forensic Science International: Synergy*, 1, 275—282. <https://doi.org/10.1016/j.fsisy.2019.07.001>

Информация об авторах

Илья Николаевич Мосечкин, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, Вятский государственный университет (ФГБОУ ВО ВятГУ), Киров, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: weretowelie@gmail.com

Information about the authors

Ilya N. Mosechkin, Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure Law and National Security, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: weretowelie@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 19.08.2024
Поступила после рецензирования 25.09.2024
Принята к публикации 15.12.2024
Опубликована 30.06.2025

Received 2024.08.19
Revised 2024.09.25
Accepted 2024.12.15
Published 2025.06.30

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Психопатия и обыденный садизм как предикторы антисоциального поведения: исследование на выборке лиц, совершивших уголовные преступления

Ю.А. Атаджыкова¹✉, С.Н. Ениколопов¹, Т.П. Мильчарек²

¹ Научный центр психического здоровья, Москва, Российская Федерация

² Омский государственный технический университет, Омск, Российская Федерация

✉ at.julia@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Антисоциальное поведение обладает рядом характеристик, имеющих деструктивные последствия для общества. Исследования показывают, что антисоциальные действия и агрессия часто опосредуются релевантными эмоционально-личностными особенностями, в том числе так называемыми «темными» чертами личности. **Цель.** Выявить взаимосвязи между психопатией, обыденным садизмом, агрессией и антисоциальным поведением у лиц, совершивших уголовные преступления. **Гипотеза.** Психопатия и обыденный садизм обладают прогностической силой в отношении выраженности антисоциального поведения и агрессии. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 278 мужчин, осужденных за правонарушения, в возрасте от 18 до 77 лет ($M = 36,6$; $SD = 10,3$). Респонденты добровольно заполнили набор психологических опросников, измеряющих выраженность исследуемых черт и поведенческих тенденций (Триерархический опросник психопатии, Всесторонний опросник садистических тенденций, опросник агрессии Басса—Перри, Анкета выраженности антисоциального поведения и опросник «Краткая Темная триада»). **Результаты.** Результаты показали, что психопатия и обыденный садизм тесно связаны между собой, а также со всеми аспектами агрессии. Садистические тенденции значимо положительно связаны с явными формами агрессии. Фактор бессердечия психопатии позволил дифференцировать индивидов по наличию сексуального характера у совершенного преступления. Психопатия, обыденный садизм и макиавеллизм являются значимыми предикторами выраженности антисоциального поведения. Наконец, обнаружена связь между выраженностью психопатии и тяжестью совершенного преступления. **Выводы.** Исследование таких эмоционально-личностных особенностей, как психопатия и обыденный садизм, имеют ценность в контексте прогнозирования антисоциального

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

поведения и оценки рисков. Полученные результаты могут быть использованы для разработки инструментов скрининга и оценки рисков, а также интервенционных программ в местах лишения свободы.

Ключевые слова: антисоциальное поведение, агрессия, психопатия, обыденный садизм, темная триада

Благодарности. Авторы благодарят руководство исправительных учреждений Омской области за активное содействие в сборе данных.

Для цитирования: Атаджыкова, Ю.А., Ениколопов, С.Н., Мильчарек, Т.П. (2025). Психопатия и обыденный садизм как предикторы антисоциального поведения: исследование на выборке лиц, совершивших уголовные преступления. *Психология и право*, 15(2), 165—184. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150212>

Psychopathy and everyday sadism as predictors of antisocial behavior in a sample of criminal offenders

Yu.A. Atadzhykova¹✉, S.N. Enikolopov¹, T.P. Milcharek²

¹ Mental Health Research Center, Moscow, Russian Federation

² Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

✉ at.julia@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Antisocial behavior is a phenomenon notorious of its destructive outcomes for any society. Research shows that antisocial acts and aggression are often mediated by some relevant personality traits, such as the so-called dark personality traits. **Objective.** To identify meaningful relationships between psychopathy, everyday sadism, aggression and antisocial behavior in individuals convicted of criminal offence. **Hypothesis.** Psychopathy and everyday sadism can serve as predictors of antisocial behavior and aggression. **Methods and materials.** The study was conducted on the sample of male inmates (N=278) from 18 to 77 years old (M=36.6; SD=10.3). The respondents have consented to filling out the questionnaires which measured relevant personal and behavioral characteristics: Triarchic Psychopathy Measure (TriPM); Comprehensive Assessment of Sadistic Tendencies (CAST); Bass-Perry Aggression Questionnaire (BPAQ); Styles of Antisocial Behavior form (STAB) and Short Dark Triad (SD3). **Results.** The findings suggest that in the forensic sample psychopathy and everyday sadism are tightly interconnected and significantly associated with all aspects of aggression. Sadistic tendencies were significantly and positively correlated with overt forms of aggression. Psychopathy, everyday sadism and Machiavellianism were predictors of antisocial behavior. Finally, psychopathy scores were significantly and positively related to the severity of crime. **Conclusions.** The study of such personality phenomena as psychopathy and everyday sadism can enhance our understanding of the predictors of antisocial behavior and aggression. The findings can be used for developing risk

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

assessment and screening procedures, as well as intervention programs at detention facilities.

Keywords: antisocial behavior, aggression, psychopathy, everyday sadism, dark triad

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection to the administration of the correctional facilities of the Omsk region.

For citation: Atadzhykova, Yu.A., Enikolopov, S.N., Milcharek, T.P. (2025). Psychopathy and everyday sadism as predictors of antisocial behavior in a sample of criminal offenders. *Psychology and Law*, 15(2), 165—184. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150212>

Введение

Антисоциальное поведение включает в себя акты, нарушающие социальные нормы и права других людей, и часто характеризуется враждебностью, жестокостью, физической агрессией и другими характеристиками, имеющие деструктивные последствия для общества. Исследования показывают, что действия, подпадающие под определение антисоциальных, часто сочетаются с (и/или опосредуются) различными факторами, в том числе эмоционально-личностными особенностями, например поиском острых ощущений, импульсивностью, эмпатией и др. (Álvarez-García et al., 2019; Oskarsson, Raine, Baker, 2024). В числе феноменов, крайне значимых для понимания и прогнозирования антисоциального поведения, находятся так называемые «темные черты личности», в современной модели включающие наравне с психопатией, нарциссизмом и макиавеллизмом также и субклинический садизм (Chabrol et al., 2009; Thomas, Egan, 2022). Эти связи долгое время находятся в фокусе внимания исследователей и изучаются как в общей популяции, так и на выборках лиц, находящихся в местах лишения свободы (Мехтиханова, Ядрухина, 2020; Boduszek et al., 2019; Fox, DeLisi, 2019). Понимание того, что некоторые эмоционально-личностные и поведенческие особенности фасилитируют приверженность девиантному поведению и/или устойчиво сочетаются с ним, принципиально важно, как с точки зрения углубления концептуального понимания проблемы антисоциального поведения и смежных конструктов, так и с практической точки зрения — для разработки превентивных мер, скринингов, терапевтических интервенций и т. д.

В настоящем исследовании на выборке лиц, осужденных за уголовные преступления, изучается связь между антисоциальным поведением и агрессией и наиболее релевантными темными чертами личности, исследование которых в настоящее время расширяется и выходит за рамки модели Темной тетрады: психопатией и обыденным садизмом.

По разным данным, распространенность психопатии среди заключенных составляет от 4,5% (Sanz-García et al., 2021) до 24,3% (Wolde, Tesfaye, Yitayih, 2021), в то время как в общей популяции это лишь 1% или ниже (Patrick, Drislane, 2015). Неотъемлемыми частями концепта психопатии считаются персистентные отклонения в поведении, сочетающиеся с рядом эмоционально-личностных особенностей (в том числе бессердечностью, импульсивностью и др.) (Patrick, 2010). В зарубежной клинической науке разработано несколько моделей психопатии, и для исследования психопатии на русскоязычных выборках было принято решение адаптировать методику измерения психопатии К. Патрика, в основе которой лежит триерархическая модель. Эта трехфакторная модель является интегративной и включает

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

шкалы: 1) Несдержанность (Disinhibition), которая представляет собой общую склонность к трудностям импульсивности и контроля; 2) Социальную смелость (Boldness), включающую способность сохранять спокойствие в ситуациях угрозы, высокую толерантность к неопределенности и др.; 3) Бессердечие (Meanness) — совокупность черт, включающих дефицитарную эмпатию, склонность эксплуатировать других, достижение целей через жестокость и т. п. На основе этой модели К. Патриком был разработан опросник, который, имея формат самоотчета, обладает рядом преимуществ, в том числе простотой и универсальностью использования, низкой ресурсозатратностью для специалиста и респондента, и т. д. В другом обзоре авторов можно ознакомиться с различными моделями психопатии и преимуществами триерархической модели более подробно (Атаджыкова, Ениколопов, 2016). Исследования психопатии на выборках заключенных подтверждают связь психопатии с агрессией и антисоциальным и криминальным поведением, в том числе прогностического характера (Bergström, Farrington, 2021; Gray et al., 2021; Lussier, McCuish, Corrado, 2022).

Другой важный для понимания антисоциального поведения и агрессии конструкт — субклинический, или обыденный, садизм — представляет собой относительно новое понятие в психологических исследованиях. Исследование садизма как самостоятельного конструкта берет начало в изучении сексуального садизма, однако в последнее время в зарубежной психологии садизм все чаще рассматривают в отрыве от сексуального контекста, а именно — как еще одну темную черту личности наряду с психопатией, нарциссизмом и макиавеллизмом (Johnson, Plouffe, Saklofske, 2019). Хотя включение садизма в Темную триаду личностных черт сегодня является предметом дискуссии, самостоятельность феномена обыденного садизма уже подтверждена многими исследованиями, посвященными в том числе экстенсивным и значимым связям этого конструкта с такими психологически, социально и экономически значимыми явлениями, как агрессия и антисоциальное поведение (Chabrol et al., 2009; Buckels, Jones, Paulhus, 2013; Chester, DeWall, Enjaian, 2018). Обыденный садизм определяется авторами термина как набор поведенческих, когнитивных и эмоционально-личностных характеристик, имеющих более мягкие формы манифестации по сравнению со своими клиническими эквивалентами (в категории расстройств личности и парафилий), и подразумевающий наличие у индивида стремления причинить боль ради причинения боли самого по себе (Reidy, Zeichner, Seibert, 2011; Buckels, Jones, Paulhus, 2013).

Ввиду относительной новизны как самого конструкта обыденного садизма, так и методов его измерения, в настоящее время практически отсутствуют исследования субклинического несексуального садизма на выборках индивидов, совершивших правонарушения. В настоящем исследовании используется единственная англоязычная методика измерения черты обыденного садизма, которая была недавно переведена на русский язык и апробирована авторами (Кузнецова и др., 2024), основанная, в свою очередь, на современной модели обыденного садизма как черты, континуально распределенной в популяции.

Цели данного исследования: 1) уточнение релевантных эмоционально-личностных и поведенческих характеристик заключенных, осужденных за совершение насильственных и ненасильственных преступлений различной степени тяжести; 2) выявление значимых связей между психопатией, обыденным садизмом, другими «темными» чертами личности, антисоциальным поведением и агрессией; 3) проверка гипотез о прогностической роли

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhikova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

психопатии и обыденного садизма в отношении выраженности антисоциального поведения и агрессии.

Материалы и методы

В исследовании участвовали 278 испытуемых мужского пола, отбывающих наказание в мужских исправительных учреждениях Омской области. Из них 72,7% (202 чел.) составили осужденные за ненасильственные преступления, 27,3% (76 чел.) — за насильственные. 4,3% испытуемых (12 чел.) совершили преступления сексуального характера (насильственные действия сексуального характера или изнасилование). Выборка также была разделена на 4 группы в зависимости от степени тяжести преступления: совершившие преступления легкой степени тяжести составили 27% (75 чел.), средней тяжести — 20,1% (56 чел.), тяжкие — 23,4% (65 чел.), крайне тяжкие — 29,5% (82 чел.). Испытуемые принимали участие в опросе на добровольной основе; критерии исключения не применялись.

Средний возраст испытуемых составил 36,3 года (минимальный — 18, максимальный — 77, ст. отклонение 10,3). Медианное значение возраста — 35,5 лет. Все респонденты добровольно заполнили набор распечатанных анкет.

В исследовании были использованы следующие методики.

1. Триерархический опросник психопатии (ТОП) (Patrick, 2010; Атаджыкова, Ениколопов, 2015). Опросник включает 58 пунктов, для каждого из которых испытуемые должны отметить степень своего согласия по 4-балльной шкале. Пункты распределены по трем шкалам (Несдержанность, Социальная Смелость и Бессердечие), включающие 20, 19 и 19 пунктов соответственно.

2. Всесторонняя оценка садистических тенденций (ВОСТ) (Buckels, Jones, Paulhus, 2013; Кузнецова и др., 2024). Опросник включает 18 пунктов и разделен на три субшкалы, отражающих физическую, вербальную и опосредованную формы обыденного садизма, каждая из которых включает по 6 пунктов. Для каждого пункта испытуемые должны отметить степень своего согласия по 5-балльной шкале.

1. Опросник SD3 (Краткая Темная триада) (Егорова, Ситникова, 2014). Этот опросник включает 27 пунктов, которые распределены по трем шкалам: Психопатия, Макиавеллизм и Нарциссизм. Для каждого пункта испытуемые должны отметить степень своего согласия по 5-балльной шкале.

4. Опросник диагностики агрессии Басса—Перри (BPAQ) (Ениколопов, Цибульский, 2007). Методика представляет собой опросник в форме самоотчета с четырьмя возможными вариантами ответа: «Не согласен» (1), «Скорее не согласен» (2), «Скорее согласен» (3), «Согласен» (4). Методика используется для измерения склонности индивида к физической агрессии, враждебности и гневу и включает три одноименных шкалы.

5. Анкета выраженности антисоциального поведения (ААП) (Burt, Donnellan, 2009) — опрос, целью которого является установление выраженности паттернов антисоциального поведения с помощью оценки частоты совершения подобных действий. Состоит из 32 пунктов, которые включают в себя описания нарушения социальных норм («Намеренно портил(а) кому-то репутацию»), проявлений физической агрессии («Бил(а) других, когда меня

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

провоцировали»), нарушения правил и законов («Крал(а) вещи из магазина»). Испытуемым предлагалась 5-балльная шкала оценки частоты от «никогда» до «практически все время».

Результаты

Проверка распределений на нормальность по критерию Колмогорова—Смирнова, а также с учетом анализа параметров асимметрии и эксцесса не позволяют утверждать нормальность распределения, в связи с чем в исследовании далее применялись непараметрические критерии. Статистическая обработка данных производилась с помощью программы SPSS.23. Описательные статистики по используемым методикам и их субшкалам в сравнении с доступными нормативными данными (полученные на русскоязычных выборках или взятые из зарубежных исследований) представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики по всем шкалам
Descriptive statistics for all scales

	Выборка правонарушителей / Offender sample		Общепопуляционные данные / Common sample	
	Me	Q1—Q3	M	SD
ТОП — общий балл / TriPM Overall score	124,5	111,75—137	58,4	16,2
А. ТОП: Социальная смелость / TriPM: Boldness	44	38—48	28,5	8,7
Б. ТОП: Бессердечие / TriPM: Meanness	40	35—46	13,9	8,4
В. ТОП: Несдержанность / TriPM: Disinhibition	40	32,75—47	16,0	8,4
ВОСТ — общий балл / CAST Overall score	1,6	1,3—2,1	1,68	0,5
А. ВОСТ: Физический садизм / CAST: Physical Sadism	1,0	1,0—1,4	1,21	0,4
Б. ВОСТ: Вербальный садизм / CAST: Verbal Sadism	1,8	1,5—2,6	2,08	0,9
В. ВОСТ: Опосредованный садизм / CAST: Vicarious Sadism	1,6	1,0—2,3	1,68	0,6
А. SD3.1: Макиавеллизм / SD3.1: Machiavellianism	27	21—32	3,44	0,67
Б. SD3.1: Нарциссизм / SD3.1: Narcissism	26	21,75—29	2,83	0,68
В. SD3.1: Психопатия / SD3.1: Psychopathy	21	16—27	2,32	0,64
ВРАQ — общий балл / BPAQ Overall score	50	40—57	49,7	9,2

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

А. ВРАQ: Физическая агрессия / Physical Aggression	19	15—22	16,4	4,0
Б. ВРАQ: Гнев / Anger	15	11—18	17,6	3,6
В. ВРАQ: Враждебность / Hostility	16	11—19	15,7	4,8

Далее был выявлен ряд статистически значимых различий между группами заключенных в зависимости от тяжести и характера совершенного преступления; результаты представлены в табл. 2 и 3. Для анализа были использованы критерии Манна—Уитни (при бинарности группирующего признака) и Краскела—Уоллиса (для порядковой переменной). Отмечаются статистически значимые различия по шкале «Бессердечие» (ТОП) ($p = 0,05$), шкале «Физический садизм» (ВОСТ) ($p = 0,013$) и общей выраженности агрессии (ВРАQ) ($p = 0,021$) в зависимости от наличия сексуального характера совершенного преступления. Анализ показал, что у индивидов, совершивших преступления сексуального характера, показатели по указанным шкалам значимо выше по сравнению с теми, кто совершал преступления несексуального характера. Также значимые различия были обнаружены по шкале «Бессердечие» (ТОП) ($p = 0,015$), общему баллу по психопатии (ТОП) ($p = 0,019$) и общей выраженности антисоциального поведения (ААП) ($p = 0,019$) в зависимости от тяжести совершенного преступления. Индивиды, совершившие преступления легкой тяжести, получили значимо более низкие баллы по этим шкалам по сравнению с индивидами, совершившими крайне тяжкие преступления. Различия были найдены по шкале выраженности антисоциального поведения между совершившими преступления легкой и тяжелой степени ($p = 0,029$).

Таблица 2 / Table 2

**Статистически значимые различия выраженности эмоционально-личностных
показателей в зависимости от типа совершенного преступления**
**Statistically significant differences in the severity of emotional and personal
indicators depending on the type of crime committed**

	Тип преступления / Type of crime				p
Шкалы / Scales	А. Сексуального характера / A. Of sexual character		Б. Несексуального характера / B. Of non—sexual character		
	Me	Q1—Q3	Me	Q1—Q3	
ТОП: Бессердечие / TriPM: Meanness	44	40—50	40	34—46	0,050
ВОСТ: Физический садизм / CAST: Physical Sadism	1,5	1—3	1	1—2	0,013
ВРАQ — общий балл / ВРАQ — Overall score	60,5	51—63,5	50	40—57	0,021

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

Таблица 3 / Table 3

**Статистические значимые различия выраженности эмоционально-личностных
показателей в зависимости от тяжести совершенного преступления**
**Statistically significant differences in the severity of emotional and personal indicators
depending on the severity of crime**

Шкалы / Scales	Тяжесть преступления / Severity of crime						<i>p</i>
	А. Легкое / A. Light		В. Тяжкое / C. Severe		Д. Крайне тяжкое / D. Extremely severe		
	Me	Q1—Q3	Me	Q1—Q3	Me	Q1—Q3	
ТОП: Бессердечие / TriPM: Meanness	38	32,5—42			42	37—46	0,015
ТОП: общий балл / TriPM: overall score	119	103—130			127,5	117—138	0,019
ААП / STAB	52	42—70	67	53—78	64	50—81	0,029 ^{в/с} 0,019 ^{д/д}

Примечание: в таблице указаны значения только для тех степеней тяжести преступления, между которыми были обнаружены статистически значимые различия.

в, д — значения *p* для соответствующих категорий (Тяжесть преступления).

Note: in the table only the statistically significant differences are shown.

с, d — *p* values for the respective categories (Severity of crime).

Кластерный анализ позволил разделить выборку испытуемых на три кластера в соответствии со степенью выраженности психопатии и агрессивности. Доля первого кластера в общей структуре составила 52,2%, второго — 34,5%, и третьего — 13,3%. Силуэтная мера связности и разделения составила 0,4, что соответствует среднему качеству кластеров. Различия показателей статистически значимые ($p < 0,05$). Результаты сравнения полученных кластеров по изучаемым признакам представлены в табл. 4.

Таблица 4 / Table 4

Результаты кластерного анализа
The results of cluster analysis

Признак / Parameter	Первый кластер «Неагрессивные и не психопатичные» / First cluster “Non- aggressive and non- psychopathic” (N = 96) (34,5%)	Второй кластер «Средние» / Second cluster “Average” (N = 145) (52,2%)	Третий кластер «Крайне агрессивные и психопатичные» / Third cluster “Extremely aggressive and psychopathic” (N = 37) (13,3%)
	Средние значения / Mean values		
Физический садизм / Physical Sadism	1,04	1,18	2,76

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhikova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

Общая выраженность АП / Overall severity of antisocial behavior	45,16	67,51	96,30
Общая выраженность агрессивности BPAQ / Overall BPAQ score	35,49	53,28	67,03
Физическая агрессия BPAQ / Physical Aggression BPAQ	13,21	20,20	25,86
Общая выраженность психопатии ТОП / Overall TriPM score	101,28	129,01	158,89
Физическая агрессия ААП / Physical Aggression STAB	15,28	23,77	32,38
Бессердечие ТОП / Meanness TriPM	32,59	42,03	52,68
Социальная агрессия ААП / Social Aggression STAB	15,96	23,28	32,68
Несдержанность ТОП / Disinhibition TriPM	32,11	42,25	54,68
Общая выраженность садизма БОСТ / Overall CAST score	1,41	1,70	2,99

В результате корреляционного анализа было обнаружено, что все исследуемые признаки имеют положительные корреляции разной силы. Коэффициенты (уровень значимости $p < 0,001$) представлены в табл. 5; цветом условно обозначена сила корреляционной связи по шкале Чеддока. Было обнаружено, что психопатия и обыденный садизм на выборке осужденных за уголовные преступления значимо и умеренно связаны ($r > 0,3$), при этом общая выраженность психопатии умеренно коррелирует со всеми факторами обыденного садизма, а общая выраженность обыденного садизма сильно связана с фактором «Несдержанность» ($r = 0,519$) модели психопатии, умеренно — с фактором «Бессердечие» ($r = 0,389$) и практически не связана с фактором «Социальная смелость», который отражает условно адаптивный аспект психопатии.

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

Таблица 5 / Table 5

Результаты корреляционного анализа
Results of correlation analysis

Шкалы / Scales	Соц. смел. / Boldness	Бессерд. / Meanness	Несдерж. / Disinhibition	ТОП_о общ. / TriPM overall	Физ. садизм / PhysSad	Верб. садизм / VerbSad	Опоср. садизм / VicSad	ВОСТ_о общ. / CAST overall	АПП_о общ. / STAB overall	Маккиавел. / Mach	Нарцисс. / Nars	Психопат. / Psych	Физ. агрессия / PhysAgg	Гнев / Anger	Враждебн. / Hostility	БП_о общ. / BPAQ overall
Соц. смел. / Boldness	1,00	,699	,529	,809	,182	,321	,186	,265	,297	,425	,366	,431	,457	,506	,551	,562
Бессерд. / Meanness		1,00	,662	,897	,374	,419	,273	,389	,442	,484	,356	,581	,510	,505	,513	,583
Несдерж. / Disinhibition			1,00	,859	,427	,454	,448	,519	,568	,262	,218	,298	,483	,375	,482	,516
ТОП_о общ. / TriPM overall				1,00	,386	,463	,350	,457	,505	,435	,341	,494	,544	,519	,584	,629
Физ. садизм / PhysSad					1,00	,598	,515	,697	,486	,204	,182	,383	,374	,261	,345	,395
Верб. садизм / VerbSad						1,00	,547	,862	,553	,329	,309	,336	,391	,301	,285	,364
Опоср. садизм / VicSad							1,00	,866	,504	,163	,217	,266	,340	,170	,291	,307
ВОСТ_о общ. / CAST overall								1,00	,607	,275	,287	,347	,427	,285	,333	,398
АПП_о общ. / STAB overall									1,00	,391	,317	,435	,568	,480	,473	,567
Маккиавел. / Mach										1,00	,706	,750	,441	,435	,459	,511
Нарцисс. / Nars											1,00	,647	,339	,348	,436	,416

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

Психопат. / Psych												1,00	,454	,450	,506	,536
Физ. агрессия / PhysAgg													1,00	,660	,602	,864
Гнев / Anger														1,00	,623	,852
Вражд. / Hostil															1,00	,854
БП_общ. / BPAQ overall																1,00

Примечание: все представленные в таблице коэффициенты корреляции имеют значимость $p < 0,001$. Полужирным шрифтом выделены значения коэффициентов корреляции $> 0,5$. Цветом условно обозначена сила корреляционной связи по шкале Чеддока.

Note: all coefficients presented in the table are significant at $p < 0,001$. Correlation coefficients greater than 0,5 are highlighted in bold. The color conventionally indicates the strength of the correlation on the Cheddock scale.

Анализ связей психопатии и обыденного садизма с другими конструктами позволил обнаружить следующее. Общие баллы по опросникам психопатии и обыденного садизма, полученные на выборке осужденных за уголовные преступления, продемонстрировали значимые связи заметной силы с общей выраженностью антисоциального поведения ($p = 0,505$ и $p = 0,607$ соответственно). Все факторы триерархической модели психопатии, кроме фактора «Социальная смелость», обнаружили значимые корреляции с общей выраженностью агрессии ($r > 0,5$), в то время как фактор «Социальная смелость» оказался слабее связан с фактором «Физическая агрессия», что соответствует содержательному наполнению этого аспекта психопатии. В свою очередь, факторы «Социальная смелость» и «Бессердечие» оказались значимо связаны с макиавеллизмом и психопатией модели Темной триады (связи умеренной и заметной силы), что подтверждает конструктивную валидность триерархической модели.

Связей между общей выраженностью обыденного садизма и агрессией в целом обнаружено не было, кроме положительной связи умеренной силы ($r = ,427$) обыденного садизма со шкалой «Физическая агрессия» опросника Басса—Перри.

Наконец, склонность к антисоциальному поведению оказалась умеренно и заметно связана со всеми аспектами агрессии и общей выраженностью агрессии ($0,4 < r < 0,6$), что соответствует имеющимся данным о тесной связи этих явлений.

В целом, корреляционный анализ показывает, что связи между исследуемыми чертами (психопатией, представленной Триерархической моделью, обыденным садизмом, агрессией и антисоциальным поведением) являются значимыми, но умеренными, что позволяет судить о

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhikova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

потенциальном отсутствии мультиколлинеарности и проверить их предиктивные качества с помощью регрессионного анализа.

Для анализа того, являются ли баллы, полученные по шкалам психопатии и обыденного садизма, предикторами выраженности агрессии и антисоциального поведения, был проведен множественный регрессионный анализ. Дополнительная проверка мультиколлинеарности и визуальный анализ распределения остатков ($VIF < 2$) подтвердили уместность регрессионного анализа. В результате была получена статистически значимая регрессионная модель ($p < 0,001$), объясняющая 48,9% дисперсии переменной агрессии (общий балл, полученный по опроснику Басса—Перри). В модель вошли следующие переменные: общие баллы по шкалам психопатии (ТОП) и обыденного садизма (ВОСТ) и шкала «Макиавеллизм» (SD3). Каждая из переменных была статистически значимой ($p < 0,001$), а бета-коэффициенты составили 0,448 для психопатии, 0,254 для макиавеллизма и 0,154 для обыденного садизма.

На следующем этапе анализа была проверена предиктивная сила исследуемых признаков для выраженности антисоциального поведения. Регрессионный анализ позволил обнаружить, что оптимальный набор предикторов для прогноза выраженности антисоциального поведения включил в себя тот же набор переменных: общие баллы по психопатии (ТОП) и обыденному садизму (ВОСТ) и макиавеллизм (SD3) ($p < 0,05$, $\beta = 0,211$, $\beta = 0,487$ и $\beta = 0,178$ соответственно). Эта статистически значимая модель объясняет 50,8% вариативности выраженности антисоциального поведения и говорит о том, что фактор обыденного садизма является наиболее сильным предиктором антисоциального поведения, в то время как влияние факторов психопатии и макиавеллизма остаются менее выраженными, но также значимыми.

Для лучшего понимания модели было принято решение протестировать модель, контролируя переменную агрессии. Этот этап анализа показал, что добавление переменной агрессии улучшило модель, объяснив дополнительные 5,2% дисперсии, снизив значение стандартной ошибки оценки (14,78 по сравнению с 15,34) и увеличив значение R^2 (0,535 по сравнению с 0,499), что может свидетельствовать о достаточной объяснительной силе агрессии как предиктора антисоциального поведения. Далее была проверена гипотеза о возможной опосредующей роли агрессии. Проведенный бутстреп-анализ подтвердил, что агрессия выступает в роли опосредующей переменной (ДИ [0,388; 0,816]), а психопатия сама по себе является значимым предиктором выраженности антисоциального поведения.

Обсуждение результатов

Исследование черт психопатии, обыденного садизма и Темной триады личностных черт и их связи с агрессией и антисоциальным поведением на выборке осужденных за уголовные преступления подтвердило данные, полученные в других зарубежных и отечественных исследованиях. Настоящее исследование показало, что значения выраженности психопатии, полученные лицами, пребывающими в местах лишения свободы, существенно выше значений, полученных на общепопуляционной выборке, что соответствует данным зарубежных исследований (Patrick. 2010; Fox, DeLisi, 2019). Триерархическая концептуализация психопатии, используемая в данной работе, включает три фенотипических домена: Социальная смелость, Бессердечие и Несдержанность. Наше исследование подтвердило концептуальное наполнение каждого из конструкторов. Домен «Социальная смелость» отражает условно адаптивный аспект психопатии (Lilienfeld et al., 2018), поскольку включает низкую

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

чувствительность к стрессорам и бесстрашие. На выборке осужденных за уголовные преступления домен «Социальная смелость» обнаружил более выраженные связи с факторами «Враждебность» (0,551) и «Гнев» (0,506), чем с фактором «Физическая агрессия» (0,457) опросника Басса—Перри, а также умеренную положительную связь с чертой макиавеллизма модели Темной триады (0,425) наравне с отсутствием сколько-либо заметных связей с факторами, отражающих явную антисоциальность. Важно отметить, что в настоящем исследовании домен «Социальная смелость» оказался практически не связан с обыденным садизмом, кроме его вербального аспекта, и даже в этом случае связь была скромная ($r = 0,321$). Исследования в области психологии экстремизма позволяют предположить, что недостаточность связей домена «Социальная смелость» с антисоциальным поведением и обыденным садизмом может быть связана с тем, что в исследуемой выборке отсутствовали испытуемые, совершившие преступления экстремистского характера (Маренко, Мильчарек, Мильчарек, 2021).

Аспект бессердечия, описываемый через феномены сниженной эмпатии, манипулятивности, жестокости и поиска острых ощущений (Patrick, Fowles, Krueger, 2009), подтвердил свои связи с факторами «Вербальный садизм» (0,419), «Макиавеллизм» (0,484) и психопатией Темной триады (0,581), а также со всеми аспектами агрессии и общей выраженности агрессии как таковой ($r > 0,5$).

Наконец, домен несдержанности, предполагающий проблемы контроля импульсов, безответственность, реактивный гнев и поведенческую несдержанность, показал значимые связи с факторами «Физическая агрессия» (0,483), «Враждебность» (0,482) и общей выраженностью агрессии (0,516), выраженностью тенденции к антисоциальному поведению (0,568) и обыденным садизмом (0,519). Дополнительное изучение коррелятов обыденного садизма на выборке правонарушителей подтверждает сильную связанность этого конструкта с выраженностью антисоциального поведения (0,607), а также умеренную связь с конструктами Темной триады и агрессии, в частности шкалы «Физическая агрессия» опросника Басса—Перри.

Необходимо отметить, что на выборке совершивших уголовные преступления триерархическая модель оказалась заметно положительно связанной с психопатией модели Темной триады, при этом последняя наибольшим образом отражена в домене «Бессердечие», но почти не связана с доменом «Несдержанность». В то же время домен несдержанности оказался наиболее связан с чертой обыденного садизма — как в целом, так и с каждым входящим в него фактором (физическим, вербальным и опосредованным садизмом). Эти результаты позволяют предполагать, что у лиц, совершивших уголовные преступления, триерархическая модель психопатии во многом пересекается с психопатией Темной триады в отношении безжалостности и холодного поведения, в то время как антисоциальное поведение тесно связано с садистическими тенденциями.

Кластерный анализ позволил разбить выборку на три группы в соответствии со степенью выраженности исследуемых черт. Эти группы были названы условно «Неагрессивные и не психопатичные», «Средние» и «Крайне агрессивные и психопатичные». При этом доля средних составила большую часть выборки (52,2%), а доля неагрессивных — около трети (34,5%), в то время как индивиды с крайне высокой выраженностью этих черт оказались в меньшинстве (13,3%). Это может быть связано с тем, что большую часть выборки составили

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

лица, совершившие ненасильственные преступления (72,7%). С другой стороны, поиск значимых различий и анализ корреляций позволил обнаружить значимые различия лишь в связи с наличием сексуального характера совершенного преступления. Это следует учитывать в дальнейших исследованиях, поскольку эти данные могут косвенно свидетельствовать о том, что исследуемые черты не релевантны для дифференциации видов преступлений, отличных от сексуальных.

Тем не менее, повышенные значения по домену «Бессердечие» позволяют дифференцировать лиц, совершивших преступления сексуального характера от тех, кто совершил преступления несексуального характера, а также лиц с большей склонностью к антисоциальному поведению. При этом другими значимыми дифференцирующими факторами стали физический садизм и агрессия — для преступлений сексуального характера, и общая выраженность психопатии — для склонности к антисоциальному поведению. Важно отметить, что ни одна из переменных не обладает достаточно значимой прогностической силой, поэтому речь может идти лишь о скрининговом потенциале исследуемых черт.

Среди русскоязычных исследований не обнаружено значительного количества исследований черт психопатии и садизма на выборках осужденных за уголовные преступления, однако те единичные исследования, которые были проведены (Мехтиханова, Ядрухина, 2020; Фурманов, Биндасова, 2022), говорят о схожих результатах, подтверждая, что черты Темной триады, включая психопатию, а также различные аспекты агрессии, действительно связаны с большей выраженностью антисоциальных тенденций. Более того, в одном из указанных исследований (Фурманов, Биндасова, 2022) также не было обнаружено значимых различий по психопатии или агрессии в зависимости от вида совершенного преступления (насильственное/ненасильственное) на выборке лиц мужского пола, что косвенно подтверждает отсутствие значимой связи исследуемых черт с фактором применения насилия при совершении преступления.

Различные вариации регрессионного анализа позволяют прийти к общему выводу о том, что обыденный садизм и психопатия являются значимыми предикторами склонности к антисоциальному поведению, причем эта связь опосредуется переменной агрессии. Анализ смыслового содержания субшкал (факторов) в регрессионной модели показал, что прогностическую силу имеют следующие субконструкты: домен несдержанности (триерархической модели психопатии), все формы обыденного садизма, макиавеллизм и эмоциональный аспект агрессии (субшкала «Гнев» опросника Басса—Перри).

Подтверждение того, что в основе агрессивного и/или антисоциального поведения могут лежать психопатические и садистические черты, имеет практическую значимость в контексте разработке интервенционных программ для лиц, пребывающих в местах лишения свободы. В частности, подобные программы могли бы уделять внимание трудностям эмоциональной регуляции и контролю над импульсами, особенно для индивидов, демонстрирующих высокие показатели по домену «Несдержанность». Также результаты исследования могут иметь применение в области оценки рисков, где скрининг и/или мониторинг заключенных по выраженности психопатии и обыденного садизма может способствовать выявлению лиц, более склонных к антисоциальному/агрессивному поведению. Потенциальный опосредующий эффект агрессии в связи с влиянием психопатии на склонность к

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhikova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

антисоциальному поведению может говорить о важности работы с агрессией для снижения тенденции к антисоциальному поведению у индивидов с высокой психопатией.

Заключение

Настоящее исследование было проведено на мужской выборке осужденных за уголовные преступления и позволило эмпирически подтвердить ряд положений:

- психопатия, определяемая триерархической моделью и измеренная соответствующим инструментом, обнаруживает сильные положительные связи с обыденным садизмом, в особенности с его физическим аспектом, а также с агрессией (включая все ее аспекты: враждебность, гнев и физическую агрессию), что говорит о том, что более психопатические индивиды будут склонны демонстрировать более агрессивное поведение;
- различные формы садизма взаимосвязаны между собой, что подтверждает когерентность конструкта обыденного садизма, а также связаны с физической агрессией, что соответствует данным других исследований, показывающих связь между садистическими тенденциями и явными формами агрессии;
- домен «Несдержанность» триерархической модели психопатии коррелирует со всеми аспектами агрессии (физической агрессией, гневом и враждебностью), что подтверждает концептуальную связь импульсивности с тенденцией выражать агрессию в различных формах;
- домены «Бессердечие» психопатии, «Физический садизм» и «Общая выраженность агрессии» могут служить признаками дифференциации лиц, совершивших уголовные преступления, в связи с наличием или отсутствием сексуального характера преступления;
- домен «Социальная смелость» психопатии, отражающий условно адаптивный аспект конструкта, не обнаружил выраженных связей с антисоциальным поведением и обыденным садизмом;
- психопатия, в частности домен «Бессердечие», наряду с общей тенденцией к антисоциальному поведению, может иметь пользу для дифференциации тяжести совершенного преступления: так, чем сильнее выражена психопатия и антисоциальные тенденции в поведении, тем более тяжким является совершенное преступление;
- психопатия и обыденный садизм, а также макиавеллизм являются значимыми предикторами выраженности антисоциального поведения и объясняют более 50% дисперсии, даже при контролировании переменной агрессии. Психопатия, обыденный садизм, агрессия и антисоциальное поведение имеют сложные взаимосвязи, в рамках которых агрессия выступает опосредующей переменной, но не нивелирует прямой эффект влияния психопатии на антисоциальные тенденции в целом.

Полученные данные могут иметь практическое значение в контексте разработки скрининговых инструментов, оценки рисков, а также разработки интервенционных программ для лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

Ограничения. Важно отметить, что выявленные взаимосвязи имеют смысл на выборке лиц мужского пола, совершивших уголовные преступления. Важным ограничением исследования является недостаточность знаний о структуре выборки: так, например, отсутствуют данные о рецидивах, полученном испытуемыми образовании; значительно больше представлены лица, совершившие ненасильственные преступления (в то время как исследуемые черты особенно

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

релевантны для совершающих насильственные преступления). Дальнейшие исследования могут охватывать большие по размеру выборки, фокусировать внимание на лицах, совершивших определенный вид преступления (например, сексуального или экстремистского характера), изучать особенности правонарушителей, склонных к рецидиву и т. д.

Limitations. Importantly, the identified relationships make sense in male offender samples. A noteworthy limitation of this study is the lack of knowledge in regard to the sample structure. For example, there is no data on the recidivism rates of the offenders or their education. Another possible issue is that the majority of the sample is represented by those committed non-violent crimes, whereas the personality traits studied (psychopathy and everyday sadism) are especially relevant for the study of violent offenders. Further research may be carried out in bigger samples, focus on some specific types of offenders (e.g., sexual or extremist crimes), and/or study those especially prone to recidivism.

Список источников / References

1. Атаджыкова, Ю.А., Ениколопов, С.Н. (2015). Апробация методики диагностики психопатии К. Патрика на российской выборке. *Психологическая наука и образование*, 20(4), 75—85. <https://doi.org/10.17759/pse.2015200407>
Atadzhykova, Yu.A., Enikolopov, S.N. (2015). Testing K. Patrick Method of Psychopathy Diagnosis in Russian Sample. *Psychological Science and Education*, 20(4), 75—85. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2015200407>
2. Атаджыкова, Ю.А., Ениколопов, С.Н. (2016). Проблемы концепта психопатии в современной отечественной и зарубежной психологии. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 8(1), 114—127. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080111>
Atadzhykova, Yu.A., Enikolopov, S.N. (2016). Psychopathy Concept in the Modern Domestic and Foreign Psychology. *Psychological Science and Education psyedu.ru*, 8(1), 114—127. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080111>
3. Егорова, М.С., Ситникова, М.А. (2014). Темная триада. *Психологические исследования*, 7(38), Статья 12. <https://doi.org/10.54359/ps.v7i38.580>
Egorova, M.S., Sitnikova, M.A. (2014). The Dark Triad. *Psychological Studies*, 7(38), Article 12. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v7i38.580>
4. Ениколопов, С.Н., Цибульский, Н.П. (2007). Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. *Психологический журнал*, 28(1), 115—124. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9431934> (дата обращения: 23.10.2024).
Enikolopov, S.N., Tsibul'skii, N.P. (2007). Psychometric analysis of Russian-language version of Questionnaire for aggression diagnostics by A. Buss and M. Perry. *Psychological Journal*, 28(1), 115—124. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9431934> (viewed: 23.10.2024).
5. Кузнецова, О.С., Ефремов, А.Г., Атаджыкова, Ю.А., Ениколопов, С.Н. (2024). Психометрическая адаптация опросника на всестороннюю оценку садистических тенденций (ВОСТ) на русскоязычной выборке. *Психическое здоровье*, 19(2), 19—33. <https://doi.org/10.25557/2074-014X.2024.02.19-33>
Kuznetsova, O.S., Efremov, A.G., Atadzhykova, Yu.A., Enikolopov, S.N. (2024). Psychometric adaptation on a Russian-speaking sample of the Questionnaire for a Comprehensive Assessment

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

- of Sadistic Tendencies (CAST). *Mental Health*, 19(2), 19—33. (In Russ.). <https://doi.org/10.25557/2074-014X.2024.02.19-33>
6. Маренко, В.А., Мильчарек, Т.П., Мильчарек, Н.А. (2021). Диагностика и моделирование экстремистской направленности личности. *Труды Института системного анализа Российской академии наук*, 71(3), 24—35. <https://doi.org/10.14357/20790279210303>
Marenko, V.A., Milcharek, T.P., Milcharek, N.A. (2021). Diagnostics and modeling of extremist orientation of the individual. *Proceedings of the Institute for Systems Analysis Russian Academy of Sciences*, 71(3), 24—35. (In Russ.). <https://doi.org/10.14357/20790279210303>
  7. Мехтиханова, Н.Н., Ядрухина, А.В. (2020). Роль «Темной триады» личностных качеств в адаптации девиантов. *Ярославский психологический вестник*, 3(48), 97—101. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44423521> (дата обращения: 23.10.2024).
Mekhtikhanova, N.N., Yadrukina, A.V. (2020). The role of the “Dark Triad” of personal qualities in the adaptation of deviants. *Yaroslavl Psychological Bulletin*, 3(48), 97—101. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44423521> (viewed: 23.10.2024).
  8. Фурманов, И.А., Биндасова, О.В. (2022). Антисоциальные и агрессивные черты личности осужденных за убийство [Электронный ресурс]. *Психология и право*, 12(2), 2—14. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120201>
Furmanov, I.A., Bindasova, O.V. (2022). Antisocial and Aggressive Personality Traits of Convicted Murderers. *Psychology and Law*, 12(2), 2—14. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120201>
  9. Álvarez-García, D., González-Castro, P., Núñez, J.C., Rodríguez, C., Cerezo, R. (2019). Impact of family and friends on antisocial adolescent behavior: The mediating role of impulsivity and empathy. *Frontiers in Psychology*, 10, 2071. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02071>
  10. Álvarez-García, D., Núñez, J.C., González-Castro, P., Rodríguez, C., Cerezo, R. (2019). The effect of parental control on cyber-victimization in adolescence: The mediating role of impulsivity and high-risk behaviors. *Frontiers in Psychology*, 10, 1159. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01159>
  11. Bergström, H., Farrington, D.P. (2021). Psychopathic personality and criminal violence across the life-course in a prospective longitudinal study: Does psychopathic personality predict violence when controlling for other risk factors? *Journal of Criminal Justice*, 80, 101817. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2021.101817>
  12. Boduszek, D., Debowska, A., Sherretts, N., Willmott, D., Boulton, M., Kielkiewicz, K., Popiolek, K., Hyland, P. (2019). Are prisoners more psychopathic than non-forensic populations? Profiling psychopathic traits among prisoners, community adults, university students, and adolescents. *Deviant Behavior*, 42(2), 232—244. <https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1665221>
  13. Buckels, E., Jones, D., Paulhus, D. (2013). Behavioral confirmation of everyday sadism. *Psychological Science*, 24(11), 2201—2209. <https://doi.org/10.1177/0956797613490749>
  14. Burt, S.A., Donnellan, M.B. (2009). Development and validation of the Subtypes of Antisocial Behavior Questionnaire. *Aggressive Behavior*, 35(5), 376—398. <https://doi.org/10.1002/ab.20314>
  15. Chabrol, H., Van Leeuwen, N., Rodgers, R., Séjourné, N. (2009). Contributions of psychopathic, narcissistic, Machiavellian, and sadistic personality traits to juvenile delinquency. *Personality and Individual Differences*, 47(7), 734—739. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.06.020>

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
 Мильчарек Т.П. (2025)
 Психопатия и обыденный садизм как предикторы
 антисоциального поведения: исследование на выборке
 лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
 Milcharek T.P. (2025).
 Psychopathy and everyday sadism
 as predictors of antisocial behavior
 in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

16. Chester, D., DeWall, C., Enjaian, B. (2018). Sadism and aggressive behavior: Inflicting pain to feel pleasure. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 45(8), 1252—1268. <https://doi.org/10.1177/0146167218816327>
17. Embrescia, E.E. (2018). *Everyday sadism and antisocial punishment in the public goods game: Is there evidence of gender differences? Master's thesis*. Marietta College.
18. Fox, B., DeLisi, M. (2019). Psychopathic killers: A meta-analytic review of the psychopathy-homicide nexus. *Aggression and Violent Behavior*, 44, 67—79. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2018.11.005>
19. Gray, N.S., Blumenthal, S., Shuker, R., Wood, H., Fonagy, P., Snowden, R.J. (2021). The Triarchic Model of Psychopathy and antisocial behavior: Results from an offender population with personality disorder. *Journal of Interpersonal Violence*, 36(17—18), P9130-NP9152. <https://doi.org/10.1177/0886260519853404>
20. Johnson, L.K., Plouffe, R.A., Saklofske, D.H. (2019). Subclinical sadism and the dark triad: Should there be a dark tetrad? *Journal of Individual Differences*, 40(3), 127—133. <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000284>
21. Lilienfeld, S.O., Watts, A.L., Smith, S.F., Latzman, R.D. (2018). Boldness: Conceptual and methodological issues. In: C.J. Patrick (Ed.), *Handbook of Psychopathy* (2nd ed., pp. 165—186). The Guilford Press.
22. Lussier, P., McCuish, E., Corrado, R. (2022). Psychopathy and the prospective prediction of adult offending through age 29: Revisiting unfulfilled promises of developmental criminology. *Journal of Criminal Justice*, 80, 1—14. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2020.101770>
23. Oskarsson, S., Raine, A., Baker, L. (2024). The mediating and moderating role of sensation-seeking in the association between resting heart rate and antisocial behavior. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 46, 598—614. <https://doi.org/10.1007/s10862-024-10148-x>
24. Patrick, C.J. (2010). *Operationalizing the Triarchic Conceptualization of Psychopathy: Preliminary description of brief scales for assessment of boldness, meanness, and disinhibition*. Manual, Florida State University.
25. Patrick, C.J., Drislane, L.E. (2015). Triarchic Model of Psychopathy: Origins, operationalizations, and observed linkages with personality and general psychopathology. *Journal of Personality*, 83(6), 627—643. <https://doi.org/10.1111/jopy.12119>
26. Patrick, C.J., Fowles, D.C., Krueger, R.F. (2009). Triarchic conceptualization of psychopathy: Developmental origins of disinhibition, boldness, and meanness. *Development and Psychopathology*, 21, 913—938. <https://doi.org/10.1017/S0954579409000492>
27. Reidy, D.E., Zeichner, A., Seibert, L.A. (2011). Unprovoked aggression: Effects of psychopathic traits and sadism. *Journal of Personality*, 79(1), 75—100. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00691.x>
28. Sanz-García, A., Gesteira, C., Sanz, J., García-Vera, M.P. (2021). Prevalence of psychopathy in the general adult population: A systematic review and meta-analysis. *Frontiers in Psychology*, 12, 661044. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.661044>
29. Thomas, L., Egan, V. (2022). A systematic review and meta-analysis examining the relationship between everyday sadism and aggression: Can subclinical sadistic traits predict aggressive behavior within the general population? *Aggression and Violent Behavior*, 65, 1—32. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2022.101750>

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

30. Wolde, A., Tesfaye, Y., Yitayih, Y. (2021). Psychopathy and associated factors among newly admitted prisoners in a correctional institution located in Bench Sheko and West Omo Zone, South West Ethiopia: A cross-sectional study. *Psychology Research and Behavior Management*, 14, 261—273. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S294013>

Информация об авторах

Юлия Акмурадовна Атаджыкова, младший научный сотрудник отдела медицинской психологии, Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4987-8821>, e-mail: at.julia@gmail.com

Сергей Николаевич Ениколопов, кандидат психологических наук, заведующий отделом медицинской психологии, Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ), Москва, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0615-6703>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Тадэуш Петрович Мильчарек, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии, Омский государственный технический университет (ФГБОУ ВО ОмГТУ), Омск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3894-8118>, e-mail: milcharek@mail.ru

Information about the authors

Yulia A. Atadzhykova, Junior Research Associate of the Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4987-8821>, e-mail: at.julia@gmail.com

Sergey N. Enikolopov, Candidate of Science (Psychology), Professor, Head of the Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-0615-6703, e-mail: enikolopov@mail.ru

Tadeush P. Milcharek, Candidate of Science (Philosophy), Docent, Head of the Department of Psychology of Labor and Organizational Psychology, Omsk State Technical University, Omsk, Russia, ORCID: 0000-0002-3894-8118, e-mail: milcharek@mail.ru

Вклад авторов

Атаджыкова Ю.А. — идеи исследования; анализ данных; применение статистических, математических или других методов для анализа данных; визуализация результатов исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи.

Ениколопов С.Н. — идеи исследования; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Мильчарек Т.П. — идеи исследования; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н.,
Мильчарек Т.П. (2025)
Психопатия и обыденный садизм как предикторы
антисоциального поведения: исследование на выборке
лиц, совершивших уголовные преступления
Психология и право, 15(2), 165—184.

Atadzhykova Yu.A., Enikolopov S.N.,
Milcharek T.P. (2025).
Psychopathy and everyday sadism
as predictors of antisocial behavior
in a sample of criminal offenders
Psychology and Law, 15(2), 165—184.

Contribution of the Authors

Yulia A. Atadzhykova — ideas; data analysis; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; visualization of research results; annotation, writing and design of the manuscript.

Sergey N. Enikolopov — ideas; planning of the research; control over the research.

Tadeush P. Milcharek — ideas; conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 20.11.2024
Поступила после рецензирования 17.01.2025
Принята к публикации 20.01.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2024.11.20
Revised 2025.01.17
Accepted 2025.01.20
Published 2025.06.30

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Ценностно-смысловые и индивидуально-психологические особенности личности как факторы риска девиантного поведения

С.В. Шпорт¹, А.А. Дубинский¹✉, М.М. Проничева¹, И.А. Розанов¹

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России, Москва, Российская Федерация

✉ aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Рост социальной напряженности связан с различными формами поведенческих девиаций, включая социальную агрессию, что определяет необходимость выделения групп риска девиантного поведения. При изучении влияния социально-кризисных ситуаций на уровень социальной напряженности и агрессии необходимо учитывать ценностно-смысловые регуляторы поведения для определения риска психической дезадаптации личности в результате социально-стрессовых расстройств. **Цель.** Изучение ценностно-смысловых и индивидуально-психологических особенностей личности в качестве факторов риска девиантного поведения. **Гипотеза.** Ценностно-смысловые и индивидуально-психологические особенности личности являются значимыми факторами риска, влияющими на формирование девиантного поведения. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 1398 респондентов (средний возраст — $40,3 \pm 14,97$ года; 51,4% — женщины), оценка ценностно-смысловой сферы которых проводилась на трех уровнях: содержательно-логическом, сознательном; вербализованном, предсознательном; эмоционально-образном, неосознаваемом. Также оценивались особенности самоконтроля, уровень социальной фрустрированности и показатели легитимизации агрессии. **Результаты.** Выявлено, что лиц с высоким риском девиантного поведения отличают на сознательном уровне протестно-самоутверждающие тенденции в самореализации. Их мотивационными ориентирами являются независимость и достижение личностно значимых целей. Они слабо идентифицируют себя с соотечественниками, не опираются на традиции и имеют суженную временную перспективу, а также стремятся быстро достичь своих целей, не анализируя последствия. Анализ на вербализованном, предсознательном уровне показал, что для них характерен приоритет ценностей, связанных с личностно-оберегающими тенденциями. На эмоционально-образном, неосознаваемом

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

уровне их отличает стремление к принадлежности к группе и поиск поддержки в контексте коллективных ценностей. Критерием, позволяющим у данной группы лиц выстроить подсознательную связь между *Я* и другими выступает стремление к достатку, эгалитарному потреблению, материальному благополучию. **Выводы.** Полученные данные могут быть использованы в диагностических целях для выявления маркеров девиантного поведения, психологического неблагополучия, социальной дезадаптации у лиц, представляющих группу риска по социально неодобряемым действиям. В исследовании обосновывается методология изучения ценностно-смысловой структуры самосознания, мотиваторов и моделей поведения в социально-кризисных ситуациях.

Ключевые слова: ценностные ориентации, регионы, население России, ценностно-смысловая сфера, семантическое пространство

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания «Разработка системы оценки социальной напряженности и риска социально-агрессивного поведения» (Регистрационный номер: 124020800065-6; дата регистрации: 8 февраля 2024 г.).

Для цитирования: Шпорт, С.В., Дубинский, А.А., Проничева, М.М., Розанов, И.А. (2025). Ценностно-смысловые и индивидуально-психологические особенности личности как факторы риска девиантного поведения. *Психология и право*, 15(2), 185—206. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150213>

Value-semantic and individual-psychological characteristics as risk factors of deviant behavior

S.V. Shport¹, A.A. Dubinsky¹✉, M.M. Pronicheva¹, I.A. Rozanov¹

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The growth of social tension is associated with various forms of behavioral deviations, including social aggression, which determines the need to identify risk groups for deviant behavior. When studying the influence of social crisis situations on the level of social tension and aggression, it is necessary to consider value-semantic regulators of behavior to determine the risk of mental maladjustment as a result of social stress disorders. **Objective.** To study value-semantic and individual psychological characteristics as risk factors for deviant behavior. **Hypothesis.** Value-semantic and individual psychological characteristics are significant risk factors influencing the formation of deviant behavior. **Methods and materials.** The study involved 1398 respondents (mean age: 40.3±14.97 years; 51.4% — women), whose value-semantic sphere was assessed at three levels: substantive-logical, conscious; verbalized, preconscious; emotional-figurative, unconscious. Self-control features,

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

level of social frustration and indicators of aggression legitimization were also assessed. **Results.** It was revealed that individuals with a high risk of deviant behavior are distinguished at the conscious level by protest-self-affirming tendencies in self-realization. Their motivational guidelines are independence and achievement of personally significant goals. They weakly identify themselves with their compatriots, do not rely on traditions and have a narrowed time perspective, and strive to quickly achieve their goals without analyzing the consequences. Analysis at the verbalized, preconscious level showed that they are characterized by the priority of values associated with personal-protective tendencies. At the emotional-figurative, unconscious level, they are distinguished by the desire to belong to a group and the search for support in the context of collective values. The criterion that allows this group of people to build a subconscious connection between the Self and others is the desire for prosperity, egalitarian consumption, material well-being. **Conclusions.** The obtained data can be used for diagnostic purposes to identify markers of deviant behavior, psychological distress, and social maladjustment in individuals who represent a risk group for socially unapproved actions. The study substantiates the methodology for studying the value-semantic structure of self-awareness, motivators, and behavior patterns in social crisis situations.

Keywords: value orientations, regions, population of Russia, value-semantic sphere, semantic space

Funding. The study was carried out within the framework of the state assignment “Development of a system for assessing social tension and the risk of socially aggressive behavior” (Reg. No. 124020800065-6; registration date: February 8, 2024).

For citation: Shport, S.V., Dubinsky, A.A., Pronicheva, M.M., Rozanov, I.A. (2025). Value-semantic and individual-psychological characteristics as risk factors of deviant behavior. *Psychology and Law*, 15(2), 185—206. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150212>

Введение

Задача противодействия техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму приобретает особую актуальность в кризисные периоды. Психические реакции на социогенные стрессоры связаны с возникновением, поддержанием или обострением многочисленных и разнообразных типов дисфункций, которые могут существенно ограничить функциональные возможности индивида, снизить качество его жизни и профессиональную надежность.

Социальная напряженность — это состояние потенциальных участников социальных конфликтов, которое выражается в негативных эмоциях и поведении и может привести к стрессовым расстройствам и дезадаптации. Возрастание уровня социальной напряженности ассоциировано с различными формами поведенческих девиаций, включая социальную агрессию (Дубинский, Булыгина, Проничева, 2021; Потапов, Луковцева, Чиркина, 2023), что определяет необходимость выделения групп риска девиантного поведения, включая агрессивные формы реагирования. В этом случае агрессия рассматривается в качестве расстройства социального познания на том основании, что у лиц с агрессивностью нарушается

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

целостность социальной и эмоциональной оценки ситуации с точки зрения правил общественных норм и морали (Дубинский, Булыгина, Проничева, 2021; Курбатов, Курбатова, 2021; Sadovyy, Sánchez-Gómez, Bresó, 2021).

Немаловажным фактором, потенцирующим социальную напряженность, является изменение этнодемографических процессов в стране (Черныш, 2020). Неизбежным следствием последних является растущее число беженцев и вынужденных переселенцев, что влечет за собой изменения социально-экономической ситуации в принимающих регионах. В период социально-экономических потрясений, угрожающих жизни и стабильности граждан, миграции могут приводить к возрастанию нагрузки на экономику и здравоохранение принимающих регионов, к росту числа психических расстройств и расстройств поведения, в том числе связанных с потреблением психоактивных веществ, росту преступности, а также к усилению национальных и идеологических противоречий.

Отмечается, что социальная напряженность переживается как ситуация неопределенности, вызывая напряженность адаптационных ресурсов личности (Белинская, 2022; Блюм, Василенко, 2024). У людей сужается временной диапазон жизненного планирования, что не позволяет предметно соотносить собственные цели и перспективы развития социума (Гришина, 2018; Ковальчук, Гребенникова, Бонкало, 2023; Тучина, 2023). Однако в отдельных исследованиях делается акцент на том, что устойчивость жизненного мира во времени обеспечивается ценностями, являющимися базовыми конструкциями в многомерном мире человека, отражающими то, насколько мотивы человека реализуются в реальной жизни (Баранова, Мустафина, 2023; Карпович, Радиевская, 2022).

Необходимо добавить, что если стресс-реакция, развивающаяся на физическом уровне, имеет универсальный характер, то проявления дезадаптации в психической сфере по своей форме и силе выраженности отличаются широкой вариабельностью. Это предъявляет особые требования к методологии и методикам диагностики. Актуальность данной работы также обусловлена недостаточной эффективностью и трудоемкостью существующих систем и инструментов выделения и мониторинга групп риска социальной дезадаптации и социальной агрессии. При изучении влияния социально-кризисных ситуаций на уровень социальной напряженности и социальной агрессии мало учитывают риск психической дезадаптации в результате расстройств, связанных со стрессом. Исследования социальной напряженности отличаются несопоставимостью данных, отсутствием основных характеристик качества используемых методик (надежности и валидности; низкой точностью измерительных шкал, используемых в эмпирических исследованиях и, соответственно, низкой чувствительностью к изменениям социальной напряженности).

Решение проблемы социальной напряженности и дезадаптации корреспондирует с приоритетами прикладных научных исследований в интересах медицины и здравоохранения (Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (2021—2030 гг.)»), а именно: снижением сроков временной нетрудоспособности; увеличением качества жизни, связанного с состоянием здоровья; увеличением продолжительности жизни. Особый интерес, в связи с этим, представляет изучение семантического пространства личности, т. е. системы значений и смыслов, которые отражают восприятие людьми

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

окружающего мира и определяют их поведение и реакции, что позволит понять приоритетные жизненные цели, характеризующие поведение и мировоззрение различных социальных групп.

Учитывая тенденцию к увеличению индивидуально-стрессовых ситуаций, представляется важным изучение ценностно-смысловых регуляторов поведения. Таким образом, целью исследования было изучение ценностно-смысловых и индивидуально-психологических особенностей личности в качестве факторов риска девиантного поведения.

Материалы и методы

Проведено панельное исследование на выборке 1398 человек, проживающих на территории Московской области, Краснодарского края, Республики Башкортостан, Ростовской области, Самарской области, Свердловской области, Челябинской области, Волгоградской области, Республики Татарстан, в возрасте от 16 до 65 лет (средний возраст — $40,3 \pm 14,97$ года), сбалансированной по полу (51,4% — женщины, 48,6% — мужчины), что обеспечило качественную репрезентативность опроса.

Выбор регионов основывался на статистических данных, связанных с высокой социальной напряженностью, а именно: с низким качеством жизни, высоким уровнем бедности и безработицы (Росстат, 2023). Основная доля респондентов проживает в Свердловской области (11,8%); Республике Татарстан (11,7%); Волгоградской области (11,3%); Челябинской и Самарской области (10,9%).

Исследование ценностно-смысловой сферы респондентов проводилось на трех смысловых уровнях: 1) содержательно-логическом, сознательном; 2) вербализованном, предсознательном; 3) эмоционально-образном, неосознаваемом. Выделение трех уровней обусловлено необходимостью повышения надежности выбора респондентами из общего стимульного пространства индивидуальных смыслов-ценностей.

Процедура определения базовых и значимых ценностей проходила в несколько этапов (Булыгина и др., 2023; Носс, Булыгина, Проничева, 2023).

На первом этапе респондентам предъявлялся список из 24 ценностей, определенных на основании контент-анализа социологической, философской и психологической литературы, доступной для открытой публикации; выделения относительно устойчивого перечня смыслов-ценностей для современного российского общества и граждан методом выявления базисных ценностей (МБЦ) (метод основан на идее В.Г. Асеева). Положительные социальные ценности и антиценности (по 12 наименований) составляют перечень, где они располагаются путем чередования позиций (24 ценностей): социальные ценности — Жизнь, Духовность, Нравственные идеалы, Достоинство, Единство народов, Традиционная семья, Созидательный труд, Милосердие (справедливость), Коллективизм, Преемственность поколений, Служение Отечеству, Права и свободы человека; антиценности — Богатство, Абсолютная свобода, Власть (собственные амбиции), Забота о себе, Жизнь одним моментом, Идти своим путем и не быть должным никому, Личные цели, Искключительная роль своего народа, Независимость, Праздность, Я — гражданин мира, Отношения без обязательств.

Из этого перечня необходимо было выбрать и отметить только 10 ценностей, которые респонденты разделяют и которым они, как правило, следуют в своей жизни (базовые ценности).

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

Далее респондентам из выбранных ранее на первом шаге 10 ценностей необходимо отметить 3 ценности, от которых они при определенных чрезвычайных обстоятельствах могут отказаться (отказные ценности).

Затем из оставшихся 7 ценностей респондентам необходимо выбрать 3 ценности, от которых они не откажутся никогда, даже в экстремальных условиях, личностных и социальных прессов — эти 3 ценности являются значимыми ценностями личности.

На втором этапе производится семантический анализ стимулов, выраженных в форме слов-понятий. Респонденты заполняют одиннадцать бланков с семантическим дифференциалом в словесном формате. Калибровочный стимул-понятие («Мое настоящее Я» (Каким я сам себе представляюсь в действительности)) формируется в словесной форме на данном уровне тестирования и используется в этом качестве и на следующем этапе.

Далее: а) рассчитывается степень соотношения (евклидово расстояние) калибровочного стимула-понятия «Я сам» (Каким я сам себе представляюсь в действительности) и исследуемого стимула-ценности, выраженного словесно; б) выявляется понятие наиболее эмоционально близкое к Я респондента (имеет для него личностный смысл) путем расчета минимального евклидова расстояния между стимулом-понятием и калибровочным понятием.

На третьем этапе анализируются образы (визуальные стимулы) — заполняется десять бланков с семантическим дифференциалом в визуальном формате (картины, рисунки).

В результате: а) рассчитывается степень соотношения (евклидово расстояние) калибровочного стимула-понятия «Я сам» (Каким я сам себе представляюсь в действительности?) и исследуемого стимула-ценности, выраженного образно (картина, рисунок); б) выявляется понятие наиболее эмоционально близкое к личности испытуемого (т. е. имеющее для него личностный смысл, ценность) путем расчета минимального евклидова расстояния между образом-понятием и калибровочным понятием.

Подбор стимульного материала осуществлялся с использованием экспертного метода. Предварительный этап включал подбор соответствующих визуальных стимулов ценностей — по четыре изображения на каждую из 24 ценностей, что в сумме составило 96 картинок. Затем все изображения были оценены экспертами (97 человек) на предмет их ассоциаций с представленным списком из 24 ценностей. По итогам экспертных выборов из большого числа изображений ценностей были отобраны 24 картинки (по 1 картинке на каждую ценность), которые чаще всего ассоциировались у экспертов с заданным перечнем ценностей.

Помимо определения базовых и значимых ценностей применялся следующий диагностический комплекс.

1. Опросник «Самоконтроль» Х. Грасмика (шкалы: «Склонность к риску»; «Несдержанность аффекта раздражения»; «Предпочтение простых задач»; «Эгоцентризм»; «Импульсивность»; «Физическая активность»).

2. Опросник «Легитимизация агрессии» (шкалы: «Легитимизация агрессии в личном опыте»; «Легитимизация агрессии в политической сфере»; «Легитимизация агрессии в СМИ»; «Легитимизация агрессии в сфере воспитания»).

3. Опросник «Уровень социальной фрустрированности» (УСФ-20). Методика состоит из 20 утверждений, сгруппированных по следующим шкалам: «Удовлетворенность взаимоотношениями с родными и близкими»; «Удовлетворенность ближайшим социальным

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

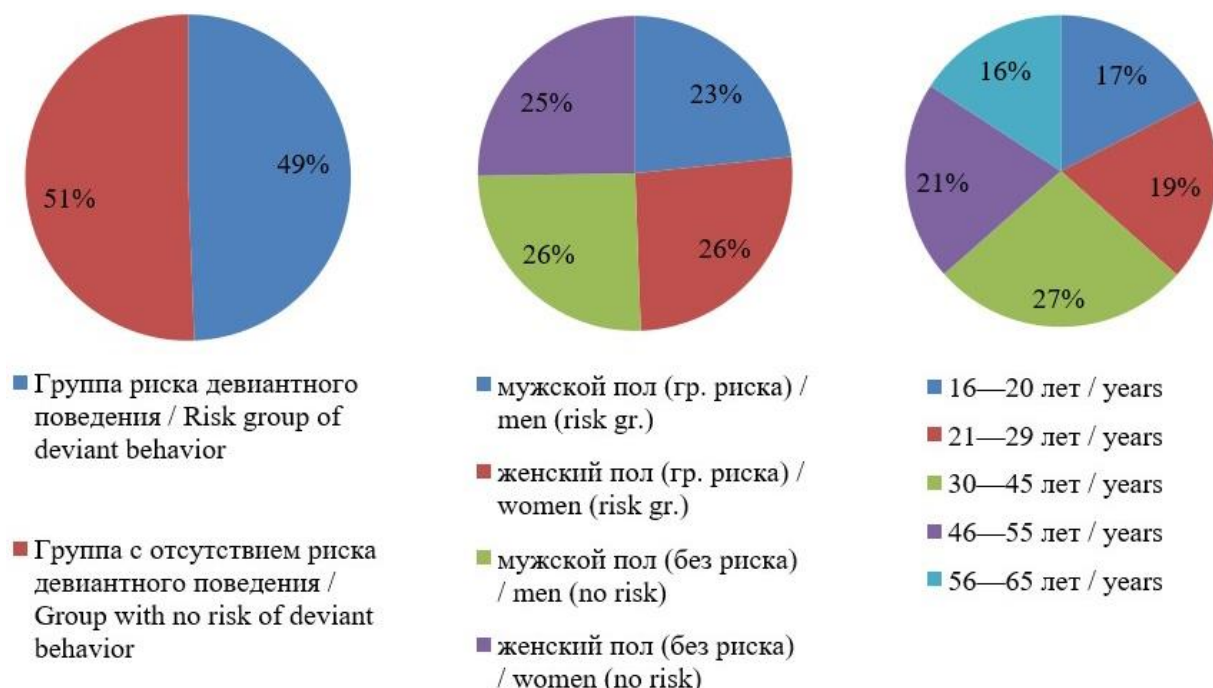
окружением»; «Удовлетворенность своим социальным статусом»; «Удовлетворенность социально-экономическим положением»; «Удовлетворенность своим здоровьем и работоспособностью».

При обработке данных использовались специализированные пакеты прикладных программ «IBM SPSS Statistics 21.0» и «Microsoft Office Excel 2010». Был проведен дескриптивный анализ данных, частотный анализ, t-критерий Стьюдента, критерий сопряженности χ^2 , критерий U-Манна-Уитни, дискриминантный анализ с построением ROC-кривых. Величина $p \leq 0,05$ являлась критерием статистической достоверности результатов исследования.

Результаты и обсуждение

Первым этапом исследования было выделение группы риска девиантного поведения на основе наличия преобладания при выборе 3 наиболее значимых антиценностей над социальными ценностями. В случае, если респондент выбрал 3 антиценности и 0 социальных ценностей, 2 антиценности и 1 социальную ценность, то его относят к группе риска девиантного поведения в силу доминирования антиценностей над социально одобряемыми ценностями.

На рис. 1 представлены социально-демографические характеристики респондентов. В группу риска девиантного поведения вошли 691 человек. В группе риска девиантного поведения незначительно преобладали лица женского пола (52,8%), по сравнению с группой без риска девиантного поведения (47,2%). Число лиц с девиантным поведением преобладало в четырех регионах РФ — трех регионах Южного федерального округа (35,9%) и одном регионе Приволжского федерального округа (12,2%).

Рис. 1. Социально-демографические характеристики респондентов
Fig. 1. Socio-demographic characteristics of respondents

Анализ на первом, содержательно-логическом, сознательном, уровне позволил выявить с помощью критерия сопряженности χ^2 , что группа риска девиантного поведения значимо чаще выбирает следующие ценности (рис. 2): личные цели (69,8%), свободные отношения (15,3%), жизнь одним моментом (19,2%), праздность (14,9%), Я — гражданин мира (20,3%), идти своим путем и не быть должным никому (60,6%), богатство (46,6%), независимость (68,5%), забота о себе (68,6%), абсолютная свобода (31,7%).

Рис. 2. График базовых ценностей в группах с отсутствием риска и риском девиантного поведения (%)

Fig. 2. Graph of basic values in the groups with and without risk of deviant behavior (%)

Анализ на сознательном (содержательно-логическом уровне) позволил выявить, что и у группы лиц со склонностью к девиантному поведению, и у группы лиц с отсутствием этого риска — в целом эквивалентная картина ценностей. Отметим, что у обеих группы эти ценности, согласно методологии МБЦ, относятся к группе «антиценностей». При этом у лиц без риска структура ценностей более генерализованная, чем у лиц со склонностью к девиантному поведению. По всей вероятности, это связано с тем, что девиантное поведение и склонность к нему способны деформировать ценностно-мотивационную сферу личности (Лапшин, Шаманин, 2022), делать ее внутреннюю структуру менее иерархичной и более размытой.

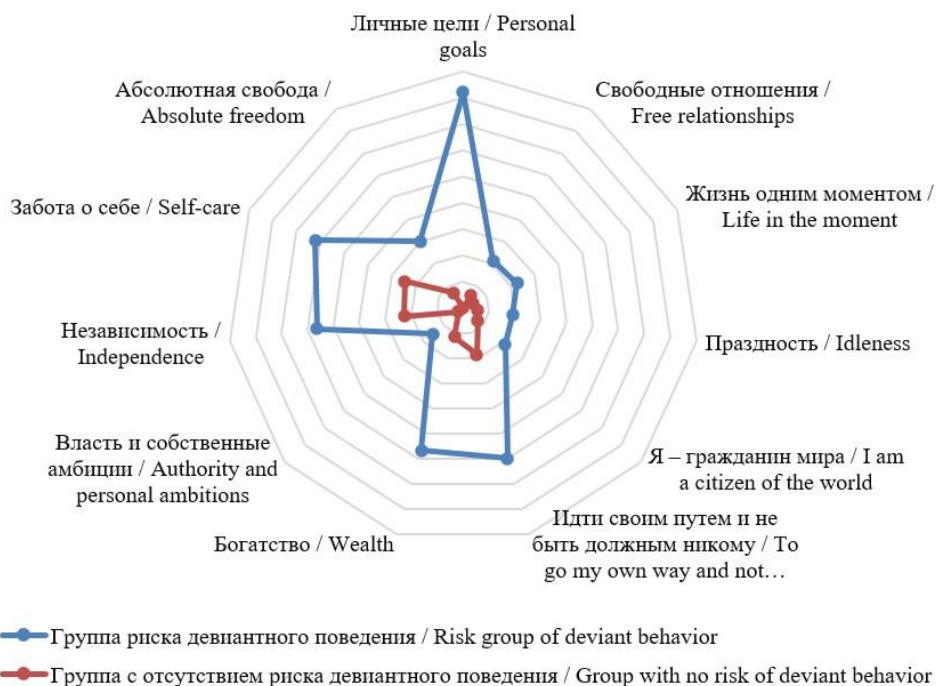
Склонность лиц с риском девиантного поведения (Алмаева, 2021) и без этого риска (Кулаева, 2018) выбирать в качестве основы ценностно-мотивационной сферы категории, относящиеся к «антиценностям», может быть связана с дефицитом сформированности морально-волевых качеств (Барсукова, 2016), моральных убеждений и установок (Белинская, Дзедина, 2014) у этих субъектов. Дефицит смысла в моральной сфере рядом исследователей рассматривается как предиктор агрессивного и девиантного поведения (Шипунова, 2018).

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

С точки зрения теории морального развития Л. Кольберга, данная тенденция свидетельствует о том, что рассматриваемая в этом исследовании группа лиц находится на начальном, доконвенциональном уровне развития моральных ценностей как ориентиров при принятии решений (Бровкина, 2012). Это стадия ориентации на награду и наказание (Казнина, 2015); человек оценивает свои действия исключительно через призму их прямых последствий, не принимая во внимание социальные нормы (Агафонова, 2015). С позиции учения классика социологии Э. Дюркгейма данное явление свидетельствует об аномии (Напсо, 2017), при которой в обществе отрицаются традиционные формы морального авторитета, а каждый конкретный человек «занимает свое место» в иерархии социальных позиций и ценностей — исходя из собственных желаний и выгод. Социальная аномия при этом может выступать в роли глобального фактора, провоцирующего отдельные страты населения на агрессивное и девиантное поведение (Харитоновна, 2010). Проявления аномии и новые социальные реалии (фазы социального перехода) могут не только провоцировать развитие девиантных и агрессивных форм поведения (Мартыненко, Карепова, 2022), но и приводить к тому, что у граждан может формироваться искажение моральных убеждений (Карепова, Сорокин, Безвербный, 2015), способствующее тому, что структурной основной их ценностно-мотивационной сферы являются антиценности (Шакирова, 2022).

Следующим этапом был анализ процентного распределения и значимых различий выбора 3 наиболее значимых ценностей в группе риска девиантного поведения и группе с отсутствием риска девиантного поведения (критерий χ^2).

Рис. 3. График значимых ценностей в группах с отсутствием риска и риском девиантного поведения (%)

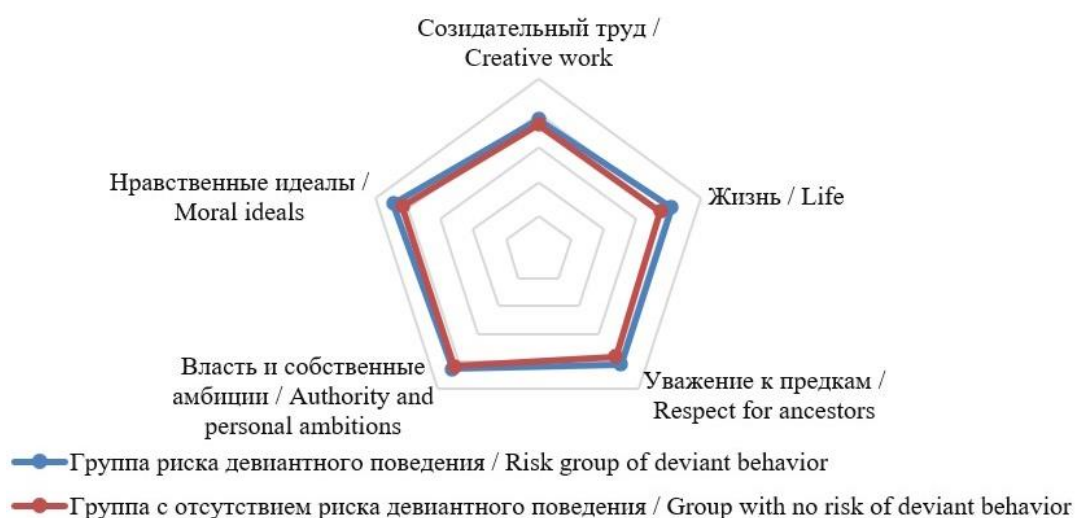
Fig. 3. Graph of significant values in the groups with and without risk of deviant behavior (%)

Группа риска девиантного поведения достоверно чаще всего выбирает следующие ценности в качестве 3 приоритетных (рис. 3): личные цели (41,1%), свободные отношения (10,7%), жизнь одним моментом (11,4%), праздность (9,6%), Я — гражданин мира (10,7%), идти своим путем и не быть должным никому (30%), богатство (28,4%), власть и собственные амбиции (7,7%), независимость (28,2%), забота о себе (31,1%), абсолютная свобода (15,1%).

Такие приоритетные ценности, как «личные цели», «свободные отношения», выбранные как в группе риска, так и в группе с отсутствием риска девиантного поведения, могут свидетельствовать об эгоцентричности целеобразования и ограниченной способности респондентов к коллективной идентификации. Отсутствие оснований для коллективной идентификации может быть рассмотрено как дополнительный фактор социального (средового) неблагополучия (Гузенина, 2012), который увеличивает риск развития социальной дезадаптации, агрессивного и девиантного поведения. Приоритетная ценность «жизнь одним моментом» может свидетельствовать о том, что у респондентов снижена способность рассматривать свою жизнь во временной перспективе, снижена способность планировать будущее. В литературе приводятся данные о том, что неспособность восприятия жизненной перспективы само по себе может быть рассмотрено как предиктор девиантного поведения (Бусарова, Евсина, 2022).

На следующем этапе исследования был проведен содержательно-смысловой анализ семантического пространства респондентов с риском девиантного поведения. Рассчитано среднее евклидово расстояние (семантический дифференциал — СД) стимулов, выраженных в форме слов-понятий, и их значимые различия между группой риска девиантного поведения и с отсутствием риска девиантного поведения (критерий Манна—Уитни) (чем меньше значение евклидова расстояния, тем ценность более значима для респондента (Булыгина и др., 2023; Дубинский, Шпорт, Булыгина, 2024; Носс, Булыгина, Проничева, 2023).

Рис. 4. Евклидово расстояние в семантическом пространстве к Я ценностей в виде стимулов, выраженных в форме слов-понятий, в группах с отсутствием риска и риском девиантного поведения

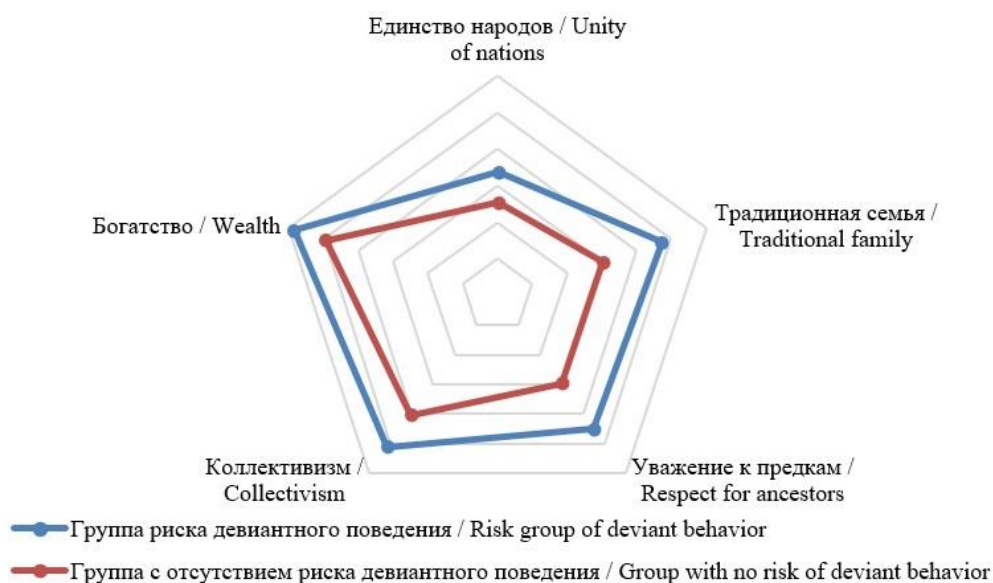
Fig. 4. Euclidean distance in semantic space to the I of values in the form of stimuli expressed in the form of words-concepts in the groups with and without risk of deviant behavior

Анализ на вербализованном, предсознательном, уровне показал, что для респондентов группы риска девиантного поведения наиболее близки в семантическом пространстве к Я следующие ценности в виде стимулов, выраженных в форме слов-понятий (рис. 4): созидательный труд (7,65), жизнь (8,14), уважение к предкам (8,19), власть и собственные амбиции (8,54), нравственные идеалы (8,92).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что на предсознательном уровне у респондентов группы риска девиантного поведения в приоритете оказываются социальные, личностно-оберегающие ценности. При этом ценности, выявленные на предсознательном уровне, вступают в логический конфликт с ценностями, выявленными на содержательно-логическом уровне. Эта тенденция в целом отражает парадигму мышления, присущую так называемому обществу потребления и соответствующую влиянию консюмеризма на общественное мышление (Гончаров, 2020).

Анализ на третьем, эмоционально-образном, неосознаваемом, уровне показал, что для респондентов группы риска девиантного поведения наиболее близки к Я следующие ценности в виде образов (визуальные стимулы) (рис. 5): единство народов (9,69), традиционная семья (10,36), уважение к предкам (10,24), коллективизм (10,57), богатство (10,92).

Рис. 5. Евклидово расстояние в семантическом пространстве к Я ценностей в виде образов (картинки-стимулы) в группах с отсутствием риска и риском девиантного поведения

Fig. 5. Euclidean distance in semantic space to the I of values in the form of images (picture stimuli) in the groups with and without risk of deviant behavior

Далее были выявлены индивидуальные-психологические особенности группы риска девиантного поведения. По данным психологических методик, группу риска девиантного поведения значимо отличали высокая склонность к риску (1,46) и удовлетворенность социальным статусом (2,66). У них отмечался средний интегральный уровень агрессии (82,97), который при этом был значимо ниже по сравнению с группой, у которой отсутствовал риск девиантного поведения.

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

Было выявлено, что у группы риска развития девиантного поведения более низкая легитимизация агрессии в личном опыте, в СМИ и в воспитании, что компенсировало интегральный уровень агрессии. При этом показатели агрессии в политике и психическая напряженность у них выше, чем в группе без риска. Это может свидетельствовать о том, что группа с отсутствием риска девиантного поведения не блокирует проявления агрессии, дренирует ее в социальных отношениях. Лица с риском девиантного поведения имеют высокий уровень психического напряжения (свидетельствующий о снижении социальной адаптации) и при принятии решений априорно полагают, что в общественных отношениях должен быть высокий уровень агрессии.

По всей вероятности, данная группа лиц, имея определенную тенденцию к агрессивному и рисковому поведению, проявляет агрессию вне рабочих мест и преимущественно в устной форме (Андриянова, 2021). Это объясняет одновременное наличие склонности к агрессии и низкий интегральный уровень агрессии. Представители указанной выборки, по всей вероятности, не проявляют агрессивное поведение на рабочих местах по причине потерять рабочее место (т. е. из-за страха ухудшить свое материальное положение) (Середкина, 2010), а не исходя из соображений морали. Агрессию в публичных местах и рисковое поведение они проявляют только по отношению к малознакомым людям (Гребнева, Слободенюк, Вариясова, 2019) (вероятно, из-за страха ухудшить свою репрезентацию в социальной иерархии) и исключительно в вербализированной форме (Воронкова, Черняев, 2023) (из-за страха ухудшить свое материальное положение из-за административных штрафов). Свою агрессию и негативные эмоции данная категория граждан обыкновенно «выплескивает» в ближайшем семейном окружении (Анохин, Третьякова, Кондрашенко, 2015) (социальные последствия: высокая частота бракоразводных процессов, психологические проблемы у детей и подростков (Синицина, 2016), воспитанных в семьях у агрессивных родителей).

Следующим этапом исследования было выделение наиболее информативных показателей, вносящих значимый вклад в отнесение респондентов в группу риска девиантного поведения (дискриминантный анализ). На этапе выбора из 10 ценностей наибольший вклад в отнесение респондентов в группу риска девиантного поведения вносят следующие ценности: идти своим путем и не быть должным никому ($df = 0,434$), богатство ($df = 0,342$), личные цели ($df = 0,326$), забота о себе ($df = 0,251$), эгоцентризм ($df = -0,239$), жизнь одним моментом ($df = 0,226$), Я—гражданин мира ($df = 0,217$), независимость ($df = 0,209$), созидательный труд ($df = -0,207$), абсолютная свобода ($df = 0,177$), исключительная роль своего народа ($df = 0,172$), праздность ($df = 0,172$), коллективизм ($df = -0,152$), духовность ($df = -0,152$), удовлетворенность отношениями с родными и близкими ($df = -0,147$).

Были построены линейные дискриминантные функции (ЛДФ) и определены их коэффициенты для отнесения респондентов в группу риска девиантного поведения (ЛДФ₁) и с отсутствием риска девиантного поведения (ЛДФ₂) (учитывался этап выбора 10 ценностей):

$$\text{ЛДФ}_1 = -15,903 + 3,736 \cdot X_1 + 3,073 \cdot X_2 + 3,193 \cdot X_3 + 1,169 \cdot X_4 + 1,905 \cdot X_5 + 1,838 \cdot X_6 + 2,920 \cdot X_7 + 3,458 \cdot X_8 + 2,079 \cdot X_9 + 4,906 \cdot X_{10} + 4,322 \cdot X_{11} + 3,633 \cdot X_{12} + 1,610 \cdot X_{13} + 0,214 \cdot X_{14} + 6,030 \cdot X_{15};$$
$$\text{ЛДФ}_2 = -15,018 + 4,226 \cdot X_1 + 2,315 \cdot X_2 + 3,642 \cdot X_3 + 0,404 \cdot X_4 + 1,279 \cdot X_5 + 1,168 \cdot X_6 + 1,917 \cdot X_7 + 2,860 \cdot X_8 + 1,244 \cdot X_9 + 5,253 \cdot X_{10} + 3,837 \cdot X_{11} + 3,053 \cdot X_{12} + 1,145 \cdot X_{13} + 0,411 \cdot X_{14} + 6,296 \cdot X_{15};$$

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Пронишева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

где: X_1 — Созидательный труд, X_2 — Личные цели, X_3 — Коллективизм, X_4 — Жизнь одним моментом, X_5 — Праздность, X_6 — Я — Гражданин мира, X_7 — Идти своим путем и не быть должным никому, X_8 — Исключительная роль народа, X_9 — Богатство, X_{10} — Духовность, X_{11} — Независимость, X_{12} — Забота о себе, X_{13} — Абсолютная свобода, X_{14} — Эгоцентризм (опросник «Самоконтроль» Х. Грасмика), X_{15} — Удовлетворенность отношениями с родными и близкими (УСФ-20).

С помощью ROC-кривых проверено качество данной дискриминантной модели для отнесения респондентов в группу риска девиантного поведения. Качество построенной дискриминантной модели ($AUC=78,1\%$) — достаточное, чувствительность ($70,3\%$) и специфичность (70%) — удовлетворительны.

Заключение

В ходе проведенного исследования были выявлены ценностно-смысловые и индивидуально-психологические особенности и определены факторы риска девиантного поведения.

Первое. Анализ на первом, содержательно-логическом (сознательном) уровне, позволил установить, что группа лиц с риском девиантного поведения стремится обеспечить себе любой ценой свободу выбора в различных сферах жизни, при этом в реализации этого стремления они не склонны ограничивать себя нормами и правилами, принятыми в обществе. При принятии жизненно важных решений они не полагаются на авторитеты социальных институтов и других людей.

Установлено, что для группы лиц с высоким риском девиантного поведения характерны протестно-самоутверждающие тенденции в самореализации, а мотивационным ориентиром для них выступают независимость и достижение личностно значимых целей как априорный мотив деятельности. Представители данной группы мало идентифицируют себя с соотечественниками, при принятии решений не опираются на традиции как на моральный ориентир, у них сужена временная перспектива. При реализации своих целей и потребностей, даже если они социально неприемлемы, они стремятся достигнуть результата максимально быстро, без анализа последствий и сценария дальнейшего развития событий.

Второе. Анализ на вербализованном, предсознательном уровне показал, что для лиц со склонностью к девиантному поведению характерен приоритет ценностей, связанных с личностно-оберегающими тенденциями.

Третье. Группа лиц с риском развития девиантного поведения (по данным анализа на эмоционально-образном, неосознаваемом уровне) все же стремится к принадлежности к определенной группе, для них характерен поиск поддержки в контексте коллективных ценностей, но наиболее приоритетной ценностью является богатство. Таким образом, критерием, позволяющим у данной группы лиц выстроить подсознательную связь между Я и «другими», выступает стремление к достатку, эгалитарному потреблению, материальному благополучию.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены мотиваторы и модели поведения, характеристики ценностно-смысловой и индивидуально-психологической сферы, которые в дальнейшем могут быть использованы в диагностических целях как своего рода маркеры

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проницева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

девиантного поведения, психологического и психического неблагополучия, социальной дезадаптации. Исследование позволяет обосновать методологию исследования ценностно-смысловой структуры самосознания, мотиваторов и моделей поведения в социально-кризисных ситуациях.

Выявленные в исследовании закономерности и его методология позволяют осуществить разработку диагностической системы для оценки и прогноза социальной напряженности и социальной агрессии, связанных с риском совершения общественно опасных действий. Эта диагностическая система позволит на основе анализа мотиваторов поведения осуществлять раннюю предикацию различных форм девиантного поведения, а также позволит выделять группы риска психологического и психического неблагополучия и социальной дезадаптации при проведении широкомасштабных скринингов и панельных исследований в различных социальных средах в социально-кризисные периоды.

В заключение следует отметить ценность работы не только в диагностическом плане, но и для разработки программ профилактики и психосоциальной реабилитации с определением мишеней воздействия для лиц с девиантными формами поведения.

Ограничения. Проведенное исследование имеет свои ограничения, связанные с размером выборки. Учитывая высокую социальную значимость исследования, целесообразно провести подобные работы на других группах, с более широким охватом различных слоев населения — необходим более широкий охват географических регионов, субъектов Российской Федерации с различным уровнем жизни, с различными сложившимися в регионе культурными ценностями.

Limitations. The conducted research has its limitations related to the sample size. Given the high social significance of the research, it is advisable to conduct similar work on other groups, with a wider coverage of various segments of the population — a wider coverage of geographic regions, subjects of the Russian Federation with different living standards, with different cultural values established in the region is necessary.

Список источников / References

1. Агафонова, С.В. (2015). Исследование проблем нравственного развития личности в возрастном периоде «Ранняя зрелость». *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 3(35), 164—172. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25150500> (дата обращения: 27.03.2025).
Agafonova, S.V. (2015). Study of the problems of moral development of the individual in the age period “Early adulthood”. *Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 3(35), 164—172. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25150500> (viewed: 27.03.2025).
2. Алмаева, Е.А. (2021). Моральные суждения у подростков с девиантным поведением. *Современная зарубежная психология*, 10(3), 32—39. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100303>
Almaeva, E.A. (2021). Moral judgments in adolescents with deviant behavior. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 10(3), 32—39. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100303>
3. Андриянова, М.В. (2021). Вербальные и невербальные индикаторы агрессии. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*,

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

12(854), 9—17. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_12_854_9

Andrianova, M.V. (2021). Verbal and non-verbal indicators of aggression. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 12(854), 9—17. (In Russ.). https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_12_854_9

4. Анохин, П.А., Третьякова, Е.В., Кондрашенко, Е.А. (2015). Осознанное проживание и вербализация чувств в семье и уровень агрессии у детей дошкольного возраста. В: О.А. Карабанова, Е.И. Захарова, С.М. Чурбанова, Н.Н. Васягина (ред.), *Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов VI-ой Международной научной конференции, Москва — Звенигород — Екатеринбург, 30 сентября — 04 октября 2015 года. Часть 2* (с. 420—424). Москва, Звенигород. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25742426> (дата обращения: 27.03.2025).

Anokhin, P.A., Tretyakova, E.V., Kondrashenko, E.A. (2015). Conscious living and verbalization of feelings in the family and the level of aggression in preschool children. In: O.A. Karabanova, E.I. Zakharova, S.M. Churbanova, N.N. Vasyagina (Eds.), *Psychological problems of the modern family: collection of abstracts of the VI International scientific conference, Moscow — Zvenigorod — Yekaterinburg, September 30 — October 4, 2015. Part 2* (pp. 420—424). Moscow, Zvenigorod. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25742426> (viewed: 27.03.2025).

5. Баранова, А.В., Мустафина, Л.Ш. (2023). Выбор возможных Я у молодежи с разными личностными характеристиками. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 11(2), 117—128. <https://doi.org/10.23888/humJ2023112117-128>

Baranova, A.V., Mustafina, L.Sh. (2023). The choice of possible self by young people with different personal characteristics. *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 11(2), 117—128. (In Russ.). <https://doi.org/10.23888/humJ2023112117-128>

6. Барсукова, С.А. (2016). Проблема согласования социокультурных ценностей различных социальных групп в поликультурной среде. *Социально-гуманитарные знания*, 9, 250—258. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26903416> (дата обращения: 27.03.2025).

Barsukova, S.A. (2016). Problem of coordination of sociocultural values of various social groups in the polycultural environment. *Social and Humanitarian Knowledge*, 9, 250—258. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26903416> (viewed: 27.03.2025).

7. Белинская, А., Дзецина Е.А. (2014). Воздействие моральных установок на ценностные ориентации личности. *Экономика и социум*, 4-1(13), 678—681. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23034197> (дата обращения: 27.03.2025).

Belinskaya, A., Dzetsina, E.A. (2014). The impact of moral attitudes on the value orientations of the individual. *Economy and Society*, 4-1(13), 678—681. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23034197> (viewed: 27.03.2025).

8. Белинская, Е.П. (2022). Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 24(6), 760—771. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771>

Belinskaya, E.P. (2022). Coping in Times of Uncertainty and Global Risks: The Main Research Trends. *Bulletin of Kemerovo State University*, 24(6), 760—771. (In Russ.). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771>

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

9. Блум, А.И., Василенко, Т.Д. (2024). Личностные факторы адаптивного переживания ситуации неопределенности. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 12(4), 345—354. <https://doi.org/10.23888/humJ2024124345-354>
Blum, A.I., Vasilenko, T.D. (2024). Personal factors of adaptive experience of a situation of uncertainty. *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 12(4), 345—354. (In Russ.). <https://doi.org/10.23888/humJ2024124345-354>
10. Бровкина, А.Р. (2012). Теория развития морального субъекта Л. Колберга. *Система ценностей современного общества*, 25, 19—23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20960169> (дата обращения: 27.03.2025).
Brovkina, A.R. (2012). The theory of the development of the moral subject of L. Kohlberg. *The System of Values of Modern Society*, 25, 19—23. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20960169> (viewed: 27.03.2025).
11. Булыгина, В.Г., Дубинский, А.А., Носс, И.Н., Проничева, М.М., Пеева, О.Д. (2023). Исследование ценностно-смысловой сферы в психологии (моно- и междисциплинарные подходы). В: В.А. Фадеев, Т.А. Вархотов (ред.), *Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: коллективная научная монография* (с. 40—53). М.: Нептун.
Bulygina, V.G., Dubinsky, A.A., Noss, I.N., Pronicheva, M.M., Peeva, O.D. (2023). Study of the value-semantic sphere in psychology (mono- and interdisciplinary approaches). In: V.A. Fadeev, T.A. Varkhotov (Eds.), *Value-semantic and intellectual foundations of Russia's strategic development in the context of global challenges: a collective scientific monograph* (pp. 40—53). Moscow: Neptun (In Russ.).
12. Бусарова, О.Р., Евсина, Е.О. (2022). Особенности личной профессиональной перспективы старших подростков и юношей со склонностью к девиантному поведению. *Психология и право*, 12(1), 147—159. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120112>
Busarova, O.R., Evsina, E.O. (2022). Specifics of Personal Vocational Outlook of Senior Adolescents and Youth with Sociopathy. *Psychology and Law*, 12(1), 147—159. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120112>
13. Воронкова, И.В., Черняев, Н.С. (2023). Связь вербальной агрессии и молодежного сленга в старшем подростковом возрасте. *Вестник практической психологии образования*, 20(2), 79—86. <https://doi.org/10.17759/bppe.2023200206>
Voronkova, I.V., Chernyaev, N.S. (2023). The Correlation between Verbal Aggression and the Use of Youth Slang in Older Adolescence. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 20(2), 79—86. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/bppe.2023200206>
14. Гончаров, Н.В. (2020). Фундаментальные детерминанты и последствия консьюмеризма в современных капиталистических обществах. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 20(4), 778—789. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-778-789>
Goncharov, N.V. (2020). Fundamental determinants and consequences of consumerism in the contemporary capitalist society. *RUDN Journal of Sociology*, 20(4), 778—789. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-778-789>
15. Гребнева, Н.Н., Слободенюк, М.А., Вариясова, Е.В. (2019). Аналитический обзор исследований по проблеме агрессивного общественно опасного поведения молодежи. *Психология и право*, 9(4), 134—148. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090410>

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

- Grebneva, N.N., Slobodenyuk, M.A., Variasova, E.V. (2019). Analytical Review of Studies on the Problem of Aggressive Socially Dangerous Behavior of Youth. *Psychology and Law*, 9(4), 134—148. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090410>
16. Гришина, Н.В. (2018). «Самоизменения» личности: возможное и необходимое. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*, 8(2), 126—138. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.202>
Grishina, N.V. (2018). 'Self-changes' of person: Possible and necessary. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 8(2), 126—138. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.202>
17. Гузенина, С.В. (2012). К проблеме коллективной идентификации в современной России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 4, 201—206. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18348128> (дата обращения: 27.03.2025).
Guzenina, S.V. (2012). On the problem of collective identity in modern Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*, 4, 201—206. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18348128> (viewed: 27.03.2025).
18. Дубинский, А.А., Булыгина, В.Г., Проничева, М.М. (2021). Механизмы стресс-совладающего поведения у оперуполномоченных сотрудников в ситуации ЧС. *Психология и право*, 11(3), 109—123. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110308>
Dubinsky, A.A., Bulygina, V.G., Pronicheva, M.M. (2021). Mechanisms of Stress-Coping Behavior in Police Operation Officers in an Emergency Situation. *Psychology and Law*, 11(3), 109—123. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110308>
19. Дубинский, А.А., Шпорт, С.В., Булыгина, В.Г. (2024). Современные отечественные исследования психологических индикаторов и факторов социальной напряженности. *Мир науки. Педагогика и психология*, 12(6). Статья 13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80572710> (дата обращения: 27.03.2025).
Dubinsky, A.A., Shport, S.V., Bulygina, V.G. (2024). Modern domestic research of psychological indicators and factors of social tension. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 12(6). Article 13. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80572710> (viewed: 27.03.2025).
20. Казнина, Э.Ю. (2015). Развитие моральных суждений в процессе жизни (анализ межкультурных исследований). *Акмеология*, 2(54), 61—67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23485440> (дата обращения: 27.03.2025).
Kaznina, E.Yu. (2015). Moral judgment development in the process of life (analysis of intercultural research). *Acmeology*, 2(54), 61—67. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23485440> (viewed: 27.03.2025).
21. Каропова, С.Г., Сорокин, О.В., Безвербный, В.А. (2015). Взаимосвязь современной социальной реальности и уровня девиаций в обществе: возможности и перспективы управления. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 11-11, 109—114. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25008517> (дата обращения: 27.03.2025).
Karepova, S.G., Sorokin, O.V., Bezverbny, V.A. (2015). The relationship between modern social reality and the level of deviations in society: management opportunities and prospects. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 11-1, 109—114. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25008517> (viewed: 27.03.2025).

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проницева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

22. Карпович, Я.А., Радиевская, Я.И. (2023). Ценностные ориентиры современной молодежи. В: *Роль социально-гуманитарных дисциплин в формировании мировоззрения и профессиональной культуры будущего специалиста: Электронный сборник материалов межвузовской студенческой научно-практической конференции. Брест, 17 ноября 2022 года* (с. 35—38). Брест: БрГУ.
- Karpovich, Ya.A., Radiyevskaya, Ya.I. (2022). Value guidelines of modern youth. In: *Role of social and humanitarian disciplines in shaping the worldview and professional culture of a future specialist: Electronic collection of materials of the interuniversity student scientific and practical conference. Brest, November 17, 2022* (pp. 35—38). Brest: Brest State University. (In Russ.).
23. Ковальчук, Д.Ф., Гребенникова, В.М., Бонкало, Т.И. (2023). Признаки и основные характеристики ситуации неопределенности: систематический обзор. *Обзор педагогических исследований*, 5(1), 185—191. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50314351> (дата обращения: 27.03.2025).
- Kovalchuk, D.F., Grebennikova, V.M., Bonkalo, T.I. (2023). Signs and main characteristics of uncertainty: a systematic review. *Review of Pedagogical Research*, 5(1), 185—191. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50314351> (viewed: 27.03.2025).
24. Кулаева, З.Т. (2018). Факторы формирования нравственных ценностей и антиценностей студенческой молодежи. *Kant*, 2(27), 91—94. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35138423> (дата обращения: 27.03.2025).
- Kulaeva, Z.T. (2018). Factors in the formation of moral values and anti-states of student youth. *Kant*, 2(27), 91—94. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35138423> (viewed: 27.03.2025).
25. Курбатов, А.В., Курбатова, Л.А. (2021). Ценностно-смысловая культура устойчивого развития. *Культура и цивилизация*, 11(2А), 26—35. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.13.39.004>
- Kurbatov, A.V., Kurbatova, L.A. (2021). Value-sense culture of sustainable development. *Culture and Civilization*, 11(2A), 26—35. (In Russ.). <https://doi.org/10.34670/AR.2021.13.39.004>
26. Лапшин, В.Е., Шаманин, Н.В. (2022). Особенности ценностно-мотивационной сферы личности подростков, склонных к девиантному поведению. *Прикладная юридическая психология*, 1(58), 54—63. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2002.1\(58\).054-063](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2002.1(58).054-063)
- Lapshin, V.E., Shamanin, N.V. (2022). Features of the value motivational sphere of the personality of teenagers prone to deviant behavior. *Applied Legal Psychology*, 1(58), 54—63. (In Russ.). [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2002.1\(58\).054-063](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2002.1(58).054-063)
27. Мартыненко, С.В., Каропова, С.Г. (2022). Девиантное поведение личности в условиях новой социальной реальности. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 4, 58—63. <https://doi.org/10.23672/s0845-3576-5928-y>
- Martynenko, S.V., Karepova, S.G. (2022). Deviant Behavior of the Individual in the Conditions of a New Social Reality. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 4, 58—63. (In Russ.). <https://doi.org/10.23672/s0845-3576-5928-y>
28. Напсо, М.Д. (2017). Теория аномии Э. Дюркгейма и современность. *Социодинамика*, 2, 22—30. <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2017.2.19456>
- Napso, M.D. (2017). E. Durkheim's Anomie Theory and Modernity. *Sociodynamics*, 2, 22—30. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2017.2.19456>

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

29. Носс, И.Н., Булыгина, В.Г., Проничева, М.М. (2023). Методология исследования ценностно-смысловых конструкторов личности. В: В.А. Фадеев, Т.А. Вархотов (ред.), *Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: коллективная научная монография* (с. 94—119). М.: Нептун.
Noss, I.N., Bulygina, V.G., Pronicheva, M.M. (2023). Methodology for studying value-semantic constructs of personality. In: V.A. Fadeev, T.A. Varkhotov (Eds.), *Value-semantic and intellectual foundations of Russia's strategic development in the context of global challenges: a collective scientific monograph* (pp. 94—119). Moscow: Neptun (In Russ.).
30. Потапов, А.М., Луковцева, З.В., Чиркина, Р.В. (2023). Вертикальный вектор мозговой организации отклоняющегося поведения: от нейродинамических дисфункций к регуляторным. *Психология и право*, 13(3), 211—227. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130315>
Potapov, A.M., Lukovtseva, Z.V., Chirkina, R.V. (2023). Vertical Vector of Brain Organization of Deviant Behavior: from Neurodynamic Dysfunctions to Regulatory Ones. *Psychology and Law*, 13(3), 211—227. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130315>
31. Середкина, И.М. (2010). Моббинг — войны на работе. *Актуальные вопросы современной науки*, 13, 23—33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20341473> (дата обращения: 27.03.2025).
Seredkina, I.M. (2010). Mobbing - wars at work. *Actual Issues of Modern Science*, 13, 23—33. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20341473> (viewed: 27.03.2025).
32. Синицина, О.Б. (2016). Влияние семейной среды на развитие агрессивности у детей дошкольного возраста. *Образование и воспитание*, 3(8), 54—57. URL: <https://elibrary.ru/wcjnih> (дата обращения: 27.03.2025).
Sinitsina, O.B. (2016). The influence of family environment on the development of aggression in preschool children. *Education and Upbringing*, 3(8), 54—57. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/wcjnih> (viewed: 27.03.2025).
33. Тучина, О.Р. (2023). Социально-психологические факторы репрезентации будущего подростков и молодежи Кубани. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 11(1), 35—48. <https://doi.org/10.23888/humJ202311135-48>
Tuchina, O.R. (2023). Socio-psychological factors of the representation of the future of adolescents and youth of Kuban. *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 11(1), 35—48. (In Russ.). <https://doi.org/10.23888/humJ202311135-48>
34. Харитоновна, Е.В. (2010). Аномия как социокультурная детерминанта агрессивного поведения. *Прикладная юридическая психология*, 4, 113—119. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15270302> (дата обращения: 27.03.2025).
Kharitonova, E.V. (2010). Anomie as a Socio-Cultural Determinant of Aggressive Behavior. *Applied Legal Psychology*, 4, 113—119. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15270302> (viewed: 27.03.2025).
35. Черныш, М.Ф. (2020). Социальное благополучие и здоровье. В: Епихина, Ю.Б., Черныш, М.Ф., Сушко, П.Е., Шилова, В.А., Лысухо, А.С. *Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования* (с. 54—74). М. <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.4>

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

Chernysh, M.F. (2020). Social well-being and health. In: Epikhina, Yu.B., Chernysh, M.F., Sushko, P.E., Shilova, V.A., Lysukho, A.S. *Information and analytical bulletin (INAB). No. 1. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study* (pp. 54—74.). Moscow. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.4>

36. Шакирова, Е.С. (2022). Антиценности современного российского общества. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, 4(36), 165—170. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-165-170>
Shakirova, E.S. (2022). Disvalues of modern Russian society. *Economic and Social Research*, 4(36), 165—170. (In Russ.). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-165-170>
37. Шипунова, Т.В. (2018). Факторы риска девиантного поведения молодежи в контекстах повседневности: некоторые результаты исследования. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 9(2), 175—182. <https://doi.org/10.24420/KUI.2018.32.13963>
Shipunova, T.V. (2018). Risk factors of deviant behavior of youth in contexts of everyday life: results of the research. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 9(2), 175—182. <https://doi.org/10.24420/KUI.2018.32.13963>
38. Sadovyy, M., Sánchez-Gómez, M., Bresó, E. (2021) COVID-19: How the stress generated by the pandemic may affect work performance through the moderating role of emotional intelligence. *Personality and Individual Differences*, 180, Article 110986. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110986>

Информация об авторах

Светлана Вячеславовна Шпорт, доктор медицинских наук, генеральный директор, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), главный внештатный специалист психиатр Минздрава России, главный внештатный специалист психиатр-нарколог Минздрава России, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0739-412>, e-mail: shport.s@serbsky.ru

Александр Александрович Дубинский, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отделения здоровьесберегающих технологий отдела психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Мария Михайловна Проничева, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отделения здоровьесберегающих технологий отдела психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Иван Андреевич Розанов, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник лаборатории психофизиологии отдела психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

(ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2607-8848>, e-mail: exelbar@yandex.ru

Information about the authors

Svetlana V. Shport, Doctor of Science (Medicine), General Director, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chief Specialist Psychiatrist of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chief Specialist Psychiatrist-Narcologist of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0739-412>, e-mail: shport.s@serbsky.ru

Alexander A. Dubinsky, Candidate of Science (Psychology), Senior Science Researcher of the Department of Health-Saving Technologies, Department of Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Maria M. Pronicheva, Candidate of Science (Psychology), Senior Science Researcher of the Department of Health-Saving Technologies, Department of Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Ivan A. Rozanov, Candidate of Science (Medicine), Senior Science Researcher of the Laboratory of psychophysiology, Department of Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2607-8848>, e-mail: exelbar@yandex.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование соответствует международному этическому и научному стандарту планирования и проведения исследований с участием человека в качестве субъекта, а также документального оформления и представления результатов таких исследований, регулирующему GCP ЕврАзЭС, ГОСТР 52379-2005 «Надлежащая клиническая практика».

Шпорт С.В., Дубинский А.А.,
Проничева М.М., Розанов И.А. (2025)
Ценностно-смысловые и индивидуально-
психологические особенности личности
как факторы риска девиантного поведения
Психология и право, 15(2), 185—206.

Shport S.V., Dubinsky A.A.,
Pronicheva M.M., Rozanov I.A. (2025).
Value-semantic and individual-
psychological characteristics
as risk factors of deviant behavior
Psychology and Law, 15(2), 185—206.

Респонденты предоставляли свое письменное информированное согласие на участие в панельном социологическом исследовании.

Ethics statement

The study complies with the international ethical and scientific standard for planning and conducting research involving humans as subjects, as well as documenting and presenting the results of such research, regulated by the Eurasian Economic Community GCP, GOST R 52379-2005 “Good Clinical Practice”. Respondents provided their written informed consent to participate in the panel sociological study.

Поступила в редакцию 14.04.2025
Поступила после рецензирования 10.05.2025
Принята к публикации 20.05.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2024.04.14
Revised 2025.05.10
Accepted 2025.05.20
Published 2025.06.30

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

**Types of social and psychological adaptations
of women married with foreigners**

O.I. Mironova^{1, 2}, L.A. Ruonala³✉

HSE University, Moscow, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

³ Independent Researcher, Gothenburg, Sweden

✉ lydia.ruonala@gmail.com

Abstract

The paper presents the results of the final, empirical stage of a study of the socio-psychological adaptation of women who married foreigners. The sample consisted of 145 women who moved to a new country due to marriage. It is noted that the socio-psychological adaptation of migrants has a complex, non-linear structure and is associated with the characteristics of adaptability and maladaptiveness of the individual. The results of the conducted research allowed us to identify four types of social and psychological adaptation of women married to foreigners. The obtained types can correspond to both the typology of lifeworlds by F.E. Vasilyuk and the typology of migrants by J. Barry: infantile (marginalization), rational (assimilation), value (separation) and creative (integration). At the same time, the typology of migrants can act as a special case of the typology of lifeworlds. The diagnostic method for determining the type of socio-psychological adaptation of women who moved to a new country due to marriage is the C. Rogers and R. Diamond socio-psychological adaptation questionnaire edited by A.K. Osnitsky, with adjustments for the specifics of the social group being studied.

Keywords: social and psychological adaptation of migrants; adaptation of women; marriage migration; types of migrants' social and psychological adaptation

For citation: Mironova, O.I., Ruonala, L.A. (2025). Types of social and psychological adaptations of women married with foreigners. *Psychology and Law*, 15(2), 207—235. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150214>

Типы социально-психологической адаптации женщин, заклучивших брак с иностранцами

О.И. Миронова^{1, 2}, Л.А. Руонала³✉

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

² Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

³ Независимый исследователь, Гетеборг, Швеция

✉ lydia.ruonala@gmail.com

Резюме

В работе представлены результаты заключительного, эмпирического, этапа исследования, посвященного изучению социально-психологической адаптации женщин, заклучивших брак с иностранцами. Выборку составили 145 женщин, переехавших в новую страну в связи с замужеством. Отмечается, что социально-психологическая адаптация мигрантов имеет комплексную, нелинейную структуру и связана с характеристиками адаптивности и дезадаптивности личности. Результаты проведенного исследования позволили выявить четыре типа социально-психологической адаптации женщин, заклучивших брак с иностранцами. Полученные типы можно соотнести как с типологией жизненных миров Ф.Е. Василюка, так и с типологией мигрантов Дж. Бэрри: инфантильный (маргинализация), рациональный (ассимиляция), ценностный (сепарация) и творческий (интеграция). При этом типология мигрантов может выступать как частный случай типологии жизненных миров. Диагностической методикой для определения типа социально-психологической адаптации женщин, переехавших в новую страну в связи с замужеством, может выступать опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд, под ред. А.К. Осницкого, с поправкой на специфику изучаемой социальной группы.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация мигрантов, адаптация женщин, брачная миграция, типы социально-психологической адаптации мигрантов

Для цитирования: Миронова, О.И., Руонала, Л.А. (2025). Типы социально-психологической адаптации женщин, заклучивших брак с иностранцами. *Психология и право*, 15(2), 207—235. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150214>

Introduction

Despite the continuing interest of modern scientists in the topic of migration, the problem of migrant typology remains underdeveloped (Luthra, Platt, Salamońska, 2018). The development of migration typology is currently mainly based on general criteria: crossing a state border (internal and international), stationarity (temporary, permanent), conditions of movement (voluntary, forced), purposes of stay (labor and economic, family, climatic), legal status (legal, illegal migrants) (Petrov,

2009). Even though the following typology is based on sociological characteristics, it has also become widespread in psychological sciences.

The most common typology nowadays is that of J. Berry (Abu-Rayya et al., 2023; Berry, 2017). It is based on the type of ethnic identity of the migrant (acceptance or non-acceptance of one's ethnic identity) and the interaction of the migrant with the host society (inclusion or isolation). Thus, four migration profiles are formed: assimilation (displacement of the native culture by a foreign one), integration (mutual coexistence of cultures), marginalization (alienation from both one's own and the foreign culture) and separation (isolation of one's own culture from the foreign one).

The given classification is confirmed by numerous studies. However, the explanation of the typology is based on ideas of adaptation processes in the pre-digital era and does not take into account all modern realities, and, therefore, needs to be rethought considering new data related to multiculturalism, digitalization of social contacts and the mobility of migration flows.

In the meantime, the digitalization of social life takes the concept of migration to a new level. This particular state is also evident at the methodological level, when the individual as a social construct is studied not only through belonging to real groups, but also as a multitude of digital avatars, presented in real and digital spaces (Bahri, 2024; Kumar, Shankar, 2024; Mahalakshmi, Bharath, Kautish, 2024). As noted in the earlier publications describing the previous stages of the current study, the problem of the nature of the socio-psychological adaptation of migrants has been presented, which takes modern ideas about migrants' integration to a new society beyond the ideas of acculturation stress or the inevitability of assimilation (Mironova, Ruonala. 2024; Mironova, Ruonala, 2023).

Issues related to digitalization have become especially evident since the pandemic, with the growth of opportunities for remote work, the emergence of digital nomads who can work in one country, live in another, communicate in the language of a third country, and be in relationships with a representative of a fourth culture (Yang, Shao, Zhao, 2025).

Another interesting development in the field of migrant typology is the work of V.V. Konstantinov, who views migration as a more complex, nonlinear process. Thus, the identification of migration profiles can be associated with the mechanisms of their adaptation (idealization, imitation and psychic identification, selective adaptation, social identification, rationalization and compensation, sublimation and intellectualization) and the psychological conditions for mutual adaptation of migrants and the host society (objective and subjective adaptation criteria) (Konstantinov, 2018).

This concept does not only consider the two-way direction of migration processes, taking into account the mutual influence of the migrant and society (objective criteria) but also draws attention to personal characteristics of individuals, such as the structure of the migrant's psychological defenses.

It should be noted that there is a lack of research devoted specifically to the psychological aspects of migration (Zaitseva, 2024; Chumak, 2021), namely, the internal characteristics of a person that influence the decision to move, expectations from a new country and the process of socio-psychological adaptation, as well as the typology of migrants based on the study of a migrants' personality or their behavior as members of various social groups. At present, when studying the characteristics of the socio-psychological adaptation of migrants, scientists most often pay attention to the obvious, superficial processes that migrants face, such as difficulties in finding work, learning the language of a new country, and assistance from the diaspora (Bhandari, 2024; Caidi, Muzaffar, Kalbfleisch, 2024, Foged M. et al., 2024).

A solution to the mentioned problems is necessary for a better understanding of the processes occurring with migrants and providing them with qualified psychological support in adapting to the conditions of a new country, taking into account not only external but also internal factors.

The presented paper is the final stage of a large-scale research of the socio-psychological adaptation of women who married foreigners. Within the framework of this study, the focus of the study of adaptation is the personality of individuals belonging to a certain social group.

The selection of this study group is not coincidental. As members of the so-called "prosperous migrants" category, marital migrants, who relocate to join their spouses and therefore also move to their culture, are less affected by adverse factors such as economic pressure to work or significant loss of social status. They are also less affected by traumatic circumstances such as forced displacement from conflict zones, PTSD, or depression during the adaptation process. Consequently, in this group, psychological factors directly associated with the dynamics of integration into the host society take precedence (Mironova, Ruonala, 2024).

In previous stages of this research, the specific psychological difficulties faced by marital migrants during relocation were analyzed (Mironova, Ruonala, 2023), and the model of successful socio-psychological adaptation within this group were identified (Mironova, Ruonala, 2023). Furthermore, a theoretical model of successful socio-psychological adaptation for women who married foreigners was proposed. Empirical findings from studies conducted on the same sample discussed in this paper have also been published. These include a qualitative study featuring content analysis of respondents' answers to open-ended questions about their adaptation experiences (Ruonala, 2024).

The purpose of the present paper is to identify and study types of socio-psychological adaptation of women who married foreigners, depending on the indicators of their adaptability and maladaptation.

Methodology

The sample of this study is 154 women, 80 of whom moved to Russia and the remaining 74 moved from Russia to other countries. According to social characteristics, the vast majority of the sample belongs to the middle class and has higher education. The sample itself, methods and results of the adaptability and maladaptation profile of the studied group are described in more detail in the previous stages of the dissertational research (Ruonala, 2024). The survey was conducted anonymously on a voluntary basis.

To achieve the objectives of this study, reliable and valid methods were carefully selected and implemented. The level of socio-psychological adaptation among the respondents was assessed using the "Social and Psychological Adaptation Test-Questionnaire" edited by A.K. Osnitskiy.

The type of attachment to a partner was identified through the "Attachment to Close People Questionnaire" edited by N.V. Sabelnikova and D.V. Kashirskiy.

Interpersonal communication characteristics, including expected and actual behaviors toward oneself and others, were evaluated using the "Interpersonal Relations Questionnaire" edited by A. Rukavishnikov.

To examine respondents' attitudes toward time, the "Zimbardo Time Perspective Inventory" was employed.

The level of tolerance for uncertainty was measured using the "Badner's Scale of Tolerance for Uncertainty" as adapted by G.U. Soldatova.

Factors influencing aspiration levels were identified using the “Assessment of the Level of Aspirations” by V.K. Gerbachevskiy.

Differences between respondents' real and ideal self-concepts were explored through the “Self-Concept Clarity Scale” by J. Campbell, adapted by V.V. Vdovenko and S.A. Shchebetenko.

Finally, the level and characteristics of psychological well-being were assessed with the “Psychological Well-Being Scale” developed by K. Ryff and adapted by T.D. Shevelenkova and P.P. Fesenko.

The study also incorporated a questionnaire addressing the social characteristics of respondents, including length of residence in the new country, age, presence of children, level of education, employment status, proficiency in the host country's language, and income level.

The basis for dividing the participants into groups was the results of using the “Social and Psychological Adaptation Test-Questionnaire” method. In this work, the level of socio-psychological adaptation is calculated through the ratio of the results of the adaptability and maladaptation scales of the above-mentioned questionnaire. The results of the participants were divided into groups in accordance with the range of values in which their indicators fall on the "adaptability" and "maladaptation" scales, namely: optimal values, below optimal values, above optimal values (9 groups in total). As a result, a matrix of adaptability values was compiled, presented in Table 1.

Table 1 / Таблица 1

Adaptation matrix of respondents (number of people)
Матрица адаптации респондентов (количество человек)

Level / Уровень		Adaptability / Адаптивность		
		High / Высокая	Optimal / Оптимальная	Low / Низкая
Maladaptivity / Дезадаптивность	High / Высокая	3	1	0
	Optimal / Оптимальная	25	70	1
	Low / Низкая	34	16	2

According to the data obtained, the questionnaire results are significantly biased towards high adaptation rates (i.e. high adaptability values and low maladaptation values). This may indicate both the presence of false adaptation in the sample studied and the fact that this questionnaire, widely used in research, might require revision.

When forming the final sample of the study, it was decided to exclude small groups from the analysis, since their values may act as “outliers” and negatively affect the quality of the data obtained. Thus, the sample in the second and third stages consisted of 145 women.

Further, the results of the questionnaire survey in these groups were analyzed using the methods of mathematical statistics, namely, to identify statistically significant differences between groups, the nonparametric Kruskal-Wallis test was used, as well as a correlation analysis within each of the groups using the nonparametric Spearman test to identify adaptability and maladaptation profiles for each of the groups.

To illustrate the data obtained, a semi-structured interview was conducted with four women belonging to different groups.

Let us consider the results obtained in more detail.

Research results

The study was carried out in three stages. In the first stage, the sample was tested for homogeneity in order to exclude the influence of social characteristics on the results of the study. Since women from different countries, with different living standards, education and other social characteristics took part in the study, it was necessary to exclude the influence of these factors on the results of the questionnaires. For this purpose, all values were converted to nominal scales.

At the second stage of the study, the presence of statistically significant differences between the samples on the scales of the methods used was studied.

The third stage of the current study was devoted to identifying the profiles of the socio-psychological adaptation of the sample group by studying the correlations between the indicators of adaptability and maladaptation and the quantitative indicators of the personality of the subjects.

To solve the tasks set at the first and second stages of the study, the nonparametric Kruskal-Wallis criterion was used, and at the third stage, the Spearman correlation criterion was used. These criteria were chosen based on the fact that the distribution of the subjects on a number of scales may differ from normal. Let us consider the results of each stage in more detail. The results of checking the sample for homogeneity by social indicators are presented in Table 2.

The weight of answers in Tables 3-10 is gradiently color coded with white representing a low average score in the group and dark green indicating a very high average score in the group. The results will be further explored upon in the discussion below.

Table 2 / Таблица 2

Differences in groups by social indicators
Различия в группах по социальным показателям

Social indicators / Социальные показатели	Kruskal-Wallis test / Критерий Краскела— Уоллиса	Level of statistical significance / Уровень значимости
Age / Возраст	3,622	0,305
Education level / Уровень образования	1,758	0,624
Residence period in a new country / Срок жизни в новой стране	3,351	0,341
Command of language of a new country / Владение языком новой страны	1,263	0,738
Marital satisfaction / Удовлетворенность браком	2,293	0,514
Having children / Наличие детей	3,910	0,271
Living with children / Проживание с детьми	1,817	0,611
Work situation satisfaction / Удовлетворенность ситуацией с работой	2,115	0,549
Level of income / Уровень доходов	6,627	0,085

As can be seen from the data presented in Table 2, there are no statistically significant differences between the groups studied, thus it can be concluded that the final results of the study are not influenced by the social characteristics of the respondents.

Let us consider in more detail the differences in the questionnaire indicators, as well as the differences in the social indicators of the identified groups sequentially. The data are presented in Tables 3–10. For clarity, the data are divided into groups. The main tables present the average values for the samples.

Table 3 / Таблица 3

Comparison of group indicators according to “Social and Psychological Adaptation Test-Questionnaire” (average values by group and the Kruskal-Wallis test)
Сравнение показателей групп по методике оценки социально-психологической адаптации (средние значения по группам и критерий Краскела—Уоллиса)

Scales of the questionnaire / Шкалы опросника	Group 1 / Группа 1	Group 2 / Группа 2	Group 3 / Группа 3	Group 4 / Группа 4	Kruskal-Wallis test / Критерий Краскела—Уоллиса	Level of statistical significance / Уровень значимости
Adaptability / Адаптивность	42,26	121,04	48,91	109,14	105,789	0,000*
Maladaptivity / Деадаптивность	98,94	24,21	40,78	87,36	84,932	0,000*
Self-acceptance / Самопринятие	43,75	119,51	98,66	75,22	81,762	0,000*
Acceptance of others / Принятие других	45,63	115,24	92,53	79,7	68,273	0,000*
Emotional comfort / Эмоциональный комфорт	50,19	116,94	79,38	73,02	58,286	0,000*
Internality / Интернальность	44,63	121	94,03	73,7	80,486	0,000*
Striving for dominance / Стремление к доминированию	59,03	106,31	66,22	71,16	29,620	0,000*
Escapism / Эскапизм	88,08	41,31	48,84	89,34	37,601	0,000*

Note: * — $p \leq 0.05$, there are statistically significant differences between the groups; the weight of answers in the table is gradiently color coded with white representing a low average score in the group and dark green indicating a very high average score in the group.

The obtained analysis shows the presence of statistically significant differences in the groups on all scales of the questionnaire. Thus, it can be said that the identified groups are indeed different in terms of adaptability, maladaptation and other characteristics describing social and psychological adaptation.

Table 4 / Таблица 4

**Attachment to close people questionnaire
 (average values by group and the Kruskal-Wallis test)**

**Опросник привязанности к близким людям
 (средние значения по группам и критерий Краскела—Уоллиса)**

Scales of the questionnaire / Шкалы опросника	Group 1 / Группа 1	Group 2 / Группа 2	Group 3 / Группа 3	Group 4 / Группа 4	Kruskal-Wallis test / Критерий Краскела—Уоллиса	Level of statistical significance / Уровень значимости
Avoidance / Избегание	90,77	48,15	69,25	59,44	27,187	0,000*
Anxiety / Беспокойство	88,11	44,51	44,59	87,62	35,069	0,000*

Note: * — $p \leq 0.05$, there are statistically significant differences between the groups; the weight of answers in the table is gradiently color coded with white representing a low average score in the group and dark green indicating a very high average score in the group.

As can be seen from Table 4, all four groups have statistically significant differences in the characteristics of attachment to loved ones.

Table 5 / Таблица 5

Interpersonal relations questionnaire (average values by group and the Kruskal-Wallis test)

**Опросник межличностных отношений
 (средние значения по группам и критерий Краскела—Уоллиса)**

Scales of the questionnaire / Шкалы опросника	Group 1 / Группа 1	Group 2 / Группа 2	Group 3 / Группа 3	Group 4 / Группа 4	Kruskal-Wallis test / Критерий Краскела—Уоллиса	Level of statistical significance / Уровень значимости
Expressed behaviour in the area of “inclusion” / Выраженное поведение в области «включения»	73,07	83,74	56,81	68,56	5,199	0,158
Required behaviour in the area of “inclusion” / Требуемое поведение в области «включения»	72,99	83,37	58,72	68,06	4,563	0,207

Expressed behaviour in the area of “control” / Выраженное поведение в области «контроля»	73,79	82,74	56,19	68,32	5,078	0,166
Required behaviour in the area of “control” / Требуемое поведение в области «контроля»	73,79	82,74	56,19	68,32	5,078	0,166
Expressed behaviour in the area of “affect” / Выраженное поведение в области «аффекта»	75,09	80,81	61,44	63,92	4,693	0,196
Required behaviour in the area of “affect” / Требуемое поведение в области «аффекта»	66,65	83,87	68,63	78,8	5,790	0,122

Note: the weight of answers in the table is gradiently color coded with white representing a low average score in the group and dark green indicating a very high average score in the group.

According to the study, no differences were found between the groups on the interpersonal relations questionnaire. This may indicate that this topic is significant for all respondents, regardless of their adaptability profile.

As can be seen from Table 6, statistically significant differences were revealed between the indicators of time perspective on the scales of “negative past”, “future”, “positive past”, “fatalistic present”. The absence of differences on the scale of “hedonistic present” shows that all survey participants evaluate their situation in the present in the same way. This may indicate that in all groups, respondents feel their “separation” from the past and future and do not think about the consequences and are guided by the sensations of “here and now”.

As can be seen from Table 7, the analysis did not reveal any statistically significant differences between the groups on any of the scales of the uncertainty tolerance questionnaire.

Table 6 / Таблица 6

Time perspective inventory method (average values by group and the Kruskal-Wallis test)
Опросник временной перспективы
(средние значения по группам и критерий Краскела—Уоллиса)

Scales of the questionnaire / Шкалы опросника	Group 1 / Группа 1	Group 2 / Группа 2	Group 3 / Группа 3	Group 4 / Группа 4	Kruskal- Wallis test / Критерий Краскела— Уоллиса	Level of statistical significance / Уровень значимости
Negative past / Негативное прошлое	86,4	48	63	75,88	20,270	0,000*
Hedonistic present / Гедонистическое настоящее	68,51	79,66	67,47	80,04	2,641	0,450
Future / Будущее	61,37	97,6	68,16	75,2	17,369	0,001*
Positive past / Позитивное прошлое	60,12	90,62	73,28	84,92	14,643	0,002*
Fatalistic present / Фаталистическое настоящее	81,82	57,1	61,94	77	9,353	0,025*

Note: * — $p \leq 0.05$, there are statistically significant differences between the groups; the weight of answers in the table is gradiently color coded with white representing a low average score in the group and dark green indicating a very high average score in the group.

Table 7 / Таблица 7

The level of tolerance of the respondents to uncertainty questionnaire
(average values by group and the Kruskal-Wallis test)
Опросник толерантности к неопределенности
(средние значения по группам и критерий Краскела—Уоллиса)

Scales of the questionnaire / Шкалы опросника	Group 1 / Группа 1	Group 2 / Группа 2	Group 3 / Группа 3	Group 4 / Группа 4	Kruskal- Wallis test / Критерий Краскела— Уоллиса	Level of statistical significance / Уровень значимости
Intolerance to uncertainty / Интолерантность к неопределенности	74,62	72,79	69,59	70,92	0,273	0,965
Novelty / Новизна	69,2	78,78	68,31	78,78	1,913	0,591
Complexity / Сложность	81,34	64,93	67,94	63,88	5,457	0,141

Unsolvability / Неразрешимость	66,14	86,34	73,63	73,66	5,424	0,143
-----------------------------------	-------	-------	-------	-------	-------	-------

Note: the weight of answers in the table is gradiently color coded with white representing a low average score in the group and dark green indicating a very high average score in the group.

Table 8 / Таблица 8

**The factors influencing the level of aspirations questionnaire
 (average values by group and the Kruskal-Wallis test)**

**Опросник оценки уровня притязаний
 (средние значения по группам и критерий Краскела—Уоллиса)**

Scales of the questionnaire / Шкалы опросника	Group 1 / Группа 1	Group 2 / Группа 2	Group 3 / Группа 3	Group 4 / Группа 4	Kruskal-Wallis test / Критерий Краскела—Уоллиса	Level of statistical significance / Уровень значимости
Internal motive / Внутренний мотив	61,49	92,54	74,66	77,6	13,135	0,004*
Cognitive motive / Познавательный мотив	59,31	95,43	61,19	88,4	22,039	0,000*
Avoidance motive / Мотив избегания	78,04	57,56	87,22	70,78	7,578	0,056
Competitive motive / Состязательный мотив	71,29	75,79	75,44	72,44	0,328	0,955
Motive for change of activity / Мотив смены деятельности	78,22	66,56	63,47	73,24	2,733	0,435
Self-esteem motive / Мотив самоуважения	65,43	85,91	66,91	80,54	6,714	0,082
Result significance / Значимость результатов	83,06	53,5	75	70,06	11,622	0,009*
Task complexity / Сложность задания	83,74	55,65	66,56	70,64	10,974	0,012*
Volitional effort / Волевое усилие	67,61	81,4	63,81	82,56	4,642	0,200
Assessment of the level of achieved results / Оценка уровня достигнутых результатов	58,64	100,44	72,72	76,06	23,592	0,000*

Assessment of one's potential / Оценка своего потенциала	56,61	107,65	66,63	75,86	34,603	0,000*
Targeted level of mobilization of efforts / Намеченный уровень мобилизации усилий	59,74	96,99	69,5	79,74	19,019	0,000*
Expected level of results / Ожидаемый уровень результатов	69,63	91,69	62,72	63,6	9,715	0,021*
Pattern of results / Закономерность результатов	59,73	92,72	67,34	86,96	17,864	0,000*
Initiative / Инициативность	53,15	108,32	73,34	80,32	41,061	0,000*
Self-esteem / Самоуважение	65,43	85,91	66,91	80,54	6,714	0,082

Note: * — $p \leq 0.05$, there are statistically significant differences between the groups; the weight of answers in the table is gradiently color coded with white representing a low average score in the group and dark green indicating a very high average score in the group.

Table 9 / Таблица 9

Self-concept clarity scale questionnaire (average values by group and the Kruskal-Wallis test)
Опросник «Ясность Я-концепции»
(средние значения по группам и критерий Краскела—Уоллиса)

Scales of the questionnaire / Шкалы опросника	Group 1 / Группа 1	Group 2 / Группа 2	Group 3 / Группа 3	Group 4 / Группа 4	Kruskal-Wallis test / Критерий Краскела—Уоллиса	Level of statistical significance / Уровень значимости
Self-concept clarity scale / Ясность Я-концепции	83,16	47,53	60,59	87,14	20,892	0,000*

Note: * — $p \leq 0.05$, there are statistically significant differences between the groups; the weight of answers in the table is gradiently color coded with white representing a low average score in the group and dark green indicating a very high average score in the group.

The analysis showed the presence of statistically significant differences between the groups on the scales of “internal motive”, “cognitive motive”, “result significance”, “task complexity”, “assessment of the level of achieved results”, “assessment of one’s potential”, “Targeted level of efforts implementation”, “expected level of results”, “pattern of results”, “initiative”.

As can be seen from Table 9, the indicators of self-concept clarity differ between the groups of respondents. It should be noted that in this questionnaire, high scores correspond to low self-concept clarity.

Table 10 / Таблица 10

Psychological well-being scale (average values by group and the Kruskal-Wallis test)

**Опросник «Шкала психологического благополучия»
 (средние значения по группам и критерий Краскела—Уоллиса)**

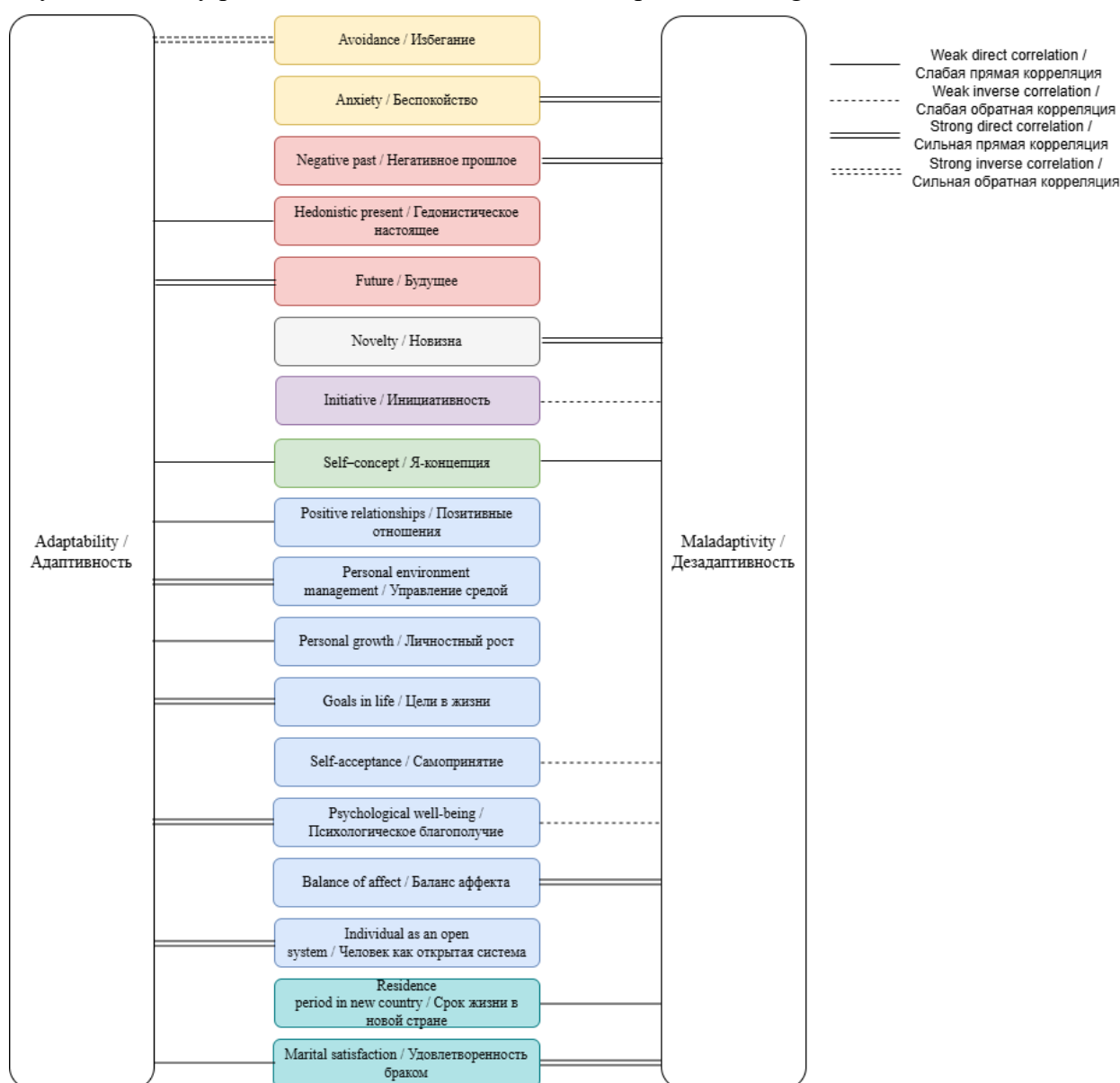
Scales of the questionnaire / Шкалы опросника	Group 1 / Группа 1	Group 2 / Группа 2	Group 3 / Группа 3	Group 4 / Группа 4	Kruskal-Wallis test / Критерий Краскела—Уоллиса	Level of statistical significance / Уровень значимости
Positive relationships / Позитивные отношения	55,83	110,28	79,59	66,16	39,630	0,000*
Autonomy / Автономия	50,09	103,26	96,25	81,12	44,432	0,000*
Personal environment management / Управление средой	53,54	114,59	74,59	69,92	48,710	0,000*
Personal growth / Личностный рост	56,97	107,41	81,59	65,58	34,549	0,000*
Goals in life / Цели в жизни	54,59	106,65	80,88	73,74	35,900	0,000*
Self-acceptance / Самопринятие	53,17	117,22	76,94	65,86	54,258	0,000*
Psychological well-being / Психологическое благополучие	50,91	114,81	83,81	71,08	54,187	0,000*
Balance of affect / Баланс аффекта	92,65	28,03	64,25	84,74	56,992	0,000*
Understanding of the meaning of life / Осмысленность жизни	54,39	110,19	70,59	76,08	40,636	0,000*
Individual as an open system / Человек как открытая система	57,27	101,76	78,72	74,26	26,120	0,000*

Note: * — $p \leq 0.05$, there are statistically significant differences between the groups; the weight of answers in the table is gradiently color coded with white representing a low average score in the group and dark green indicating a very high average score in the group.

The analysis revealed the presence of statistically significant differences between the groups on all scales of the questionnaire studying the psychological well-being of respondents.

In order to more thoroughly and clearly reveal the differences in the structure of the components influencing the socio-psychological adaptation of women who married foreigners and to identify the factors influencing its success, a correlation study was conducted. For this purpose, within each of the groups, using the non-parametric Spearman test, the relationships between the scales of the applied methods were identified. The average values for the scales of the questionnaires used within each of the groups were used as data.

Adaptability and maladaptation profiles were identified for each of the groups. The results of the analysis are clearly presented in the form of correlation pleiades in Figs. 1–4.

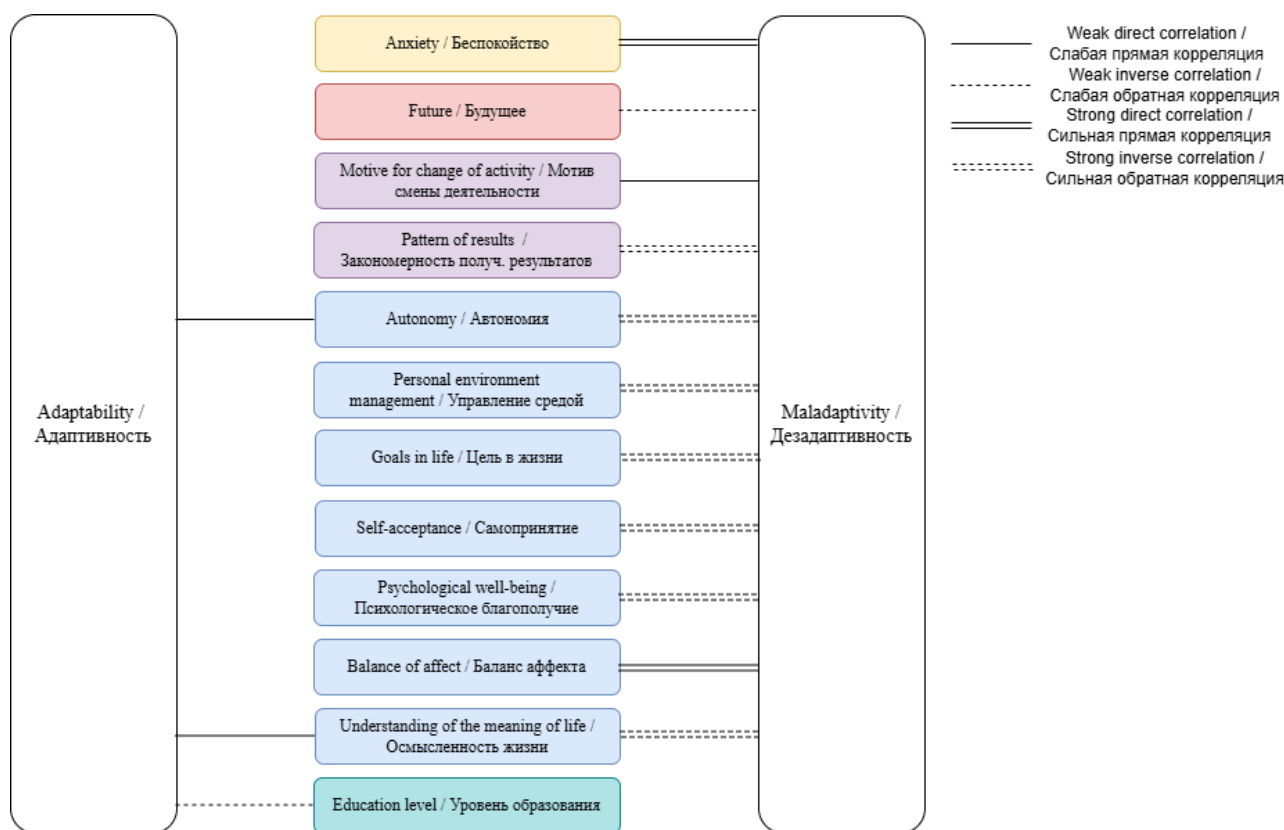
Fig. 1. Group 1 adaptation profile
Рис. 1. Профиль адаптации группы 1
 220

In the profile of this group, there are equally present connections between the scales of the questionnaire and the indicators of both adaptation and maladaptation.

As can be seen from Fig. 1, the correlations for adaptability and maladaptation in the group differ. Adaptability is interconnected (strong direct connection) with such indicators as “future”, “personal environment management”, “goals in life”, “psychological well-being” and “individual as an open system”, (strong feedback) “avoidance”, (weak direct connection) “hedonistic present”, “self-concept”, “positive relationships”, “personal growth”, “marital satisfaction”. The following indicators are associated with maladaptation: a strong direct connection is demonstrated by the scales “negative past”, “novelty”, “balance of affect”, “marital satisfaction”, a weak direct connection is demonstrated by the scales “anxiety”, “self-concept”, “residence period in a new country”, a weak negative connection — “initiative”, “self-acceptance”, “psychological well-being”.

It should be noted that the indicators “self-concept” and “marital satisfaction” demonstrate a direct connection with both adaptability and maladaptation in the sample. It can be assumed that, due to the fact that these parameters have a complex structure, their various components will interact differently with the parameters of adaptability.

Thus, in this group, during psychological support, it will not be enough to work with clarifying the self-concept or pay attention to working with relationships in a couple without additionally studying the characteristics of representatives of this profile.

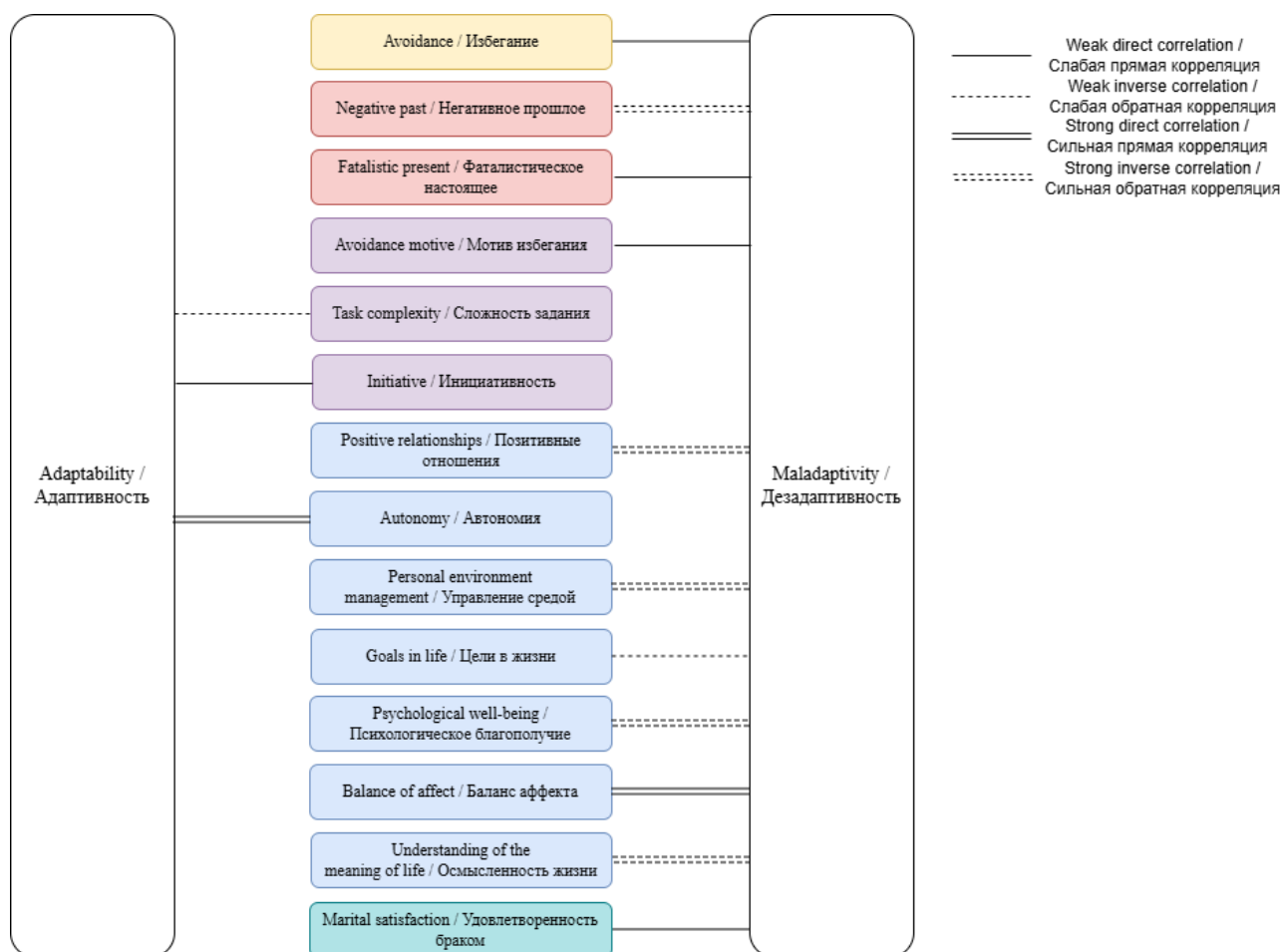
Fig. 2. Group 2 adaptation profile
Рис. 2. Профиль адаптации группы 2

As the correlation constellation clearly shows, the profile of this group mainly shows the presence of correlations of questionnaire scales with maladaptation.

The analysis revealed the presence of a weak direct connection between adaptability and the indicators of "autonomy" and "understanding of the meaning of life", as well as a weak feedback with the level of education.

As for maladaptation, a strong direct connection with the scale of "anxiety", strong feedback with the scales of "pattern of result", "autonomy", "personal environment management", "goals in life", "self-acceptance", "psychological well-being", "understanding of meaning of life", a weak direct connection with the "motive for change of activity" and a weak feedback with the "future" was revealed.

In this group, unlike the previous one, the scales that showed a correlation with both adaptability and maladaptation are linear. That is, with a decrease in maladaptation, maladaptation will proportionally increase.

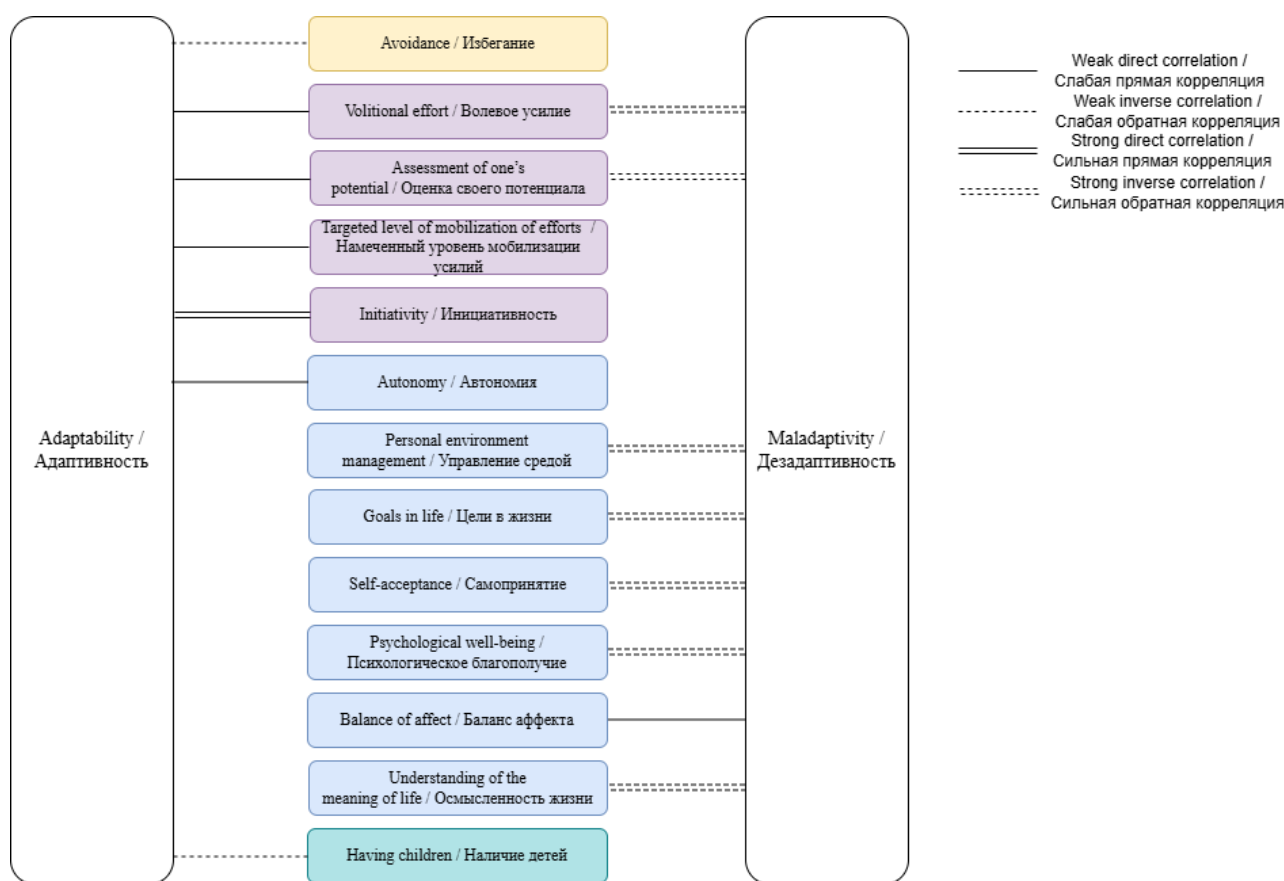
Fig. 3. Group 3 adaptation profile
Рис. 3. Профиль адаптации группы 3

This group also demonstrates more connections with maladaptation.

According to the analysis, such indicators as “autonomy” (direct strong connection), “initiative” (direct weak connection), “task complexity” (inverse weak connection) correlate with adaptability.

The level of maladaptation demonstrates the presence of strong direct connections with the scale “affect balance”, strong inverse connections with the indicators “negative past”, “positive relationships”, “environmental management”, “psychological well-being”, “meaning of life”, weak direct connections with “avoidance”, “fatalistic present”, “avoidance motive” and “satisfaction with marriage”, as well as a weak negative connection with the parameter “goals in life”.

It is interesting that in this group, none of the scales showed correlations with either adaptability or maladaptation.

Fig. 4. Group 4 adaptation profile
Рис. 4. Профиль адаптации группы 4

The profile of this group, as well as group 1, also contains links with both adaptation and maladaptation indicators.

Adaptability demonstrates the presence of a strong direct link with the “initiative” indicators, direct weak links with the scales “volitional effort”, “assessment of one's potential”, “intended level of implementation of efforts”, “autonomy”, weak feedback links with “avoidance” and “presence of children”.

As for maladaptation, strong negative links were found with the parameters “volitional effort”, “assessment of one's potential”, “environmental management”, “goals in life”, “self-acceptance”, “psychological well-being”, “meaning of life”, and a weak positive link with “affect balance”.

As in the second group, the correlations showed a linear dependence of the scales that correlate with both adaptability and maladaptation.

Discussion

To facilitate analysis of the obtained data, the results are presented in Figs. 5 and 6, combining all stages of the conducted research, the correlations are presented and the level of average values of the questionnaire scales for each of the groups is marked in color. The resulting summary tables help to see the differences in the structure of adaptability and maladaptation of groups. The text first presents the summary data itself, and then the results will be interpreted.

To clarify the assumptions associated with the analysis of the obtained data, semi-structured interviews were conducted with representatives of each of the groups who took part in the main study and agreed to answer additional questions after processing the results.

Before moving on to describing specific types and especially using quotes from interviews with the study participants, it is important to emphasize that none of these types are good or bad, right or wrong. Behind each of these profiles is the real life of each woman, her personal experience, her life path.

Each of the types shows those important aspects of human existence that can be seen through the prism of migration and serve as an impetus for reflection not only on what happened retrospectively to women who moved to a new country due to marriage (the answer to the question “why did this happen?”) but also prognostic reflections on which tasks are being solved at the current stage of life, which life difficulties set the psyche in motion (the answer to the question “where does this lead a person in his development?”).

As the comparison of the characteristics related to adaptability in different profiles shows, the nature of low or high adaptation in the given profiles varies significantly between the groups. It can be said that representatives of different types (especially Group 1 and Group 2) “live in different worlds”.

Adaptability in **Group 1** has the most unique correlations with the indicators of both understanding of time perspective and psychological well-being scales, the highest values of the level of avoidance and anxiety, and low values of experiencing a negative past and future, as well as the absence of correlations with the autonomy scale in the only one of the studied groups.

The maladaptation of this group is associated with a high level of anxiety, a high level of negative representation of the past (which, in turn, is associated with impulsivity and depression), a low level of tolerance for novelty, a low level of clarity of the self-concept, a high emotional assessment of oneself and one's ability to maintain relationships with others, along with disappointment in behavior in one's own past.

In the interview, representatives of this group draw attention to two turning points that influenced adaptation in a new country. The first is the birth of children and the need to solve problems associated with them – that is, the need to leave the comfort zone to solve problems: “Once they forgot to give me an interpreter for an appointment with a doctor, and I had to explain the medical history of my family and myself using my fingers, pantomime and drawings. We had a great time, laughed a lot and eventually wrote down everything that was needed. Since then, my English has significantly

improved and has begun to be used actively. However, Australia is a country of migrants, and here they are calm about accents and speech errors."

	Group 1 / Группа 1	Group 2 / Группа 2	Group 3 / Группа 3	Group 4 / Группа 4
Avoidance / Избегание	-----	-	-	-----
Hedonistic present / Гедонистическое настоящее	=====	-	-	-
Future / Будущее	=====	-	-	-
Task complexity / Сложность задания	-	-	-----	-
Volitional effort / Волевое усилие	-	-	-	=====
Assessment of one's potential / Оценка своего потенциала	-	-	-	=====
Targeted level of mobilization of efforts / Намеч. уровень мобилиз. усилий	-	-	-	=====
Initiative / Инициативность	-	-	=====	=====
Self-concept / Я-концепция	=====	-	-	-
Positive relationships / Позитивные отношения	=====	-	-	-
Autonomy / Автономия	-	=====	=====	=====
Personal environment management / Управление средой	=====	-	-	-
Personal growth / Персональный рост	=====	-	-	-
Goals in life / Цели в жизни	=====	-	-	-
Psychological well-being / Психологическое благополучие	=====	-	-	-
Understanding of the meaning of life / Осмысл. жизни	-	=====	-	-
Individual as an open system / Человек как открытая система	=====	-	-	-
Education level / Уровень образования	-	-----	-	-
Having children / Наличие детей	-	-	-	-----
Marital satisfaction / Удовлетворенность браком	=====	-	-	-

Fig. 5. Comparison of adaptability characteristics in profiles
 Рис. 5. Сравнение характеристик адаптивности в профилях

Миронова О.И., Руонала Л.А. (2025)
 Типы социально-психологической адаптации женщин,
 заключивших брак с иностранцами
Психология и право, 15(2), 207—235.

Mironova O.I., Ruonala L.A. (2025)
 Types of social and psychological adaptations
 of women married with foreigners
Psychology and Law, 15(2), 207—235.

	Group 1 / Группа 1	Group 2 / Группа 2	Group 3 / Группа 3	Group 4 / Группа 4
Anxiety / Беспокойство	=====	=====	-	-
Avoidance / Избегание	-	-	=====	-
Negative past / Негативное прошлое	=====	-	=====	-
Future / Будущее	-	=====	-	-
Fatalistic present / Фаталистическое настоящее	-	-	=====	-
Novelty / Новизна	=====	-	-	-
Avoidance motive / Мотив избегания	-	-	=====	-
Motive for change of activity / Мотив смены деятельности	-	=====	-	-
Volitional effort / Волевое усилие	-	-	-	=====
Assessment of one's potential / Оценка своего потенциала	-	-	-	=====
Pattern of result / Закономерность полученных результатов	-	=====	-	-
Initiative / Инициативность	=====	-	-	-
Self-concept / Я-концепция	=====	-	-	-
Positive relationships / Позитивные отношения	-	-	=====	-
Autonomy / Автономия	-	=====	-	-
Personal environment management / Управление средой	-	=====	=====	=====
Goals in life / Цели в жизни	-	=====	=====	=====
Self-acceptance / Самопринятие	=====	=====	-	=====
Psychological well-being / Психологическое благополучие	=====	=====	=====	=====
Balance of affect / Баланс аффекта	=====	=====	=====	=====
Understanding of the meaning of life / Осмысл. жизни	-	=====	=====	=====
Residence period in a new country / Срок жизни в новой стране	=====	-	-	-
Marital satisfaction / Удовлетворенность браком	=====	-	=====	-

Fig. 6. Comparison of maladaptation indicators in profiles
Рис. 6. Сравнение характеристик адаптивности в профилях

Another important situation is the description of a conflict with a representative of the diaspora who was arguing with the interviewee: “This really helped me to get rid of my dependence on other people’s opinions.”

As for the issues of ethnic identity, the perception is based on the opposition and the sense of oneself through the concepts of “friend or foe”: “Everything changed after a trip to Russia. I realized how much I had changed, the country and the people in it had changed. I was already a stranger there. Things that I had not even noticed before had become an eyesore. Everyday rudeness everywhere, the lack of personal boundaries, the habit of always defending “friends” had unexpectedly alienated me.”

It seems that the representatives of this group are focused on their experiences in a situation of frustration, which challenges their self-concept and time perspective. Thus, life looks like a series of challenges and iterations between an individual and society, within the framework of which certain decisions are made.

In **group 2**, as the results show, there is a noticeable connection between adaptability and the search for the meaning of life. Representatives of this group demonstrate a high level of autonomy. Correlations with indicators of understanding of life and level of education indicate that these women are looking for answers to internal questions related to the value sphere of the individual.

The maladaptation of the second group is associated with a low level of anxiety, an average level of motive for changing activities, a low level of emotional perception of oneself in interaction with others, and is inversely associated with a low level of impulsivity and conscientiousness, the significance of the result obtained, and high indicators of meaningfulness of life and life values.

Describing her experience of adapting to a new country, a representative of this group rather philosophically reflects on the fact that the same problems are everywhere, the main thing is who and in what company solves them: “The main thing is not to forget to switch languages. I am included in life in Russia and in life in Greece. It feels like the same people, they just speak a different language. The problems are the same – prices are rising, how to build relationships with children. Like everywhere, issues of fathers and children. Perhaps, if I had ended up in a different family, things could have been different. But my husband and I are close in our way of life, in our values.”

As for motivation for development, it is more connected with internal needs, and not with external tasks or conflicts: “The past is forgotten, the future is closed, the present is given. I am happy with my life. Now I have managed to do many things that I could not do before. For example, I started drawing. I got a new profession. Maybe I gained some wisdom, I stopped racking my nerves on what used to worry me. Now I like it more than before. And how it will be – we’ll see.”

The resulting profile does indeed correlate with a low level of maladaptation, since the focus of attention of women from this group is not on external frustration, but on solving other problems. At the same time, there is a feeling that there are no differences in the identity of the old and new countries, and frustration is perceived as a natural part of life.

An interesting feature of the story of the representative of this group was the absence of the idea of the path forward. Life in this way is more like contemplation of the inner world than as a reflection of the outer world.

Group 3. The adaptability of group 3 is built around motivation for action. This conclusion is due to the fact that this group has correlations with such a scale of the motivational profile as task complexity, there is a direct strong connection with autonomy (while this scale demonstrates very high values), and there is also a correlation with initiative.

The indicators of the third group show the presence of internal and external complexity in the structure of both adaptability and maladaptation. Low levels of avoidance, a balanced time perspective, and indicators of psychological well-being indicate this. As for the motivational sphere, maladaptation in this group is associated only with a high level of the avoidance motive.

These assumptions are confirmed by the respondent's answers. They contain many ideas about achieving goals regardless of what others think: "Challenging tasks motivate me. I am so happy, I like it so much. I had plans to achieve this by 30, and that by 40. I was also told that I was winding myself up, that I needed to relax and wait. But I approach life from the position that "Nothing ventured, nothing gained". I saw this as a devaluation of my experiences. I wanted to be someone myself. Although the Spaniards asked me why I didn't go to work as a waitress. Wait, what? I studied for 5 years!"

To achieve the set goals, the woman went to study, visited a psychoanalyst, and sought support from loved ones.

A representative of this group describes the feeling of her identity in the context of development: "Initially there was a question – am I not like them? Then joy – and thank God I am not like them. Then came the understanding that they are like this, and I am like this."

We can say that this group demonstrates a clearly expressed idea of development, changes in accordance with a precisely formulated image of the future and the search for solutions that contribute to the achievement of the set goals.

As for **group 4**, adaptability is associated with such characteristics as will, planning, reliance on one's own decisions, low levels of avoidance, and the fact that this is the only group for which having children is significant. Perhaps solving external problems is an important driver of adaptability for this group.

As for the maladaptation of the fourth group, it, being in the same range as the maladaptation of the first group, looks simpler and more linear in its structure. That is, low values of characteristics that promote adaptation (will and rationality) are associated with maladaptation. This is confirmed by the answers to questions related to the experience of adaptation. "My adaptation went well. The main thing is to understand what you are getting into and choose the right person."

The responses of the representative of group 4 were very specific and were mainly related to the fact that since she found herself in a new country, she had to arrange her life there and solve everyday problems: "It was hard, but that was to be expected. I had to learn a new language, look for a job." As for ideas about ethnic identity, they were also formulated clearly and specifically: "If I am Russian, then I will never become Swedish, it is impossible. I feel like a Russian who lives in Sweden, I am used to the local lifestyle."

In the responses here, as in group 2, the theme of conflict is also absent. But here we can see an idea of development, which is more related to the use of willpower and readiness to take clear steps to achieve logical goals, such as learning the language of the new country, finding a job and generating income and solving everyday problems.

In the model of successful social and psychological adaptation of women who married foreigners, based on theoretical research, the idea was formulated that the obtained types of adaptation could be correlated with the above-mentioned typology of J. Berry (Mironova, Ruonala, 2024).

However, while analyzing the results obtained, an idea arose to expand the understanding of migration by correlating the obtained data with the concept of lifeworlds by F.E. Vasilyuk (Vasilyuk, 2025; Vasilyuk, Karyagina, 2017; Karyagina, 2019). It is interesting that until the idea of this

typology appeared, the correlation of the obtained results and the initially declared typology of migration by Berry was not obvious.

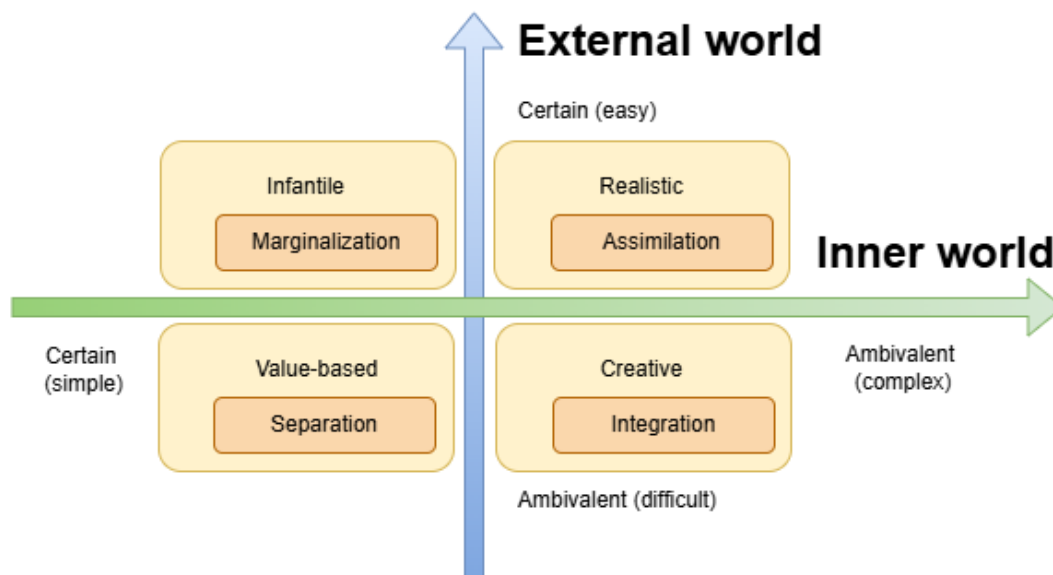
Vasilyuk's typology is based on the individual's idea of the external and internal world, which can be complex or simple. Thus, there are 4 types of internal worlds — infantile (simple internal and external world), rational (simple internal and complex external), value (simple external and complex internal), and creative (complex external and complex internal).

This typology contains the idea of development, the driving force of which is the specific concept of “perezhivanie”, which cannot be fully translated from Russian into English. The meaning is most closely related to “experience”, but then the nuances associated with the amplitude of the experience, its complexity and direction will be lost (Vasilyuk, 2025; Vasilyuk, 1992).

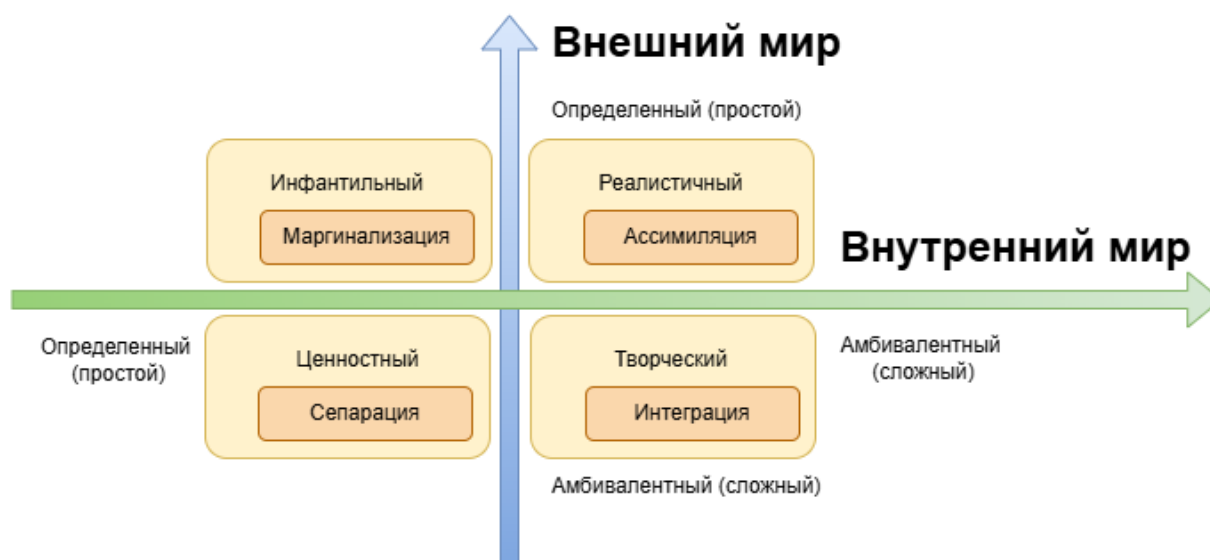
As F.E. Vasilyuk himself wrote, “perezhivanie becomes the person’s leading activity ... which occupies a dominating position in the life of a person and through which his personal development is carried out” (Vasilyuk, 1992). Without a doubt, the perezhivanie associated with the process of integration in a new country becomes an important addition to understanding what happens to a person experiencing a move.

It makes sense to consider the classification of J. Berry as a special case of the concept of lifeworlds, where the host society becomes part of the external world, and ethnic identity – of the internal world, and the migration path itself as a crisis situation, which can ultimately become a driving force for the development of human potential and become an impetus for self-actualization. In addition, the application of the concept of F.E. Vasilyuk adds to the understanding of migration the idea of transfiguration, which transfers the linear theory of the development of migration stages from non-classical to post-non-classical scientific rationality (Karyagina, 2019).

The correlation between these two typologies is shown in Fig. 7.

Fig. 7. Correspondence of the typology of lifeworlds by F. Vasilyuk and the types of adaptation by J. Berry

Рис. 7. Соотнесение типологий жизненных миров Ф.Е. Василюка и типов адаптации Дж. Берри

Due to the specificity of the sample, J. Barry could consider the manifestations of the impact of moving on a person, taking into account extreme cases that are unlikely to happen in a situation of "successful" migration. In rare cases, a woman who moved due to marriage will lead a marginal lifestyle, will end up in social housing, or will need to use food banks. The external world itself in the case of marital migration looks more accepting. But it is possible that the experiences of a woman who is within the so-called infantile position may be fundamentally the same depression that can affect a person whom Barry classifies as a marginalized group.

It should be noted that the typologies "infantilism" or "marginalization" may sound offensive to the members of the group so denoted. This also happens to be the most numerous group. Perhaps, to describe our social group, it makes sense to choose another concept that reveals the specificity of the tasks at this stage. Perhaps, at the basis of this group of symptoms lies some confusion or loss, which forces a person to react to undifferentiated frustrating situations. However, at this stage of the work it is reasonable to use those names that were proposed by F.E. Vasilyuk and J. Berry.

Drawing analogies between the characteristics of the studied groups and the proposed typologies, it is easy to draw a conclusion about their relationship. The data are presented in Table 11.

The obtained data opens significant prospects for further research into the complexity and comprehensiveness of the phenomenon of migrant adaptation, as well as for clarifying the content of the types of socio-psychological adaptation of women who have married foreigners.

First, since the groups under study are different in size, which is a limitation of the current work, it is necessary to conduct further research and, at the first stage, equalize the number of participants in each of the groups. An interesting focus for studying this problem may be the use of mixed research designs, including grounded theory, in order to clarify similar and different parameters that affect adaptability and maladaptation.

Secondly, a deep and detailed correlation of the concept of Vasilyuk and J. Barry can largely reveal the processes that influence what type of patterns a person will gravitate to. The solution to this issue has prognostic and diagnostic significance.

Table 11 / Таблица 11

Correspondence between the groups obtained and typologies of F.E. Vasilyuk and J. Berry

Соответствие полученных групп типологиям Ф.Е. Василюка и Дж. Берри

	Typology of lifeworlds by F.E. Vasilyuk / Типология жизненных миров Ф.Е. Василюка	Typology of migration by J. Berry / Типология миграции Дж. Берри
Group 1 / Группа 1	Infantile / Инфантильный	Marginalization / Маргинализация
Group 2 / Группа 2	Value-based / Ценностный	Separation / Сепарация
Group 3 / Группа 3	Creative / Творческий	Integration / Интеграция
Group 4 / Группа 4	Rational / Рациональный	Assimilation / Ассимиляция

Thirdly, as we see from the obtained results of the analysis, the scales of the Rogers-Diamond questionnaire when applied to the studied group tend to shift. Apparently, the indicators of integration are associated with optimal adaptability and low maladaptation. However, this issue should also be resolved separately.

Another important observation is the importance of studying the problems that increase the maladaptation of migrants. At the same time, this characteristic is more universal for all groups. Work with migrants should be carried out consistently, first working through the issues of maladaptation, and then – adaptability. Here we can recall and rework the words of L. Tolstoy: “All unhappy migrants are unhappy in the same way, each happy migrant is happy in his own way.”

Conclusions

The problem of studying the psychological characteristics of the success of social and psychological adaptation remains relevant. As the current study has shown, there are still more questions about the nature of the phenomenon of adaptation than answers.

Even though the existing typology of migration classifies marital migration as a separate type, as we see, this group is not monolithic. Despite the absence of statistically significant differences between the groups, within which the differences in the migrants' experience of the adaptation process are mainly explained, new grounds for theoretical understanding of the specificity of the group, the logic of its development and driving force are revealed.

As the research obtained shows, an important lens through which to study the process of migrant integration into the host society can be the concept of “perezhivanie” by F.E. Vasilyuk. Thus, experience acts as a driving force for the development of adaptability and can ultimately lead to integration into the host society. This clarification can significantly expand the ideas of psychologists about the philosophical and methodological foundations of work in accompanying migration.

The results of the conducted research allowed us to identify four types of social and psychological adaptation of women married to foreigners. The obtained types can correspond to both the typology of lifeworlds by F.E. Vasilyuk and the typology of migrants by J. Barry: infantile (marginalization), rational (assimilation), value (separation) and creative (integration). At the same time, the typology of migrants can act as a special case of the typology of lifeworlds.

Limitations. Since the groups under study are different in size, it is necessary to conduct further research and, at the first stage, equalize the number of participants in each of the groups.

Ограничения. В силу того, что исследуемые группы различны по численности, в дальнейшем необходимо провести исследование и на первом этапе уровнять количества участников каждой из групп.

References

1. Abu-Rayya, H.M., Berry, J.W., Sam, D.L., Grigoryev, D. (2023). Evaluating the integration hypothesis: A meta-analysis of the ICSEY project data using two new methods. *British Journal of Psychology*, 114(4), 819—837. <https://doi.org/10.1111/bjop.12656>
2. Berry, J. (2017). Acculturation strategies and adaptation. In: J.E. Lansford, K. Deater-Deckard, M.H. Bornstein (Eds.), *Immigrant families in contemporary society*. (pp. 69—82). New York: Guilford Press.
3. Bahri, M.T. (2024). Evidence of the digital nomad phenomenon: From “Reinventing” migration theory to destination countries readiness. *Heliyon*, 10(17), Article e36655. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e36655>
4. Bhandari, N.B. (2024). Beyond Borders: A Review of Diaspora and Female Immigrant Experience. *Journal of Political Science*, 24, 159—169. <https://doi.org/10.3126/jps.v24i1.62861>
5. Caidi, N., Muzaffar, S., Kalbfleisch, E. (2024). Contested imaginaries: workfinding information practices of STEM-trained immigrant women in Canada. *Journal of Documentation*, 50(10), 2574—2593. <https://doi.org/10.1108/JD-10-2023-0200>
6. Foged, M., Hasager, L., Peri, G., Arendt, J.N., Bolvig, I. (2024). Language training and refugees’ integration. *Review of Economics and Statistics*, 106(4), 1157—1166. https://doi.org/10.1162/rest_a_01216
7. Chumak, E.V. (2021). Individual life strategies of migrants in Russia. *Russian Economic Bulletin*, 4(4), 99—106. (In Russ., abstr. in Eng.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=pksazg> (viewed: 24.12.2024).
Чумак Е.В. (2021). Индивидуальные жизненные стратегии мигрантов в России // *Российский экономический вестник*, 4(4), 99—106. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=pksazg> (дата обращения: 24.12.2024).
8. Karyagina, T.D. (2019). Scientific Heritage of F.Ye. Vasilyuk: From Psychological Counseling to Counseling Psychology. *Cultural-Historical Psychology*, 15(1), 4—14. (In Russ., abstr. in Eng.). <https://doi.org/10.17759/chp.2019150101>
Карягина, Т.Д. (2019). Научное наследие Ф.Е. Василюка: от психологического консультирования к консультативной психологии. *Культурно-историческая психология*, 15(1), 4—14. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150101>
9. Konstantinov, V.V. (2018). System-dynamic approach to social-psychological adaptation of migrants. *Human Capital*, 4(112), 49—62. (In Russ., abstr. In Eng.). <https://doi.org/10.25629/HC.2018.04.05>
Константинов, В.В. (2018). Системно-динамический подход к социальной адаптации мигрантов. *Человеческий капитал*, 4(112), 49—62. <https://doi.org/10.25629/HC.2018.04.05>
10. Kumar, A., Shankar, A. (2024). The bold decision to go “all in”: Understanding the reasons behind consumers' willingness to migrate to the metaverse. *Psychology & Marketing*, 41(8), 1769—1791. <https://doi.org/10.1002/mar.22009>
11. Luthra, R., Platt, L., Salamońska, J. (2018). Types of Migration: The Motivations, Composition, and Early Integration Patterns of “New Migrants” in Europe. *International Migration Review*, 52(2), 368—403. <https://doi.org/10.1111/imre.12293>

Миронова О.И., Руонала Л.А. (2025)
Типы социально-психологической адаптации женщин,
заключивших брак с иностранцами
Психология и право, 15(2), 207—235.

Mironova O.I., Ruonala L.A. (2025)
Types of social and psychological adaptations
of women married with foreigners
Psychology and Law, 15(2), 207—235.

12. Mahalakshmi, S., Bharath, H., Kautish, S. (2024). From Avatars to Allies: Understanding Social Dynamics in the Metaverse. In: *Metaverse Driven Intelligent Information Systems: Emerging Trends and Future Directions* (pp. 253—267). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-72418-3_15
13. Mironova, O.I., Ruonala, L.A. (2024). Model of Social and Psychological Adaptation of Women Married to Foreigners. *Psychology and Law*, 14(1), 248—265. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140116>
14. Mironova, O.I., Ruonala, L.A. (2023). Psychological Difficulties in Marriage Migrant Women Adaptation. *Psychology and Law*, 13(3), 161—174. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130312>
15. Petrov, V.N. (2009). Ethnic migrations in contemporary Russia — determinants and typologies. *Sociological Research*, 10(306), 48—56. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13569058> (viewed: 24.12.2024).
Петров, В.Н. (2009). Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология. *Социологические исследования*, 10(306), 48—56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13569058> (дата обращения: 24.12.2024).
16. Ruonala, L.A. (2024). Content analysis as a method for social and psychological diagnostics of adaptation in women married to foreigners. *Human Capital*, 7(187), 126—140. (In Russ., abstr. in Eng.). <https://doi.org/10.25629/HC.2024.07.12>
Руонала, Л.А. (2024). Контент-анализ как метод социально-психологической диагностики адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами. *Человеческий капитал*, 7(187), 126—140. <https://doi.org/10.25629/HC.2024.07.12>
17. Vasilyuk, F.E. (2025). *Co-experiencing psychotherapy as a psychotechnical system*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
Васильюк, Ф.Е. (2025). *Понимающая психотерапия как психотехническая система*. СПб: Питер, 448 с.
18. Vasilyuk, F.E. (1992). *The psychology of experiencing. The resolution of life's critical situations*. New York: New York University Press, Harvester Wheatsheaf.
19. Vasilyuk, F.E., Karyagina, T.D. (2017). Personality and experiencing in the context of experiential psychotherapy. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 25(3), 11—32. (In Russ., abstr. in Eng.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2017250302>
Васильюк, Ф.Е., Карягина, Т.Д. (2017). Личность и переживание в контексте экспириентальной психотерапии. *Консультативная психология и психотерапия*, 25(3), 11—32. <https://doi.org/10.17759/cpp.2017250302>
20. Yang, C, Shao, J, Zhao, Y. (2025). Post-COVID-19 Sojourn Choices: Exploring the Distribution and Preferences of Chinese Digital Nomads Based on the Lifestyle Migration Theory. *Sustainability*, 17(1), Article 130. <https://doi.org/10.3390/su17010130>
21. Zaitseva I.B. (2024). *Specificity of socio-psychological characteristics and behavioral strategies of the individual in the context of the migration process (based on the material of regional migrants and native residents of the metropolis): Diss. Cand. of Psychol. Sci.: 5.3.5*. P.G. Demidov Yaroslavl State University. Yaroslavl. (In Russ.). URL: <http://www.rd.uniyar.ac.ru/upload/iblock/e53/Dissertatsiya-Zaytsevov-I.B..pdf> (viewed: 05.05.2025).
Зайцева, И.Б. (2024). *Специфика социально-психологических характеристик и поведенческих стратегий личности в условиях миграционного процесса (на материале региональных мигрантов и коренных жителей мегаполиса): Дисс. ... канд. психол. наук:*

Миронова О.И., Руонала Л.А. (2025)
Типы социально-психологической адаптации женщин,
заклучивших брак с иностранцами
Психология и право, 15(2), 207—235.

Mironova O.I., Ruonala L.A. (2025)
Types of social and psychological adaptations
of women married with foreigners
Psychology and Law, 15(2), 207—235.

5.3.5. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Ярославль. URL:
<http://www.rd.uniyar.ac.ru/upload/iblock/e53/Dissertatsiya-Zaytsevov-I.B..pdf> (дата
обращения: 05.05.2025).

Information about the authors

Oksana I. Mironova, Doctor of Science (Psychology), Docent, Professor of the Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University; Professor of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Lydia A. Ruonala, MA in Psychology, Independent Researcher, Gothenburg, Sweden, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Информация об авторах

Оксана Ивановна Миронова, доктор психологических наук, доцент, профессор департамента психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»); профессор департамента психологии и развития человеческого капитала, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (ФГБОУ ВО «Финансовый университет»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Лидия Александровна Руонала, магистр психологии, независимый исследователь, Гетеборг, Швеция, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Contribution of the authors

Oksana I. Mironova — development of the concept and planning of research; leadership and control over the conduct of research, work on the manuscript.

Lydia A. Ruonala — idea development, planning and conducting the study, processing and interpretation of the results, preparation of the study manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Вклад авторов

Миронова О.И. — разработка концепции и планирование исследования; руководство и контроль за проведением исследования, работа над рукописью.

Руонала Л.А. — разработка идеи, планирование, проведение исследования, обработка и интерпретация результатов, подготовка рукописи исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Миронова О.И., Руонала Л.А. (2025)
Типы социально-психологической адаптации женщин,
заключивших брак с иностранцами
Психология и право, 15(2), 207—235.

Mironova O.I., Ruonala L.A. (2025)
Types of social and psychological adaptations
of women married with foreigners
Psychology and Law, 15(2), 207—235.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 19.01.2025
Поступила после рецензирования 11.03.2025
Принята к публикации 20.05.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025.01.19
Revised 2025.03.11
Accepted 2025.05.25
Published 2025.06.30

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

**Влияние уровня тревожности и стрессоустойчивости
на результаты тестирования на полиграфе**

Т.Н. Беззубова¹✉, Д.М. Купцова¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ bezzubova.tany@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Исследования, посвященные влиянию индивидуально-психологических особенностей испытуемых на результаты психофизиологического тестирования с применением полиграфа, демонстрируют противоречивые результаты. **Цель.** Изучение влияния уровня тревожности и стрессоустойчивости на результаты психофизиологического теста. **Гипотеза.** Высокий уровень тревожности и низкая сопротивляемость стрессу будут повышать вероятность ложноположительного результата в процессе психофизиологического исследования с использованием полиграфа. **Методы и материалы.** Выборку составили 18 студентов МГППУ ($M = 21,5$, $SD = 4,2$, 100% женщин). В исследовании применялись: «Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Т. Холмса и Р. Раге», методика «Личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора», а также психофизиологический метод с применением полиграфа: ознакомительный тест и стандартный однотемный скрининг с вопросами управляемой лжи. **Результаты.** Взаимосвязь уровня тревожности и стрессоустойчивости с результатами психофизиологического исследования не подтвердилась по уровню значимости. **Выводы.** Подчеркивается роль проведения качественного предтестового интервью для исключения возможных ложноположительных результатов при тестировании на полиграфе. Необходимо дальнейшее изучение влияния индивидуальных психологических механизмов на результаты психофизиологического тестирования с использованием полиграфа.

Ключевые слова: скрининговое тестирование на полиграфе, психофизиологические параметры, влияние индивидуально-психологических особенностей, уровень тревожности

Беззубова Т.Н., Купцова Д.М. (2025)
Влияние уровня тревожности и стрессоустойчивости
на результаты тестирования на полиграфе
Психология и право, 15(2), 236—249.

Bezzubova T.N., Kuptsova D.M. (2025)
The influence of the level of anxiety and stress
resistance on the results of polygraph testing
Psychology and Law, 15(2), 236—249.

Для цитирования: Беззубова, Т.Н., Купцова, Д.М. (2025). Влияние уровня тревожности и стрессоустойчивости на результаты тестирования на полиграфе. *Психология и право*, 15(2), 236—249. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150215>

The influence of the level of anxiety and stress resistance on the results of polygraph testing

T.N. Bezzubova¹✉, D.M. Kuptsova¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ bezzubova.tany@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Studies devoted to the influence of individual-psychological features of the subjects on the results of psychophysiological testing with the use of polygraph demonstrate contradictory results. **Objective.** To study the influence of the level of anxiety and stress resistance, on the results of psychophysiological test. **Hypothesis.** High level of anxiety and low stress resistance will increase the probability of false positive results in the process of psychophysiological testing with the use of polygraph. **Methods and materials.** The sample consisted of 18 MGPPU students ($M = 21.5$, $SD = 4.2$, 100% women). The following methods were used in the study: the method of determining stress resistance and social adaptation by T. Holmes and R. Rage, the personality scale of anxiety manifestations by J. Taylor, as well as the psychophysiological method with the use of polygraph: familiarization test and standard one-topic screening with controlled lie questions. **Results.** The correlation between the level of anxiety and stress resistance, with the results of psychophysiological study was not confirmed by the level of significance. **Conclusions.** The role of conducting a qualitative pre-test interview to exclude possible false positive results in polygraph testing is emphasized. It is necessary to further study the influence of individual psychological mechanisms on the results of psychophysiological testing with the use of polygraph.

Keywords: screening polygraph test, psychophysiological parameters, the influence of individual psychological characteristics, the level of anxiety, the level of stress resistance

For citation: Bezzubova, T.N., Kuptsova, D.M. (2025). The influence of the level of anxiety and stress resistance on the results of polygraph testing. *Psychology and Law*, 15(2), 236—249. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150215>

Введение

Психофизиологическое исследование с использованием полиграфа (ПФИ) вызывает широкий интерес и дискуссии в научном сообществе. Исследования показывают, что точность тестирования на полиграфе в лабораторных условиях составляет около 75—90% (American Polygraph Association, 2011; Kokish, Levenson, Blasingame, 2005; Raskin, Honts, 2002), однако эта цифра может значительно снижаться при применении тестирования в реальных ситуациях, таких как судебные процессы или расследования (Bond, De Paulo, 2006). В Российской

Федерации результаты исследования на полиграфе не могут служить непосредственным доказательством в судебном процессе. ПФИ проводится как для задач обеспечения кадровой безопасности, так и в оперативно-розыскной деятельности и на ранних стадиях уголовного процесса для получения разного рода информации, проверки следственных версий, достоверности сообщенной участниками информации и ускорения расследования. При расследовании преступлений могут назначаться как психофизиологические экспертизы с применением полиграфа, так и исследования с целью получения заключения специалиста-полиграфолога (Мавлютова, 2024). Многочисленные дискуссии ученых и юристов о значении исследования с использованием полиграфа при расследовании преступлений сводится к вопросу о признании его результатов в качестве доказательства. В частности указывается, что экспертиза с применением полиграфа не имеет достаточного научного обоснования и строгой методики проведения исследования. Однако по результатам метаанализа, проведенного Американской ассоциацией полиграфологов в 2011 г., точность метода с вопросами сравнения составляет от 80% до 93%, что позволило отнести его к разряду доказательных тестов. Несмотря на подтверждение практической эффективности данного метода, по результатам систематического обзора, опубликованного в 2020 году, согласно которому средняя точность тестирования на полиграфе составляет 85% (Honts, Thurber, Handler, 2021), сохраняются критические замечания относительно интерпретации получаемых данных и уязвимости технологии к применению приемов противодействия тестированию со стороны участвующего в исследовании человека.

Центральное место в психофизиологическом исследовании занимает феномен значимости стимула. В психологическом словаре значимость определяется как мера или степень, в которой то или иное событие затрагивает человека, влияет на его состояние и благополучие (Немов, 2007). Исходя из этого, значимость стимула относится к его важности для индивида или ситуации, может определяться его способностью привлекать внимание, вызывать эмоциональные реакции или оказывать влияние на поведение. Активация симпатического отдела нервной системы в момент воздействия значимого стимула обычно обусловлена стрессовыми или угрожающими ситуациями, что впоследствии вызывает изменения физиологических реакций организма, такие как увеличение частоты сердечных сокращений, повышение артериального давления, расширение диафрагмы и дыхательных путей; все это может быть также связано с ожиданием негативных последствий, неопределенностью или необходимостью принять решение.

Некоторые исследования указывают на то, что личностные особенности, такие как уровень тревожности, степень стрессоустойчивости, склонность к риску и даже интеллектуальные способности, могут влиять на психофизиологические реакции человека во время прохождения полиграфического тестирования (Ben-Shakhar, Dolev, 1996; Vrij, 2008). Одной из ключевых личностных характеристик, которая может оказывать влияние на прохождение тестирования на полиграфе, является уровень тревожности. Предполагается, что люди с высоким уровнем тревожности могут демонстрировать более выраженные физиологические реакции во время тестирования на полиграфе, что может затруднить правильную интерпретацию результатов и приводить к ложноположительным результатам. Вероятно, у таких лиц стресс, вызванный проверочной темой как таковой, даже при отсутствии ложного ответа на вопрос, будет вызывать комплекс вегетативных реакций симпатического отдела нервной системы. Так, наиболее распространенной реакцией сердечно-сосудистой системы на стрессовое воздействие является увеличение частоты сердечных сокращений, изменение структуры

вариабельности сердечных ритмов и связанных с ней параметров гемодинамики. Высокий уровень тревожности у испытуемого может привести к увеличению частоты сердечных сокращений, даже при отсутствии ложного ответа на вопрос (Matte, 1996). Кроме того, проводимость кожи не находится под сознательным контролем, а регулируется симпатической нервной системой, которая управляет аспектами поведения человека, а также когнитивными и эмоциональными состояниями (Critchley, 2002). В момент предъявления опасного стимула тестируемый переживает эмоциональное напряжение, под воздействием сильных эмоций активность потовых желез возрастает, что является индикатором эмоциональной активации.

Степень стрессоустойчивости также может оказывать влияние на результаты ПФИ. Высокий уровень стрессоустойчивости может смягчить эти реакции, затрудняя идентификацию лжи. Эти реакции могут значительно варьироваться у разных людей или даже у одного и того же человека в разных ситуациях (Synnott, Dietzel, Ioannou, 2015). Индивиды, обладающие более высоким уровнем стрессоустойчивости, могут лучше контролировать свои физиологические реакции в стрессовых ситуациях и, следовательно, иметь более стабильные показатели во время тестирования (Suess et al., 1980).

Анализ данных, полученных с помощью психофизиологического тестирования, ставит перед исследователями задачу учета различных факторов, остается неясным, как правильно интерпретировать получаемые данные при наблюдении устойчивых вегетативных реакций на релевантные вопросы. Вопрос о том, как учитывать общий уровень тревожности тестируемого лица, степень сопротивляемости стрессу, а также его способность абстрагироваться от диффузных эмоциональных состояний, остается открытым. Возникает необходимость в разработке методик, позволяющих дифференцировать значимость темы, вызванную ложным ответом, и эмоциональную значимость, обусловленную повышенной тревожностью; недостаток четких критериев и алгоритмов для такой дифференциации может снижать точность и надежность результатов психофизиологического тестирования.

Целью настоящего исследования являлось изучение влияния таких личностных особенностей, как уровень тревожности и степень сопротивляемости стрессу, на прохождение проверки на полиграфе. Мы предположили, что высокий уровень тревожности и низкая сопротивляемость стрессу будут повышать вероятность ложноположительного результата в процессе психофизиологического исследования с использованием полиграфа. В данном исследовании ложноположительные результаты психофизиологического исследования с применением полиграфа свидетельствуют о значимости проверочной тематики для испытуемого, которая ассоциирована с второстепенными факторами ввиду психологических особенностей тестируемого лица.

Материалы и методы

Исследование проводилось в период с октября по декабрь 2023 г. на базе учебно-производственной лаборатории Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ). В исследовании приняли участие 18 человек женского пола в возрасте от 19 до 24 лет, средний возраст по группе оставил 21,4 года. Все испытуемые являлись студентами МГППУ. Перед началом эксперимента, каждый участник подписывал добровольное согласие на прохождение тестирования.

Для реализации поставленной цели использовались следующие методики:

- психодиагностический метод: в соответствии с целью и задачами исследования выбраны следующие методики: «Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Т. Холмса и Р. Раге» (Водопьянова, 2013) и «Личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора» в адаптации В. Г. Норакидзе (Малкина-Пых, 2005);
- психофизиологическое исследование с применением полиграфа (Однотемный скрининг с вопросами управляемой лжи, построенный на методике с вопросами сравнения) для определения вероятности значимости темы, вызывающей беспокойство в социальной среде (связь с террористическими организациями);
- метод математической статистики: коэффициент корреляции Спирмена, реализованный с помощью программы IBM SPSS Statistic 27.

На первом этапе проводилось направленное экспериментально-психологическое исследование индивидуально-психологических особенностей, включающих оценку степени сопротивляемости стрессу с помощью «Методики определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Т. Холмса и Р. Раге», а также уровня тревожности с помощью методики «Личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора» в адаптации В. Г. Норакидзе.

Фокусом психофизиологического исследования стала наиболее актуальная и острая тема, затрагивающая вопросы обеспечения государственной и общественной безопасности в контексте возможных проявлений террористической активности в молодежной среде. При этом в настоящем исследовании выбиралась именно тематика с крайне низкой фактической частотой встречаемости для обеспечения высокой вероятности правдивого ответа на релевантные вопросы.

Перед началом исследования участникам в ходе предтестового собеседования разъяснялась цель исследования, объяснялся принцип работы полиграфа. Кроме того, уточнялось самочувствие испытуемых, а также состояние здоровья, наличие хронических заболеваний и противопоказаний. В ходе предварительного этапа с участниками исследования проводилось детальное обсуждение всех вопросов теста с целью исключения неоднозначного толкования и уточнения позиции тестируемого. На основе сказанного участником исследования составлялась итоговая формулировка значимых вопросов в тесте, например: «Вы участвуете в деятельности террористических организаций?», «Вам предлагали участие в подготовке террористических актов?».

Ознакомительное тестирование на полиграфе, основанное на методе «известного» решения, проводилось для проверки адекватности физиологических реакций на ложные ответы и адаптации тестируемого лица к предстоящему основному тестированию. Перед тестированием испытуемому предлагалось написать на листе бумаги цифру от 1 до 9, которую необходимо было запомнить. Перед началом записи тестирования все вопросы зачитывались. Вопросы звучали следующим образом: «Вы помните цифру, которую Вы написали?», «Вы написали цифру 3?», «Вы написали цифру 4?». Испытуемому предписывалось солгать на вопрос о написанной ранее цифре. В ходе данного теста должны быть выявлены существенные изменения психофизиологических показателей при ложном ответе на контрольный вопрос.

Следующей после ознакомительного теста являлась процедура записи основного тестирования на полиграфе по теме: «Терроризм и террористические акты». В тесте содержались проверочные вопросы, касающиеся взаимодействия испытуемого с террористическими организациями, а также контрольные вопросы. Контрольные вопросы задавались для определения значимости стимула, ассоциированного с ложным ответом, и

предполагали воспоминание конкретного события, хорошо запечатленного в памяти (Купцова, Дворянчиков, 2023). Например, у участника исследования выяснялось, был ли собственный опыт употребления алкоголя или никотина, однако при ответе на данные вопросы респондента просили дать отрицательный ответ, который являлся ложью. Контрольные вопросы звучали следующим образом: «Хотя бы раз в жизни Вы курили сигареты?», «Хотя бы раз в жизни Вы употребляли алкоголь?». Также в тесте содержались нейтральные вопросы, относящиеся к разряду общих, и не направленные на вызывание эмоциональных реакций, например: «Вы находитесь в Москве?», «Сейчас 2023 год?». Перед непосредственным тестированием вопросы зачитывались с целью уточнения понимания вопроса, в случае необходимости формулировка вопроса корректировалась. Вопросы в ходе проведения процедуры тестирования на полиграфе повторялись не менее 3 раз.

Для записи и фильтрации физиологических сигналов использовался компьютеризированный полиграф «Диана-01». Для оценки результатов ПФИ применялась эмпирическая система оценки (ЭСО) по правилам, описанным в предыдущих исследованиях (Купцова, Дворянчиков, 2023; Raskin, Honts, 2002). Полученные данные обрабатывались с помощью программы IBM SPSS Statistics 27. Физиологические сигналы для дыхания, сопротивления кожи электрическому току, артериального давления и амплитуды пульсовой волны были отфильтрованы, оцифрованы и графически преобразованы с помощью ПО компьютерного полиграфа.

Результаты

Согласно полученным результатам, высокая степень сопротивляемости стрессу свойственна большей части респондентов (44,4%), пороговая степень сопротивляемости стрессу — 4 участникам исследования (22,2%), низкая степень сопротивляемости стрессу характерна 6 респондентам (33,3%).

Согласно полученным результатам, высокий уровень тревожности отмечается у 9 участников исследования (50%), средний уровень тревожности с тенденцией к высокому характерен 7 респондентам (38,9%), средний уровень тревожности с тенденцией к низкому свойственен 2 респондентам (11,1%). Участников с низким уровнем тревожности по результатам данной методики выявлено не было.

В ходе психофизиологического исследования с использованием полиграфа каждый респондент прошел по 2 сессии тестирования, в результате чего общее количество проб составило 36.

Полученные физиологические реакции на контрольные и проверочные вопросы, предъявляемые испытуемому в ходе тестирования, измерялись с помощью электронной линейки, реализованной в ПО полиграфа «Диана-07». В случае если разница превышала 20% в пользу последних, присваивалось отрицательное значение и это интерпретировалось как наличие значимости темы, таким образом принималось решение о том, что тест не пройден. Если разница в реакциях не достигала 20%, то принималось решение о присвоении 0 значения проверочным вопросам и классификации результата ПФИ как неопределенного, что означало, что на основе имеющихся данных нельзя утверждать и отвергать значимость вопроса для тестируемого. В ходе данного исследования участниками, не прошедшими успешно ПФИ, признавались все испытуемые, у которых проверочные вопросы в психофизиологическом тесте набирали значения ниже или равные 0. Если разница в выраженности

психофизиологических реакций была в пользу контрольных вопросов, то проверочным вопросам присваивалось положительное значение и принималось решение о том, что тест пройден успешно.

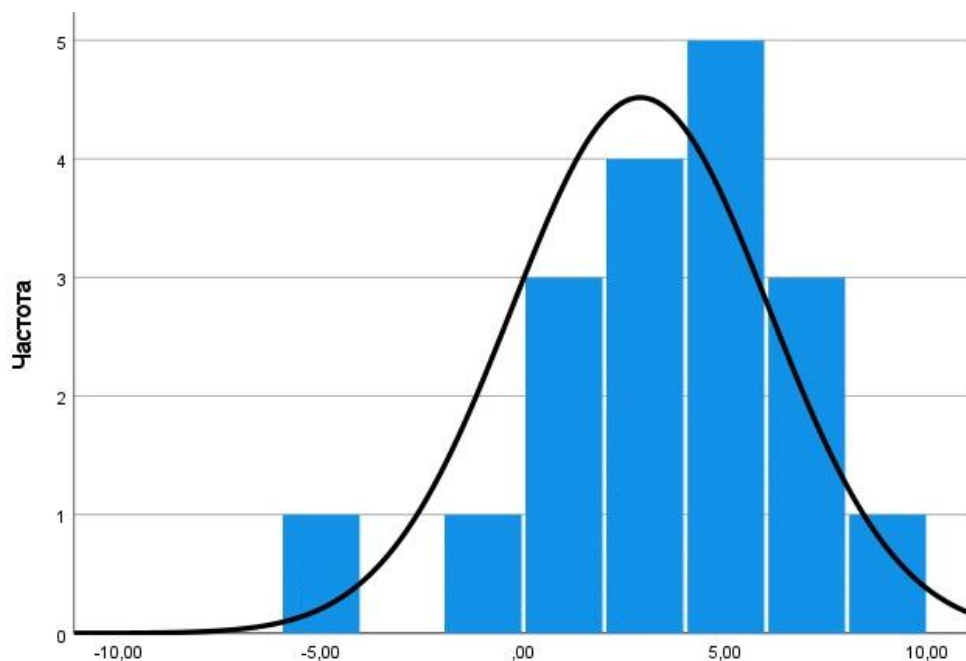
По результатам ПФИ было выявлено, что из общего числа проведенных проб были успешно пройдены 32 (88,9%), 4 — не пройдены (11,1%).

При анализе полученных данных разделение респондентов по подгруппам не производилось, в связи с тем, что большая часть респондентов успешно прошла психофизиологическое исследование с использованием полиграфа. Исходя из этого, была осуществлена оценка внутренней корреляции баллов по результатам психодиагностических методик с баллами, которые присваивались проверочным вопросам по результатам тестирования на полиграфе. В ходе анализа полученных результатов тестирования на полиграфе были выявлены следующие ключевые показатели описательной статистики: максимальное значение составило 9 баллов, минимальное — -5, среднее значение составило 2,86, медиана — 3,0. Интерпретация результатов тестирования демонстрирует, что чем ближе значение полученного результата в ходе тестирования на полиграфе к 0 и отрицательным значениям, тем выше предполагаемая значимость рассматриваемой темы для испытуемого. Иными словами, более низкие баллы указывают на более значимое эмоциональное или когнитивное воздействие соответствующих вопросов на испытуемого. Напротив, чем выше положительное значение от нуля, тем менее вероятна значимость основных вопросов, что свидетельствует об успешном прохождении тестирования испытуемым.

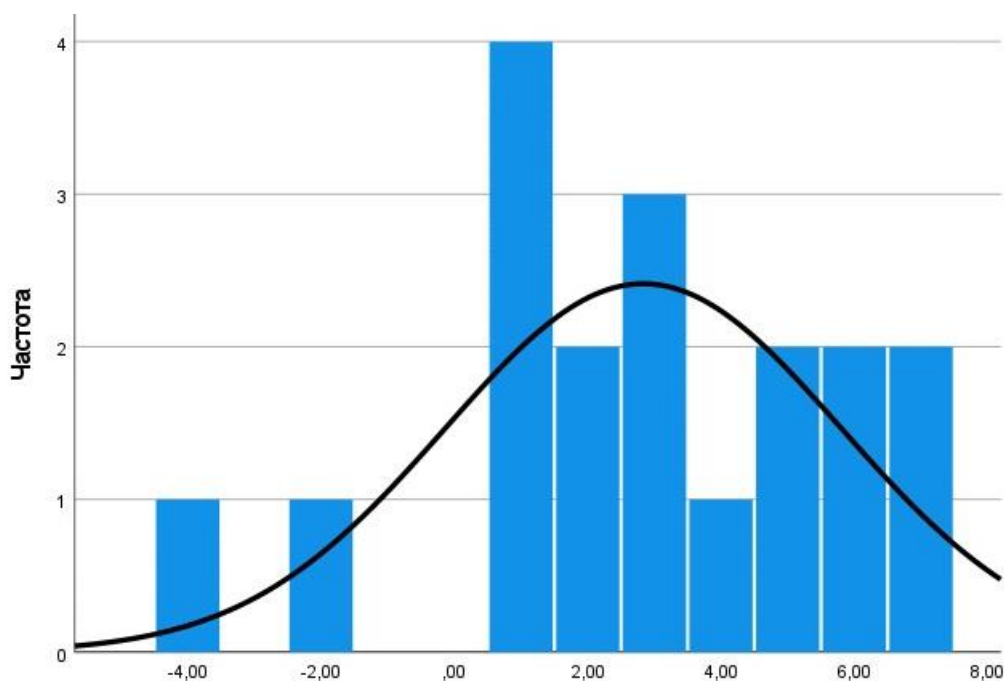
Связь между степенью стрессоустойчивости и результатами прохождения психофизиологического исследования с применением полиграфа не подтвердилась по уровню значимости ($p > 0,05$), коэффициент корреляции равен 0,453. Также связь между уровнем тревожности и результатами прохождения тестирования на полиграфе не подтвердилась по уровню значимости ($p > 0,05$), значение коэффициента корреляции составило 0,664. Независимо от уровня тревожности, значения результатов полиграфического тестирования хаотично рассеяны по оси координат, отсутствует закономерность между частотой встречаемости баллов тестирования на полиграфе и уровнем тревожности. При этом чаще всего результаты ПФИ находились в зоне положительных значений проверочных вопросов от 3 баллов и выше (согласно ЭСО такие значения соответствуют точному выводу в отношении лиц, говорящих правду на уровне 95% (American Polygraph Association, 2011), как в группе тестируемых с высоким, так и в группе с низким уровнем тревожности (рис. 1, 2).

Анализ связи между степенью стрессоустойчивости и результатами прохождения психофизиологического исследования с применением полиграфа также показал отсутствие значимой взаимосвязи. И низкие, и высокие значения по шкале: «стрессоустойчивость» одинаково встречались как при успешном прохождении полиграфа (высоком положительном значении проверочных вопросов в ПФИ), так и при ошибочном выявлении значимости (при нулевом и отрицательном значении, присваиваемых проверочному вопросу в психофизиологическом тесте) (рис. 3, 4).

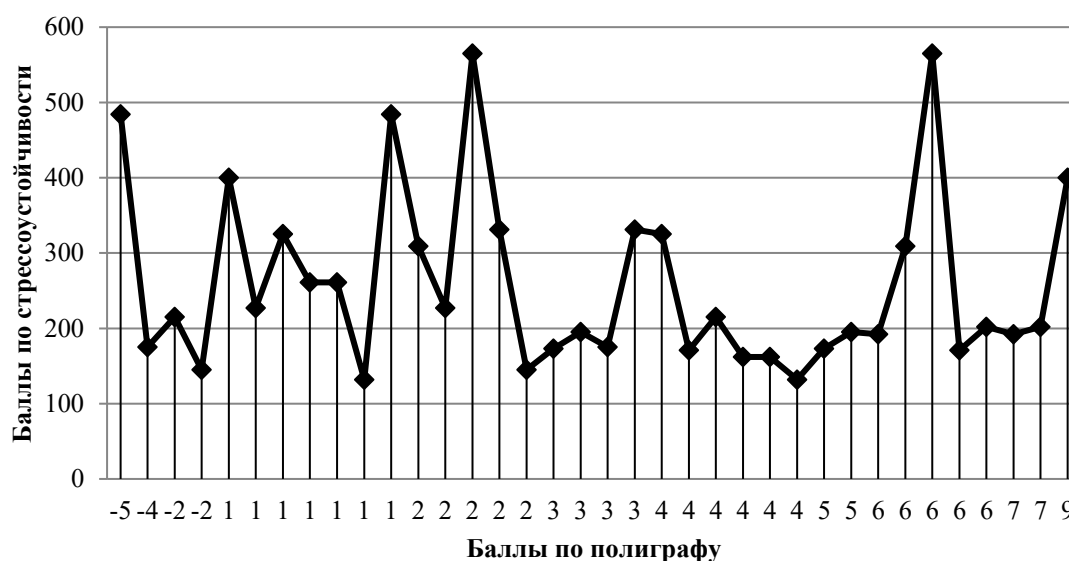

Рис. 1. Распределение баллов ПФИ в группе испытуемых с высоким уровнем тревожности
Fig. 1. Distribution of PFI scores in the group of subjects with a high level of anxiety

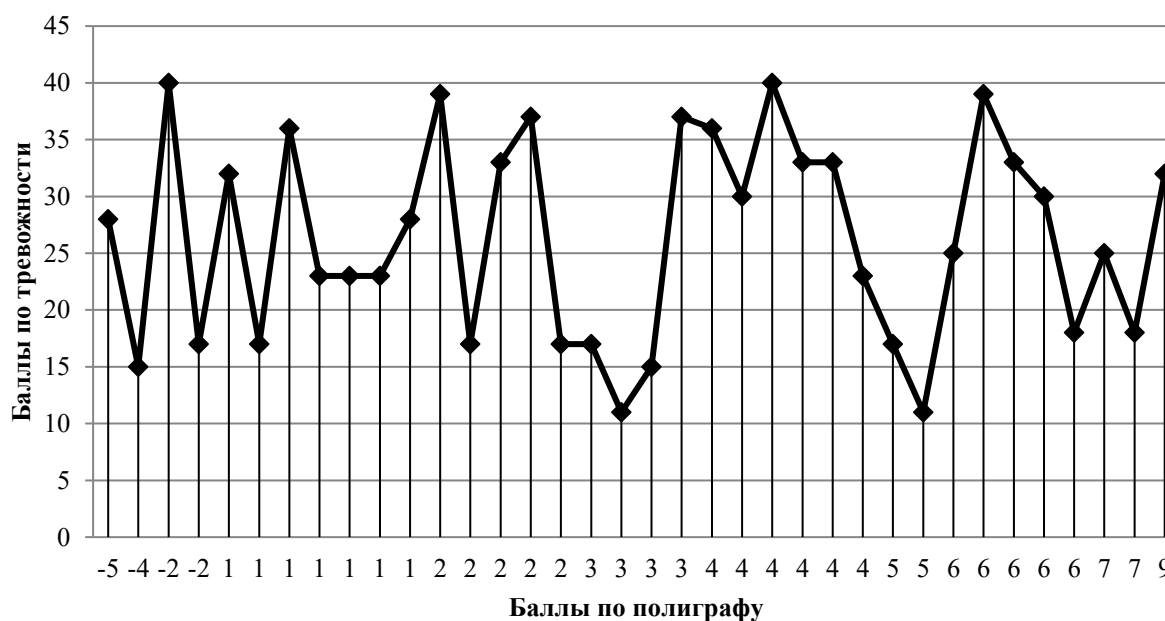

Рис. 2. Распределение баллов ПФИ в группе испытуемых с низким уровнем тревожности
Fig. 2. Distribution of PFI scores in the group of subjects with a low level of anxiety

Рис. 3. Взаимосвязь полученных баллов по стрессоустойчивости и результатами ПФИ (N = 18)

Fig. 3. The relationship between the stress tolerance scores and the results of the PFI (N = 18)

Рис. 4. Взаимосвязь полученных баллов по тревожности и результатами ПФИ

Fig. 4. The relationship between the stress tolerance scores and the results of the PFI (N = 18)

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования мы определили, что преимущественно высокий и средний уровни тревожности, характерные для участвовавших респондентов, не привели к возникновению устойчивых вегетативных реакций, обычно ассоциированных полиграфологами с ложным ответом. Полученные данные могут указывать на то, что при

методически корректном проведении психофизиологического исследования с использованием полиграфа повышенный уровень тревожности и низкая степень сопротивляемости стрессу не оказывают влияния на результаты тестирования. Это также свидетельствует о том, что на появление ложноположительных и неопределенных результатов при психофизиологическом исследовании могут влиять другие факторы, требующие дополнительного изучения.

Заключение

Несмотря на широко распространенное предположение о влиянии уровня тревожности и степени стрессоустойчивости на результаты прохождения полиграфа, в результате проведенного исследования были получены данные, указывающие на отсутствие связи уровня тревожности и степени сопротивляемости стрессу с результатами психофизиологического тестирования с применением полиграфа. Тем не менее появление ложноположительных результатов при психофизиологическом исследовании остается сложной проблемой в контексте применения тестирования на полиграфе. На появление физиологических реакций, сигнализирующих о значимости вопроса, могут влиять другие факторы, требующие дополнительного изучения. К таким факторам могут относиться уровень социализации (Waid, Orne, Wilson, 1979), акцентуации характера (Ермаков, Воробьева, Яцык, 2016), особенности интеллекта (Barland, Raskin, 1973). В настоящее время влияние индивидуальных особенностей, включая уровень тревожности и степень стрессоустойчивости, на результаты психофизиологического тестирования на полиграфе с применением методики МКВ недостаточно исследовано.

Таким образом, рекомендуется уделить внимание дальнейшим исследованиям на более широких выборках, включая лиц мужского пола, а также представителей разных возрастных групп, с целью повышения эффективности психофизиологического исследования с использованием полиграфа и минимизации ложноположительных результатов. Можно предположить, что особое внимание следует уделить изучению влияния таких факторов, как эмоциональная саморегуляция, уровень внушаемости и феномен социальной желательности, поскольку эти факторы могут искажать физиологические реакции во время тестирования и приводить к ошибочным результатам. Важно отметить, что данные аспекты остаются недостаточно исследованными в контексте психофизиологического тестирования на полиграфе, их исследование может способствовать разработке более надежных методик, а также позволит учитывать индивидуально-психологические особенности испытуемых.

Ограничения. Следует отметить, что в настоящем исследовании есть ограничения, которые могли препятствовать получению более точных и достоверных результатов, в том числе немногочисленность и особенность выборки, включавшей только лиц женского пола, что может ограничивать обобщение результатов на общую популяцию. Кроме того, тестирование с использованием полиграфа с респондентами проводилось как в первой половине дня, так и во второй — до 17 часов, что может также влиять на точность результатов исследования, в связи с возможными различиями в психофизиологических реакциях в разное время суток.

Limitations. It should be noted that there are limitations in this study that could prevent obtaining more accurate and reliable results. The small number and peculiarity of the sample, which included only women, which may limit the generalization of the results to the general population. In addition, polygraph testing with respondents was conducted both in the morning and in the afternoon — up to

Беззубова Т.Н., Купцова Д.М. (2025)
Влияние уровня тревожности и стрессоустойчивости
на результаты тестирования на полиграфе
Психология и право, 15(2), 236—249.

Bezzubova T.N., Kuptsova D.M. (2025)
The influence of the level of anxiety and stress
resistance on the results of polygraph testing
Psychology and Law, 15(2), 236—249.

17 hours, which may also affect the accuracy of the study results, due to possible differences in psychophysiological reactions at different times of the day.

Список источников / References

1. Батыров, Т.С. (2022). О практике использования судами результатов исследований с применением полиграфа. *Эксперт-криминалист*, 1, 3—6. <https://doi.org/10.18572/2072-442X-2022-1-3-6>
Batyrov, T.S. (2022). On the practice of the use of results of polygraph examinations by courts. *Expert-Criminalist*, 1, 3—6. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2072-442X-2022-1-3-6>
2. Водопьянова, Н.Е. (2013). *Психодиагностика стресса*. СПб: Питер
Vodopyanova, N.E. (2013). *Psychodiagnostics of stress*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
3. Ермаков, П.Н., Воробьева, Е.В., Яцык, Г.Г. (2016). Индивидуальные особенности стрессорного реагирования во время психофизиологического исследования с применением полиграфа. *Российский психологический журнал*, 13(2), 156—166. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.2.12>
Ermakov, P.N., Vorob'yeva, E.V., Iatsyk, G.G. (2016). Individual Characteristics of Stress Responding During Psycho- Physiological Research Using a Polygraph. *Russian Psychological Journal*, 13(2), 156—166. (In Russ.). <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.2.12>
4. Иванов, Р.С. (2014). Индивидуальный симптомокомплекс как инструмент интерпретации результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа. *Национальный психологический журнал*, 3(15), 90—97. <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0311>
Ivanov, R.S. (2014). Individual symptom as a tool for interpreting the results of psychophysiological research using polygraphs. *National Psychological Journal*, 3(15), 90—97. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0311>
5. Купцова, Д.М., Дворянчиков, Н.В. (2023). Оценка вклада физиологических параметров в определение значимости фактора риска в ситуации скринингового тестирования на полиграфе. *Психология и право*, 13(2), 82—93. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130207>
Kuptsova, D.M., Dvoryanchikov, N.V. (2023). Evaluation of the Value of Physiological Cues to Determining the Salience of a Risk Factor in a Situation of Screening Polygraph Test. *Psychology and Law*, 13(2), 82—93. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130207>
6. Мавлютова, Д.В. (2024). Использование полиграфа в уголовном процессе. *Правовой альманах*, 1(32), 35—41. URL: <https://elibrary.ru/nydtfq> (дата обращения: 02.09.2024).
Mavlyutova, D.V. (2024). The use of a polygraph in criminal proceedings. *Legislative Almanac*, 1(32), 35—41. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/nydtfq> (viewed: 02.09.2024).
7. Макаревская, Ю.Э., Фамильнов, А.О. (2013). Влияние темпераментальных свойств личности субъекта на сокрытие им информации при опросе с использованием полиграфа. *Психология и право*, 3(3), 13—26. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n3/63795 (дата обращения: 02.09.2024).
Makarevskaya, Yu.E., Familnov, A.O. (2013). The influence of the temperamental personality traits of the subject on the concealment of information during a polygraph survey. *Psychology and Law*, 3(3), 13—26. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n3/63795 (viewed: 02.09.2024).
8. Малкина-Пых, И.Г. (2005). *Психосоматика: Справочник практического психолога*. М.: Эксмо.

Беззубова Т.Н., Купцова Д.М. (2025)
Влияние уровня тревожности и стрессоустойчивости
на результаты тестирования на полиграфе
Психология и право, 15(2), 236—249.

Bezzubova T.N., Kuptsova D.M. (2025)
The influence of the level of anxiety and stress
resistance on the results of polygraph testing
Psychology and Law, 15(2), 236—249.

- Malkina-Pykh, I.G. (2005). *Psychosomatics: Handbook of a practical psychologist*. Moscow: Eksmo Publishing House. (In Russ.).
9. Немов, Р.С. (2007). *Психологический словарь*. М.: Гуманитарно-издательский центр ВЛАДОС.
Nemov, R.S. (2007). *Psychological dictionary*. Moscow: VLADOS Humanitarian Publishing Center. (In Russ.).
  10. Сафуанов, Ф. С., Никитин, В. В. (2023). Взаимосвязь темперамента с особенностями физиологического реагирования при исследовании с применением полиграфа. *Юридическая психология*, 3, 8—11. <https://doi.org/10.18572/2071-1204-2023-3-8-11>
Safuanov, F. S., Nikitin, V. V. (2023). The relationship of temperament with the peculiarities of physiological response in the study using a polygraph. *Juridical Psychology*, 3, 8—11. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2071-1204-2023-3-8-11>
  11. Шамшеева, Я.С., Симонова, А.А., Нурмухаметов, Р.Н. (2024). К вопросу о проблеме применения полиграфа в уголовном судопроизводстве. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 5-3(92), 151—154. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-5-3-151-154>
Shamsheyeva, Ya.S., Simonova, A.A., Nurmukhametov, R.N. (2024). On the issue of the problem of using a polygraph in criminal proceedings. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 5-3(92), 151—154. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-5-3-151-154>
  12. American Polygraph Association. (2011). Report of the Ad Hoc Committee on validated techniques. *Polygraph*. 40(4), 196—305.
  13. Barland G.H., Raskin, D.C. (1973). Detection of Deception. In: W.F. Prokasy, D.C. Raskin (Eds.), *Electrodermal Activity in Psychological Research* (pp. 418—471). New York: Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-565950-5.50014-4>
  14. Ben-Shakhar, G., Dolev, K. (1996). Psychophysiological detection through the guilty knowledge technique: effects of mental countermeasures. *Journal of Applied Psychology*, 81(3), 273—281. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.81.3.273>
  15. Bond Jr., C.F., De Paulo, B.M. (2006). Accuracy of deception judgments. *Personality and social psychology Review*, 10(3), 214—234. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1003_2
  16. Critchley, H.D. (2002). Electrodermal responses: What happens in the brain. *Neuroscientist*, 8(2), 132—142. <https://doi.org/10.1177/1073858402008002>
  17. Honts, C.R., Thurber, S., Handler, M. (2021). A comprehensive meta-analysis of the comparison question polygraph test. *Applied Cognitive Psychology*, 35(2), 411—427. <https://doi.org/10.1002/acp.3779>
  18. Kokish, R., Levenson, J.S., Blasingame, G.D. (2005). Post-conviction sex offender polygraph examination: client-reported perceptions of utility and accuracy. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, 17, 211—221. <https://doi.org/10.1007/s11194-005-4606-x>
  19. Matte, J.A. (1996). *Forensic Psychophysiology Using the Polygraph: Scientific Truth Verification — Lie Detection*. J.A.M. Publications.
  20. Meijer, E.H., Verschuere, B. (2010). The polygraph and the detection of deception. *Journal of Forensic Psychology Practice*, 10(4), 325—338. <https://doi.org/10.1080/15228932.2010.481237>
  21. Raskin, D.C., Honts, C.R. (2002). Handbook of polygraph testing. In: M. Kleiner (Ed.), *Handbook of Polygraph Testing*. San Diego: Academic Press.
  22. Saldziunas, V., Kovalenko, A. (2015). Selecting the Most Optimal Conditions for the Polygraph

Беззубова Т.Н., Купцова Д.М. (2025)
Влияние уровня тревожности и стрессоустойчивости
на результаты тестирования на полиграфе
Психология и право, 15(2), 236—249.

Bezzubova T.N., Kuptsova D.M. (2025)
The influence of the level of anxiety and stress
resistance on the results of polygraph testing
Psychology and Law, 15(2), 236—249.

- Examination. *European Polygraph*, 9(2), 69—83. <https://doi.org/10.1515/ep-2015-0003>
23. Sheldon, K.M., Osin, E.N., Gordeeva, T.O., Suchkov, D.D., Sychev, O.A. (2017). Evaluating the dimensionality of self-determination: Theory's relative autonomy continuum. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43(9), 1215—1238. <https://doi.org/10.1177/0146167217711915>
24. Suess, W.M., Alexander, A.B., Smith, D.D., Sweeney, H.W., Marion, R.J. (1980). The Effects of Psychological Stress on Respiration: A Preliminary Study of Anxiety and Hyperventilation. *Psychophysiology*, 17(6), 535—540. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8986.1980.tb02293.x>
25. Synnott, J., Dietzel, D., Ioannou, M. (2015). A review of the polygraph: History, methodology and current status. *Crime Psychology Review*, 1(1), 59—83. <https://doi.org/10.1080/23744006.2015.1060080>
26. Vrij, A. (2008). *Detecting lies and deceit: Pitfalls and opportunities*. John Wiley & Sons.
27. Waid, W.M., Orne M.T., Wilson S.K. (1979). Effects of Level of Socialization on Electrodermal Detection of Deception *Psychophysiology*, 16, 15—22. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8986.1979.tb01430.x>

Информация об авторах

Татьяна Николаевна Беззубова, студент кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8053-7917>, e-mail: bezzubova.tany@gmail.com

Дарина Михайловна Купцова, преподаватель кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

Information about the authors

Tatiana N. Bezzubova, Student of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8053-7917>, e-mail: bezzubova.tany@gmail.com

Darina M. Kuptsova, Lecturer of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

Вклад авторов

Беззубова Т.Н. — аннотирование, написание и оформление рукописи; применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Купцова Д.М. — идеи исследования; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Беззубова Т.Н., Купцова Д.М. (2025)
Влияние уровня тревожности и стрессоустойчивости
на результаты тестирования на полиграфе
Психология и право, 15(2), 236—249.

Bezzubova T.N., Kuptsova D.M. (2025)
The influence of the level of anxiety and stress
resistance on the results of polygraph testing
Psychology and Law, 15(2), 236—249.

Contribution of the authors

Tatiana N. Bezzubova — annotation, writing and formatting of a manuscript; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting an experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

Darina M. Kuptsova — research ideas; research planning; monitoring of research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 17.09.2024
Поступила после рецензирования 28.01.2025
Принята к публикации 11.03.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2024.09.17
Revised 2025.01.28
Accepted 2025.03.11
Published 2025.06.30

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

**Обсуждаем закон о психологической помощи:
направления и виды деятельности психолога (Часть 1)**

Н.В. Богданович¹✉, В.В. Делибалт¹, А.В. Дегтярёв¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ bogdanovichnv@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Статья посвящена обсуждению проекта Закона «Об основах регулирования психологической деятельности в Российской Федерации», а именно статьи 6 «Виды психологической деятельности». По мнению авторов, 7 предложенных в статье законопроекта видов деятельности не охватывают весь спектр и разнообразие выполняемых психологами деятельностей. **Цель.** Раскрыть и описать содержание основных направлений и видов профессиональной деятельности психологов. **Методы и материалы.** В работе использовались методы понятийного анализа, обобщения и метод анализа документов, а также системный подход к осмыслению профессиональной деятельности психологов. **Результаты.** Авторами дается определение видов и направлений деятельности, в которых виды образуют цикл, способствующий достижению поставленных целей в процессе реализации той или иной работы психолога с клиентом, его окружением или организацией. Обсуждаются такие распространенные виды деятельности, как психодиагностика, развивающая деятельность, психокоррекция, психологическое просвещение, преподавание психологии, психологическое консультирование, психотерапия, психологическая экспертиза, профориентационная деятельность, психологическая супервизия. Даются определения таким направлениям деятельности, как психопрофилактика, психологическое сопровождение и психосоциальная реабилитация. **Выводы.** Обсуждаемые в статье основные виды и направления деятельности психологов должны найти отражение в законопроекте о психологической деятельности, поскольку перечень, указанный там сейчас, точно нуждается в расширении.

Ключевые слова: законопроект о психологической деятельности, профессиональная деятельность психологов, виды психологической деятельности, направления психологической деятельности

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025)
Обсуждаем закон о психологической помощи:
направления и виды деятельности психолога (Часть 1)
Психология и право, 15(2), 250—264.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025)
Discussing the law on psychological assistance:
directions and types of activities of a psychologist (Part 1)
Psychology and Law, 15(2), 250—264.

Для цитирования: Богданович, Н.В., Делибальт, В.В., Дегтярев, А.В. (2025). Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 1). *Психология и право*, 15(2), 250—264. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150216>

Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 1)

N.V. Bogdanovich¹✉, V.V. Delibalt¹, A.V. Degtyarev¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ bogdanovichnv@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. The article is devoted to the discussion of the draft law ‘On the Fundamentals of Regulation of Psychological Activity in the Russian Federation’, namely article 6 ‘Types of Psychological Activity’. In the opinion of the authors, the 7 activities proposed in the article of the draft law do not cover the whole range and variety of activities performed by psychologists. **Objective.** To disclose and describe the content of the main directions and types of professional activities of psychologists. **Methods and materials.** The methods of conceptual analysis, generalisation and the method of document analysis, as well as a systematic approach to comprehending the professional activity of psychologists were used in the work. **Results.** The authors provide a definition of types and areas of activity, in which types form a cycle that contributes to the achievement of goals in the process of implementation of a particular work by a psychologist with a client, his environment or an organisation. Such common types of activities as psychodiagnostics, developmental activities, psychocorrection, psychological education, teaching psychology, psychological counselling, psychotherapy, psychological expertise, career guidance, and psychological supervision are discussed. Definitions are given for such areas of activity as psychoprophylaxis, psychological support and psychosocial rehabilitation. **Conclusions.** The main types and directions of psychologists' activity discussed in the article should be reflected in the draft law on psychological activity, as the list specified there now definitely needs to be expanded.

Keywords: bill on psychological activity, professional activity of psychologists, types of psychological activity, directions of psychological activity

For citation: Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V., Degtyarev, A.V. (2025). Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 1). *Psychology and Law*, 15(2), 250—264. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150216>

Введение

В последние годы несколько раз профессиональному сообществу представляли разные версии законопроекта о психологической помощи или психологической деятельности, очень долгожданного, но в то же время очень дискуссионного, так как достаточно много пунктов вызывают у психологов вопросы и возражения. Одним из таких пунктов, с нашей точки зрения, является пункт о формах и видах психологической деятельности.

Разработчики выделяют почему-то 7 видов деятельности (психологическая диагностика, психологическая профилактика, психологическое консультирование, психологическая коррекция, психологическая реабилитация, немедицинская психотерапия, профессиональное психологическое наставничество) (Законопроект № 846497-8 «Об основах регулирования...», 2025). Удивительно, что в этот список не вошли такие широко признанные виды деятельности, как, например, психологическое просвещение (в нашем анализе профессиональных стандартов этот вид деятельности упоминается почти во всех стандартах) (Богданович, 2016). Но еще более важна, на наш взгляд, дифференциация направлений и видов деятельности. В наших разработках различие между ними определяется следующим образом. Вид деятельности — это узконаправленная деятельность, целью которой является выполнение конкретной функции (например, сбор информации, исправление, развитие, самоопределение и т. д.). Виды деятельности образуют цикл деятельности психолога в рамках разных направлений. Направление деятельности — это содержательная система деятельностей, образующаяся из разных видов деятельности, логически связанных в единый алгоритм (цикл деятельности) для достижения определенной глобальной цели.

В целом, в наших исследованиях нами были выделены около 25 видов деятельности психолога (10 основных и 15 дополнительных), а также 3 направления деятельности. **Целью данной (первой части) статьи** является разработка и описание системы основных видов и направлений деятельности с определенными индикаторами для их дифференциации в практической работе психолога.

Материалы и методы

В исследовании использовались следующие методы:

1. методы понятийного анализа и обобщения: анализ существующих определений видов и направлений деятельности, а также подходов к модели профессиональной деятельности психологов с целью ее систематизации и выделения ключевых элементов;
2. метод анализа документов: изучение официальных версий законопроектов, регулирующих психологическую деятельность и оказание психологической помощи, для выявления основных положений государственной политики в области видов профессиональной деятельности психологов.

Базой для исследования послужили:

- текст, обсуждавшийся на Круглом столе (далее Вариант законопроекта) (Опубликован вариант проекта закона..., 2024), так как там приведены все определения тех видов деятельности, которые вошли в Законопроект,
- законопроект, внесенный в Государственную думу (далее Законопроект) (Законопроект № 846497-8 «Об основах регулирования...», 2025),
- а также 25 научных и научно-практических работ, в которых так или иначе были сформулированы определения видов профессиональной деятельности психологов.

Поиск публикаций осуществлялся по заданным ключевым словам в научных базах. В качестве ключевых слов использовались слова «психодиагностика», «психокоррекция» и др.

Результаты

Для начала попробуем очертить круг основных видов деятельности психологов и произвести их дифференциацию (в том числе для того, чтобы было возможно определить в

ходе собственной профессиональной деятельности, к какому виду относится та или иная деятельность). Понятно, что не все виды деятельности общеобязательны. Но их определение, на наш взгляд, необходимо при разработке законопроекта о психологической деятельности.

Так, можно выделить 10 более-менее общепризнанных видов деятельности (таких как психодиагностика, развивающая деятельность, психокоррекция, психологическое просвещение, преподавание психологии, психологическое консультирование, психотерапия, психологическая экспертиза, профориентационная деятельность, психологическая супервизия).

Интересно, что иногда деятельностью называют то, что происходит с клиентом — например, процесс адаптации, но за этим обычно можно найти конкретный вид деятельности (развивающая деятельность, если человек или группа на начальной стадии адаптации, или психокоррекция, если речь уже о дезадаптации).

Отдельно выделяем направления деятельности (психопрофилактика, психологическое сопровождение и психосоциальная реабилитация) и обосновываем отличие от видов деятельности.

Обсуждение результатов

Психодиагностика. Начнем с определения такого широко используемого вида деятельности, который общепризнанно входит в необходимые для любого психолога, — психодиагностики.

В Варианте законопроекта психодиагностика определяется как «...комплекс мероприятий, направленных на изучение и описание индивидуально-психологических, социально-психологических, возрастно-психологических характеристик, свойств, процессов, состояний получателя психологической помощи или платных психологических услуг» (Опубликован вариант проекта закона..., 2024).

В психологических словарях можно найти два схожих определения: «практика постановки психологического диагноза, т. е. выяснения наличия и степени выраженности у человека определенных психологических признаков» (Мещеряков, Зинченко, 2007) или «использование инструментов оценки и измерения индивидуально-психологических особенностей личности» (Бурлачук, 2012). Надо честно признать, что чаще психодиагностику определяют как раздел психологической науки, возможно, из-за этого и существуют некоторые проблемы с ее определением как практической деятельности. Во-первых, акцент делается только на личности (отдельного человека), а в сферу психодиагностики входит исследование и межличностных отношений, и групповых процессов. Во-вторых, акцент делается на процессе выяснения, оценки, однако для практической деятельности этого мало. В-третьих, для практической деятельности важно подчеркнуть, что психодиагностика осуществляется не только методами психологического тестирования — такое представление формируется у психологов, возможно, из-за того, что очень часто звучат психометрические требования к обоснованности методов и методик, а этому требованию лучше всего соответствуют именно тесты.

Таким образом, предлагаем следующее определение: психодиагностика — это вид деятельности психолога, направленный на измерение личностных особенностей, познавательной, эмоциональной и волевой сфер, межличностных отношений и групповых процессов для планирования дальнейшей работы с клиентом.

Развивающая деятельность. Как мы уже отмечали (Богданович, Делибалт, Дегтярёв, 2022), ряд видов деятельности психолога часто обозначают термином «тренинг» (Вачков, 2007; Сидоренко, 2007). Однако, в отечественной психологии уже давно выделяется развивающая деятельность (которая в групповой форме и понимается часто как тренинговая работа психолога). Например, М.Р. Битянова определяет этот вид деятельности как «...создание социально-психологических условий для целостного психологического развития школьников» (Битянова, 1998). В основных психологических словарях нет понятия «развивающая деятельность», однако есть упоминание тренинга (его конкретных видов) как «...обучения (научения) людей чему-либо полезному, которое может оказывать положительное влияние на психологию и поведение людей» (Немов, 2007). В законопроекте о психологической деятельности нет ни того, ни другого термина.

В наших исследованиях предлагается опираться на следующее определение: «Развивающая работа — деятельность психолога, направленная на изменение исходного состояния субъекта в направлении желаемого, обучение навыкам, развитие требуемых качеств, осуществляемое в рамках индивидуальной и групповой работы с клиентами <...> суть развивающей работы — развитие тех свойств и процессов, которые не заданы нормой (например, лидерские качества), но которые способствуют улучшению жизни клиента» (Богданович, Делибалт, Дегтярёв, 2012).

Психокоррекция. Следующий вид деятельности раскрывается в варианте законопроекта как «...комплекс мероприятий, направленных на исправление (корректировку) или ослабление нарушений в деятельности, поведении, отношениях получателя психологической помощи или платных психологических услуг» (Опубликован вариант проекта закона..., 2024). Термин «нарушения» придает двойственность пониманию в плане психического здоровья. В психологии более принято следующее определение психокоррекции: «Система мероприятий, направленных на исправление недостатков психологии или поведения человека с помощью специальных средств психологического воздействия» (Осипова, 2002). Забавно, что поведение вынесено за рамки психологии, однако это подчеркивает то, что сейчас можно выделить два направления в психокоррекции — общую (направленную на работу в основном с ВПФ) и психолого-юридическую (где работают с отклонениями в поведении, чаще всего с агрессией). И в том и в другом случае речь о психокоррекции идет только тогда, когда есть отклонение от какой-либо нормы (в рамках клинической психологии, может идти речь о психических нормах, в остальных случаях — о возрастных, социальных и профессиональных (например, заданных в профессиограмме)).

Таким образом, психокоррекция — это вид деятельности психолога, направленной на исправление (преодоление) имеющихся отклонений в развитии, поведении и личности, не связанных с психическими заболеваниями. Ее суть заключается в достижении клиентом заданной нормы (социальной, возрастной, профессиональной и т. д.).

Психологическое просвещение. Как уже упоминалось, данный вид деятельности психолога не вошел в проект Закона, но что еще более удивительно, его определения нет ни в одном психологическом словаре. Однако в качестве обязательного вида деятельности он упоминается в каждом профессиональном стандарте, имеющем отношение к психологической отрасли.

Мы придерживаемся следующего определения: психологического просвещения — это «...повышение психологической компетентности клиентов и их окружения» (Дворянчиков и

Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В. (2025)
Обсуждаем закон о психологической помощи:
направления и виды деятельности психолога (Часть 1)
Психология и право, 15(2), 250—264.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025)
Discussing the law on psychological assistance:
directions and types of activities of a psychologist (Part 1)
Psychology and Law, 15(2), 250—264.

др., 2018). Кроме того, в публикациях других авторов часто прибавляется еще один компонент: «...формирование у населения положительных установок к психологической помощи и деятельности психолога-практика» (Есипов, 2019), что, на наш взгляд, тоже значимый акцент в этом виде деятельности, так как очень важно, чтобы наши клиенты и их окружение в ходе психологического просвещения становились мотивированными на получение психологической помощи (Адеева, Егорова, Кочетова, 2021).

Преподавание психологии. Однако есть небольшая путаница между психопросвещением как видом деятельности психолога и преподаванием психологии, что является уже педагогической деятельностью. Чаще всего о преподавании говорят в рамках подготовки специалистов (высшее образование или дополнительное профессиональное образование), однако уже много лет речь идет и об уроках психологии в школах, хотя не всегда ведут их психологи. Еще раз акцентируем внимание на то, что преподавание — это педагогический вид деятельности, соответственно, ему присущи те характеристики, которые не свойственны собственно психологической деятельности, например контроль и оценивание, что обуславливает переход из одной профессиональной позиции в другую.

К определению преподавания есть два основных подхода: 1) формирование знаний, умений и навыков по соответствующей науке («...специальным образом организованная деятельность по целенаправленной передаче опыта, формированию умений и навыков» (Успенский, Чернявская, 2003)) и 2) развитие соответствующих компетенций (универсальных или специализированных для данной деятельности). Но конкретно к преподаванию психологии есть еще один подход, который сближает его с другими видами психологической деятельности: это «...целенаправленная деятельность по формированию у обучающихся положительных мотивов учения, организации восприятия, осмыслению излагаемых фактов и явлений, по обеспечению умениями пользоваться полученными знаниями и умениями приобретать знания самостоятельно» (Барышникова, 2018). В таком подходе делается акцент на развитии личности, что сближает преподавание психологии с развивающей деятельностью и психологическим просвещением.

Психологическое консультирование. Этот вид деятельности психолога довольно плотно вошел в оказание психологической помощи, однако общепризнанного определения нет, более того, самые распространенные определения чаще всего дублируют само понимание психологической помощи в целом.

В Варианте законопроекта он определяется как «...комплекс мероприятий, направленных на поддержание психологической стабильности, содействие в разрешении жизненных трудностей, социальную и (или) трудовую адаптацию получателя психологической помощи или платных психологических услуг» (Опубликован вариант проекта закона..., 2024), т. е. скорее описывается содержательно, чем как деятельность.

Не претендуя на полноту и продвижение какого-либо направления психологического консультирования, а только на дифференциацию этого вида деятельности с другими, мы предлагаем следующее определение: «Этот вид деятельности направлен на расширение кругозора клиента по поводу разрешения его проблемной ситуации, которое чаще всего связано с изменением его стратегии поведения в ней. Данный этап позволяет прояснять непосредственно потребности самого клиента, что он сам определяет в качестве проблемы. Кроме того, здесь может оказываться психологическая помощь окружению клиента» (Богданович, Делибалт, Дегтярёв, 2012).

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025)
Обсуждаем закон о психологической помощи:
направления и виды деятельности психолога (Часть 1)
Психология и право, 15(2), 250—264.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025)
Discussing the law on psychological assistance:
directions and types of activities of a psychologist (Part 1)
Psychology and Law, 15(2), 250—264.

На наш взгляд, можно сравнить этот вид деятельности с психологическим просвещением, так как есть общий метод — информирование; но если в просвещении главный акцент делается на психологе (он информирует, а у клиента более пассивная роль, возможно, в связи с тем, что большей частью просвещение проходит в групповой форме), то в консультировании акцент делается на активности клиента, применении им полученной информации к своей ситуации.

Психотерапия. Это один из самых трудных для определений вид деятельности. Чаще всего его определяют как «...работу с глубинными уровнями самопознания личности» (Болотова, 2020), подчеркивая разницу с консультированием, поскольку психотерапия часто подразумевает работу с бессознательным.

Вариант законопроекта дает следующее определение: «...немедикаментозная психотерапия — комплекс мероприятий, направленных на содействие в решении психологических проблем, которые лежат в основе жизненных трудностей и межличностных конфликтов получателя психологической помощи или платных психологических услуг» (Опубликован вариант проекта закона..., 2024).

На наш взгляд, важно уточнить следующие моменты. Во-первых, на данный момент выделяют медицинскую (с применением лекарств — акцент на лечение) и немедицинскую (собственно исцеление через слово) психотерапию (мы говорим только о ней), которая «...в широком смысле включает и оказание психологической помощи здоровым людям (клиентам) в ситуациях различного рода психологических затруднений, а также в случае потребности улучшить качество собственной жизни» (Мещеряков, Зинченко, 2007). В данном определении подчеркивается, что психотерапия относится не только к области клинической психологии.

Во-вторых, в отличие от консультирования в психотерапии идет работа не над изменением ситуации и развитием неких адаптивных сил личности, а над изменением себя как личности; отсюда глубинные изменения, а следовательно, прохождение через этап дезадаптации, ведь человек должен еще научиться жить с новым собой, а это довольно болезненный процесс, в том числе связанный с изменением окружения.

В-третьих, психотерапия, конечно, является самой сильной по воздействию на человека деятельностью. Однако такая сила связана с уровнем самораскрытия и собственной активностью человека, что делает невозможным ее принудительный характер. Недаром говорят, что начинается процесс психотерапии с консультирования, а дальше глубину выбирает клиент, хотя, безусловно, психолог его мотивирует, если видит в этом необходимость.

Таким образом, можно определить психотерапию как вид деятельности психолога, направленный на проработку глубинных проблем клиента при его активном желании измениться для повышения качества собственной жизни.

Психологическая экспертиза. Данный вид деятельности отражен даже в профессиональном стандарте педагога-психолога, но в проект Закона не вошел.

Чаще всего в профессиональном сообществе говорят о судебно-психологической экспертизе как об исследовании, осуществляемом «...экспертом (экспертами) на основе специальных познаний в области психологии в целях дачи заключения по поводу обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела» (Сафуанов, 1998).

Однако в уже упоминаемом профессиональном стандарте речь идет скорее о другом виде психологической экспертизы, а именно о гуманитарной: «...выявление реального или потенциального влияния социальных событий и продуктов деятельности людей на психологические процессы, свойства и состояния людей» (Леонтьев, Иванченко, 2008).

Таким образом, психологическая экспертиза — это вид деятельности, имеющий целью получение с помощью специальных познаний и исследования предмета экспертизы новой информации, которая может быть использована для решения конкретной проблемы (судебная экспертиза — решение проблемы в судебном контексте; судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних — решение специфических проблем, касающихся несовершеннолетних в юридическом контексте; гуманитарная экспертиза — решение вопросов в области гуманитарной практики) (Богданович, Делибальт, Дегтярёв, 2012).

Профориентационная деятельность. Профориентационную деятельность часто ограничивают работой с детьми (подростками) и сводят к психодиагностике, однако есть тенденции расширения этой деятельности. Во-первых, сейчас выбор профессии происходит не только при выборе учебного заведения, что расширяет действие профориентации на весь период жизни человека. Кроме того, в профориентацию включают не только выбор профессии, но понятие карьеры: «...процесс, включающий в себя анализ и оценку профессиональных интересов, навыков и способностей личности с целью определения наиболее подходящих для нее профессиональных направлений и помощи в принятии обоснованных карьерных решений» (Созаев, 2017).

Во-вторых, происходит расширение профориентационной деятельности за счет подключения других видов деятельности. Профориентационную деятельность определяют и как развивающую (в форме тренингов), и как подвид консультирования (например, «...специальная деятельность психолога-консультанта, направленная на оказание помощи клиенту в профессиональном самоопределении с целью принятия человеком осознанного решения о выборе профессионального пути с учетом собственных психологических особенностей и возможностей, а также потребностей общества» (Макаренко, 2014).

Таким образом, профориентация имеет тенденцию к расширению до направления деятельности, но пока мы ее определяем как вид деятельности психолога, заключающийся в помощи в профессиональном самоопределении (выбор профессии, смена сферы деятельности, переквалификация).

Психологическая супервизия. Данная деятельность, видимо, предполагается в Законопроекте под названием профессиональное психологическое наставничество, однако определяется в Варианте законопроекта крайне расплывчато: «...профессиональное наставничество с целью обеспечения и повышения качества психологической деятельности» (Опубликован вариант проекта закона..., 2024).

Необходимо отметить, что чаще всего речь о супервизии идет в рамках психотерапии или психологического консультирования. Например, это «...деятельность по наблюдению за работой психолога с целью ее усовершенствования, осуществляемая представителем службы и включающая активное обучение консультанта и заботу службы о нем» (Бячкова, 2020).

Однако сейчас уже можно говорить о том, что супервизию проводят и в рамках развивающей и психокоррекционной деятельности (Богданович, Делибальт, 2016).

Таким образом, психологическую супервизию можно определить как вид деятельности психолога, направленный на содействие в профессиональном развитии коллеги через

Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В. (2025)
Обсуждаем закон о психологической помощи:
направления и виды деятельности психолога (Часть 1)
Психология и право, 15(2), 250—264.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025)
Discussing the law on psychological assistance:
directions and types of activities of a psychologist (Part 1)
Psychology and Law, 15(2), 250—264.

наблюдение его профессиональной деятельности и сообщение обратной связи (о его сильных сторонах и зонах роста). Чаще всего это связано с приглашением более опытных коллег, хотя последнее время речь уже идет и о междисциплинарной супервизии, когда обратную связь дают специалисты-смежники.

Профилактика, сопровождение и реабилитация как направления деятельности. Как отмечалось ранее, мы различаем направления и виды деятельности. Так, под направлением деятельности понимается содержательная система деятельностей, образующаяся из разных видов деятельности, логически связанных в единый алгоритм (цикл деятельности) для достижения определенной глобальной цели. Мы выделяем три направления деятельности.

Психопрофилактика — это направление деятельности психолога, целью которого является предупреждение отклонений в развитии и поведении через создание условий для успешного формирования и развития личностных ресурсов, способствующих преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам (Богданович, Делибалт, 2020).

Психологическое сопровождение можно определить как направление деятельности психолога, целью которого является повышение эффективности деятельности, основной для данной организации (например, судопроизводство и др.), а также создание условий для адекватного взаимодействия ее субъектов (Богданович, Делибалт, 2015).

Психосоциальная реабилитация — это направление деятельности психолога в междисциплинарном контексте работы специалистов с клиентом и его социальным окружением, целью которого является восстановление его социального статуса через создание замещающей социальной ситуации развития, отслеживание динамики изменений и обеспечение клиента ресурсами (внутренними и внешними), позволяющими переносить (в том числе сохранять и поддерживать) изменения в других жизненных ситуациях (Делибалт, Богданович, 2017).

В каждом направлении деятельности для решения задач оказания помощи клиенту необходимо разворачивать цикл деятельности, состоящий из разных видов деятельности, который в каждой конкретной ситуации позволяет эффективнее прийти к необходимым результатам.

Заключение

После рассмотрения всех аспектов, касающихся видов и направлений деятельности, можно сделать следующие выводы.

В работе психолога можно выделить: 1) виды деятельности (психодиагностика, психокоррекция, психологическое консультирование, психотерапия, развивающая деятельность психолога, психологическое просвещение и т. д.); 2) направления деятельности (состоят из видов деятельности и имеют комплексный характер, т. е. для их реализации необходимо взаимодействие с другими специалистами — психологическая профилактика, психосоциальная реабилитация, психологическое сопровождение).

Мы считаем, что перечень видов деятельности в Законе необходимо расширять. Добавить, как минимум: психологическое просвещение, преподавание психологии (а то уроки психологии так и будут вести кто угодно, только не психологи), развивающую деятельность (тренинги), профориентационную деятельность, психологическую экспертизу и психологическое сопровождение.

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025)
Обсуждаем закон о психологической помощи:
направления и виды деятельности психолога (Часть 1)
Психология и право, 15(2), 250—264.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025)
Discussing the law on psychological assistance:
directions and types of activities of a psychologist (Part 1)
Psychology and Law, 15(2), 250—264.

Во второй части статьи мы рассмотрим такие более редко обсуждаемые виды деятельности, как консилиум, диспетчерская, методическая, научно-исследовательская, организационная деятельности, мониторинг. А также достаточно экзотичные деятельности, среди которых психогигиена, проектирование, психологическая поддержка, коучинг, консалтинг, профотбор (подбор), конфликтологическая деятельность, психологическая интервизия. В дискуссионной части обсудим, деятельности ли это психолога или, возможно, смежных специалистов. Однако многие из них обеспечивают межведомственный характер работы психолога.

Ограничения. В работе описаны виды и направления профессиональной деятельности психологов, однако в смежных областях данные виды и направления могут быть наполнены иным содержанием.

Limitations. The paper describes types and directions of professional activities of psychologists, but in related fields these types and directions can be filled with different content.

Список источников / References

1. Авдеева, Н.Н., Егорова, М.А., Кочетова, Ю.А. (2021). Психологическое просвещение как воспитательный ресурс современной системы образования. *Психолого-педагогические исследования*, 13(4), 73—93. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130405>
Avdeeva, N.N., Egorova, M.A., Kochetova, Yu.A. (2021). Psychological Education as a Nurture Resource of the Modern Education System. *Psychological-Educational Studies*, 13(4), 73—93. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130405>
2. Барышникова, Е.В. (2018). *Методика преподавания психологии: учебное пособие*. Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=nhsgrxn> (дата обращения: 10.04.2025).
Baryshnikova, E.V. (2018). *Methods of teaching psychology: training manual*. Chelyabinsk: Publishing House of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=nhsgrxn> (viewed: 10.04.2025).
3. Битянова, М.Р. (1997). *Организация психологической работы в школе*. М.: Совершенство. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001775794> (дата обращения: 10.04.2025).
Bityanova, M.R. (1997). *Organization of psychological work at school*. Moscow: Sovershenstvo Publ. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001775794> (viewed: 10.04.2025).
4. Богданович, Н.В. (2016). Анализ основных профессиональных стандартов, предполагающих работу психологов в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях. *Психология и право*, 6(2), 1—12. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060201>
Bogdanovich, N.V. (2016). Analysis of the basic professional standards involving the work of psychologists in difficult and legally significant situations. *Psychology and Law*, 6(2), 1—12. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060201>
5. Богданович, Н.В., Делибальт, В.В. (2015). Специфика основных направлений деятельности психологов в системе профилактики правонарушений и защиты интересов детей. В: З.Ф. Драгункина, В.В. Рубцов, Г.В. Семья, А.С. Дубовик, А.А. Шведовская (ред.), *Итоги и перспективы реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы. Сборник материалов конференции* (с. 91—92). М.: ГБОУ ВПО МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/national_strategy/ (дата обращения: 10.04.2025).
Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V. (2015). The specifics of the main activities of psychologists

<p>Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025) Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 1) <i>Психология и право</i>, 15(2), 250—264.</p>	<p>Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025) Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 1) <i>Psychology and Law</i>, 15(2), 250—264.</p>
---	--

in the system of crime prevention and protection of children's interests. In: Z.F. Dragunkina, V.V. Rubtsov, G.V. Semya, A.S. Dubovik, A.A. Shvedovskaya (Eds.), *Results and prospects for the implementation of the most important provisions of the National Strategy of Action for Children for 2012-2017. Collection of conference materials* (pp. 91—92). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. Publ. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/national_strategy/ (viewed: 10.04.2025).

6. Богданович, Н.В., Делибальт, В.В. (2016). Технология супервизорского анализа психологических тренингов. В: А.В. Шаболтас, Н.В. Гришина, С.В. Медников, Д.Н. Волков (ред.), *Ананьевские чтения – 2016: Психология: вчера, сегодня, завтра: материалы международной научной конференции, 25—29 октября 2016 г.: В 2 томах. Том 1* (с. 53—55). СПб: ИД «ФАРМиндекс». URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=yuwqml> (дата обращения: 10.04.2025).
Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V. (2016). The technology of supervisor analysis of psychological trainings. In: A.V. Shaboltas, N.V. Grishina, S.V. Mednikov, D.N. Volkov (ed.), *Ananyevskie Chteniya — 2016: Psychology: yesterday, today, tomorrow: proceedings of the international scientific conference, October 25—29, 2016: In 2 vol. Vol. 1* (pp. 53—55). Saint Petersburg: FARMindeks Publishing House. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=yuwqml> (viewed: 10.04.2025).
7. Богданович, Н.В., Делибальт, В.В. (2020). Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях. *Психология и право*, 10(2), 1—14. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100201>
Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V. (2020). Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in Educational Institutions. *Psychology and Law*, 10(2), 1—14. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100201>
8. Богданович, Н.В., Делибальт, В.В., Дегтярёв, А.В. (2012). К вопросу обоснования модели профессиональной деятельности. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 4(2), 1—14. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n2/53517 (дата обращения: 10.04.2025).
Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V., Degtyarev, A.V. (2012). To the question of justification of the model of the professional activity of legal psychologist. *Psychological Science and Education*, 4(2), 1—14. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n2/53517 (viewed: 10.04.2025).
9. Богданович, Н.В., Делибальт, В.В., Дегтярёв, А.В. (2022). Тренинги офлайн или онлайн: тенденции в подготовке юридических психологов. *Психология и право*, 12(2), 224—238. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120216>
Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V., Degtyarev A.V. (2022). Online and Offline Training: Trends in Education of Special-ists in the Field of Forensic and Legal Psychology. *Psychology and Law*, 12(2), 224—238. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120216>
10. Болотова, А.К. (2020). *Настольная книга практикующего психолога: практическое пособие* (2-е изд., испр. и доп.). М.: Юрайт. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42653949> (дата обращения: 10.04.2025).
Bolotova, A.K. (2020). *The desktop book of a practicing psychologist: a practical guide* (2nd rev. and exp. ed). Moscow: Yurait Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42653949> (viewed: 10.04.2025).

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025) Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 1) *Психология и право*, 15(2), 250—264.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025) Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 1) *Psychology and Law*, 15(2), 250—264.

11. Бурлачук, Л.Ф. (2012). *Психодиагностика: учебник для вузов* (2-е изд.). СПб: Питер.
Burlachuk, L.F. (2012). *Psychodiagnostics: a textbook for universities* (2nd ed.). Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
12. Бячкова, Н.Б. (Сост.). (2020). *Психологическое консультирование и психотерапия. Раздел «Супервизия». Хрестоматия: учебно-методическое пособие*. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/byachkova-psih-konsult-supervizia.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).
Vyachkova, N.B. (Ed.). (2020). *Psychological counseling and psychotherapy. The "Supervision" section. Textbook: an educational and methodical manual*. Perm: Perm State National Research University Publ. (In Russ.). URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/byachkova-psih-konsult-supervizia.pdf> (viewed: 10.04.2025).
13. Вачков, И.В. (2007). *Психология тренинговой работы: содержательные, организационные и методические аспекты ведения тренинговой группы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. М.: Эксмо. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003037260> (дата обращения: 10.04.2025).
Vachkov, I.V. (2007). *Psychology of training work: substantive, organizational and methodological aspects of conducting a training group: a textbook for students of higher educational institutions*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003037260> (дата обращения: 10.04.2025).
14. Дворянчиков, Н.В., Делибальт, В.В., Казина, А.О., Лаврешкин, Н.В., Вихристюк, О.В., Гаязова, Л.А., Власова, Н.В., Богданович, Н.В., Чернушевич, В.А., Чиркина, Р.В., Банников, Г.С. (2018). *Организация просветительской работы с родителями по вопросам профилактики девиантного поведения. Методические рекомендации для руководителей образовательных организаций*. М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/devbehprevention2018/> (дата обращения: 10.04.2025).
Dvoryanchikov, N.V., Delibalt, V.V., Kazina, A.O., Lavreshkin, N.V., Vikhristyuk, O.V., Gayazova, L.A., Vlasova, N.V., Bogdanovich, N.V., Chernushevich, V.A., Chirkina, R.V., Bannikov, G.S. (2018). *Organization of educational work with parents on the prevention of deviant behavior. Methodological recommendations for heads of educational organizations*. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. (In Russ.). URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/devbehprevention2018/> (viewed: 10.04.2025).
15. Делибальт, В.В., Богданович, Н.В. (2017). Психосоциальная реабилитация несовершеннолетних, попавших в юридически значимые ситуации, как задача культурно-исторической психологии. *Культурно-историческая психология*, 13(3), 41—50. <https://doi.org/10.17759/chp.2017130306>
Delibalt, V.V., Bogdanovich, N.V. (2017). Psychosocial Rehabilitation of Minors Caught in Legally Significant Situations as an Issue of Cultural-Historical Psychology. *Cultural-Historical Psychology*, 13(3), 41—50. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2017130306>
16. Есипов, М.А. (2019). Изменение представлений студентов-первокурсников о конфликте с помощью обучающего психологического тренинга. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8(4), 295—298. <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0804-0069>
Yesipov, M.A. (2019). Transformation of conflict perception among first-year students by means

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025) Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 1) *Психология и право*, 15(2), 250—264.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025) Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 1) *Psychology and Law*, 15(2), 250—264.

of a training group. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 8(4), 295—298. (In Russ.). <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0804-0069>

17. Законопроект № 846497-8 Об основах регулирования психологической деятельности в Российской Федерации (2025). М. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/846497-8> (дата обращения: 10.04.2025).
Draft Law No. 846497-8 On the Basics of Regulating Psychological Activity in the Russian Federation (2025). Moscow. (In Russ.). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/846497-8> (viewed: 10.04.2025).
18. Леонтьев, Д.А., Иванченко, Г.В. (2008). *Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл*. М.: Смысл. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000010764> (дата обращения: 10.04.2025).
Leontiev, D.A., Ivanchenko, G.V. (2008). *Comprehensive humanitarian expertise: methodology and meaning*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000010764> (viewed: 10.04.2025).
19. Макаренко, О.В. (2014) Психологический сравнительный анализ традиционных и современных образовательных технологий. В: *Образование и наука: современное состояние и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Тамбов, 31 июля 2014 года: В 6 частях. Часть 5* (с. 90—91). Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком». URL: <https://elibrary.ru/sukcgn> (дата обращения: 10.04.2025).
Makarenko, O.V. (2014) Psychological comparative analysis of traditional and modern educational technologies. In: *Education and Science: current state and development prospects: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Tambov, July 31, 2014: In 6 parts. Part 5* (pp. 90—91). Tambov: Yukom Consulting Company LLC Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/sukcgn> (viewed: 10.04.2025).
20. Мещеряков, Б.Г., Зинченко, В.П. (Ред.). (2007). *Большой психологический словарь* (3-е изд., доп. и перераб.). СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК.
Meshcheryakov, B.G., Zinchenko, V.P. (Eds.) (2007). *The Great Psychological Dictionary* (3rd suppl. and rev. ed.). Saint Petersburg: Prime-EUROZNAK Publ. (In Russ.).
21. Немов, Р.С. (2007). *Психологический словарь*. М.: Гуманитарно-издательский центр «ВЛАДОС». URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003395136> (дата обращения: 10.04.2025).
Nemov, R.S. (2007). *Psychological Dictionary*. Moscow: VLADOS Humanitarian Publishing Center. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003395136> (viewed: 10.04.2025).
22. Опубликован вариант проекта закона о психологической деятельности (2024, Июль 25). *Психологическая газета*. URL: <https://psy.su/feed/12456/> (дата обращения: 10.04.2025).
A version of the draft law on psychological activity has been published (2024, July 25). *Psychological Newspaper*. (In Russ.). URL: <https://psy.su/feed/12456/> (viewed: 10.04.2025).
23. Осипова, А.А. (2002). *Общая психокоррекция: учебное пособие*. М.: Сфера. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000638729> (дата обращения: 10.04.2025).
Osipova, A.A. (2002). *General psychocorrection: a textbook*. Moscow: Sphere Publ. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000638729> (viewed: 10.04.2025).
24. Сафуанов, Ф.С. (1998). *Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: научно-практическое пособие*. М.: Смысл; Гардарика. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001803171> (дата обращения: 10.04.2025).

Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В. (2025) Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 1) *Психология и право*, 15(2), 250—264. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001803171> (viewed: 10.04.2025).

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025) Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 1) *Psychology and Law*, 15(2), 250—264. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001803171> (viewed: 10.04.2025).

Safuanov, F.S. (1998). *Forensic psychological examination in criminal proceedings: a scientific and practical guide*. Moscow: Smysl Publ., Gardarika Publ. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001803171> (viewed: 10.04.2025).

25. Сидоренко, Е.В. (2007). *Технологии создания тренинга: от замысла к результату*. СПб: Речь. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003150501> (дата обращения: 10.04.2025).
Sidorenko, E.V. (2007). *Technologies for creating training: from concept to result*. Saint Petersburg: Rech' Publ. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003150501> (viewed: 10.04.2025).
26. Созаев, К.Г. (2017). Проблемы профориентации и выбора профессии в контексте учебно-познавательной деятельности учащихся школ и студентов вузов РСО-Алания. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 4(77), 313—318. URL: <https://oreluniver.ru/public/file/archive/4-77.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).
Sozayev, K.G. (2017). Problems of vocational guidance and choice of profession in the context of educational and cognitive activity of pupils and university students in North Ossetia-Alania. *Scientific Notes of Orel State University*, 4(77), 313—318. (In Russ.). URL: <https://oreluniver.ru/public/file/archive/4-77.pdf> (viewed: 10.04.2025).
27. Успенский, В.Б., Чернявская, А.П. (2003). *Введение в психолого-педагогическую деятельность: учебное пособие*. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002417187> (дата обращения: 10.04.2025).
Uspensky, V.B., Chernyavskaya, A.P. (2003). *Introduction to psychological and pedagogical activity: a textbook*. Moscow: VLADOS-PRESS Publ. (In Russ.). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002417187> (viewed: 10.04.2025).

Информация об авторах

Богданович Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Делибалт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Дегтярёв Артем Викторович, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Information about the authors

Natalia V. Bogdanovich, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярёв А.В. (2025) Обсуждаем закон о психологической помощи: направления и виды деятельности психолога (Часть 1) *Психология и право*, 15(2), 250—264. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. (2025) Discussing the law on psychological assistance: directions and types of activities of a psychologist (Part 1) *Psychology and Law*, 15(2), 250—264.

Varvara V. Delibalt, Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Artem V. Degtyarev, Senior Lecturer of the Department of Forensic and Clinical Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Вклад авторов

Богданович Н.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; подбор списка источников.

Делибальт В.В. — обсуждение и корректировка рукописи; описание ключевых слов; оформление рукописи; оформление списка источников.

Дегтярёв А.В. — сбор и анализ данных; перевод аннотирования и ключевых слов; оформление транслитерации.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Natalia V. Bogdanovich — research ideas; annotation, writing and design of the manuscript; selection of the list of sources.

Varvara V. Delibalt — discussion and correction of the manuscript; description of key words; manuscript design; drawing up the list of sources.

Artem V. Degtyarev — data collection and analysis; translation of the abstract and key words; transliteration design.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 24.03.2025
Поступила после рецензирования 14.04.2025
Принята к публикации 15.04.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025.03.24
Revised 2025.04.14
Accepted 2025.04.15
Published 2025.06.30